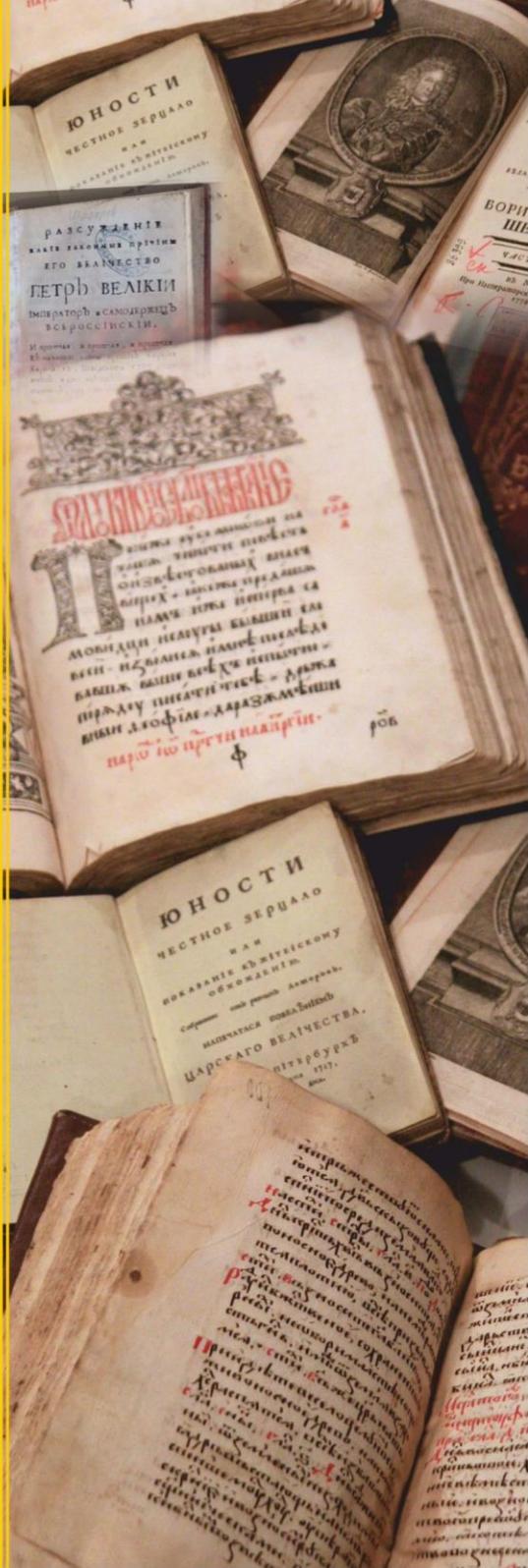

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ «ОРЛОВСКОГО БИБЛИОФИЛА»

ОРЕЛ • 2016

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ
«ОРЛОВСКОГО
БИБЛИОФИЛА»

ОРЁЛ
2016

ББК 78.3

УДК [00.2:090.11]

3 - 81

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

Проект Правления клуба «Орловский библиофил»

Научный редактор – В.Е. Лаврушин

Ответственный за выпуск – В.В. Ефремова

Составители: Л.И. Бородина, А.В. Воробьев, Ю.В. Жукова,

М.В. Игнатова

Золотые страницы «Орловского библиофила» : сб. / [БУКОО «Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И.А. Бунина», Клуб «Орловский библиофил» ; сост. Л.И. Бородина, А.В. Воробьев, Ю.В. Жукова, М.В. Игнатова ; науч. ред. В.Е. Лаврушин]. – Орёл : Издательский Дом «ОРЛИК», 2016. – 308 с. : ил.

В сборник «Золотые страницы «Орловского библиофила» включены избранные статьи из восьми выпусков альманаха «Орловский библиофил», выпущенных клубом «Орловский библиофил» в 1984–2008 гг. Первые шесть выпусков осуществлялись машинописным способом в 2–4 экземплярах; выпуски 7 и 8 осуществлены типографским способом тиражом 100 экземпляров.

Выборка статей для публикации в данном сборнике осуществлялась с учетом современной значимости и актуальности начальной публикации в альманахе. Приоритет отдавался статьям, не публиковавшимся впоследствии.

Группировка материала осуществлена по традиционным разделам, принятым в альманахе «Орловский библиофил». Знаком астериска «*» отмечены сноски на публикации статей в альманахе «Орловский библиофил». Тексты статей и библиографические ссылки внутри статей даны в оригинальной редакции.

Сведения об авторах представлены на момент публикации их статей в альманахах «Орловский библиофил».

Открывает сборник статья действующего председателя клуба В.В. Ефремовой.

ISBN 978-5-91468-193-4

- © БУК ОО «Орловская областная научная универсальная публичная библиотека имени И.А. Бунина», 2016
- © Клуб «Орловский библиофил», 2016
- © Издательский Дом «ОРЛИК», 2016

«ОРЛОВСКИЙ БИБЛИОФИЛ».
ПЕРЕШАГНУВ
35-ЛЕТНИЙ РУБЕЖ

Книголюб – это не профессия, а состояние души – души преданной, возвышенной и бескорыстной.

Д.С. Лихачев

Все достижения цивилизации можно легко разместить на книжных страницах. Книга – вечный спутник человека, его учитель, наставник, добрый советчик и преданный друг. С античных времен в каждом поколении выделяется особая категория людей, посвятивших всю свою жизнь бескорыстному и преданному служению книге. Этих людей называют библиофилами, и именно они, хранители древних, покрытых пагиной времени фолиантов, связывают воедино культурно-исторической, духовной традицией разные эпохи, страны и народы. Библиофильство – это не профессия, это – призвание, состояние души, чувство сопричастности с вечным, непреходящим Знанием, отображенным типографской краской на ветхом бумажном листе.

Любовь к книге объединяет людей разных профессий, возрастов и вероисповеданий. Библиофилы – самоотверженные ценители, собиратели и хранители книжных изданий – способствуют сохранению и музеефикации редких фолиантов. Осознавая ценность книг, они способны делиться радостью приобщения к книжным изданиям. Был книголюбом И.С. Тургенев, отдавший под библиотеку самую большую комнату в доме и щедро даривший книги близким людям. Был книголюбом прославленный генерал Отечественной войны 1812 г. А.П. Ермолов, научившийся в отставке любовно переплетать свои книги.

Служители и ценители книг испытывают потребность общаться друг с другом, обсуждать книжные раритеты и новинки, поддержи-

вать просветительские и издательские инициативы. Именно с этой целью в 1980 году в Орле, при Орловской областной библиотеке им. Н.К. Крупской был организован клуб «Орловский библиофил», объединивший в своих рядах краеведов, писателей, преподавателей вузов, музейных, архивных и библиотечных работников, журналистов, рабочих, инженеров, художников и врачей. На протяжении 35 лет клуб в неизменном виде сохранил свой статус общественной организации с собственным Уставом, Правлением и Председателем, избираемым всеми членами клуба. Первым председателем «Орловского библиофила» стал мастер газовой службы завода «Текмаш» А.С. Захаров – знаток книги, владелец уникальной библиотеки и замечательный переплетчик. С того времени прошло более 280 заседаний клуба, на которых в разные годы выступали известные книголюбцы и библиофилы: О.Г. Ласунский, А.П. Толстяков, В.А. Петрицкий, А.С. Захаров; литературоведы: Н.М. Чернов, В.А. Громов; писатели: О.Н. Михайлов, В.М. Катанов, В.П. Дронников, А.И. Лысенко, А.И. Кондратенко; краеведы: В.Г. Емельянов, О.П. Власова, В.Г. Сидоров, В.И. Воробьев, О.Н. Попов, В.А. Власов, В.П. Еремин, Е.Н. Ашихмина, А.Ю. Саран; профессора и преподаватели вузов: В.А. Ливцов, Там. Д. Крылова, Таг. Д. Крылова, С.Т. Минаков, А.С. Минаков, М.В. Антонова, Д.В. Аронов, Г.А. Тюрин; архивисты: О.М. Трохина, О.С. Пантелеева, Н.А. Долгорукова, Л.М. Кондакова; музейные работники: Н.М. Кирилловская, А.В. Гольцова, В.В. Титова, Л.В. Иванова, Т.А. Тимашева; художники: В.М. Неделин, В.М. Ромашов, А.А. Шевченко, А.Л. Мазин; архитекторы: С.И. Федоров, К.А. Седойкина; врачи: В.Л. Цветков, Е.М. Гапеев, А.В. Сулевский, А.И. Медведев; коллекционеры: В.П. Матвеев, В.Е. Лаврушин, И.А. Красноносос и многие другие.

Все проведенные заседания клуба можно сгруппировать по тематическим циклам: «Книжное дело на Орловщине», «История Орловского края», «Деятели книги – наши земляки», «Библиофильская мозаика», «Презентация книг орловских издательств», «Книжные собрания выдающихся орловцев», «Памяти книголюбцов и краеведов», «Художник и книга». Традиционно каждое заседание «Орловского библиофила» щедро иллюстрировано выставками печатных, рукописных и изобразительных материалов из фондов областной библиотеки, государственного архива Орловской области, орловских музеев и частных коллекций, обзоры которых проводят сотрудники краеведческого отдела областной библиотеки.

С первых дней существования клуба «Орловский библиофил» правление организации осознавало, что практически все выступления на заседаниях клуба являются итогами серьезной поисковой, исследовательской работы. В связи с этим в 1985 году председатель клуба А.С. Захаров, член союза писателей В.М. Катанов при поддержке директора Областной библиотеки В.Г. Сидорова инициировали собствен-

ное машинописное издание альманаха «Орловский библиофил». В настоящее время вышло восемь номеров альманаха. Шесть выпусков, напечатанных на машинке под копирку и переплетенных вручную, вышли очень ограниченным тиражом, что позволяет считать их редкими и уникальными изданиями. Один из выпусков альманаха посвящен первому орловскому историку Д.И. Басову. В других помещены: рукописи И.М. Пухальского «История Ильинки», воспоминания об орловских краеведах Г.М. Пясецком и А.К. Юрасовском, дневник дочери декабриста С.П. Трубецкого – З.С. Свербеевой, записки священника И. Лукьянова, посетившего Орел в начале XVIII столетия, малоизвестные факты из жизни генерала А.П. Ермолова, записки пленного вюртембергского офицера об Орле, Ельце и Ливнах 1814 года, письма И.И. Срезневского из Орла и Мценска 1839 года, орловская часть дневника Великого князя Константина Константиновича Романова, анонимная поэма об орловском губернаторе В.И. Сафоновиче, воспоминания о библиографе И.И. Самодуровой, материалы из литературного наследия библиотековеда и библиографа В.Н. Денисьева, материалы по истории библиотеки орловской губернской гимназии. Несомненно, альманах вносит определенный вклад в развитие краеведения и книговедения, сохраняя наиболее интересные документы по истории края.

Шестой номер альманаха, выпущенный в 1991 году, посвящен памяти А.С. Захарова, после смерти которого клуб «Орловский библиофил» возглавил В.Г. Сидоров, директор Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской (с 1992 г. – библиотека им. И.А. Бунина) с 1967 по 1991 гг., библиофил, краевед, известный коллекционер. На протяжении 17 лет (с 1991 по 2008 гг.) он руководил деятельностью клуба, который в это время завоевал еще большую популярность среди широкой культурной общественности области. В первое десятилетие нового тысячелетия теперь уже типографским способом и большим тиражом были напечатаны седьмой и восьмой номера альманаха «Орловский библиофил». Седьмой выпуск альманаха был посвящен 70-летию В.Г. Сидорова.

Сборник «Золотые страницы «Орловского библиофила» включает в себя лучшие статьи из всех номеров альманаха за его долгую историю. Издание хорошо проиллюстрировано, адресовано не только корифеям библиофильства и краеведения, но и всем ценителям книжной культуры. Оно, без сомнения, послужит развитию и изучению имеющего славные традиции книжно-краеведческого движения на Орловщине.

Вера Витальевна Ефремова,
 председатель клуба «Орловский библиофил»,
 директор Орловского объединенного
 государственного литературного музея И.С. Тургенева

А.С. Захаров

РОДНАЯ СТАРИНА*

Клуб книголюбов при областной библиотеке им. Н.К. Крупской «Орловский библиофил» в январе 1984 года отметил свой небольшой юбилей – 25 заседание. Все встречи сопровождались выставками книг, иллюстративными и другими материалами, связанными с темами докладов или сообщений.

Тщательно были подготовлены выставки: «Орел в старинных книгах XVIII века», «История города Орла на старых открытках и в старых изданиях». Интересной была экспозиция к докладу автора книги «Литературные места Орловщины» Н.М. Чернова «Об этапах становления книжной культуры в Орловском крае».

Но самой удачной следует назвать последнюю выставку. На ней были представлены книги, журнальные и газетные публикации и открытки с видами Орла и городов губернии из личных собраний книголюбов и фондов областной библиотеки. Тема ее «Дореволюционная история Орловского края».

Все, кто побывал на этой выставке, совершили приятное путешествие в историю родной Орловщины с древних времен до

** Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1984. Вып. 1*

революции. Экскурсоводами на ней были известные краеведы города В.Г. Сидоров и В.М. Катанов.

Судьба жестоко обошлась с провинциальными изданиями, вышедшими вплоть до тридцатых годов нашего столетия. Во-первых, само время и события этого времени подвергли уничтожению большую часть книг. Во-вторых, по узко местному характеру материала они не были предметом коллекционирования и лишь за редким исключением сохранялись у библиофилов и случайно у старожилов города. Поэтому все книги, показанные на выставке, представляют большую редкость. Не случайно ни областная библиотека, ни краеведческий музей и ни одно частное собрание не имеют полного подбора орловских изданий этого периода. Надо отдать должное организаторам и устроителям выставки за редкую возможность не только увидеть эти сокровища, но и подержать их в руках, сделать необходимые выписки.

Мы подчас незаслуженно забываем имена тех, кто сохранил для нашей памяти запечатленное в книгах историческое прошлое Орловского края.

Имя Дмитрия Ивановича Басова (1776–1868) известно, видимо, небольшому кругу краеведов и любителям орловской старины. Он торговал лекарственными травами старинными книгами в Торговых рядах. За свою долгую жизнь слышал немало легенд и рассказов о прошлом Орла. Все это и свои наблюдения записывал в толстую тетрадь. После смерти краеведа его рукопись побывала в руках многих исследователей. Первым из них был известный петербургский литератор Н.И. Надеждин. Отрывки он напечатал в журнале «Северное обозрение» за 1849 год. Позднее рукопись перешла к П.И. Якушкину, который также опубликовал некоторые выписки в журнале «Современник» за 1861 год. В настоящее время записки хранятся в ЦГАЛИ. Приходится сожалеть, что они до сих пор полностью не изучены и не прокомментированы.

Изучение прошлого Орловского края стало делом жизни для многих краеведов. К ним следует отнести Г.М. Пясецкого. Его работы обогатили наше краеведение. Это – «Исторические очерки города Орла», «История Орловской епархии», труды по истории Болхова, Брянска, Ельца, Кром, Ливен, Севска и множество публикаций в периодической печати.

Об Орловщине глубокой древности повествует очерк, написанный председателем ученой архивной комиссии А.Н. Шуль-

гиним, под названием «Минувшее Орловского края». Приятно было видеть эту книгу с надписью автора.

Одной из старых книг на выставке были «Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 годах». Издана она императорской Академией наук в 1787 году. В своих записках автор, академик, детально описал расположение населенных пунктов, которые встречались на его пути, в том числе Орла, Мценска и других городов и сел нашего края. Немалый интерес представляют описания достопримечательностей жизни и быта жителей. Удивительна судьба экземпляра этой книги. Первым ее владельцем был крупнейший библиофил XVIII века, генерал-лейтенант П.К. Хлебников. После его смерти книга перешла к не менее известному собирателю, его внуку С.Д. Полторацкому. В настоящее время она находится в собрании орловского книголюбца В.Е. Лаврушина.

Необычный интерес вызвала книга с интригующим названием «Былые чудаки в Орловской губернии». В ней собраны легенды и были из жизни страстного охотника Н.В. Киреевского, основателя орловского театра С.М. Каменского, помещицы В.П. Тургеновой – матери великого писателя, известной своей жестокостью, князя Куракина и других. Автор книги – болховский помещик А.К. Юрасовский, личность не менее оригинальная, чем его герои. Экземпляр «Былых чудаков» долгое время хранился в библиотеке старейшего московского библиофила М.И. Чуванова и, естественно, был мечтой автора этих строк. И, как всегда бывает среди истинных книголюбов, Михаил Иванович в один из моих приездов немного с грустью вытащил из стола заветную книгу, сделал на ней надпись «Орловцу, другу по собиранию редких книг» и передал ее для жительствова, где она была издана в 1909 году.

Орловцы всегда с глубокой любовью относились к историческому и культурному прошлому своего города. В 1897 году при Орловской ученой архивной комиссии был открыт губернский музей. Большая часть его фондов была составлена из пожертвованных горожан.

С какой радостью увидел я небольшую книжечку с рисованной обложкой и заглавием, написанном славянской вязью, «Спи-

сок жертвователей в Орловский музей». Орел, 1899. Составили ее и издали первые хранители музея К.В. Фери и Ф.Ф. Похвалинский. Среди тех, кто подарил книги музею, не только состоятельные жители города, но и простые люди, мещане, студенты. Не оказались в стороне и книголюбы. В списке встречаем имя Н.П. Барышникова, болховского помещика, владельца редкостной библиотеки, автора книги о пребывании Екатерины II в Орловской губернии и многих исторических статей из быта орловского дворянства, опубликованных в журналах «Русский архив» и «Русская старина». Говорили, что он послужил И.С. Тургеневу прообразом Лаврецкого в «Дворянском гнезде». Здесь и орловский купец Н.Г. Воронков, собиратель старопечатных книг и древних рукописей, и священник Илья Ливанский, которому сан не мешал писать светские стихи.

На одном из заседаний «Орловского библиофила» было решено выпустить каталог интересной выставки.

М.М. Богданович

РУКОПИСНЫЙ АЛЬМАНАХ «ОРЛОВСКИЙ БИБЛИОФИЛ»: ИСТОРИИ БИБЛИОФИЛЬСТВА НА ОРЛОВЩИНЕ*

Библиофильские периодические издания – малоизученный пласт отечественной книжной культуры. А между тем, их вклад в историю книги, книговедение, библиотековедение, краеведение и иные гуманитарные науки трудно переоценить. По причине присущей библиофильству определенной закрытости, элитарности, а также в силу различных социально-экономических условий, распространение библиофильской периодики сильно ограничено. Особенно это касается изданий, созданных машинописным способом, на ротапринте, ксероксе: воспользоваться помещенной в них информацией затруднительно из-за предельно малого тиража (2–7 экземпляров). Поэтому важно не забывать об этих, как правило, бесценных источниках информации, дать возможность

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2006. Вып. 8

исследователям других областей книжного дела воспользоваться ими.

Один из таких машинописных альманахов – «Орловский библиофил». Наряду с «Воронежским библиофилом» (1973–1974), созданным трудами О.Г. Ласунского, он оставил яркий след в общей палитре библиофильской периодики 1970–80-х гг. (В настоящее время эти два альманаха представляют исключительную библиофильскую редкость и полностью доступны только в государственных книгохранилищах.)

Орловский альманах имеет, на наш взгляд, самую необычную из всех машинописных альманахов историю. Первый выпуск (на правах рукописи) появился в 1985 г., в пятилетие со дня создания клуба «Орловский библиофил», по инициативе председателя клуба А.С. Захарова (составителями обозначены А.С. Захаров и В.М. Катанов, член Союза писателей)¹. В его создании принимали участие также члены орловского клуба книголюбов им. Н.М. Лескова. Главная задача издательского проекта состояла, во-первых, в утверждении современного орловского библиофильства как общественного явления, во-вторых, в том, чтобы осветить прошлое и настоящее книжного дела на Орловщине, деятельность библиофильских обществ Орла.

По мнению А.С. Захарова, «чтобы библиофильские клубы полезнее работали и успешнее множилось, чтоб оставался весомый след их работы новым поколениям книголюбов и, таким образом, было движение вперед, а не повторы уже сделанного ранее, каждому такому клубу, на мой взгляд, нужен свой, пусть машинописный, но непременно периодический (хотя бы ежегодный) альманах» (Вып. 1. С. 7–8). Альманах – это стимул для «кропотливой, заинтересованной познавательной-исследовательской работы», это «средств вовлечь каждого члена клуба в нее».

В предисловии А.С. Захаров предложил свое видение природы и задач клубов книголюбов («серьезное библиофильское общество»), изложил творческое кредо библиофилов: чем активнее в творческом плане члены подобных организаций, тем полновеснее вклад в культуру края или региона. Под культурой он понимает: «розыск и реставрация, описание и бережное хранение редчай-

¹ *Орловский библиофил : альманах. Вып. 1 / сост. А.С. Захаров, В.М. Катанов; ред. В.М. Катанов. – Орел, 1984. – 180 с., 1 л. ил. – 5 экз.*

ших книг и документов; ввод их в научный оборот с открытием доступа к ним научной общественности; углубленное развитие краеведения и литературоведения, включая также фольклорные изыскания; пропаганда Книги, краеведческих и производственно-отраслевых знаний» (Вып. 1. С. 7). «Само целеустремленное, научно обоснованное книжное собирательство – важная отрасль человеческой культуры» (Вып. 1. С. 18).

Размышляя о книжной и собирательской культуре, Захаров выделил, на его взгляд, самое важное: «почти все, что делали и делают ныне клубы библиофилов, особенно их наиболее деятельные члены, остается в конечном счете людям. Это уникальные порой, собранные с любовью и знанием дела, личные библиотеки; это труд, вложенный в научно-практические изыскания, в интересные и полезные публикации; это, наконец, непосредственное участие в воспитании молодежи, передаче ей эстафеты книжной культуры и многообразии патриотической работы» (Вып. 1. С. 7).

Таким образом, составитель не только обосновал причины выпуска машинописного альманаха, но и высказал мнение о природе книгособирательства и деятельности клубов книголюбов. В материале «Библиофильство на Орловщине» А.С. Захаров дал краткий обзор истории книжного собирательства Орловского края, которое неразрывно связано с краеведением: «почти все краеведы – страстные библиофилы» (Вып. 1. С. 18).

В первый выпуск вошли 19 статей (включая предисловие «От составителей» и заметки «Орловская старина») 13 авторов. Из них по 4 материала принадлежат перу А.С. Захарова и В.М. Катанова. Тематика сборника отражает многостороннюю книжную жизнь орловского края: материалы о краеведах, собирателях, библиотекарях, о деятельности клубов книголюбов (в частности о Клубе книголюбов им. Н.С. Лескова – хроника заседаний), о редких книгах, выпущенных на Орловщине или посвященных краю, и др. (см. Указатель содержания альманаха).

Тираж издания составлял всего пять экземпляров, но А.С. Захарова это не смущало, он писал в предисловии, что альманах «будет доступен книголюбам, так как один экземпляр непременно будет храниться в библиотеке клуба «Орловский библиофил» и им смогут пользоваться все» (Вып. 1. С. 5). Справочный аппарат включал именной указатель, сведения об авторах отсутствуют.

Оформлением сборников (до седьмого) занимался художник-график, директор художественной школы №5 города Орла В.И. Лебедев. Его трудами были созданы титульный лист, концовка и гравюра, резанные на линолеуме по рисунку автора. Переплеты изготовлял А.С. Захаров.

Второй выпуск появился в том же году². В.М. Катанов и А.С. Захаров теперь представляли «редколлегию», автором предисловия выступил историк литературы, тургеневед Н.М. Чернов. Как видно из описания альманаха, его справочный аппарат значительно увеличился. И связано это с тем, что основное содержание представляет собой нигде раньше не публиковавшаяся рукопись орловского старожила, краеведа Дмитрия Ивановича Басова «История о построении города Орла» 1837 г.

Рукопись обнаружил А.С. Захаров в Центральном государственном архиве литературы и искусства в 1960 г. — «толстая тетрадь в потрепанном картонном переплете. Кожаный корешок, кожаные углы, формат, примерно в восьмую долю. Около 150 листов плотной бумаги с водяными знаками 1828 года. <...> На некоторых листах оттиск личной печати и маргиналии одного из владельцев басовской тетради — ученого и библиофила И.А. Шляпкина» (Вып. 2. С. 3).

Описание публикуемого материала Н.М. Чернов изложил в предисловии «Судьба одной рукописи». «История о построении города Орла» была известна давно, сведения из нее часто и широко использовались. Впервые ее обнаружил, правда, в отрывках, журналист, издатель и критик Н.И. Надеждин в «Северном обозрении» за 1848 г. Через 12 лет извлечения из тетради были опубликованы в «Современнике» Н.А. Некрасова (в обработке писателя-фольклориста П.И. Якушкина в составе его «Путевых писем из Орловской губернии»). «Орловские губернские ведомости» тоже печатали отрывки. Впоследствии о рукописи забыли, полный ее состав был неизвестен, и считалось, что она вообще утрачена. Несмотря на изыскания орловских краеведов, «История» Басова «в полном составе широкому читателю и теперь еще неведома. Остается загадкой ее драматическая судьба» (Вып. 2.

² *Орловский библиофил : альманах. Вып. 2 / редколлегия В.М. Катанов, А.С. Захаров; предисл. Н.М. Чернов, вступ. ст., обработка текста и прим. В.М. Катанова ; примеч. А.С. Захарова. — Орел, 1984. — 225 с. — 4 экз.*

С. 4). Н.М. Чернов выдвинул следующую версию. В 1840-е рукопись приобрел (или получил в подарок) писатель и фольклорист П.В. Киреевский, живший недалеко от Орла. Эти сведения получены исследователем из неопубликованных записей брата Киреевского – В.А. Елагина. Чернов даже предположил, что «История» была создана по заказу первого владельца, кстати, собирателя старинных манускриптов. После смерти П.В. Киреевского его архив разбирал П.И. Якушкин, который в тот момент, скорее всего, и завладел рукописью. Чернов считает, что «беспечный и рассеянный» Якушкин подарил или потерял ее. В.А. Елагин даже пытался опубликовать объявление об отыскании утерянной семейной реликвии.

Только через 25 лет после находки рукописи Н.М. Чернов смог опубликовать ее полностью (по крайней мере то, что нашлось в архиве) в «Орловском библиофиле», несмотря на то, что «авторский текст Д.И. Басова труден для расшифровки. Он содержит много забытых терминов местной топонимики, непривычные слова и фразеологизмы» (Вып. 2. С. 6).

Публикаторы пошли дальше и, помимо точного воспроизведения «Истории», опубликовали ее адаптированный вариант, хотя «адаптация — дело рискованное. Тут неизбежны утраты в лексическом и диалектном богатстве рукописи, передающей разговорный язык горожан первой четверти XIX века». Но благодаря этому, как объясняет Н.М. Чернов, «исследователи, краеведы, журналисты получают удобочитаемый, пригодный для универсального использования исторический материал» (Вып. 2. С. 6).

В послесловии уже историю непосредственно публикации рассказал А.С. Захаров. В 1984 г. он и В.М. Катанов нашли копию рукописи в областном государственном архиве г. Орла. «Несколько дней, с раннего утра о закрытия архива, сидел Василий Михайлович, снимая копию для нашего сборника. Затем работал над комментариями, вступительным словом, исправлением текста» (Вып. 2. С. 184).

Однако ни Н.М. Чернов, ни остальные публикаторы не собирались останавливаться на достигнутом. «Только дальнейшие усилия позволят ввести в полном смысле в обиход такой ценный источник, как «История города Орла». Надо продолжить архео-

графическое и историко-культурное изучение рукописи, выявить архивные материалы, относящиеся к биографии Д.И. Басова, детально изучить исторические реалии, упоминаемые в «Истории», более основательно поработать над комментариями» (Вып. 2. С. 6—7). Насколько мы знаем, рукопись Басова так и осталась доступной в тех вариантах, какие мы имеем сегодня — в московском и орловском архивах и в машинописном библиофильском альманахе.

Появление тематического выпуска «Орловского библиофила» – свидетельство тесной связи между библиофильством и краеведением, собирательством и научным исследованием. Этой проблеме А.С. Захаров посвятил значительную часть послесловия: «Формы этого явления (библиофильства – М.Б.) разнообразны: от простого книжного собирательства (как начальной стадии), до глубокой исследовательской работы на основе своего собрания, в том числе архивных и других разысканий в области истории, литературы и культуры в целом.

Мы также не ставим границ между краеведением и библиофильством. Наоборот, в их соединении нам видится залог успеха.

Будучи основным центром объединения орловских библиофилов, наш клуб ставит своей задачей собирание воспоминаний, дневников, записок и других материалов, относящихся к истории и культуре края, в том числе сведения о частных книжных собраниях и их владельцах, составление картотеки орловских краеведов, деятелей культуры, литературы и искусства³ (Вып. 2. С. 183).

С этой целью при «Орловском библиофиле» была создана в 1983 г. секция краеведов и редколлегия, в обязанность которой входили отбор и редактирование материалов.

Третий выпуск альманаха вышел в 1985 г.⁴ Он принципиально отличается от двух предыдущих наличием материалов, посвященных не только орловской книжности: это, в частности, статьи В.А. Петрицкого, О.Г. Ласунского, Е.Д. Петряева.

³ Это начинание А.С. Захарова было реализовано: сейчас в Орле готовится третье издание справочника о деятелях книжной культуры Орловского края. Предыдущее издание: *Деятели книжной культуры Орловского края: биобиблиогр. указ. / сост. Р.И. Реутская, В.Г. Сидоров. 2-е изд., доп. и испр. – Орел: ИД «ОРЛИК», 2003. – 160 с. – 100 экз.*

⁴ *Орловский библиофил: альманах. Вып. 3 / сост. В.М. Катанов, А.С. Захаров. – Орел, 1985. – 202 с. – 4 экз.*

Открывается выпуск статьей Вилли Александровича Петрицкого, Санкт-Петербургского библиофила, теоретика и историка библиофильства, доктора наук. Статья «Раздумья о библиофильстве» посвящена истории появления письменности, книг, зарождению библиофильства, появлению первых библиотек и т.д. Во многих отношениях эту статью можно назвать программной, здесь В.А. Петрицкий исследует социальное значение библиофильства, его научную значимость: «Зарождение библиофильства способствовало зарождению письменности. Частные книжные собрания вели к созданию общественных библиотек. <...> Процесс обогащения общественных библиотек принесением в дар или продажей библиофильских собраний продолжается до нашего времени» (Вып. 3. С. 5–6). (Не так давно, в 1997 г., Вилли Александрович и сам передал в дар Отделу рукописей Российской национальной библиотеке свою коллекцию автографов писателей, ученых, общественных деятелей XIX–XX веков)⁵. «Библиофилы издавна спасали, спасают и ныне от уничтожения и забвения книги, рукописи, документы. <...> ...из недр библиофильских собраний всплывают подчас единственные дошедшие до нашего времени экземпляры изданий большого историко-культурного значения; в таких собраниях целенаправленно подбираются рукописи, документы, изобразительные материалы, в совокупности своей проливающие новый свет на неизвестные или малоизвестные явления культуры. Для того чтобы современный историк книги мог познакомиться с изданием далекого прошлого в его первозданном виде, ему чаще всего приходится обратиться к собранию библиофила, ибо именно в последнем издании сохраняются такими, какими они века назад сошли с печатного станка» (Вып. 3. С. 7–8).

Библиофильство, по мнению В.А. Петрицкого, оказывало влияние и на литературный процесс, т. к. именно периоды увлечения собирательством тех или иных жанров способствовало их развитию и увеличению числа работающих в этих жанрах литераторов.

Выводы В.А. Петрицкого о сути библиофильства «перекликаются» с мыслями А.С. Захарова, высказанными в предисло-

⁵ См.: «Врезанные в память письмена...»: каталог собрания рукописных материалов XIX–XX веков / сост. В.А. Петрицкий, Т.А. Богданова. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 1998. – 240 с. – 500 экз.

вии к первому сборнику, но масштаб их имеет национальный и даже общемировой характер: «1. Библиофильство обогащает национальные культуры и культуру мировую; оно содействует развитию и совершенствованию личностных качеств человека. 2. Библиофильство как элемент культуры может рассматриваться в качестве определенного фактора общественного прогресса» (Вып. 3. С. 12–13).

Статья другого известного собирателя, историка библиофильства, публициста, писателя Олега Григорьевича Ласунского⁶ «История одного альбома» включает несколько эссе. Первое посвящено истории путешествия альбома «Латышские художники экслибриса». Второй материал представляет собой вариант главы монографии об У.Г. Иваске. Третье – о миниатюрной кольцевииане (О.Г. Ласунскому принадлежит значительное количество публикаций о поэте А.В. Кольцове, уроженце Воронежа). «П.М. Дульский как тип провинциального художественного деятеля» – предисловие к неосуществленному изданию библиографического указателя, посвященного видному деятелю культуры Казани начала 20 в.

Подобные материалы позволяет сделать сразу несколько выводов. Во-первых, статьи «не орловцев» вывели альманах за рамки узколокального издания. Во-вторых, такие публикации означали интерес и признание «Орловского библиофила» в среде общероссийского библиофильского сообщества.

На 56 странице помещено объявление о том, что с третьего выпуска альманаха будут публиковаться материалы по истории орловского библиофильства, написанных как на основе личных воспоминаний и впечатлений авторов, так и собранных из различных источников.

Замысел А.С. Захарова состоял в том, чтобы осветить, в первую очередь, деятельность собирателей, оставивших след в истории культуры Орловского края. Другие имена должны были попасть в предварительный список собирателей книг на Орловщине. Список этот, к сожалению, так и не был опубликован, хотя известно,

⁶ О.Г. Ласунскому принадлежит едва ли не единственная статья о библиофильских краеведческих журналах. См.: Ласунский О.Г. *Современные любительские альманахи библиофильско-краеведческого содержания* / О. Г. Ласунский / *Петряевские чтения - 93: Тез. докл. к чтениям.* – Киров, 1993. – С. 3–4.

что А.С. Захаров работал над составлением «Словаря библиофилов» и «Указателя частных библиотек на Орловщине XVIII – начала XX века» (см. Вып. 6. С. 31). Часть этих материалов нашли отражение в статье «Орловские библиофилы и книжники».

Четвертый выпуск альманаха появился в 1986 году⁷.

В предисловии А.С. Захаров, подводя промежуточный итог трем вышедшим сборникам, заметил, что теперь содержание сборника привлекает внимание не только собирателей книг и библиофилов, но и музейных работников и работников культуры. Новым явлением в современном библиофильстве был назван альманах на Всесоюзной библиофильской конференции в Ленинграде 18–19 октября 1985 г. А.С. Захаров отметил также расширение круга авторов: теперь это известные в стране библиофилы, рядовые собиратели книг, краеведы и библиотечные работники, писатели и журналисты. Далее он коротко охарактеризовал помещенные статьи, отметив, что альманах «строится по тому же плану, что и предыдущие». Несмотря на то что весь выпуск посвящен старой книге, Захаров призывает обратить взгляд к современности: «не следует чрезмерно увлекаться одной лишь стариной. Надо видеть движение современного орловского книгоиздания, библиофильства, художественной и культурной жизни города и в той же мере отражать это на своих страницах, ибо сегодняшней день — завтра станет вчерашним» (Вып. 4. С. 4–5).

Из иногородних материалов надо отметить аннотированный указатель статей и заметок, составленный известным московским библиофилом А.А. Венгеровым, «Коллекционирование и собирательство на страницах журнала «Среди коллекционеров» (1921–1924 гг.)».

Предваряет этот материал вступление А.С. Захарова. Охарактеризовав историю и содержание журнала, он обосновывает необходимость подобной публикации крайне ограниченным тиражом журнала «Среди коллекционеров» и при этом пристальным вниманием к нему со стороны коллекционеров, искусствоведов, библиофилов, музейных работников. На наш взгляд, при тираже альманаха в 4 экземпляра данный материал мог оказаться доступным лишь узкому кругу заинтересованных жителей г. Орла.

⁷ *Орловский библиофил : альманах. Вып. 4 / сост. В.М. Катанов, А.С. Захаров. – Орел, 1986. – 185 с. – 4 экз.*

Из статей «локального характера» нужно указать на материал Т.Д. Крыловой, А.В. Блюма и А.С. Захарова «К истории возникновения книгопечатания в Орле». Подробный анализ с привлечением множества архивных источников делают эту статью крайне информативной и полезной для исследователей. Кроме того, это один из немногих материалов, снабженных многочисленными иллюстрациями (в основном, воспроизведений книжных обложек и титульных листов).

В «Орловском библиофиле» впервые был помещен полный текст рукописи И.М. Пухальского «Ильинка» (храниться в Государственном музее И.С. Тургенева), «где перед читателем проходит целая галерея типов орловских торговцев прошлого и начала нынешнего века, рассказывается о жизни и быте горожан этого времени, событиях, происходящих на площади».

В четвертом выпуске появилась рубрика «Хроника культурной жизни». В нее вошли в основном хроники заседаний орловских клубов книголюбов, отчеты о наиболее выдающихся заседаниях и др.

Пятый альманах появился в 1987 г.⁸ Это был последний выпуск, подготовленный А.С. Захаровым.

Открывался он материалом В.Г. Сидорова, настоящего председателя клуба «Орловский библиофил», – «Клуб книголюбов «Орловский библиофил»: опыт, поиски», в которой автор подвел итоги деятельности клуба за 6 лет. Автор уделил внимание и машинописному альманаху. В частности он отметил, что один из выпусков храниться в областной научной библиотеке им. И.А. Бунина, все материалы расписываются, включаются в справочный аппарат библиотеки, и «каждый посетитель может познакомиться с материалами альманаха» (Вып. 5. С. 10).

Помимо введенных в предыдущем выпуске «Хроник культурной жизни», в пятом появилась рубрика «Литературное наследство», в которой должны были печататься исторические документы и комментарии к ним. В пятом выпуске были помещены письма Л. Афонина к И. А. Красноносову и материал И.А. Красноносова о Леониде Николаевиче Афонине (1918–1975).

Впервые в научный оборот были введены воспоминания К.Г. Меркушкина о Зинаиде Сергеевне Свербеевой, написанные

⁸ *Орловский библиофил : альманах. Вып. 5 / сост. А.С. Захаров, В.М. Каштанов. – Орел, 1987. – 189 с. – 4 экз.*

в 1970 г. с комментариями А.С. Захарова. В качестве приложений приведены «Опись архива Свербеевых» (село Сетуха, Новосильский уезд, Тульской губернии) и «Опись имущества З.С. Свербеевой, поступившего в Орловское губарбюро после ее смерти».

Перепечатаны из «Калужских епархиальных ведомостей» за 1862 г. записки священника Иоана Лукьянова «Путешествие в святую землю московского священника Иоанна Лукьянова 1701–1702 гг.» с комментариями А.С. Захарова. Кстати, рукопись эта в свое время была приобретена в Орле для С.А. Соболевского.

Закрывает выпуск некролог А.С. Захарова о Е.Д. Петряеве.

18 марта 1991 г. скончался А.С. Захаров. О.Г. Ласунский в 1993 г. писал: «преждевременная смерть составителя и редактора прервала дальнейшую работу над альманахом. Но и того, что вышло, достаточно, чтобы имя А.С. Захарова осталось в истории российского библиофильства и краеведения»⁹. Казалось бы, альманах обречен. Но в 1995 г. появился шестой номер¹⁰, посвященный памяти А.С. Захарова.

Данный выпуск качественно отличался от предыдущих наличием рубрик (видимо, это связано с появлением в качестве составителя В.Г. Сидорова): «Памяти А.С. Захарова», «Библиотеки и библиофилы», «Люди и книги», «Минувшее Орловского края», «Клубу «Орловский библиофил» – 15 лет». Первая и последняя рубрики носили нерегулярный характер. Остальные заимствовали названия у «Альманаха библиофила» (редактор Е.И. Осетров). Материалы рубрики «Минувшее Орловского края» отражали деятельность секции краеведения клуба книголюбов.

Примечательна библиография материалов, в основном, местной печати, посвященная работе клуба «Орловский библиофил». Составленный Р.И. Реуцкой список имел следующие разделы: «Общие статьи о работе клуба», «Статьи и информация о заседаниях клуба», «Издания клуба».

Статьи, помещенные под рубрикой «Памяти А.С. Захарова», – это воспоминания людей, которые жили и работали рядом с Алексеем Серафимовичем, разделяли его страсть к книгособиранству.

⁹ Ласунский О.Г. *Современные любительские альманахи библиофильско-краеведческого содержания* / О. Г. Ласунский // *Петряевские чтения* '93: Тезисы докладов к чтениям. – Киров, 1993. С. 3–4

¹⁰ *Орловский библиофил: альманах. Вып. 6 / сост. В.Г. Сидоров, В.М. Катанов.* – Орел, 1995. – 185 с. – 2 экз.

Здесь интересны строки, относящиеся к рассматриваемому изданию.

В.М. Катанов «В светлом книжном мире»: «Пять томов «Орловского библиофила» – наше общее дело. Вместе обдумывали. Я редактировал, он переплетал и бегал в типографию, еще куда-то. Никогда не забыть, с каким воодушевлением делали мы том с «Историей» Басова. Рукопись в архиве я переписывал весь день, не отрываясь. Алексей поспешил сделать указатель. Достал фотокопии нескольких листов из авторской рукописи, хранящейся в Москве. Когда же готовился том с описанием орловских изданий, Захаров постарался его проиллюстрировать снимками титульных листов редчайших первых книг, для этого проник в самые заповедные места главной библиотеки страны. Для него не было преград» (Вып. 6. С. 7).

О.Г. Ласункий «Самородок»: «Это удивительный сборник, придуманный и осуществленный двумя чудаками-издателями А.С. Захаровым и писателем-книголюбом В.М. Катановым. Тираж альманаха – 4–6 экземпляров. Полный комплект хранится в Областной библиотеке им. Н.К. Крупской, отдельные выпуски поступали в Государственный музей И.С. Тургенева и краеведческий музей. Большинство материалов выросло из докладов и сообщений, сделанных на заседаниях «ОБ». Есть и работы, написанные специально для сборника такими авторами, как А.А. Венгеров (Москва), В.А. Петрицкий и А.В. Блюм (Ленинград), Е.Д. Петряев (Киров). В альманахе масса полезных публикаций: это обнаруженные в архивах записки старых краеведов, мемуары библиографов и библиотекаре о профессиональных проблемах, рассказы о книгах и книжниках.

А.С. Захарову принадлежит статья об архиве краеведа В.М. Лосева, краткий исторический очерк орловского библиофильства, портреты наиболее примечательных книжников прошлого и настоящего, повествование о собственных библиофильских находках. Уверен: эти и иные страницы машинописного альманаха со временем обретут статус ценнейших источников. Если бы начинание А.С. Захарова и В.М. Катанова было поддержано в прочих «культурных гнездах», какой массив забытых фактов был бы введен в исследовательских обо-

рот! Увы, далеко не в каждом крае найдется свой Захаров...» (Вып. 6. С. 15—16).

Седьмой выпуск вышел в 2000 г.¹¹ Он был подготовлен председателем клуба книголюбов «Орловский библиофил» В.Г. Сидоровым и ученым секретарем библиотеки им. И.А. Бунина Ю.В. Жуковой. Сборник напечатан под эгидой Управления культуры и искусств Администрации Орловской области, Орловской областной публичной библиотеки им. И.А. Бунина и клуба «Орловский библиофил». Посвящен альманах 70-летию заслуженного работника культуры, краеведа В.Г. Сидорова.

Автором предисловия выступил директор библиотеки им. И.А. Бунина В.В. Бубнов: «Настоящий седьмой выпуск альманаха «Орловский библиофил» – скромный знак признательности членов клуба, сотрудников библиотеки и администрации этому удивительному человеку, преемником которого на посту директора приятно себя осознавать. Авторами помещенных здесь статей являются члены клуба «Орловский библиофил». Большая часть материалов была представлена в качестве докладов на заседаниях клуба в период с октября 1995 г. по май 2000 г. В создании многих статей, особенно подготовленных сотрудниками библиотеки, принимал участие В.Г. Сидоров в качестве консультанта или рецензента».

Седьмой выпуск альманаха состоит из шести разделов: «Люди и книги», «Мир библиотек и издательств», «Листая прошлого страницы», «Строки минувшего», «Из литературного наследия В.Н. Денисьева», «Орловскому библиофилу 20 лет».

В новом качестве альманах значительно расширил свой читательский адрес и предназначался «для библиофилов, краеведов, библиотекарей, книговедов, историков, литературоведов, студентов гуманитарных вузов и всех интересующихся историей книжной культуры Орловщины».

Всего вышло семь выпусков, шесть машинописных (на правах рукописи) и один печатный. В них вошло более 110 материалов, включая статьи, стихотворения, библиографические списки и т.д.

Сегодня приятно сознавать, что дело Алексея Серафимовича Захарова продолжено – вышло еще два альманаха. Библиофиль-

¹¹ *Орловский библиофил : альманах. Вып. 7 / сост. В.Г. Сидоров, Ю.В. Жукова. – Орел, 2000. – 185 с. – 100 экз.*

ская и краеведческая жизнь в Орле продолжается, регулярно проходят встречи членов клуба любителей книги «Орловский библиофил». Все это дает нам возможность надеяться на появление следующих выпусков альманахов.

Итак, «Орловский библиофил» – это не только периодическое издание орловского клуба книголюбов, не только яркая история библиофильства на Орловщине, но источник публикаций, имеющих несомненное научное значение (например, рукопись Д.И. Басова, тематическая роспись журнала «Среди коллекционеров» А.А. Венгерова и другие материалы). Поэтому история и содержание журнала, на наш взгляд, могут оказаться полезными и библиофилам (историкам библиофильства), и исследователям из других областей книжного дела.

Указатель содержания альманаха «Орловский библиофил»¹²

Вып. 1

От составителей. С. 4–5

Краснонос И. А. Библиофильство — дело серьезное! С. 6–8

Сидоров В. Г. Орловские издания В. И. Ленина. С. 9–12

Долгорукова Н. А. Страницы «Красной книги». С. 13–16

[Об издательстве «Красная книга». Образовано в Орле 1 мая 1923 года]

Захаров А. С. Библиофильство на Орловщине. С. 17–39

[Об истории становления и развития библиофильства в Орловском крае, о библиофилах и частных собраниях]

Богданов Б. В. Библиотека И. С. Тургенева. С. 40–49

Захаров А. С. Друзья Л. Н. Афонина. С. 50–57

[Афонин Л. Н. — член Союза писателей СССР, пропагандист книги, автор очерков о книголюбях, редких изданиях, личных библиотеках, изучал творчество писателей-орловцев]

Катанов В. М. Заветная полка. С. 58–67

[О книгах по истории орловского края 19–20 вв.]

Дронников В. Другу-книголюбу В. М. Катанову [Стихотворение]. С. 68

Ласунский О. Г. Станкевич, Ласунский, Бунин... с. 70–74

¹² В 1986 г. вышла тиражом 25 экз. кн.: Указатель содержания альманаха «Орловский библиофил». Вып. 1—4 / сост. А.С. Захаров. — Орел, 1986. — 10 с.

- [О двух воронежско-орловских редкостях из библиотеки автора]
 Давидов В. И. Собираю фантастику. С. 75–78
 Козлов П. Увлеченность. С. 79–82
 [Об орловском библиофиле В. А. Власове]
 Васильев К. Имени Лескова. С. 83–90
 [Клуб книголюбов им. Н. С. Лескова (открыт 22 июня 1972 года при книжном магазине №1): хроника заседаний за 6 месяцев]
 Захаров А. С. Родная старина. С. 91–96
 [О выставке книг по истории орловского края клуба книголюбов «Орловский библиофил»]
 Михайлов В.¹³ Краевед Г. М. Пясецкий. С. 97–101
 [Пясецкий Г. М. — автор первой книги об Орле]
 Пясецкая Я. Л. Из воспоминаний. С. 102–110
 Шевелева Г. Библиограф И. И. Самодурова. С. 111–119
 [Самодурова И. И. — заведующая справочно-библиографическим отделом областной библиотеки им. Н. К. Крупской]
 Катанов В. М. Из книги памяти. С. 120–136
 [О книгах писателей-орловцев Е. К. Горбатова, И. М. Патенкова, В. А. Мильчакова, И. А. Иванова]
 «Орловская старина»: Из разных источников собраны и обработаны В. М. Катановым. С. 137–155
 [Серия коротких заметок литературоведческого характера]
 Именной указатель. С. 156–177
 Содержание. С. 178

Вып. 2

- «Памяти орловского летописца-краеведа Дмитрия Ивановича Басова посвящается»
 Чернов Н. М. История одной рукописи. С. 3–7
 [История рукописи орловского старожила, краеведа Дмитрия Ивановича Басова «История о построении города Орла»]
 Собко Л. Б. Яркое впечатление. С. 8–9
 [Короткое предисловие работника Государственного архива Орловской области Л.Б. Собко]
 Катанов В. М. Стихотворение. С. 11
 Катанов В. М. Тетрадь Д. И. Басов. С. 12–35

¹³ Псевдоним В.М. Катанова. Предположительно Васильев К. – также псевдоним В.М. Катанова.

- Басов Д. И. История города Орла. С. 36–98
Басов Д. И. История города Орла. Адаптированный вариант. С. 99–155
Примечания. С. 156–182
Послесловие. С. 183–185
Именной указатель. С. 186–211
Приложения
«Воеводы и осадные головы на Орле». С. 213–217
«Улицы, переулки, площади и слободы Орла». С. 218–224
Содержание. С. 225

Вып. 3

- Петрицкий В. А. Раздумья о библиофильстве. С. 4–13
Максимова Л. Е. Под крышей тургеневского музея. С. 14–23
[О музее-библиотеке И.С. Тургенева, созданном литературоведом и критиком М.В. Португаловым, ее директорам и фондах]
Малашенко П. В. Михаил Вениаминович Португалов. Некролог. С. 24–29
[Опубликовано в «Бюллетени Орловского губернского бюро краеведения». Орел. 1927. № 1–2]
Письмо из Крыма. С. 30–33
[«Получено из Евпатории от Бориса Александровича Ермака, бывшего директора Тургеневского музея»]; автобиография адресата]
Ласунский О. Г. История одного альбома. [Альбом «Латышские художники экслибриса» был подарен автору В.В. Тарноградским, который в свою очередь получил его от П.Н. Мартынова]. Книголюб У. Г. Иваск [Начало неосуществленной книги об У.Г. Иваске]. Миниатюрная кольцевидная. П. М. Дульский как тип провинциального художественного деятеля [«Настоящий материал представляет собою предисловие к неосуществленному изданию библиографического указателя, посвященного П.М. Дульскому»]. С. 34–55
Захаров А. С. Орловские библиофилы и книжники (З. В. Вельяминов-Зернов, Н. П. Барышников, Ф. Я. Студенников, В. Ф. Чеботарев, И. М. Пухальский, Ф. И. Ветров). С. 56–85
Мильчакова З. П. Библиотека писателя. С. 86–91
[О библиотеке писателя Владимира Андреевича Мильчакова]

- Катанов В. М. Дали русской истории. С. 92–105
 Воронков А. Н. Книга в моей жизни. С. 106–113
 Власова О. П. В доме декабриста. С. 114–116
 [О семье декабриста С.И. Кривцова и их библиотеке]
 Петряев Е. Д. Похвала книге. С. 117–122
 [Подборка изречений о книге]
 Воробьев В. И. Мой Ермолов. С. 123–140
 [О генерале Алексее Петровиче Ермолове — о разысканиях о нем в архивах и библиотеках]
 Захаров А. С. Архив краеведа. С. 141–146
 [Архив краеведа орловца Вячеслава Михайловича Лосева в ГПБ — РНБ]
 Красовский (Юрасовский) А. В. Мой прадед. С. 147–148
 [Краткая биографическая справка о прадеде автора Красовском Александре Константиновиче, авторе книги «Былые чудачки в Орловской губернии» (Орел, 1909)]
 Катанов В. М. Орловская старина. С. 149–178
 Хроника «Орловского библиофила» (25–35 заседание). С. 179–187
 Коротко об авторах. С. 188–189
 Именной указатель. С. 190–200
 Содержание. С. 201–202

Вып. 4

- Предисловие. С. 3
 Балыкова Л., Молозева А. Из библиотеки И. С. Тургенева. С. 6–18
 [О книжном собрании в Спассоком-Лутовинове]
 Молозева А. Дали давнего века. С. 19–26
 [О мемориальной библиотеке в Спасском-Лутовинове]
 Крылова Т. Д., Блюм А. В., Захаров А. С. К истории возникновения книгопечатания в Орле. С. 27–37
 [Фундаментальная историческая статья с иллюстрациями]
 Список книг, напечатанных в Орле в 1814–1830 гг. С. 38–66
 Пухальский И. М. Ильинка. С. 67–103
 Устинских А. Долгий поиск. С. 104–116
 [О поисках и находках сведений об исследователе Арктики, орловском революционере В.А. Русанове]
 Лаврушин В. Е. Орловский край в записках В. Зуева. С. 117–123

[О книге «Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году»]

Хроника культурной жизни. С. 126–136

[в том числе подробно аннотированная хроника 36–42 заседаний клуба «Орловский библиофил», 25 лет орловской писательской организации, заседание Клуба книголюбов им. Н.С. Лескова по поводу 160-летия восстания декабристов и по поводу 80-летия со дня рождения Е.К. Горбова, о новых поступлениях в фонды Государственного музея И.С. Тургенева]

Венгеров А. Коллекционирование и собирательство на страницах журнала «Среди коллекционеров». Указатель статей и заметок. С. 137–169

Захаров А., Катанов В. Рыцарь книги. С. 170–173

Именной указатель. С. 174–184

Содержание. С. 185

Вып. 5

Сидоров В. Г. Клуб книголюбов «Орловский библиофил»: Опыт, поиски. С. 3–12

Меркушкин К. Г. Воспоминания о Зинаиде Сергеевне Свербеевой о жизни ее в с. Сетуха. С. 13–64

[«Написаны в г. Енакиево в 1970 году по просьбе орловского краеведа В. Шапочки. Ему мы обязаны публикацией записок». Комментарий А.С. Захарова. З.С. Свербеева – дочь декабриста Сергея Петровича Трубецкого (1790–1860). Приложение 1. «Опись архива Свербеевых» (село Сетуха, Новосильский уезд, Тульской губернии). Приложение 2. «Опись имущества З.С. Свербеевой, поступившего в Орловское губарбюро после ее смерти»]

Чернов Н. М. Орловские читатели пушкинской поры. С. 65–76

Приложение. Имена особ, подписавшихся на книгу Андре «Опыт о прекрасном или изящном» (Орел, 1823). С. 77–82

Долгорукова Н. А. Орловские газеты периода 1917–1918 гг. С. 83–87

Захаров А. С. Библиофильские находки. С. 88–107

[Несколько этюдов с экскурсами в историю описываемых изданий]

Сидоров В. Надписи на книгах. С. 108–112

- Катанов В. М. Книжное собрание Каменских. С. 113–120
 Ласунский О. Г. Каталог-гербарий Н. С. Тарачкова. С. 121–126
 Дмитриев А. Тропы к Бунину. С. 127–134
 [Рассказ автора о его пути к изучению жизни и творчества И. Бунина, что и где автор покупал по «буниниане»]
 Беседы в Столешниковом переулке. (Воспоминания М. Э. Вардашко об А. В. Германо). [Подготовка к печати А.И. Понятовский]. С. 135–142
 Благинина Е. О ВЛХИ им. Брюсова. С. 143–146
 Власова О. П. Русановы. С. 147–151
 [О предках Владимира Александровича Русанова — революционера, ученого-геолога, исследователя Севера]
 Священник Иоан Лукьянов и его Путешественные записки (Комментарии А. С. Захарова). С. 152–156
 [«Путешествие в святую землю московского священника Иоанна Лукьянова 1701–1702 гг.» («Калужские епархиальные ведомости», 1862). Из комментария: «Рукопись «Путешествия» была приобретена в Орле для С.А. Соболевского при распродаже книг, оставшихся после какого-то старообрядца еще в 1853 году»]

Литературное наследство

- Афонин Л. «Хочется многое сделать...». Письма к И. А. Красноносову. С. 157–169
 [Примечание: «Подготовка к публикации, заключительная заметка и примечания И.А. Красноносова. Игорь Александрович Красноносов, инженер, социолог, исследующий проблему алкоголизма в стране, близкий знакомый Л.Н. Афонина»]
 Красноносов И. А. Он нужен сегодня и особенно завтра! С. 170–171
 [О Леониде Николаевиче Афонине (1918–1975)]
- Хроника культурной жизни. С. 172–174
 [Захаров А. В.] Е.Д. Петряев. Памяти библиофила. С. 175–177
 Именной указатель. С. 178–187
 Содержание. С. 188–189

Вып. 6

«Памяти А.С. Захарова»

- Катанов В. М. Памяти друга: [Стихотворение]. С. 4

Катанов В. М. В светлом книжном мире. С. 4–8

Ласунский О. Г. Самородок. С. 9–19

Краснонос И. А. Мой Леша. С. 20–26

Библиотеки и библиофилы

Чернов Н. М. Воспоминания о библиофильстве вообще и об орловских библиофилах в частности. С. 27–37

Крылова Там. Д. Библиотека Орловской гимназии. С. 38–47

[Орловская гимназия открыта в марте 1808, в первые десятилетия 19 в. — центр культурной жизни губернии. Здесь учились Н.С. Лесков, П.И. Якушкин, астроном Штернберг, В.А. Русанов, П.А. Столыпин и др.]

Власов В. А. Новосильской библиофил Василий Осипов и его библиотека. С. 48–55

[Василий Осипов – новосильский помещик 19 века]

Крылова Там. Д. Из истории библиотеки Орловской духовной семинарии. С. 56–69

[Основана в 1778 г. в г. Севске]

Ильинская-Звонарева В.И. Тургеневская библиотека-читальня в Орле в 1917–1926 гг. С. 70–74

Люди и книги

Сидоров В. Г. Леонид Николаевич Афонин. С. 76–85

Саран А. Ю. Ученый востоковед и книга. С. 85–98

[О Владимире Владимировиче Вельяминове-Зернове (1830–1904), обладателе библиотеки в 12 тысяч томов]

Крылова Там. Д. Епископ Дамаскин – просветитель и библиограф. Орловский период биографии. С. 99–106

[К 200-летию со дня смерти епископа Иоанна Дамаскина]

Емельянов В. Г. Библиотека и ее директор (памяти сестры). С. 107–125

[Валентина Георгиевна Емельянова – во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы директор Орловской библиотеки им. Н.К. Крупской]

Минувшее Орловского края

Орел и Мценск в 1839 году. С. 127–132

Великий князь К. К. Романов в Орле. С. 133–142

[Материал подготовлен зав. отделом ГАРФ З.И. Перегудовой в 1993 году; приводятся фрагменты дневника князя]
 Орловские письма. В объятиях полей. С. 143–145
 [Автор публикации Н. Валевский. Ранее опубликовано в газете «Правда» (1923. № 153)]

Клубу «Орловский библиофил» – 15 лет

Хроника заседаний клуба «Орловский библиофил» – 1980–1995 гг. С. 147–160
 Список литературы. С. 161–173
 [Составлен Р.И. Реуцкой. «Общие статьи о работе клуба», «Статьи и информация о заседаниях клуба», «Издания клуба»]
 Именной указатель. С. 174–181
 Содержание. С. 182–183

Вып. 7

[В.В. Бубнов] Предисловие. С. 3

Люди и книги

Чернов М. Н. Культурные гнезда Орловщины. С. 4
 Саран А. Ю. Библиофил-узник Сергей Болотский. С. 8
 Беликова С. В. О чем рассказал автограф. С. 15
 [«Князю Николаю Дмитриевичу Долгорукову от старого товарища на добрую память» на книге П.Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII столетия и реформа Петра Великого» (СПб.: тип. Балашева, 1892)]
 Кондратенко А. И. Книга земного статистика. С. 21
 [Иван Петрович Белокопский «Деревенские впечатления (1900–1907)». Материал о книге, находящейся в Областной публичной библиотеке им. И.А. Бунина]
 Сидоров В. Г. Судьба одной книги. С. 24
 [«Орловская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (СПб., 1903)]

Мир библиотек и издательств

Жукова Ю. В. К истории родовой библиотеки Скарятиных. С. 25
 Жукова Ю. В. Материалы по истории библиотеки Орловской губернской гимназии. С. 44

Беляева Н. Е. История развития Орловского книгоиздательского дела в 1917–41 гг. С. 51

Листая прошлого страницы

Новикова М. В. Орловские материалы на страницах журнала «Нива». С. 56

Кондратенко А. И. Сельскохозяйственный журнал в Орле. С. 61

Новикова М. В. Справочные издания Орловской области 1919–1941 гг. С. 65

Барсукова И. Е. Тургеневская комната: легенда и быль (Орловский областной краеведческий музей в годы оккупации). С. 70

Строки минувшего

Орел и орловский край в 1813–1814 гг. С. 73

Стршный сон. Поэмы о В. И. Сафоновиче и его окружении. С. 77

Библиофильская мозаика. С. 88

Из литературного наследия В. И. Денисьева

Что я читал в детстве и юности. С. 90

Стихотворения. С. 98

Клубу «Орловский библиофил» – 20 лет

Сидоров В. Г. Клуб «Орловский библиофил» и средства массовой информации. С. 101

Смирнова Т. Е., Жукова Ю. В. К 125-му заседанию клуба «Орловский библиофил». С. 104

Хроника заседаний клуба. С. 106

Алфавитный указатель выступавших на заседаниях клуба «Орловского библиофил». С. 116

Библиография. С. 120

Коротко об авторах. С. 131

Список сокращений. С. 132

В.А. Петрицкий

РАЗДУМЬЯ О БИБЛИОФИЛЬСТВЕ*

Библиофильство существует несколько тысячелетий. Этот факт говорит о многом. Общество рано или поздно отбрасывает, отрицает все, что становится на пути социального прогресса. Однако библиофильство, пройдя периоды упадка, сохранилось до наших дней. И не только сохранилось, но и переживает невиданный ранее взлет, пору расцвета. Чем же обусловлено его столь завидное долголетие?

Ответ может быть один: библиофильство нужно обществу. Проследить, какие потребности и каким образом удовлетворяло библиофильство, и значит ответить на вопрос о его социальном значении.

* * *

Возникновение во второй половине IV тысячелетия до н.э. письменности означало качественно новый этап в развитии человечества и его культуры. Письменность реализовала объективную необходимость в материальном запечатлении производственного и социального опыта, начатков знания о мире, в передаче зафиксированной информации от поколения к поколению.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1985. Вып. 3

Производство «книг» в форме обожженных глиняных табличек, папирусов, шелковых свитков требовало немалого труда. Количество повторных воспроизведений одного и того же текста, тиражирование, не могло быть значительным. Поэтому «книги» стоили весьма дорого и были доступны немногим.

В то же время в интересах общества необходимо было концентрировать запечатленный опыт, использовать достигнутый уровень знания как своего рода опору для дальнейшего продвижения вперед. В этих условиях появляются обширные частные библиотеки, принадлежащие людям состоятельным: властителям, мудрецам, врачевателям, законоведам. Процесс создания частных библиотек был повсеместным и охватил по времени весьма протяженный период. В Ассирии еще до новой эры славилась библиотека царя Ашшурбанипала (669–631 гг. до н.э.). В Древней Греции – библиотеки философов Платона (427–347 гг. до н.э.) и Аристотеля (384–322 гг. до н.э.). В Древнем Риме – знаменитого оратора Цицерона (106–43 гг. до н.э.), писателя и ученого Плиния Старшего (24–79 гг.), императора Траяна (53–117 гг.). В Древней Руси великого князя Ярослава Мудрого (978–1054 гг.).

Известно, что Ашшурбанипал стремился собрать в библиотеке все произведения месопотамской словесности. Царь рассылала доверенных лиц, которые разыскивали отсутствующие в библиотеке таблички. Платон и Аристотель не только глубоко изучали принадлежащие им книги и учили по ним других, но заботились о внешнем виде свитков – договаривались с хорошими переписчиками, заказывали для свитков прочные и изящные футляры. Ярослав Мудрый наряду с писцами сам переписывал книги, читал их часто и днем, и ночью.

Таким образом, зарождение библиофильства сопутствовало возникновению письменности. Частные книжные собрания вели к созданию общественных библиотек.

Идея эта начала осуществляться в эпоху Возрождения. Университетские библиотеки Англии, Франции, Германии, старинные городские библиотеки, например, библиотека Флоренции, складывались на основе частных книжных собраний. В основании библиотеки Британского музея определяющую роль сыграл дар естествоиспытателя и библиофила Хэнса Слоуэйна: 40 тысяч книг и более трех тысяч рукописей. Немецкая библиотека в

Лейпциге возникла на основе библиофильского собрания портного Генриха Клемма.

Подобными примерами богата история отечественной культуры: библиотека Академии Наук и собрание Петра I; Всесоюзная библиотека им. В.И. Ленина и собрание Н.П. Румянцева; научная библиотека Ленинградского университета и собрание П.Ф. Жукова...

Распространение образования побуждает общество к сосредоточению источников информации в хранилищах, которые были бы доступны всем. Крупные библиофильские собрания становились общественными.

Процесс обогащения общественных библиотек принесением в дар или продажей библиофильских собраний продолжается и до нашего времени. Достаточно назвать собрания В.А. Десницкого, Н.П. Смирнова-Сокольского, И.Н. Розанова, П.В. Губара, А.И. Маркушевича, М.И. Чуванова, которые либо полностью, либо частично хранятся ныне и во Всесоюзной Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, и в книгохранилищах музеев, имеющих всесоюзную известность.

Библиофилы издавна спасали, спасают и ныне от уничтожения и забвения книги, рукописи, документы. В эпоху Возрождения итальянские библиофилы-гуманисты совершили настоящий культурный подвиг, неутомимо разыскивая и сохраняя списки философских произведений, трагедий и комедий античных авторов. При этом они шли на любые жертвы¹, только «чтобы увеличить человеческое знание и спасти как можно больше любой ценой»². Нельзя не вспомнить и о подвиге отечественного библиофила А.И. Мусина-Пушкина. Он не только подарил русской и славянской культуре «Слово о полку Игореве», но и, словно предчувствуя трагическую судьбу найденного списка, позаботился об издании великого памятника.

Сокровища редких и редчайших книг, рукописей, документов, изобразительных материалов накапливаются десятилетиями, а в благоприятных случаях – веками. Вот почему из недр библио-

¹ Джованни Аурсиа, сицилийский искатель рукописей, вспоминает, как отдал всю одежду грекам в Константинополе, чтобы завладеть несколькими списками. А флорентинец Никколо де Никколи... продал свои усадьбы, чтобы получить средства для пополнения своей коллекции (Дойель Л. Завещанное временем. – М., 1980, с. 67).

² Там же.

фильских собраний выплывают подчас единственные дошедшие до нашего времени экземпляры изданий большого историко-культурного значения; в таких собраниях целенаправленно подбираются рукописи, документы, изобразительные материалы, в совокупности своей проливающие новый свет на неизвестные или малоизвестные явления культуры. Для того, чтобы современный историк книги мог познакомиться с изданием далекого прошлого в его первоизданном виде, ему чаще всего приходится обратиться к собранию библиофила, ибо именно в последнем издании сохраняются такими, какими они века назад сошли с печатного станка³.

С глубокой древности библиофильство влияло и продолжает влиять на литературный процесс. Периоды увлечения собирательством произведений тех или иных жанров способствовали как их развитию, так и увеличению числа литераторов, работающих в данном жанре. Достаточно привести в качестве примера рост собирательского интереса к поэзии в нашей стране 50–60-х годов.

Еще больше пищи для размышлений о влиянии библиофильства не только на национальный, но и на мировой литературный процесс может дать всесторонний анализ зарождения библиофильской литературы, ее противоречивого развития и современного расцвета. Только самые первые подходы к исследованию феномена библиофильской литературы неоспоримо свидетельствуют о том, что социальное значение книги, ее сущность, характер взаимоотношений человека и книги осмысливались первоначально именно в библиофильской литературе, причем во всем комплексе этих проблем, что ныне составляет прерогативу книговедения.

Позже, в XIX – начале XX вв., например, в произведениях Анатоля Франса библиофильская литература в качестве предмета изображения берет лишь эмоциональную сторону отношения человека к книге, вычленяет собственно психологический аспект многосторонней связи человека и книги. Однако в наше время в библиофильской литературе вновь все определеннее заявляет о себе стремление к глубокому осмыслению книги как явления культуры и роли библиофильства в современном социокультурном процессе. Несомненно, что эта тенденция порождается завершенным уже в нашей стране и странах социализма и продол-

³ См. *Немировский Е.Л. Библиофильство и национальный книжный фонд. // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. – Л., 1982, с. 3.*

жающемся во всем мире переходом от элитарного ко все более широкому, массовому распространению библиофильства⁴.

Меняются вид и форма книги. Дошло до изготовления специальных футляров и переплетов. Развитие эмоционального отношения к предмету собирательства, своего рода любования книгой и ее внешним видом повлекли за собой появление украшений как в тексте, так и на переплете: рисованные инициалы, орнамент, накладные элементы переплета. Первоначально эти элементы книги выполнялись по заказу состоятельных владельцев частных библиотек, и лишь по истечении времени писцы, типографы признали украшение книги необходимой нормой, способствующей лучшему сбыту.

Появляются изящные издания, которые часто несправедливо расцениваются лишь как выражение библиофильского снобизма. В действительности эксперимент, осуществляемый при производстве по-настоящему изящного, радующего душу и глаз, издания, в немалой степени способствовал выбору оптимального пути в поиске органичного соединения иллюстративных элементов и содержания книги.

Сегодня можно вполне обоснованно утверждать, что специальные библиофильские издания, характеризующиеся особо тщательным выбором для издания как литературного или научного произведения, так и сорта бумаги, рисунка шрифта, количества и качества иллюстраций, формата издания, материала для переплета в сочетании с буквально ювелирным полиграфическим процессом их производства служат своеобразным опытным полигоном совершенствования всего комплекса издательской культуры.

Достаточно известна роль «Кружка любителей русских изящных изданий» в качественном преобразовании характера иллюстрирования книги, настолько глубоко, что плоды этого преобразования обогатили книжное искусство 20-х гг. и продолжают творчески преломляться в современном советском искусстве книги. Не менее показателен рост библиофильского интереса в последнее время к миниатюрным и малоформатным изданиям.

Библиофильство создало предпосылки для возникновения и

⁴ *Небезынтересно в этой связи высказывание Х. Кунце (ГДР): «Объектом библиофилии при социализме является доступная по цене, красивая по форме и ценная по содержанию массовая (подчеркнуто нам – В.П.) книга» (Кунце Х. Избранное. – М., 1983, с. 259).*

развития такого важного для культурного процесса общественного института, каким ныне выступает букинистическая торговля. Истоки торговли старой книги обнаруживаются тысячелетия назад. Ашшурбанипал повелевал своим посланцам купить отсутствующие в его библиотеке старинные таблички; если невозможно купить – переписать; если не удастся ни то ни другое, отобрать силой. Большой римский библиофил Авл Геллий так описывал букинистическую торговлю во II веке нашей эры: «Когда мы возвращались из Греции в Италию и прибыли в Брундизий, то, выйдя на сушу, пошли гулять по этой знаменитой гавани, и вот мы видим пачки книг, выставленных на продажу. Я тотчас с жадностью устремился к ним. Все эти книги были греческие, полные чудес и баснословия: неслыханные, невероятные факты, старые писатели немалого значения. Но от продолжительного лежания свитки покрылись грязью и имели внешность и вид отвратительные. Все же я подошел, спросил про цену и, пораженный удивительной и неожиданной дешевизной, покупаю массу книг за небольшую сумму и бегло просматриваю их в две следующие ночи»⁵.

Библиофильский спрос на старую книгу порождает букинистическую торговлю.

Торговля постепенно становится все более важным источником как пополнения, так и качественного совершенствования книжных фондов, одним из незаменимых средств ликвидации лакун в фондах общественных библиотек.

Выбор, осознание темы или профиля собирательства, неустанное приобретение необходимых историко-культурных и библиографических знаний, труд по комплектованию собрания, изучение и описание собрания в целом или редкостей, содержащихся в нем, – все это этапы творческой деятельности библиофила.

В процессе творческой деятельности изменяется, совершенствуется личность собирателя. Истинный библиофил – кладезь разнообразных знаний, не таящий их. Индивидуальное начало в библиофильском творчестве органично и необходимо сочетается с коллективистским при общении с другими библиофилами, с массовой аудиторией, а также в процессе обнародования результатов библиофильского труда. Стремление быть полезным людям, служить обществу, развитию его культуры – один из важнейших

⁵Маленин А. *О библиофильстве в древности. // Альманах библиофила. – Л., 1929, с. 12–13.*

побудительных мотивов; он формируется творческой деятельностью библиофила и в то же время воздействует на нее.

Выставки по материалам библиофильских собраний, их каталоги, выступления библиофилов в печати, беседы и лекции в массовых аудиториях – это и многое другое есть результат творческой активности личности, основанной на высоких нравственных началах коллективизма.

* * *

Библиофильство – явление социальное. Значение этого явления будет возрастать по мере перехода ко второй стадии коммунистического общества в связи с необходимостью реализации задачи всестороннего и гармоничного развития личности.

Выводы:

1) библиофильство обогащает национальные культуры и культуру мировую; оно содействует развитию и совершенствованию личностных качеств человека;

2) библиофильство как элемент культуры может рассматриваться в качестве определенного фактора общественного прогресса.

В истории отчетливо просматривается взаимосвязь, позволяющая установить и обратное влияние – общества на библиофильство. Чем выше уровень развития культуры общества, тем большее развитие получает библиофильство.

А.С. Захаров

БИБЛИОФИЛЬСТВО НА ОРЛОВЩИНЕ*

История книжного собирательства Орловского края тесно связана с культурным его развитием. Среди орловских книголюбов прошлого мы встречаем немало замечательных имен. Это писатели, журналисты, краеведы и просто собиратели-книголюбы, кто сохранил для нас драгоценные памятники культуры, письменности, исторические документы, предметы искусства и старины. Трудом энтузиастов был создан в Орле первый музей.

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1984. Вып. 1*

Историю Орловского края мы изучаем по трудам Д.И. Басова, Г.М. Пясецкого, А.Н. Шульгина, И.И. Лебедева, С.Л. Белякова, С.И. Федорова, П.С. Ткачевского. Этих людей объединяла огромная любовь к родному краю. В изучении прошлого они видели связующее звено между старым и новым.

Бесспорно, что почти все краеведы – страстные книголюбы.

В то же время и само целеустремленное, научно обоснованное книжное собирательство – важная отрасль человеческой культуры.

Размышляя об этом, я просмотрел множество библиографических указателей, описаний частных библиотек, книговедческой и библиофильской периодики, перечитаны воспоминания библиофилов и книгопродавцов. Из этих разысканий и родился настоящий очерк, который не претендует, разумеется, на полноту.

Первых собирателей книг мы обнаруживаем уже в середине XVII века. Издания Московского Печатного Двора покупали в Орле Г.А. Погорельский, во Мценске – Марк Лутовинов, священник Никольской церкви Григорий и другие жители этого города¹.

Но особое распространение книга получила в нашем крае в XVIII веке.

Воспользовавшись Указом Екатерины II «О вольности дворянства» 1762 года, многие дворяне стали бросать государственную службу и отбывать в свои родовые имения.

В усадьбах возникают добротные архитектурные ансамбли, парки, дворцы. Богатым помещикам захотелось иметь свой театр, картинную галерею, библиотеку.

Владельцы интересных книжных собраний были нередко наиболее образованными людьми своего времени, занимали крупные государственные посты. Они поддерживали тесные связи с видными деятелями литературы и искусства. В результате складывались бесценные архивы, фамильные реликвии, библиотеки.

Большой толчок книжному собирательству дала издательская деятельность выдающегося русского просветителя Н.И. Новикова (1744–1818). Книги с маркой новиковской типографии доходили до самых отдаленных уголков России.

По некоторым сведениям, первая книжная лавка в Орле открылись в 1787 году². Однако эта дата требует уточнения. 1789 год – более точный. Его называет изданная тогда же «Роспись российским книгам...» московских купцов Кольчугина и

Переpletчикова, продававших издания Типографской компании, где арендатором типографии был Н.И. Новиков³. На обороте ее титульного листа напечатано: «...Все сии книги продаются так же в следующих местах...» и перечисляются 15 городов, в числе которых значится Орел и Елец. В предыдущей «Росписи» за 1788 год, в этом списке города Орла еще не было. Следовательно, книжную лавку, скорее всего, открыли в 1789 году или в конце 1788 года. Первым ее владельцем был коллежский секретарь казенной палаты Николай Иванович Попов⁴.

Спустя некоторое время Орел называли уже одним из центров книжной торговли⁵.

Этому несомненно способствует появление здесь крупной масонской ложи, которая была тесно связана через помещика и литератора И.В. Лопухина, жившего позднее в Рятежах Кромского уезда, с книгоиздательством Н.И. Новикова. Сам Новиков владел во Мценском уезде небольшим селом Вышневец. Лопухин отбирает и помогает распространять среди орловских братьев по ордену масонские издания.

Большую поддержку книжное дело нашло у орловского епископа Аполлоса (А.Д. Байбакова – 1745–1801), оставившего около 20 собственных сочинений, большинство из которых издал Н.И. Новиков.

С расширением издательской деятельности и книжной торговли росло книжное собирательство.

В 1873 году известный орловский библиофил Н.П. Барышников опубликовал в журнале «Русская старина» любопытные воспоминания «Домашний памятник» Н.Г. Левшина⁶. Автор их, Н.Г. Левшин (1788–1845), служил в лейб-гвардии егерском полку, участвовал в Отечественной войне 1812 года. За границей женился на дочери саксонского сенатора Августа Людвиг. Выйдя в отставку, поселился в своем родовом имении, селе Введенском Болховского уезда. В воспоминаниях он рассказал о жизни своих предков – дворян из села Введенского. Много места уделил деду – П.П. Опухтину (1735–1765), просвещенному человеку, любителю книг, собравшему большую библиотеку и много предметов старины. Книжки деда нередко украшались владельческими надписями. Жаль, что Н.Г. Левшин не приводит их в своих записках.

К любителям книг того времени следует отнести правителя Орловского поместничества Семена Александровича Неплюева,

внука известного Ивана Ивановича Неплюева, дипломата, наместника Оренбургского края. Семен Александрович был женат на дочери крупного библиофила XVIII века, сенатора Г.Н. Теплова. Их имения находились по соседству, в Карачевском уезде⁷. Имя С.А. Неплюева часто встречаются в списках лиц, подписавшихся на то или иное издание.

Ценнейший материал сохранил для нас журнал «Книговедение» за 1896 год. В нем опубликовано исследование А.Н. Лебедева «Надписи на старинных книгах»⁸. Приведены владельческие надписи поручика Василия Осипова, жившего в XVIII веке в городе Новосиле Орловской губернии.

Библиотека Осипова собиралась в течение полувека, начиная с 1738 года. Вначале книги покупались в Петербурге и Москве, позднее – в Белгороде и с 1785 года – в Орле. Это лишний раз подтверждает, что до указанного времени постоянной книжной торговли в Орле не было, не считая единичных случаев продажи книг заезжими купцами.

Первая запись, что книга приобретена в книжной лавке Орла, сделана в 1790 году⁹. Назван орловский масон Г.Н. Нелединский, покупавший для Осипова книги в Москве и Петербурге. На нескольких книгах встречается имя московского продавца Ивана Сосина, поставлявшего собирателю литературу задолго до открытия книжной лавки в Орле. В одной из последних записей, которая сделана в 1794 году, читаем следующее: «Куплена у Ивана Сосина в Орле». Возможно, купец переехал на жительство в Орел, а может, просто привозил сюда продукцию печатного станка. Последняя надпись сделана в 1796 году.

Библиотека Осипова в основном состояла из книг исторического содержания. Здесь были труды историка XVIII века Болтина, «Летописец, содержавший Российскую историю», «Житие Петра Великого» Катифира и другие.

Стояли на полках новосильского поручика и книги духовного содержания, масонские труды, сочинения упоминаемого Аполло-са.

Надо полагать, что А.Н. Лебедев купил на рынке в Орле не все книги из собрания Василия Осипова. В фондах областной библиотеки имени Н.К. Крупской обнаружены еще три книги, ранее принадлежавшие новосильскому библиофилу.

Если библиотека Осипова представляет интерес своими надписями, то книжное собрание Демидовых замечательно по своему подбору. Последний владелец сокровищ – генерал-лейтенант Алексей Иванович Демидов (1754–1826), вероятнее всего, сын генерал-поручика Ивана Васильевича (1713–1799), жил в своем имении близ Ельца¹⁰. Это был последний из трех Демидовых, чьими трудами составлялась библиотека.

Были в ней и акварельные рисунки XVIII века, карты, атласы, манифесты, указы, рукописи, книги петровской поры и современницы Отечественной войны 1812 года.

Особый интерес представляла коллекция од, описаний фейерверков и иллюминаций, отдельных гравированных листов, а также акварелей, изображающих торжества по поводу разных событий XVIII века. В начале XX века коллекцию купил богатый петербургский собиратель Синягин за 2000 рублей¹¹. Затем она поступила в Публичную библиотеку, ныне имени М.Е. Салтыкова-Щедрина¹².

Увы, это книжное собрание разделило судьбу многих частных библиотек. После смерти А.И. Демидова она, видимо, сохранилась наследниками. Позднее, вместе с имением, перешла к новой владелице А.А. Пореш и некоторое время даже пополнялась ею. Но в начале XX века А.А. Пореш переехала жить в Ригу, а книги распорядилась продать¹³. После долгих переговоров библиотеку купили антиквары А.М. Старицын и М.Я. Параделов из Москвы и Н.В. Соловьев из Петербурга. Последний оставил за собой все книги первого их владельца, которые легко было определить по имевшемуся рукописному каталогу. Они подробно описаны в Каталоге «Антикварной книжной торговли Н.А. Соловьева», СПб., 1904.

Кроме описанных собраний, как мне удалось установить, существовало в Орловском крае еще большое количество частных библиотек. Многие из них начали составляться в XVIII веке и пополнялись на протяжении долгих лет. К сожалению, очень мало сведений о книжных сокровищах, навсегда исчезнувших.

Так, в селе Молодовое (ныне Шаблыкинский район) была богатая библиотека уже упоминаемого Г.Н. Теплова (1711–1779). Владелец, энциклопедически образованный человек, член Российской и Мадридской академий, а также отечественной академии художеств, получил известность как переводчик, философ и

композитор. Собрание Теплова было огромно по своим размерам, содержало ценнейший архив, где хранились письма Вольтера и Екатерины II. Подобные собрания имели орловские дворяне Куракины, Скарятини и другие.

Собиратели XVIII века сыграли большую роль в обогащении книжной культуры страны. Во-первых, они сохранили от уничтожения массу ценных изданий, не только текущего столетия, но и более ранних веков. Для того времени это было особенно важно, так как Россия еще не имела государственных книгохранилищ, в обязанностях которых ходило бы собирание и сохранение памятников книгопечатания.

XIX век внес существенные изменения в книжную культуру провинции. В 1807 году издается высочайший рескрипт «О заведении типографий в губерниях». Вслед за ним выходит указ, по которому разрешается заводить частные типографии. Многие губернские города завели печатные станки.

Мы не можем с точностью назвать дату, когда была открыта типография в Орле, но не позднее 1813 года. Это подтверждает известный библиограф того времени В.С. Сопиков. В первом томе своего «Опыта российской библиографии» (вышел в 1813 году) он перечисляет города, где имелись типографии, в том числе называет Орел. К этому времени к нам из Смоленска переехал издатель И.Я. Сытин, выпускавший ранее книги в Петербурге и Смоленске. В Орле он организовал частную типографию. Можно предполагать, что располагалась она в здании уже существовавшей губернской типографии. Именно в последней могла быть напечатана в 1808 году «Родословная роспись рода Каменских», о которой сообщает Савелов в «Генеалогических редкостях». Факт зафиксирован. Правда, никому из последующих исследователей книгу видеть не приходилось, хотя, возможно, со временем она будет найдена. А пока первой книгой, изданной в Орле, приходится считать сочинение И.В. Лопухина «Нечто для размышления о молитве и сущности христианства» – 1814 года. По поводу этой книги сохранилось письмо автора к управляющему Московским Почтамтом Д.П. Руничу от 14 декабря 1814 года: «Сердечно-дружески обнимая Вас, любезный друг Дмитрий Павлович, спешу подарить своего рукоделья, новонапечатанною и впервые в Орле книжкою...»¹⁴. Как уже было сказано, И.В. Лопухин внес значи-

тельный вклад в историю культуры Орловщины и в том числе культуры книжной.

Нам доподлинно известно о существовании богатой библиотеки в орловском имении Лопухиных. После Великой Октябрьской социалистической революции часть книг из этого собрания поступила в Орловскую губернскую библиотеку.

Не менее важным, чем установление срока открытия типографии и выхода первой книги, является вопрос о репертуаре изданий как типографии губернского правления, так и частной Сытина.

За первые тридцать лет XIX столетия в Орле было напечатано около 80 названий книг. В основном это переводные романы модных тогда зарубежных писателей Жанлис, Коцебу, Лафонтена, Радклиф. Наряду с ними Сытин издал немало книг с чисто просветительскими целями. В первую очередь необходимо назвать книги для детей и юношества. Среди них – три «Российские азбуки», «Детскую энциклопедию» с гравированными картинками. В Орле он закончил начатое в Москве Н.И. Новиковым крупнейшее издание того времени – «Детское чтение для сердца и разума» в 18 частях. В 1823 году из губернской типографии выходит первая краеведческая книга – «Путешествие его величества государя императора через Орловскую губернию в 1823 году». Объем книжечки – 29 страниц.

Не вызывает сомнения, что книги, вышедшие в Орле, находили своего покупателя и собирателя не только в своей губернии, но и за ее пределами¹⁵. Книги Сытина были дешевле столичных, поэтому ими пользовались более широкие слои населения.

В настоящее время эти небольшие книжечки с маркой орловских издательств первых тридцати лет XIX века следует отнести к редкостям. Они не только не встречаются на антикварном книжном рынке, но и большинство их отсутствует в крупнейших книгохранилищах страны.

Сведениями о собирателях книг в нашем крае в первую половину XIX столетия мы не располагаем. Вероятнее всего, сохранялись и продолжали пополняться наследниками книжные собрания, основа которых была заложена еще в XVIII веке. Несомненно, были и новые любители книг, но их собирательская деятельность осталась в неизвестности.

Однако здесь следует назвать имя Дмитрия Ивановича Басова, продавца лекарственных трав и древних рукописей. Он оставил

любопытные записки об истории города Орла (ныне рукопись хранится в ЦГАЛИ). Основной материал для истории он черпал из рассказов старожил, собственных долголетних наблюдений и, вне всякого сомнения, из печатных источников. Поэтому надо полагать, что он был толковым собирателем книг.

В разное время жили в Орле два крупных книголюба того времени. Первый – А.П. Ермолов, известный русский генерал, вольнодумец, герой Отечественной войны 1812 года. Жил он в селе Лукьянчиково, недалеко от Орла. Здесь собиратель освоил, и довольно успешно, переплетное мастерство. Многие книги своей библиотеки переплел он собственноручно в своей мастерской. Сейчас часть из них украшает постоянно действующую выставку книг в Московском университете.

Литератор М.Н. Лонгинов (1823–1875) служил в Орле гражданским губернатором в 1867–1871 годы. К этому времени он был уже известен как автор многочисленных историко-литературных и библиографических статей, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого, посылавший ему историческую литературу в период работы над романом «Война и мир»¹⁶. Собранная М.Н. Лонгиновым библиотека, свыше 2500 названий книг, брошюр и журналов, и большой архив были переданы его дочерью в библиотеку Пушкинского Дома. Следовало бы изучить архив библиофила. Не исключена возможность, что в нем содержатся сведения об общественной и культурной жизни Орловского края.

Наиболее интересный период дореволюционного книжного собирательства – 80-е годы XIX века. В это время у многих собирателей появился особый интерес к историческому прошлому края.

Росту интереса в первую очередь способствовало создание Орловской ученой архивной комиссии (1884–1917). Именно это сообщество ученых, краеведов и книголюбов развернуло широкую и полезную деятельность, в результате которой выявилось краеведческое наследие, поражающее своими размерами.

Членом комиссии был Н.П. Барышников (1830–1909). Писали, что он послужил прообразом Лаврецкого в «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева. Отец Барышникова, Петр Петрович, происходил из дворян Рязанской губернии; мать, Аграфена Алексеевна, урожденная Желябужская, уроженка Орловской губернии.

Жил Н.П. Барышников в своем имении, в селе Александровое Болховского уезда.

Был он большим знатоком и любителем родного края. Написал брошюру «Из прошлого» о проезде Екатерины II через Орел в 1787 году. Опубликовал немало интересных материалов, связанных с Орлом, в журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник». Обладал крупным книжным собранием, где особо выделялся раздел масонских изданий. Надо полагать, что в архиве Барышникова имелось немало исторических документов, писем, автографов известных писателей, ученых и государственных деятелей. У него хранилось два автографа А.С. Пушкина, которые он передал впоследствии М.М. Лонгинову, и редкое лейпцигское издание стихотворений поэта (1869 г.), которые по цензурным соображениям не могли быть напечатаны в России.

В 1901 году в «Известиях книжных магазинов т-ва М.О. Вольф», № 6 было опубликовано сообщение: «Общество любителей российской словесности, готовясь к 50-летию со дня смерти В.А. Жуковского, командировало профессора Грузинского в Белевский и Болховский уезды для собирания материалов. Профессору удалось в селе Черни найти два старинных ларца с письмами Жуковского, рукописями и портретами..., в книгохранилищах г. Б., в Болховском уезде, кроме писем Жуковского, найдены письма Гоголя, Д. Давыдова, Грибоедова, старинные портреты, книги с автографами и заметками авторов». Видимо, речь шла о собрании Н.П. Барышникова.

В 1897 году открывшемуся тогда губернскому музею в Орле собиратель подарил письма А.П. Ермолова, Мордвинова, князя Волконского, некоторые предметы старины.

Дальнейшая судьба архива и библиотеки Барышникова полностью не выяснена. Часть книг была распродана после смерти владельца. Остальная, вероятнее всего, погибла в годы гражданской войны¹⁷.

Не менее крупным собирателем того времени следует считать орловского протоиерея И.В. Ливанского. Это был образованный и грамотный библиофил. Он состоял членом архивной ученой комиссии и церковно-археологического комитета. В 1893 году Ливанский ставил вопрос перед архивной комиссией об устройстве

в Орле книгохранилища, в котором собирались бы все издания, выходившие в Орловской губернии¹⁸.

В библиотеке Ливанского находилось около 100 древних рукописей, большое количество книг по истории и богословию. Он также коллекционировал картины, иконы, гравюры и всевозможные предметы старины.

Собрание сохранялось до 20-х годов нашего столетия. Ввиду особой ценности библиотеки, владельцу была выдана охранная грамота¹⁹. Последующая судьба библиотеки неизвестна. Часть его книг – в фондах областной библиотеки имени Н.К. Крупской. Любопытная надпись сохранилась на одной из них: «Архиархеологу и архилубителю всякой письменности отцу И.В. Ливанскому», и далее рукою последнего: «Получена 28 октября 1898 года» (книга «Зрелища вселенные», СПб., 1808). Среди собирателей книг этого времени мы встречаем и орловских купцов. Так, одно из них, Н.Г. Воротникова, интересовали древние рукописи, старопечатные книги, предметы древности и церковная старина²⁰.

Небольшой, но тщательно подобранной была библиотека М.П. Шенига. Состояла она из книг исторического и философского содержания. В первых годах Советской власти владелец получил охранную грамоту.

Крупным было собрание основателя Орловской психиатрической больницы П.И. Якоби, брата известного художника Валерияна Ивановича. Насчитывало оно около 15 000 томов по русской истории и этнографии. На основе материалов своей библиотеки собиратель-краевед написал исследование «Вятичи Орловской губернии».

В 1903 году Якоби уехал из Орла. В дальнейшем он заведовал рядом психиатрических больниц в Курске, Харькове, Днепропетровске. Последние годы жизни провел в Ленинграде. Умер в 1913 году. Дальнейшая судьба его книжного собрания неизвестна.

Постепенный уход с исторической арены и разорение дворянства привело к гибели многих книжных собраний. В конце XIX – начале XX века ветшали особняки, вырубались новыми владельцами сады и парки, исчезли бесценные сокровища.

Книги порой выбрасывались за ненадобностью, чтобы не занимать лишних помещений, или хранились в сырых, неотапливаемых комнатах.

Разъезжали любители-коллекционеры и просто ловкие перекупщики по России, добирались до самых отдаленных ее уголков. Скупали за бесценок у новых владельцев полуопустошенных имений фамильные ценности, редчайшие книги, предметы старины. Как раз об этом рассказал С.Р. Минилов в своей библиофильской повести «За мертвыми душами».

К 1917 году многие собрания были настолько обчищены, что от них остался один «скелет», не дающий даже отдаленного представления о бывшей ценной библиотеке.

Советское правительство с первых шагов принимало меры к охране бывших помещичьих имений и всевозможных памятников культуры. С июля 1918 года ценные библиотеки берутся на государственный учет.

Большой интерес в этом отношении представляет письмо А.М. Горького к Наркому просвещения А.В. Луначарскому: «В Орловской губернии находятся в состоянии постоянного разрушения и разграбления следующие семнадцать имений:

1. Куракиных, где хранится их знаменитый архив и собрание документов, относящихся к истории Франции с 1779 года по 1814, Пруссии за период Наполеоновских войн и России – царствования Павла и Александра I.

2. Шеншина-Фет – Ценная библиотека, переписка с Толстым А. и Л.Н.

3. Скарятина – Огромная библиотека ценнейших изданий XVIII века, масса книжных редкостей, иллюстрированные издания Франции, Голландии XVII и XVIII веков.

4. Кн. Мещерского – Большие ценные библиотеки, семейные архивы, имеющие историческое значение

5. Голицыных

6. Нарышкиных

7. Давыдовых

8. Вельяминова

9. Олив

10. Князей Ухтомских – собрание вещей и книг по Востоку

11. Князя Бяратинского

12. Орлова-Давыдова

13. Краевич

14. Талызина

15. Языкова

16. Кн. Тенишева

17. Брасова, бывшая вел. кн. Михаила Александровича.

По словам местных людей, продолжал Горький, хотя все эти имения разграблены, но библиотеки некоторых из них еще уцелели. Крестьяне постепенно растаскивают книги, употребляя новые издания на курево, иллюстрированные дают детям и употребляют на оклейку или торгуют на базарах Ельца, Мценска, Малоархангельска. Однако, как утверждают официальные лица, то есть советские работники Орловской губернии, можно спасти множество книжных редкостей и ценных документов»²¹.

15 марта 1919 года писатель получил ответ из Отдела охраны памятников. В нем сообщалось о принимаемых мерах по спасению барских ценностей, в том числе и в Орловской губернии. В нем перечислены библиотеки, которые удалось спасти²².

Запасы книг, хранившихся в частных библиотеках, были огромны...

Великий Октябрь внес коренные изменения в книжное собирательство. Во-первых, изменился социальный состав книголюбов. На смену богатым библиофилам пришли собиратели из рабочих и крестьян.

От своего отца, архитектора, унаследовал библиотеку и умножил ее своими деятельными поисками И.М. Пухальский (1890–1951), работавший на заводе имени Медведова инженером.

К собирательству Иосиф Михайлович пристрастился с детских лет. Он даже вырезал штамп на резине для своих приобретений.

К концу жизни Пухальский имел интереснейшее книжное собрание – около 6000 томов. Собрал основные труды по библиографии, массу редких и примечательных книг XVIII–XX веков. Помимо печатных книг, разыскал древние рукописи, поступившие после его смерти в Древлехранилище Пушкинского Дома²³.

И.М. Пухальского следует называть библиофилом в лучшем понимании этого слова. Книжное собирательство не было для него самоцелью, что нередко приводит к книжной болезни – библиомании. Он прекрасно понимал не только вещественное значение книги, но, прежде всего, ее духовную ценность.

Любимым разделом его библиотеки было краеведение. На протяжении всей жизни Иосиф Михайлович собирал материалы по истории книгопечатания в Орле, об орловской периодической печати, о первых книгах, вышедших из орловских типографий в

начале XIX века. Все эти материалы, как и книги по истории края, стали собственностью музеев Орла.

Рядом с книгой прошла долгая жизнь Ф.Я. Студенникова (1891–1981).

Родился Федор Яковлевич в бедной крестьянской семье, с ранних лет пошел работать. К счастью, судьба связала его жизнь с книгой. Трудовая жизнь в основном прошла под гул типографских машин. Недостаток своего образования Студенников стремился восполнить чтением. Дорожил книгой не как предметом коллекционирования, а как источником, где можно было утолить свою познавательную жажду, где он находил ответы на многие вопросы жизни. Он покупал и хранил у себя все, чем был богат в то время книжный рынок: от пятикопеечной брошюры до огромных томов «Живописной России» в издании М.О. Вольфа. Его собрание представляло для нас интерес в том плане, что по его составу можно было судить о книжной продукции послереволюционного периода.

Многим орловским книголюбам хорошо знакома овальная печать на книгах «Личная библиотека И.С. Стефанова». Интересна судьба и жизнь этого собирателя.

В начале века, на улице Болховской (ныне улица Ленина) была небольшая парикмахерская, владельцем и мастером в которой был Иван Стефанович Стефанов. Одним из своих клиентов в то время он называл знаменитого писателя-орловца Леонида Андреева. После Октябрьской революции Стефанов работал гримером в Орловском театре. Здесь ему посчастливилось видеть Ф.И. Шляпина и других известных актеров и певцов, выступавших на орловской сцене.

В его обширной домашней библиотеке было немало интереснейших сочинений по русской истории, иллюстрированные издания. Книгами пользовались многие его знакомые и соседи.

Истинным книголюбом был орловский литературовед, член Союза писателей СССР Л.Н. Афонин (1918–1975). Его библиотека насчитывала свыше 8 тысяч томов книг по русской литературе, литературоведению, искусству, справочных изданий. Среди них немало редких книг с автографами.

Большие книжные собрания были у писателей В.А. Мильчакова и Е.К. Горбова, заслуженного учителя РСФСР В.Т. Милина. За

последние 10–15 лет книголюбие и книгособирательство приняло небывалый до сих пор размах. Это явилось хорошим условием для объединения сил книгособирателей. Так 12 лет назад в Орле был создан первый клуб книголюбов при книжном магазине № 1 и назван именем Н.С. Лескова. Бесменным председателем клуба является писатель В.М. Катанов.

При областной библиотеке имени Н.К. Крупской работает кружок друзей книги «Орловский библиофил». Члены этого объединения не только пропагандируют книгу и книговедческие знания среди книголюбов, но ведут исследовательскую работу по изучению книжной культуры Орловского края.

Примечания:

1 Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века. Публикация документов и исследование С.П. Луппова. – Л., Наука, 1983, с. 14, 57, 62, 64, 69, 82, 86. Назван один покупатель из Орла и 6 мценян.

2 Мартынов И.Ф. Книга в русской провинции 1760–1790 гг. Зарождение провинциальной книжной торговли. В кн.: «Книга в России до середины XIX века». – Л., Наука, 1978, с. 120 (табл.). Показано существование книжной лавки в Орле в 1787 году и названы архивные источники (ЦНИА, ф. 796, оп. 68, № 290, л. 202–205).

3 Библиотека Д.В. Ульянинского. Т. 2, с. 536, № 1525. Полное название: «Роспись российским книгам, продающимся без переплета и в разных переплетах в Университетской книжной лавке у московских купцов Кольчугиных и Переплетчиков в доме по № 144, состоящим у нового каменного Никольского мосту, и в других городах можно получить сии книги через почтовые конторы». – М., в Кампании Типографической, 1789.

4 Указ. соч., с. 120.

5 Там же, с. 119.

6 «Русская старина», 1873, т. VIII, с. 823–852.

7 Труды Орловской ученой архивной комиссии, вып. 1, 1885, с. 4–6. Приведен послужной список С.А. Неплюева.

8 А.Н. Лебедев, библиофил, двоюродный брат известного собирателя русских книжных редкостей И.М. Остроглазова. Отдельный оттиск «Надписей на книгах» имеет посвящение «Памяти друга и брата И.М. Остроглазова».

9 На книге Феофана Прокоповича «История императора Петра I». – М., 1788.

10 Азбучный указатель имен русских деятелей... Т. 1. Изд. Русского исторического общества, 1886, с. 194–195.

11 Альманах библиофила. – ЛОБ, 1929, с. 350. «...Тогда же была приобретена провинциальная библиотека генерал-лейтенанта А.И. Демидова, в числе книг и гравюр которой был отличный подбор фейерверков Анны Иоанновны и Екатерины II, перепроданный Н. Синягину за 2000 рублей и ныне находящийся в Государственной Публичной библиотеке».

- 12 Там же.
- 13 Библиотека Д.В. Ульянинского. Т. 2, № 3036. Подробно описана история продажи библиотеки последней владелицей А.А. Поречи.
- 14 «Русский архив», 1870, с. 1232.
- 15 В подтверждение: «Каталог антикварной библиотеки Е.Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д.П. Троицкого». – Киев, 1874. Зарегистрировано свыше 25 названий книг, напечатанных в орловских типографиях начала XIX века.
- 16 У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки Д.П. Маковицкого. Указатели. – М., Наука, 1981, с. 87.
- 17 Гласко Б. Старые русские помещичьи библиотеки. «Русский библиофил» – 1912, № 6. «...Библиотека в селе Александровое, в имени Барышниковва, содержащая богатейшее собрание масонских книг, частью попала в руки скупищиков».
- 18 Труды Орловской ученой архивной комиссии. Вып. 3, 1893, с. 1.
- 19 Друганев. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в Советскую эпоху. Сб. 1933, кн. 1–3.
- 20 Сборник Орловского церковно-археологического комитета. – Орел, 1905, с. VII.
- 21 ЦГАОР, фонд 230, в.о. 30, дело 52, лист 44.
- 22 Горький А.М. Неизданная переписка. – М., Наука, 1976, с. 84.
- 23 Дрвлекранилице Пушкинского Дома. – Л., Наука, 1978, с. 69. Коллекция поступила в 1965 году. 24 рукописи (XIV–XIX вв.). Оставшаяся часть (основная) сохраняется до сего времени сестрой библиофила – Варварой Михайловной Шильганек.

Н.М. Чернов

ВОСПОМИНАНИЯ О БИБЛИОФИЛЬСТВЕ ВООБЩЕ И ОБ ОРЛОВСКИХ БИБЛИОФИЛАХ В ЧАСТНОСТИ*

В неопубликованном очерке Лескова «Книгодральный бес» рассказывается о курьезной форме библиофильства в Орле в давнюю старину. Жил-де в городе сумасшедший князь Орешкин. Ненормальность его проявлялась своеобразно: увидев какую-нибудь книгу, он бросался на нее и рвал в клочья. Люди сведущие объясняли, что из шестисот действующих бесов на Орешкина напущен редчайший из них, а именно – бес книгодральный (Б.В. Варнек. Растерянный Лесков. – «Посев». Литературный и научно-художественный альманах. Одесса. 1921 г.). Опекун и наперсник Орешкина, книготорговец Барыкин якобы успевал вовремя ту или

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1995. Вып. 6

иную книгу спрятать, а потом ее присваивал, составив себе таким образом приличную коллекцию.

Среду упомянутых искуссителей несомненно существует и бес библиофильства. История Орла хранит немало тому примеров, даже – загадок, равно как и чудачеств, странностей. В числе первых орловских изданий 1814–1815 годов, предпринятых типографщиком И.Я. Сытиным, есть по крайней мере два, принадлежавших перу юноши, подверженного крайней форме мистического мышления, – Александру Ковалькову. Он считался воспитанником богатого и знатного И.В. Лопухина, сподвижника Н.И. Новикова. Одни называли Ковалькова племянником Лопухина, другие были уверены, что он его незаконнорожденный сын. Книги свои юноша, несомненно, издавал на средства патрона. Войдя в возраст, Ковальков сумел преодолеть «книгобесие», дослужился до тайного советника, пожалован камергером. Был одно время директором департамента («Сборник биографий масонов в России XVII–XIX вв. На фр. яз. Сост. Т. Бакунина. Париж. 1967).

В селе Хотетово Орловского уезда (ныне Свердловский район) в екатерининскую эпоху жил Михаил Иванович Ковалинский, человек ученый и чиновный. Он служил одно время правителем Рязанского наместничества, а потом – куратором Московского университета. Пользовался покровительством Павла I. Так вот, этот знатный деятель всячески сочувствовал взглядам украинского философа Г.С. Сковороды, который гостил в его Хотетове. Ковалинский считал себя его учеником. Беседы с философом, слышшим за мудреца и юродивого, хозяин порой записывал. Записи эти частью изданы. У Ковалинского хранился и манускрипт Сковороды «Потоп Змеин», трактат в форме диалога (С.П. Жихарев. Записки современника. – М. –Л., 1955, с. 21–22).

Конец XVIIIвека был наиболее значительным периодом становления библиофильства в Орле. Этому увлечению предавались влиятельные и высокопоставленные лица города – губернский предводитель дворянства Е.Л. Цуриков, А.Г. Теплов, сын известного вельможи и сам бывший губернатор, правитель Орловского наместничества С.А. Неплюев, женатый на сестре Теплова, граф М.Ф. Каменский, председатель палаты уголовного суда Н.И. Шеншин, советник наместнического правления К.А. Краевич. Таких именитых любителей книги Орел уже никогда не имел позднее.

Наместник Неплюев сотрудничал в журналах, полемизировал с Державиным, фельдмаршал М.Ф. Каменский, очень похожий на своего литературного двойника старого князя Болконского, занимался математическими науками, писал стихи. В эти же годы в Орле почтмейстером служил Иван Матвеевич Косяровский, дед Гоголя (И. Золотусский. Гоголь. – Мол. гв., 1979, с. 17). Косяровский, несмотря на разницу положений, по-родственному был принят в доме министра Д.П. Трощинского. Последний владел превосходной библиотекой, где имелись и орловские издания. В этой библиотеке иногда работал юноша Гоголь.

Экземпляры книг, бытовавших в Орле в XVIII в., встречаются очень редко. Все расхищено, уничтожено, либо – рассеялось. Целостных собраний – единицы. Помню, как мы с В.Г. Сидоровым по крупичам отыскивали сведения о Михаиле Алексеевиче Тимирязеве, чья владельческая надпись есть на одном из томов в Орловской областной библиотеке. В результате выяснилось, что Тимирязев – внук Якова Лутовинова, сородича Тургенева. А по своей фамильной линии он – правнук Степана Тимирязева, предка известного естествоиспытателя. Степан был воеводой на Тульских и Венёвских засеках в 1670-х годах.

Упомянутый Михаил Тимирязев имел деревни в Ливенском уезде (ныне Колпнянский район) и в Кромском (по тогдашнему делению), а теперь это Покровский район. Обе они до сих пор именуются Тимирязевыми. В редком теперь исследовании Н.Г. Высоцкого «Первый скопческий процесс» (М., 1915 г.) М.А. Тимирязев упоминается как владелец крестьян, впавших в скопческую ересь.

Вот и задумаешься. Человека нет давно. Где похоронен – неизвестно. О каком-либо надгробии и спрашивать нечего. Все материальное, любые воспоминания исчезли навсегда. Все, кроме этого томика. Оно – единственное издание – не позволило забыть его владельца. Поистине, книга – не только лучший подарок, но и лучший памятник.

Однажды показал мне В.Г. Сидоров, в то время директор областной библиотеки, «Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1787-е». На этом необходимом в то время каждому порядочному дому издании были памятные записи владелицы. Как потом выяснилось – Варвары Сергеевны Цуриковой, урожденной Байковой. Немудрые по содержанию, но через двести лет оказавшиеся

необычно информативными: о родственниках, крестинах и именинах, о костюмированном бале в Орле, о пребывании в своей орловской деревне Лебёдка (ныне Урицкий район) и т.д. Но есть в Месяцеслове значительные пометки, вроде проезда императрицы Екатерины II через Орел и церемониях по этому случаю (В. Сидоров. Надписи на книге. – «Орловская правда», 1988, 6 февраля).

Варвара Сергеевна была женой Василия Лаврентьевича Цурикова. Брат его, уже упоминавшийся предводитель Егор Лаврентьевич, – отставной бригадир и библиофил по сердечной склонности. У Егора детей не было, а внуки и правнуки Варвары и Василия Цуриковых были современниками Пушкина и Тургенева, оставили по себе разнообразную память. Род этот, к счастью, не пресекался. Цуриковы есть и в нынешней России, есть в США, в Париже, Праге, Мюнхене.

Недавно скончавшийся книговед и знаток орловской книжной старины Алексей Серафимович Захаров в последние годы работал над составлением «Словаря библиофилов» и «Указателя частных библиотек на Орловщине XVIII – начала XX века». Труд этот, по-видимому, остался незавершенным. Как жаль, что пока нет энтузиаста, способного продолжить нужное дело. А.С. Захаров присылал мне для просмотра предварительный «персоналий» к указателю, не раз приезжал для консультаций. Помню, что содержались в этом списке сведения из малоизвестных источников. Например, о книжном собрании мценских Матвеевых, состоявшем из изданий по истории и политическим наукам. Я тогда говорил Захарову, что это, вероятно, библиотека публициста и ученого Павла Александровича Матвеева. Он умер около 1911 года, был автором работ по экономике, статистике, юриспруденции. Но печатал статьи и о Гоголе, Л. Толстом, Тургеневе.

В том же захаровском списке упоминалась библиотека в 20 тысяч томов, принадлежавшая известной меценатке, княгине А.Д. Тенишевой из с. Александровки того же Мценского уезда. Собрание ее включало книги из т.н. «Кавелинской» библиотеки. О последней можно лишь предположительно сказать, что это книги профессора К.Д. Кавелина, купленные богатой А.Д. Тенишевой. Помимо школы кружевниц в Мценске, она основала в этом городе перед революцией общественную библиотеку. В нее, возможно, и попали некоторые книги Кавелина.

В моем собрании есть 2-томная «Историческая хрестоматия» А.Д. Галахова (СПб., 1861 г.), купленная когда-то у московских букинистов. Это прекрасный экземпляр в переплете заграничной работы. На титульном листе – штамп мценской общественной библиотеки.

Увы, список А.С. Захарова далеко не полон. В нем нет, например, известного владельца усадьбы в с. Шаблыкино Н.В. Киреевского. Его книжное сорание насчитывало более 18 тысяч томов, на многих языках. Он был человеком просвещенным и щедрым. Давал книги всем, кто хотел (Военно-статистическое обозрение Российской империи. Часть 5-я. 1853, с. 129). В числе владельцев обширных книжных собраний в Орле в начале XIX века не раз попадалось имя Пушкаревых. О них и их библиотеке, к сожалению, ничего найти не удалось. Между тем, отсюда началась ученость Т.Н. Грановского («Грановский и его переписка», I. – М., 1897, с. 7).

Еще одна пока неизвестная библиотека принадлежала Ивану Михайловичу Казакову из сельца Алексеевка луковской волости (ныне Колпнянский район) Отставной военный, из просвещенной патриотически настроенной семьи, И.М. Казаков был типичным «шестидесятником» прошлого века. Страстный меломан, он каждое лето принимал в своей малоархангельской музыкантов и актеров. У него гостила известная в Европе польская певица Марчелла Зембрих. Собрание Казаковых располагало обширным нотным отделом, в нем были старые русские журналы и газеты, изданные на нескольких языках. Книги собирал и отец И.М. Казакова, Михаил Иванович, автор мемуарных записок, опубликованных потом в журнале «Русская старина». Казаков-старший отличился в войну 1812 года. Пятнадцатилетним офицером он прошел с ротой лейб-гвардии Семеновского полка до Парижа, был одно время ординарцем у А.П. Ермолова.

Замечательный искусствовед и исследователь старины Иван Иванович Лазаревский (1880–1948) был внуком Дмитрия Николаевича Шеншина из Ближней Волковой под Мценском. Последний сберегал в своем доме много старинных вещей, книг, фарфора. В молодости был знаком с И.С. Тургеневым. Свое собрание Дмитрий Шеншин получил от прадеда, упомянутого выше библиофила и председателя уголовного палаты Н.И. Шеншина.

Словом, в ближней Волковой, где вырос Лазаревский, существовало настоящее культурное гнездо. Не случайно Иван Иванович стал искушенным и страстным коллекционером (журнал «В мире книг», 1983, 12). Он – автор своеобразного бестселлера – книги «Среди коллекционеров» (первое издание 1912, в моем собрании – третье, «лейпцигское», издание 1922 года). И.И. Лазаревский повествует, как в оное время из старинной родовой библиотеки потомка героя 1812 года, орловского дворянина Матвеева был продан воинский устав эпохи Павла I. «Экземпляр был отличной сохранности и иллюстрирован рядом раскрашенных рисунков, изображающих артиллерийское обмундирование того времени» (с. 27).

В данном случае, несомненно, имелась в виду библиотека генерал-майора Василия Павловича Матвеева из Болховского уезда, служившего в 1830–40-х годах командиром Орденского кирасирского полка. У него под началом некоторое время состоял А.А. Фет, родственник Матвеевых, оставивший о генерале добрые воспоминания. Будучи в отставке, В.П. Матвеев дважды приезжал к своему однополчанину на именины в Степановку (А. Фет. Мои воспоминания, II. – 1890, с. 284–286).

Среди знатоков Орел почему-то не считается «книжным городом». Об уникальной книгоиздательской фирме И.Я. Сытина в Орле 1814–1832 годов, выпустившей около 150 томов разнообразной литературы, даже специалисты имеют смутное представление. А сколько забытых орловских книг конца прошлого века и даже советского периода! Открываю свою картотеку и с тоской взираю на длинный перечень книг, напечатанных в Орле, но на моей памяти практически никогда не появляющихся в продаже. Я уж не говорю о таких шедеврах, как дебют И.А. Бунина – сборник его стихотворений (1891 г.). Но на книжном рынке библиофил не найдет сегодня ни за какие деньги брошюры Н.П. барышниковца «Из прошлого» (Орел, 1886), книги В. Азбукина «И.А. Гончаров в русской критике» (Орел, 1916, 293 с.) или первого сборника материалов о писателе Николае Островском, изданного в Орле в 1938 году. Пора бы кому-нибудь взяться за выявление полного репертуара орловских типографий с 1814 по 1960-е годы.

За полвека моего увлечения приходилось встречаться в Орле с многими эрудитами, подлинными любителями книги. Высоко ценю качества Василия Михайловича Катанова как литератора,

собирателя и исследователя. Мне посчастливилось сотрудничать с В.А. Громовым, Л.Н. Афоным, П.К. Сизовым, С.А. Пискуновым, А.В. Кушаковым, Д.Д. Ерохиным, Г.Ф. Соловьевым. Добрым словом мы обязаны помянуть Любовь Егоровну Максимову и Иду Ивановну Самодурову. Искренне радуюсь, к сожалению, редким теперь встречаю с людьми исключительной осведомленности – С.И. Федоровым, Б.В. Богдановым, Г.М. Шевелевой, А.И. Понятовским, Р.М. Алексиной, Н.А. Плехановой.

Библиофильство в высшей степени демократическое занятие. Оно не признает никакого подобия рангов. До сих пор с благодарностью вспоминаю старейшего орловского букиниста послевоенных лет Василия Федоровича Чеботарева. Терпеливо учил он начинающих библиофилов всему, что знал сам о редкой книге. Как талисман стоит у меня на полке 2-й том «Полного географического описания России» (СПб., 1902), который Василий Федорович мне буквально всучил. Я тогда ничего не знал об этом издании и без воодушевления отнесся к перспективе заплатить за том приличную по тому времени сумму в 10 рублей, при месячной зарплате в 930.

Благословенные времена молодости... Все еще было впереди.

Москва

17 января 1994 года

А.С. Захаров

БИБЛИОФИЛЬСКИЕ НАХОДКИ*

Книгами своей мечты называют многие библиофилы «Русский биографический словарь», изданный в 25 томах Русским историческим обществом в 1896–1918 годах.

Однажды я упустил его. Это было лет 13–14 назад. Один мой знакомый московский собиратель предложил мне купить комплект РБС с двумя дополнительными томами, один из которых был корректурным (Вавила-Веселовский), другой – копия рукописи тома с окончанием буквы Т, хранящейся в библиотеке Ин-

* *Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5*

ститута мировой литературы АН СССР. Тогда я не купил его, цена показалась больно высокой. Потом наша связь с собирателем прервалась и редкостный комплект словаря пропал из поля моего зрения.

Через несколько лет судьба свела меня с другим коллекционером книг из Москвы, профессором Алексеем Анатольевичем Венгеровым (не имеющим ничего общего с С.А. Венгеровым). Библиотека А.А. поразительно по своей исключительной сохранности экземпляров и красоте переплетов. Пожалуй, подобное собрание вряд ли можно встретить. Переплеты, исполненные средним переплетчиком, допускались туда в исключительных случаях. Такое исключение получил «Русский биографический словарь», часть томов которого была одета в недавнее время в ледерин. Именно это тяготило собирателя. Меня же это обстоятельство устраивало, и после некоторого раздумья Алексей Анатольевич согласился уступить его мне. Уговорились о цене и расщотке платежа (единовременная выплата была тяжела), книги благополучно перекочевали в Орел, обретя орловское книжное гражданство.

Ценность «Словаря» общеизвестна. История его издания связана с деятельностью императорского Русского исторического общества. Обсуждение этого издания началось в 1875 году, в связи с празднованием 10-летия исторического общества. Тогда была создана особая комиссия в составе князя А.Б. Лобанова-Ростовского, А.Ф. Бычкова, Н.В. Калачова, К.К. Злобина, Ф.Ф. Веселого, представившая программу издания. В ней говорилось: «Словарь должен иметь характер справочной книги; поэтому в него, по возможности, следует включать имена всех лиц, о которых упоминается в исторических памятниках и которые с самого начала русской истории до новейшего времени оставили по себе след, как в хорошем, так и в худом отношении, на каком бы то ни было поприще (государственном, литературном, художественном, промышленном, торговле и пр.)... В статьях должны быть помещаемы, главным образом, **верные факты и хронологические данные, с устранением всяких личных рассуждений и критических заключений**, причем должны быть постоянно указываемы источники...»

Несмотря на четко разработанные принципы составления биографий, подготовка к изданию словаря началась лишь в 1879 году,

когда председателем общества был избран А.А. Половцов, взявший на себя руководство научным изданием.

Предварительно был разработан список имен, необходимых для включения их в словарь. Азбучный указатель составлялся под руководством Г.Ф. Штендермана и при деятельном участии П.Н. Петрова. Для подготовки указателя составителями были просмотрены все издания имп. Археографической комиссии, начиная с летописей, все исторические сборники. Кроме того, были взяты сведения, извлеченные из следующих рукописных источников, хранящихся в архивах: 1. Рукописное собрание П.И. Баранова о сенаторах со времени учреждения Сената; 2. Сведения о лицах, служивших в учебном отделении восточных языков Азиатского департамента, собранные М.А. Гамазовым; 3. Биографические очерки русских женщин до 1873 года, собранные А.И. Лером; 4. Списки чиновников, с биографическими о них сведениями, составленные в 1757 году, хранящиеся в Архиве Сената в Москве (сообщ. Н.В. Калачовым); 5. Списки послов и посланников, отправленных из Московского государства в Германно-Римскую империю со времени Иоанна III до Петра Великого; 6. Краткие списки русских дипломатов, служивших за границей, в Европе и Америке, с 1801 по 1841 год.

Из печатных источников были также просмотрены все энциклопедические словари, выходившие до того времени, месяцесловы, календари с росписью чиновных особ за время царствования Екатерины II, Павла I и Александра I, списки первых чинов военных и гражданских за время царствования Екатерины II и Павла I, хранящиеся в единственном экземпляре в имп. Публичной библиотеке (ныне Гос. Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина). Кроме того, составлен был сводный алфавитный перечень авторов, помещенных в книгопродавческих каталогах Сопикова, Смирдина, Плавильщикова, Ольхина, Генкеля и Глазунова. Таким образом, был составлен общий свод по авторам всего напечатанного до 1881 года.

Работа над составлением азбучного указателя затянулась на несколько лет. Печатание его началось в 1884 году. Первый том, охватывающий буквы А–Л, вышел в феврале 1887 года, а в конце того же года был отпечатан и второй том. Напечатанный в двух томах «Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского Биографического словаря» заключал в себе, по подсчету Г.Ф. Штендер-

мана, до 60000 имен. Отпечатан он был тиражом 600 экземпляров, 117 из которых были предназначены для рассылки различным учреждениям и лицам для рецензирования и исправления ошибок.

По мнению А.А. Половцова и Г.Ф. Штендермана будущий словарь предполагалось ограничить выпуском шести томов. Однако это предположение не оправдалось и издание разрослось до 25 обширных томов (около 16000 страниц). Но даже и в таком объеме он не охватывал всех букв русского алфавита.

* * *

Своеобразным дополнением к «Русскому биографическому словарю» является книга «Императорское Русское историческое общество. 1866–1916», изданная в Петрограде в 1916 году, в лучшей типографии того времени – Экспедиции Заготовления государственных бумаг. Издание – образец роскоши. Кстати, содержание также представляет значительный интерес. В конце книги помещен словарь членов общества за 50 лет его существования и указатель содержания 147 томов сборника, выпущенных Русским историческим обществом. На отдельных листах представлены 100 изумительных по исполнению портретов основателей и членов общества. Назову имена наиболее известных деятелей, чьи портреты приложены в юбилейном издании: Б.Л. Модзалевского, В.И. Сайтова, В.В. Майкова, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова, Н.Д. Чечулина, В.О. Ключевского, В.С. Иконникова, С.А. Панчуладзева, Н.П. Лихачева, А.Н. Пыпина, П.Я. Дашкова, Н.И. Костомарова, Д.Ф. Кобеко, Л.Н. Майкова, Н.К. Шильдера, И.Е. Забелина, Н.В. Калачова, гр. Д.С. Шереметьева, кн. С.Н. Урусова, П.П. Пекарского, кн. А.Б. Лобанова-Ростовского, А.Н. Попова, П.А. Муханова, кн. М.А. Оболенского, К.П. Победоносцева, П.И. Бартенева, гр. А.С. Уварова, Д.В. Поленова, С.М. Соловьева, Я.К. Грота, Е.М. Феоктистова, гр. Д.А. Толстого, гр. М.А. Корфа, А.Ф. Бычкова, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.А. Половцова, а также великих князей, царствующих особ.

* * *

В июне прошлого года дела привели меня в Ленинград. Освободившись от всех забот и поручений, я отправился бродить по книжным магазинам. Просматривая каталог наличия в магазине

«Старая книга», что на углу улицы Герцена и Невского проспекта, я натолкнулся на «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова...» (СПб., 1820). На мое несчастье, на месте не оказалось продавца и книгу мне пришлось увидеть только на следующий день. Мне принесли увесистый том, не соответствующий объему «Росписи». Но стоило открыть его – и все прояснилось. Переплетчик вклеил после каждого печатного листа – чистый, из-за чего книга приняла квадратную форму. Кроме того, форзац был исписан почерком того времени, в тексте имелись рукописные пометы. «Роспись» Плавильщикова встречается крайне редко, поэтому я не задумываясь купил ее и только в Орле принялся за расшифровку надписей. Открытие было потрясающим! Экземпляр принадлежал Василию Григорьевичу Анастасевичу, составителю каталога, и все написанное было сделано его рукой. Почерк разбирался тяжело и не все удалось прочитать, но и прочитанное представляет большой интерес для книгovedов.

В своих записках В.Г. Анастасевич раскрывает историю издания каталога, показывает свое участие в нем. Далее он называет автора рецензии на «Роспись», напечатанной в 1821 году: «Писано Ф. Булгариным, который таясь сказал на А.А. Яковлева. Как недельное и злостное оставлено мною без ответа, тем более что не советовал и пр. Евгений (Болховитинов – А.З.)». До настоящего момента авторство приписывалось разным лицам. Наибольшее значение имеет сообщение В.Г. Анастасевича об истории подготовки нового каталога А.Ф. Смирдиным, купившим после смерти В.А. Плавильщикова его книжную лавку и библиотеку для чтения, о мытарствах, которые испытал Смирдин, готовя к изданию каталог.

О своей находке я рассказал как-то известному московскому книгovedу А.П. Толстякову, работавшему в то время над книгой о Смирдине. Дальше все просто... Книга перешла в собрание Артура Павловича. От него я получил «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина...» (СПб., 1828), принадлежавшую когда-то известному русскому библиографу и библиотфилю М.П. Полуденскому с его надписью на титульном листе. Другой книгой, полученной от А.П. Толстякова, была «Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н.П. Смирнова» (СПб., 1898), с двумя дополнительными корректурными тетрадками.

Естественно, автографы В.Г. Анастасевича исключительно редки, и экземпляр, испещренный рукою знаменитого библиографа, не может быть равноценным двум полученным книгам, но сознание, что эта редкость находится в руках человека, который непременно напишет о ней, – успокаивает.

* * *

В прошлом году я получил от минского собирателя Олега Александровича Судленкова большую подборку изданий Русского библиографического общества при Московском университете. Меня давно интересовала деятельность этого общества, и я исподволь собирал о нем сведения. Русское библиографическое общество (РБО) оставило заметный след в разработке теоретических вопросов библиографии, ее истории. Надо сказать, что общество не чуждалось и библиофильских проблем. На его заседаниях было прочитано около 30 докладов чисто библиофильского содержания. К сожалению, это не нашло отражения в «Истории советского библиофильства» П.Н. Беркова. Среди членов общества было немало известных библиофилов того времени, таких как Д.В. Ульянинский, В.Я. Адарюков, А.П. Бахрушин, Л.Э. Бухгейм, У.Г. Иваск и других.

Председателем РБО с октября 1899 до апреля 1903 года был профессор Московского университета Александр Иванович Кирпичников (1845–1903), уроженец города Мценска Орловской губернии. Ученик выдающегося русского филолога Ф.И. Буслаева, А.И. Кирпичников стал признанным литературоведом и историком искусства. Он преподавал в Харьковском, Новороссийском и Московском университете, работал хранителем древностей в Румянцевском музее (1898–1902), им написан цикл лекций по истории книги (изданы в Одессе). В Русском библиографическом обществе А.И. Кирпичников выступал с рядом докладов, посвященных различным темам. Для книголюбов представляют интерес статьи Кирпичникова о книжной торговле в Париже и Риме, где он находился в 80-х годах. В авторе угадывается большой знаток книжного дела, редких и ценных зарубежных изданий. Перед читателем проходит целая галерея букинистов с набережных Сены, библиофилов Парижа и Рима.

Секретарем РБО и ее последним летописцем был М.Н. Орлов, родившийся в Орле, в семье служащего. Им написан историче-

ский очерк общества за 35 лет его существования, напечатанный в журнале «Библиографические известия» 1924 года. (Издан отдельной книгой тиражом 200 экз.) Н.Н. Орлов, член РОДК, автор свыше 170 работ по библиографии. В моем архиве хранятся письма Николая Николаевича, написанные в разные годы библиофилу из Гомеля, ныне покойному С.Д. Шнапиру. В них немало любопытного о старых советских библиофилах и книжниках. Последнее письмо датировано 26 февраля 1865 года, а 5 марта Николая Николаевича не стало. Интереснейший архив библиографа и библиофила хранится в ОРГБЛ. В будущем словаре «Деятели книги – уроженцы Орловского края» ему будет отведено соответствующее место.

* * *

Литература о книжных редкостях составляет гордость библиоманов и отчасти библиофилов-собирателей. Подбор ее невелик. Из дореволюционных изданий, специально посвященных данной теме и выпущенных отдельной книгой, это сочинения Н.И. Безезина, Ю.Ю. Битовта, А.Е. Бургева, Г.Н. Геннади, Н.В. Губерти, П.А. Картавова, С.Р. Минцлова, И.М. Остроглазова и Л.М. Савелова. Несмотря на малое их количество, собрать все издания непросто. Основная тому причина – малотиражность и постоянный покупательный спрос.

Я не ставил перед собой подобной цели, но в то же время не упускал случая приобретать их. Все они, за исключением сочинений А.Е. Бурцева, встречались на моем собирательском пути, и я старался если не удержать их у себя, то хотя бы основательно изучить их.

Как-то получалось, что наиболее редкие издания я приобрел раньше, а казалось бы распространенные – наоборот. Долгое время мне не попадалась книжечка замечательного генеалога и историка родословия российского дворянства Л.М. Савелова «Генеалогические редкости». Список редких и замечательных изданий по русской генеалогии» (М., 1904) . Издана она Антикварной книжной торговлей П.П. Шибалова тиражом 625 экземпляров. Мне неизвестно, в каком виде был отпечатан весь тираж, на экземпляре, присланный мне из Ленинграда Н.М. Часовым, напечатан на веленовой бумаге. Сохранность книги изумительная.

В «Генеалогических редкостях» Л.М. Савелов описал 111 изданий, выпущенных в количестве 25–200 экземпляров. Под номером 80 в ней описана «Родословная роспись рода Каменских. Издана иждивением графа М.Ф. Какмнского. Посвящается графу Н.М. Каменскому» (Орел, 1808). Происхождение издания более чем загадочное. Его не видал ни автор «Генеалогических редкостей», ни один из последующих библиографов и краеведов. Известно, что М.Ф. Каменский, внося свой род в дворянскую родословную книгу Московской губернии, представлял в 1786 году в Сенат поколенную роспись Каменских. Соответственно он собирал сведения о своих предках. По всей вероятности, эти документы послужили материалом для издания. Факт его опубликования сомнения не вызывает. Другой вопрос – где она была напечатана? По существующим сведениям, в Орле типографии тогда не было. Остается Москва, где у фельдмаршала были налаженные связи. Во всяком случае, загадка не будет разрешена, пока не будет обнаружено издание.

Под № 11–24 «Генеалогических редкостей» описаны родословные сочинения уроженца Орловщины, монаха Новосильского монастыря, игумена Ювеналия Воейкова. Все они, по словам Л.М. Савелова: «Принадлежать к редчайшим изданиям... Все экземпляры Воейковских родословий известны едва ли не наперечет». Кстати, и генеалогические труды самого Л.М. Савелова не менее редки. Несмотря на мои усиленные поиски, некоторые из них я так и не обнаружил.

* * *

В Киеве я не был около двух лет. С большой радостью готовился вновь встретиться с этим прекрасным городом, запомнившимся мне с первого посещения. Тем более я ехал в августе и на целых четыре дня. Остановливаюсь у приятеля-библиофила Михаила Андреевича Грузова. Просторная квартира в центре Киева, на улице Рейтерской, названной в честь Рейтарского полка, квартировавшего когда-то на этом месте. Приятная беседа в окружении книг затягивается далеко за полночь.

В Киеве мне предстояла не только встреча с друзьями-книжниками. По моим сведениям, в фондах Центральной научной библиотеки УССР (ЦНБ) хранятся экземпляры орловских книг,

изданных в 1814–1830 году, известных только по описанию этого книгохранилища.

Друзья побеспокоились заранее. Без лишних оформлений попадаю в отдел книговедения, здесь же хранятся и редкие книги. Любезный Николай Филиппович Кодак, заведующий отделом, знакомит с сотрудницей, чья помощь ощущалась во время всей моей работы в библиотеке. Просмотр книг подходил к концу, ни одна из них не была пока чем-то примечательной. Но в конце судьба побаловала меня. Очередь дошла до книги «Опыт о прекрасном, или изящном. Соч. г-на Андре, с предварительным рассуждением и замечаниями о вкусе г. Формея». Ч. 1–2 (Орел, 1823). Бегло перечитываю текст. Страшная скука, хотя речь идет о выборе художественных произведений для чтения, о красноречии, красоте человека. Самое удивительное, это сочинение было включено в список изданий по искусству XVIII – начала XIX века известным букинистом, членом РОДК А.Г. Мироновым (напечатан в памятке РОДК 1927 года). Осиливаю последнюю страницу и вдруг читаю: «Имена особ, подписавшихся на получение сей книги»... Ни много ни мало более 150 имен уроженцев Орловского края. Если бы знали подписчики того времени, с каким интересом я вчитывался в каждое имя, напечатанное здесь...

Находка была необыкновенной. Интерес к ней усиливался тем обстоятельством, что экземпляр книги некогда принадлежал орловцу, современнику издания, и он постарался оставить против многих имен характеристики, порой шуточные, а то – убийственные, вроде «мценский мошенник». Список имен будет полностью помещен в качестве приложения к именованным экземплярам каталога «Книги, отпечатанные в Орле в 1814–1830».

В завершение работы мне приносят широко известную орловским краеведам небольшую книжечку в 29 страниц под названием: «Путешествие его величества государя императора чрез Орловскую губернию в 1823 году». Напечатана она в губернской типографии. Год издания не указан. Текст начинается с заголовка: «Журнал путешествия его императорского величества чрез Орловскую губернию и о высочайшем пребывании в Орле 1823 года». Автора установить не удалось.

Брошюра была перепечатана в 1892 году в «Трудах Орловской архивной ученой комиссии», но оригинал ее отыскать не удава-

лось и только сейчас я сумел подержать его в руках. К сожалению, переплетен он с двумя другими изданиями. Переплетчик не сохранил обложку, и мне тяжело представить ее в первозданном виде. Но издатель старался, отпечатав книгу на бумаге лучшего качества, какую мне приходилось когда-либо видеть. Типографские украшения отсутствуют.

Судьбу экземпляра установить не удалось, прежние владельцы не оставили своих помет.

Обзор города заканчивается к исходу дня, а вечером отправляюсь в гости к Я.И. Бердичевскому. Давно мечтал взглянуть на его известную коллекцию прижизненных изданий А.С. Пушкина и окружения поэта. Собрание заслуживает самой высокой похвалы. Подобной в нашей стране нет. В скором времени в Киеве будет открыт музей «Пушкин и Украина», куда переедет вся Пушкиниана Я.И. Бердичевского. Безвозмездный дар библиофила – пример истинного назначения библиофильства, о чем забыто в наши дни.

Помимо пушкинских реликвий, у собирателя немало других ценнейших изданий по библиографии, истории литературы, генеалогии. Оценка личной библиотеки должна составляться из совокупности нескольких слагаемых и в первую очередь – от ее назначения и использования. При жизни владельца она – живой организм и должна выдавать заключенную в себе информацию, в каком бы то ни было виде, подобно аккумулятору, выдающему запасы своей энергии. В противном случае библиотека мертва. О книгах киевского библиофила этого не скажешь. Яков Исакович – знаток изданий XIX – начала XX века, а в своей библиотеке он блестящий комментатор.

В этой библиотеке мне довелось встретиться с книгой, за которой я охотился свыше десятка лет.

В моих руках лежала книга М.Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» (М., 1867). Издана она тиражом 800 экземпляров, но, по неизвестным мне причинам, встречается исключительно редко. Автор, Михаил Николаевич Лонгинов (1823–1875), известный библиограф и библиофил, в год выхода книги заступивший на пост орловского губернатора и проживший в Орле до назначения его в 1871 году начальником Главного управления по делам печати. На этом поприще он прославился как жестокий

преследователь и гонитель печатного слова. Но речь не о Лонгинове – чиновнике цензурного ведомства, а о сведениях, собранных им о выдающемся деятеле просвещения, журналисте и издателе XVIII века Н.И. Новикове и его сподвижниках. Книга содержит богатейший материал и документы не только биографического характера о Н.И. Новикове, но и широко освещает общественное движение во время царствования Екатерины II. По фактическим данным она несколько не утратила своего значения в наши дни.

Масонское движение в конце XVIII века распространилось не только в центральных городах России, но и в провинции. В 1784 году масонская ложа была открыта в Орле. Основателем ее был друг и соратник Н.И. Новикова Иван Владимирович Лопухин, уроженец Орловской губернии, один из идеологов русского масонства. Находясь в Орле, он уговорил своего приятеля, орловского вице-губернатора Захара Яковлевича Карнеева (1747–1828) стать во главе масонской ложи, сам же сохранив за собой звание надзирателя ее. Участниками созданной ложи стали: губернатор С.А. Неплюев (вскоре отставший от масонства), Н.Я. Свербеев, члены губернских палат Нелединский и Ржевский, ассессоры Милонов и Карнеев-младший. Деятельность орловских масонов не изучена, но можно смело сказать одно – оно сыграло значительную роль в распространении книжной культуры в нашем крае. Не случайно на Орловщине хранились ценнейшие собрания масонских книг у Н.П. Барышникова в Болховском уезде, у В.Я. Скарятин в Малоархангельском уезде, перешедшая впоследствии к фольклористу А.А. Стаховичу. В переписке масонов часто упоминаются имена А.А. и А.И. Плещеевых, масоном был Н.В. Репнин, орловский генерал-губернатор, и другие видные деятели того времени, чьи имена тесно связаны с Орловским краем. О многом можно узнать из исследования М.Н. Лонгинова о Новикове. Немало страниц в нем посвящено И.В. Лопухину. Здесь, во всей полноте, представлена его издательская и просветительская деятельность. Не без интереса читается документ о продаже имения Н.И. Новикова, находившегося во Мценском уезде: «Орловское имение Новикова во Мценском уезде, 99 душ, оцененное в 7905 рублей, назначено было в продажу по торгам 15 января, 1 и 15 февраля 1796 года, но охотников купить его не оказалось. То же самое повторилось при аукционной продаже в самом Орле

28 августа, 18 сентября и 3 октября. Третий раз назначили торги опять в Москве на 10, 21 и 31 октября. На последнее явилось семь покупателей, и имение осталось за бригадиром Тихоном Алексеевичем Ярославовым в сумме 16225 рублей». Особый интерес в книге представляют «Приложения». Они составлены из архивных документов и занимают в ней чуть меньше трети издания – 162 страницы.

Сейчас эта книга в моем собрании. Я часто обращаюсь к ней за справками. Это было первое издание в России, рассказывавшее читателю о многострадальной судьбе замечательного русского просветителя и журналиста.

Перед уходом Яков Исакович протянул мне пачку открыток, сказав: «А это Вам презент». Подарок оказался весьма любопытным. Это были одиннадцать открыток «Юбилейного Ермоловского издания В.Р. Апухтина». Я о них ничего не слышал, да и краеведы не могли ничем помочь. На обороте 10 открыток было напечатано: «Половина чистой прибыли от этого издания предназначается на устройство музея имени генерала А.П. Ермолова», а на одной из одиннадцати говорится, что прибыль пойдет на сооружение памятника А.П. Ермолову в Орле. Что это за юбилейное издание и почему о нем не знают в Орле?

Всеволод Ростиславович Апухтин (род. в 1874 г.), болховский помещик, археолог, член-сотрудник С.-Петербургского археологического института, председатель Орловского отделения императорского Русского Военно-Исторического общества, жил, по всей вероятности, в Петербурге, но, страстно любя Орловщину, свободное время посвящал изучению ее старины. В 1902 году в «Орловских епархиальных ведомостях» был напечатан труд В.Р. Апухтина о древних церквях города Болхова. Первоначально он был прочитан автором в виде реферата на собрании Орловского церковно-археологического комитета. Свой доклад автор подкреплял показом фотографических снимков старинных храмов, икон и рукописей, объяснив, что снимки он сделал во время своего 4-месячного путешествия по Орловщине. После этого сообщения В.Р. Апухтин был принят членом Орловского церковно-археологического комитета. В 1913 году он составил книгу о Болхове «Болховская старина: Вып. 1. Выборки из Болховской

десятки 1622 г. и из других разрядных документов Московского архива Министерства юстиции за время царствования Михаила Федоровича (Болхов, 1913). Работая в архивах Москвы и Петербурга, он собирал материалы об Отечественной войне 1812 года. Как результат поисков вышло несколько изданий этого автора: «Сердце России. Первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. Очерк и архивные материалы» (М., 1912); «Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812–1813 гг. Вып. 1. (Труды Орловского отдела имп. Русского Военно-Исторического общества) (М., 1913) и «Орловское дворянство в Отечественную войну: Очерк и материалы» (Орел, 1913). По всей видимости, тогда и возникла у краеведа мысль о «Ермоловском юбилейном издании». Ввиду полного отсутствия сведений о нем, я сделал краткое описание имеющихся в моем распоряжении открыток. Размер их 137×86 мм.

1. Портрет А.П. Ермолова, рис. Д. Доу, в овале, украшенном ветками лавровых деревьев. Овал расположен между двух колонн, соединенных в арку. Наверху арки – корона Александра I, под ней надпись: «1812–1912». Внизу портрета краткая биография полководца. Открытка рисована Н. Скрыбиным и отпечатана способом хромолитографии в цвете.

На обороте этой открытки сказано, что средства от издания пойдут на сооружение памятника А.П. Ермолову в Орле.

Не исключено, что издание было предпринято на средства, собираемые по подписке орловским дворянством на сооружение памятника герою-земляку.

2. Поясной портрет А.П. Ермолова (рис. В.Ф. Тимма).

3. Поясной портрет Московского главнокомандующего гр. Ф.В. Ростопчина.

4. Государь император Александр Павлович и его главные сподвижники. В центре портрет Александра I. Вокруг него портреты: цесаревича Константина Павловича, М.И. Кутузова, М.Б. Баркляя-де-Толли, П.И. Багратиона, А.П. Тормасова, М.И. Платова, Н.М. Бороздина и П.Х. Вигтенштейна.

5. Император Наполеон и его сподвижники. (В центре портрет Наполеона. Вокруг изображения: Даву, Ренье, Любура, Мюрата, Нея, Удино, Макдональда, Сира).

6. Французы в Смоленске 18 августа 1812 года. (С рис. фр. художн. Адама).

7. Французы в Москве грабят обывательские дома. (С рис. фр. художн. Адама).

8. Сражение при Бородине 26 августа 1812 года. (С грав. печат. в 1814 г. Собств. автора).

9. Атака донских казаков при местечке Мире 27 июня 1812 года.

10. После окончания сражения под Бородиным. (С рис. фр. художн. Фабер дю Фора).

11. Разбитие маршала Нея при г. Красном 6 ноября 1812 года. (С грав., печат. в 1814 году. Собств. автора).

Шесть последних открыток сопровождает пояснительный текст, взятый из «Записок» А.П. Ермолова.

К сожалению, ни памятнику в Орле, ни музею генерала А.П. Ермолова не суждено было появиться. Забытый богом и людьми доживает свой век домик, где жил когда-то в Орле отец героя Отечественной войны.

Наутро я возвращался в Орел. Впереди были новые библиофильские встречи и находки.

7 ноября 1986 г.
Вечер

А.С. Захаров

ОРЛОВСКИЕ БИБЛИОФИЛЫ И КНИЖНИКИ*

В.В. Вельяминов-Зернов

Имя Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова широко известно среди ученых-востоковедов нашей страны. Ему принадлежат ценные труды по Востоку, не потерявшие научного значения до сего времени. Среди них: «О киргизах-кайсаках и сношении России со Средней Азией», «Материалы для истории Крымского ханства», «Исследование о касимовских царях и царевичах», «История курдов», «Монеты бухарские и хивинские» и другие.

К сожалению, в краеведческой литературе сведений о нем нет, хотя длительную часть жизни ученый провел в Орловской губернии.

Родился Вельяминов-Зернов в Москве 31 октября 1830 года. Дед его, Федор Михайлович, был предводителем дворянства Верейского уезда Московской губернии. Это был богатый человек: имел собственный дом на Арбате, а также деревни в Московской и Орловской губерниях. В последней – село Корсунское Малоархангельского уезда и село Суворово – Мценского.

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1985. Вып. 3*

Отец Владимира Владимировича был помощником известного государственного деятеля М.М. Сперанского, автором популярной в то время книги «Опыт начертания Российского частного гражданского права» (СПб., 1815–1821) и других сочинений.

В.В. Вельяминов-Зернов получил образование в императорском Александровском лицее. Еще лицеистом обнаружил склонности к изучению литературы Востока. После лицея служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В 50-х годах был командирован в Оренбург, где занимался изучением татарских и тюркских наречий, а также выпустил свой первый труд о «киргиз-кайсаках». В 1855 году был избран адъюнктом Академии наук по литературе и истории азиатских народов, в 1861 – экстраординарным академиком.

Однако болезнь заставила его уехать за границу для лечения. По возвращении В.В. Вельяминов-Зернов поселяется в своем орловском родовом имении с. Корсунском, где избирался предводителем дворянства Малоархангельского уезда. На этой выборной должности он находился 9 лет (с 1879 по 1888 гг.), в то же время состоял членом Орловской ученой архивной комиссии.

В 1888 году ученый был назначен попечителем Киевского учебного округа, занимаясь одновременно в качестве председателя особой комиссии разбором древних актов Киевской, Подольской и Волынской губерний. «На посту попечителя он находился в течение почти пятнадцати лет, делал многое, чтобы охватить хотя бы начальным образованием население южных губерний, старался привлечь к делу распространения образования местных богачей, так как бюджет Министерства народного просвещения был ничтожным. При нем открылось немало школ, многие учебные заведения обогатились собственными помещениями. Он старался при помощи школ объединить разнообразное по вероисповеданию и национальностям население на почве русского языка и русских обычаев»¹.

В 1902 году по состоянию здоровья Вельяминов-Зернов вынужден был выйти в отставку и уже навсегда поселиться в с. Корсунском.

Об этом имении современник ученого П.Н. Мочульский писал: «В северной части Малоархангельского уезда, на границе Тульской губернии, в селе Корсунском в 80-х гг. прошлого столетия

жил предводитель дворянства Малоархангельского уезда, глубоко уважаемый мною Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, впоследствии бывший попечитель Киевского учебного округа и только недавно скончавшийся. При первом посещении села он познакомил меня со своим хозяйством, чудным парком, богатой библиотекой, редкой коллекцией восточных монет и наконец повел меня в церковь... Церковь каменная, изящной архитектуры, окрашена в белую и красную краски, крыша и купола белые, как и на всех зданиях. (...) В церкви имеется старинная икона Корсунской Божьей матери, глубокочтимая местными жителями. Вокруг церкви красивая ограда, в одном углу которой В.В. построил великолепную часовню над могилой единственной своей дочери, умершей от чахотки. В настоящее время в этой часовне нашел свое успокоение и он сам, оставивший по себе неизгладимую память как ученый ориенталист, археолог, нумизмат и редкой сердечной доброты человек...»².

В Москве семейство Вельяминовых-Зерновых издавна считалось гнездом высокой образованности. Одна из Вельяминовых-Зерновых, Анна Федоровна, была замужем за писателем М.А. Дмитриевым, племянником известного баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, в семье которых часто собирались писатели, артисты. Ученые. Их сын, Федор Михайлович Дмитриев, впоследствии историк, профессор Московского университета, был ровесником В.В. Вельяминова-Зернова, и их детство прошло в частом общении в семье Дмитриевых. (У Федора Михайловича Вельяминова-Зернова, деда В.В., было две дочери и три сына, два из которых погибли в войну 1812 года.)

По свидетельству той же Анны Федоровны, в последнем замужестве Кологривовой, в их доме была богатая библиотека, первым собирателем которой был ее отец Федор Михайлович.

«В дополнение к характеристике моего отца расскажу еще один замечательный случай. Жили мы в собственном доме на Арбате у Спаса на Песках, а дядя моего отца после своей смерти оставил ему в наследство свой замоскворецкий дом; он был, следовательно, лишний, и его батюшка продал. Через два дня по совершении купчей сделался сильный пожар на Балчуге, и почти все Замоскворечье выгорело. Господин, купивший дом, приехал к батюшке просить его согласиться на отсрочку платежа денег.

Отец мой взял у него из рук купчую, изорвал ее в куски и, возвратив задаток, сказал ему: «Я слышал, что у Вас большое семейство, и так как я уже пользовался домом, а вы еще нет, то нахожу справедливым скорее мне, чем Вам, потерпеть этот убыток». Землю же из-под сгоревшего дома он поменял у книгопродавца Кольчугина на книги, чем и положил начало своей довольно хорошей библиотеки»³.

Надо полагать, что основная часть ее впоследствии перешла по наследству к будущему академику-ориенталисту и была перевезена вместе с архивом в Орловскую губернию. Далее собрание пополнилось новым ее владельцем книгами по востоку, а также древними рукописями.

К счастью, судьба была благосклонной к книжным сокровищам Вельяминова-Зернова. Почти в полном составе библиотека поступила в 1919 году в Азиатский музей в Москве, о чем было сообщено в «Известиях Российской Академии наук», VI серия, т. XIII, 1919. – Пг., 1921, с. 855–872. Отчет делал академик В.В. Бартольд 7 мая 1919 года: «В истекшем феврале этого года в организуемый в Москве Музей Восточного искусства поступила библиотека известного нашего ориенталиста-тюрколога, действительного члена АН, В.В. Вельяминова-Зернова, который скончался в 1904 году попечителем Киевского учебного округа.

Библиотека находилась в имении бывшем княгини Ухтомской, что при с. Корсунском Успенской волости Малоархангельского уезда Орловской губернии. После смерти В.В. его библиотека перешла в собственность его вдовы, Анны Семеновны, умершей в 1914 году и завещавшей библиотеку, по словам ее родственников, частью им, а частью – Министерству Иностранных Дел, однако завещание это не было осуществлено по обстоятельствам военного времени и вследствие наступившей потом революции.

Командированному за библиотекою от Всероссийской Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины сотруднику В.В. Рыльскому удалось перевезти всю библиотеку в Москву, причем из его доклада от 17 февраля по выполнению командировки усматривается, что «при жизни владельца библиотеки велся карточный каталог, имеющийся и сейчас налицо и вывезенный вместе с книгами; однако он в полом беспорядке, в котором я застал и саму библиотеку, которая последнее время

была неоднократно перемещаемая. Книги, впрочем, в большинстве в полном порядке. Библиотека состоит более чем из 6000 томов, приблизительно половина ее относится к востоковедению». Из библиотеки В.В. Рылский, согласно данным ему в коллегии указаний и совместно с заведующим внешкольным образованием Успенского района, оставил для Корсунской народной библиотеки до 300 томов, преимущественно беллетристики и отчасти относящихся к истории России.

Большое количество ящиков с книгами (60), отсутствие книжных шкафов и постоянного помещения для музея Восточного искусства временно понуждают не распаковывать ящики и оставить книги в запакованном виде. Тем не менее, разыскав ящик с карточным каталогом, я просмотрел последний полностью и на основании вынесенного мною впечатления от этого просмотра могу сказать следующее.

Всю библиотеку можно разделить на три части, сообразно стадиям ее образования и пополнения. Начало библиотеки было положено, очевидно, отцом владельца, Владимиром Федоровичем Вельяминовым-Зерновым, «Коллежским асессором и членом С.-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», который, будучи юристом по образованию, не был чужд литературы (его перу принадлежит, между прочим, «Путешествие дружбы. Отрывок». – СПб.: тип. Ф. Дрехслера, 1807). Юридические же сочинения его в описываемой библиотеке имеются в рукописях. Эта часть библиотеки включает немало книг (на русском и иностранных языках) по истории, литературе и праву в изданиях XVI–XVIII и первой половины XIX вв.; среди них, по теперешнему времени, много очень редких и ценных изданий. – Затем, за время научной деятельности В.В. Вельяминова-Зернова, в библиотеку вошла значительная часть известных сочинений по мусульмановедению на русском и европейских языках (английские издания почти все отсутствуют), вышедших в свет приблизительно до начала 80-х годов прошлого столетия, с этого же времени библиотека, по-видимому, не пополнялась никакими подобными изданиями. И, наконец, третий период пополнения библиотеки относится к тому времени, когда В.В. состоял на службе по учебному ведомству, потому что приблизительно с 1884 г. в библиотеке идут книги, в большинстве составляющие из-

дания Министерства Народного просвещения (его повременные издания, циркуляры, справочники и т.п.), учебники, некоторая беллетристика, периодические издания. Все эти книги тщательно и очень подробно, по всем правилам библиографии, занесены на карточки, причем подавляющее большинство карточек написано самим В.В.; иногда на карточках им делались любопытные и интересные, для характеристики быта и нравов своего времени, записи...

Касаясь восточного отдела библиотеки, следует заметить, что помимо европейских изданий по востоковедению, посвященных, главным образом, и отчасти этнологии турок и монголов, в него входит 72 восточных издания (казанские по преимуществу и отчасти – константинопольские, булакские и тегеранские), карты и рукописи. Карты, по-видимому, собирались покойным В.В. в бытность его на службе в Оренбурге, ибо относятся к так называемой «Оренбургской линии» и принадлежащих к ней азиатских местностей. Среди карт есть оригиналы, вычерченные рукою известного подполковника Бларемберга, автора ценного в свое время «Статистического обозрения Персии» (СПб., 1853).

Рукописей – 45, из них две на русском языке и 43 на восточных (турецко-татарском, персидском и арабском).

Прежде чем перейти к описанию последних, отмечу для полноты, что мое внимание на восточном отделе привлекли следующие редкости:

«Бабер Наме» в издании Н.И. Ильминского (Казан, 1857) с рукописными вариантами на полях, взятыми из рукописи Сенковского, поступившей потом в Академию Наук (как это отмечено в карточке).

Савельев П. Рисунки изображений предметов, найденных при разрытии Александровского кургана. 16 таблиц в 4-ю и 8-ю д.л. Печ. В. Дарленг. Эти таблицы не были выпущены в свет.

Все рукописи в библиотеке описаны на карточках самим владельцем, и с этих карточек сделано настоящее описание, тем более, как можно думать, покойный В.В. имел в виду выпустить в свет описание своего рукописного собрания».

Такова судьба этого замечательного собрания.

Н.П. Барышников

Жил в селе Александровское (Боровое) Луганской волости в десяти верстах от Болхова. Имел 255 десятин земли. Родовое поместье унаследовал от матери – Аграфены Алексеевны, урожденной Желябужской⁴. Она была хорошо знакома с В.П. Тургеневой, а по некоторым источникам, состояла с ней в родстве⁵.

Отец – Петр Петрович Барышников, отставной майор, из дворян Рязанской губернии, около десяти лет служил городничим в Болхове.

В 60-е годы Н.П. Барышников находился в кругу орловских знакомых, которые назывались «нигилистами» и пользовались вниманием местных властей. «Нигилизм» этих людей толковался в том смысле, что «семейная жизнь в некоторых семействах представляет грустную картину, так как святость брака положительно отрицается».

Хорошо знавший местные условия орловский губернатор граф Н.В. Левашов пояснял: «Барышников – болховский помещик, человек ограниченных способностей. Он заразился нигилизмом от Карпова (А.Д.), жена которого, урожденная Шеншина, жила прежде с Барышниковым, а в нынешнее время занимается распутством в С.-Петербурге». Имя Барышникова как «нигилиста» во всех доношениях стоит первым⁶.

Вполне вероятно, что это обстоятельство послужило мотивом для составления легенды, по которой Н.П. Барышников будто послужил И.С. Тургеневу прообразом Лаврецкого в «Дворянском гнезде». Известный журналист того времени Павел Россиев в 1908 году писал в «Московских ведомостях», что «старожилы Орла видели в Лаврецком Николая Петровича Барышникова. Я имел удовольствие знать его уже как лунь седого, и все-таки привлекательного; Николай Петрович был помещик и общественный деятель. Он знал недолгое счастье и, может быть, подобно Лаврецкому, называл свое прошлое темным призраком и носил в сердце незаживающую рану...»

О семейной жизни Барышникова известно мало. Есть сведения, что у него был сын – Николай Николаевич, который, как и отец, принимал активное участие в общественной жизни орловского дворянства в качестве гласного уездного земства, члена управы, а также общества о попечении трезвости, одного из со-

ставителей сборника «Болховская старина», вып. I (Болхов: тип. наследников С.П. Филиппова, 1913)⁷.

Н.П. Барышников был известен как знаток и любитель орловской старины. Он автор брошюры «Из прошлого», посвященной приезду Екатерины II в Орел в 1785 году. Его историко-литературные очерки часто публиковались в журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник». Примечания к ним были составлены со знанием предмета.

С первых дней основания Орловской ученой архивной комиссии (апрель 1884 года) Барышников является деятельным ее членом, в последние годы избирался товарищем председателя.

Сведения о библиотеке помещены во многих источниках (Иваск «Частные библиотеки в России», Иконников «Опыт Русской историографии», «Российской библиографии» изд. Э. Гартге, 1881 года, «Историческом вестнике» того же года). Однако все сообщения исключительно кратки и в основном повторяют друг друга, называя лишь масонские издания, «многие из которых отсутствуют в государственных хранилищах».

Барышников имел ценнейшее собрание автографов известных русских писателей, общественных и государственных деятелей.

В середине 60-х годов ему удалось приобрести в Калуге у книгопродавца И.Ф. Антипина два автографа А.С. Пушкина. Позднее он уступил их крупнейшему библиофилу того времени, бывшему губернатором в Орле, Михаилу Николаевичу Лонгинову. Последний сообщил об этом в «Русском архиве» за 1869 год.

В 1901 году, уже после смерти Барышникова, в Болховский уезд приезжал профессор Грузинский. Он собирал материалы к 50-летию со дня смерти В.А. Жуковского. В отчете об этой поездке, помещенном в журнале «Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф» (1901), говорилось: «...в Болховском уезде, в книгохранилищах г. Б... кроме писем Жуковского найдены письма Гоголя, Дениса Давыдова, Грибоедова, портреты, бюсты, книги с автографами и заметками авторов.

Надо полагать, что под криптонимом Б. подразумевался Н.П. Барышников.

Из этого собрания в открывшийся в 1897 году Орловский губернский музей были переданы (скорее всего, сыном) автографы Потемкина-Таврического, Волконского, семь писем генерала А.П. Ермолова и другие реликвии.

О судьбе собрания также мало известно. Имеется небольшое сообщение А. Гласко в статье «Старые помещичьи библиотеки» («Русский библиофил», 1912 г., № 6), где говорится, что «... библиотека частью попала в руки скупщиков», и делается ссылка на «Исторический вестник» за 1861 г. Однако там есть сообщение о библиотеке Барышникова, но ни слова о ее судьбе, тем более что сам владелец находился в полном здравии и вряд ли он мог допустить ее распродажу.

Судьба замечательной библиотеки пока остается загадкой.

Примечания:

1. «Исторический вестник», 1904, март, с. 1191–1192 (Некролог).
2. «Исторический вестник», 1905, № 4, с. 156–158.
3. «Из семейных воспоминаний А.Ф. Кологривовой». – «Русский архив», 1886, кн. 2, № 7.
4. «Сборник статистических сведений по Орловской губернии». Т. 6. Вып. 2 (Болховский уезд). Изд. Орловского губ. земства. – Орел: тип. С.А. Зайцевой, 1892, с. 44–47.
5. Россиев П. В статье о Тургеневе. – «Московские ведомости», 22 авг. 1908 г.
6. Сведения получены от Н.М. Чернова из Москвы. (Частное письмо в моем собрании).
7. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1916 год, с. 124.

Ф.Я. Студенников

Родился Федор Яковлевич в бедной крестьянской семье в селе Золотарево в 1890 году. Окончил одноклассную церковно-приходскую школу. С 13 лет работал в типографиях. В 1915–1916 годах набирал «Орловский вестник», который редактировал в то время краевед И.И. Лебедев.

После Октябрьской революции и создания в Орле типографии «Труд» перешел в нее. С 1939 года работал в книжной торговле. В 1951 году ушел на пенсию, но некоторое время продолжал трудиться в книжном магазине.

Человек он был словоохотливый. Книголюбы были частыми гостями в доме Студенникова. Интересно было слушать его рас-

сказы о книжных развалах, существовавших в Орле в 20-е годы. Книгами тогда торговали во многих местах города: на Ильинке (сейчас сквер Танкистов), у торговых рядов и на противоположной стороне Орлика, ближе к типографии.

В моем собрании и у В.М. Катанова имеются каталоги библиотеки Ф.Я. Студенникова, которые он вел с 1914 года. Эта простая опись книг представляет любопытный памятник орловского библиофильства. По нему можно судить о состоянии книжного рынка в Орле на протяжении почти полувека.

Федор Яковлевич не преследовал определенной цели в книжном собирательстве и поэтому в его книгохранилище была разная печатная продукция: книги, журналы, брошюры, открытки, рукописи. Многим из них суждено было погибнуть в годы Гражданской и Отечественной войн. В первую очередь это относится, конечно, к местным изданиям.

Именно своим разнообразием и прельщала эта библиотека орловских книголюбов.

Представьте себе небольшую кладовую, площадью около 6–7 квадратных метров. Стен нет. Вместо них – полки с книгами. Книги на полу. Посередине стремянка, порожки которой тоже не свободны. Стоять в комнате можно только одному, второй может сидеть на стремянке. Очень неудобно. Но сколько приятных часов провели мы здесь, каждый раз находя что-то новое: то книжечку малоизвестного автора, то любопытный автограф.

Продавать книги Федор Яковлевич не торопился. Отобрав, бывало, несколько книг, просишь его назвать цену. Посмотрит внимательно, стукнет книгой о ладошку и попросит прийти в следующий раз. Может быть, жалел книги или хотел проверить, придет ли книголюб еще.

Добрым словом вспоминают старого книжника орловские литераторы В.М. Катанов, чье собрание, благодаря участию Федора Яковлевича, обогатилось многими редкостными краеведческими изданиями, В.П. Дронников, ставший обладателем «Сказаний русского народа» И.П. Сахарова (1848), «Поэтических воззрений славян на природу» и «Русских народных легенд» А.Н. Афанасьева (1914).

Другая часть библиотеки Студенникова хранилась в шкафах. Здесь были собрания сочинений русских и зарубежных классиков, как в дореволюционных, так и в современных изданиях.

Много было книг по искусству, в том числе монографии о художниках, альбомы, многотомные истории искусств под редакцией П.П. Гнедича и И.Э. Грабаря, разрозненные комплекты художественных журналов начала XX века «Столицы и усадьбы», «Старые годы», «Аполлон», некоторые труды Д.А. Ровинского.

Собирал он подарочные иллюстративные книги большого формата, изданные в 50–60 годы нашего столетия, любил и охотно покупал изящные томики 20–30-х годов.

Как память о старом собирателе храню я в своей библиотеке «Среди коллекционеров» И.И. Лазаревского и «Кто что собирает? Из записной книжки А.П. Бахрушина». Этими книгами очень дорожил Федор Яковлевич и уступил их не сразу.

Многие книги и брошюры своей библиотеки Студенников одел в собственные переплеты. В книжных магазинах Орла и некоторых собраниях книголюбов встречаются экземпляры, переплетенные Студенниковым. Сделаны они несколько грубовато, но достаточно прочны. Их легко отличить. Переплет комбинированный: корешок и уголки из ледерина, крышки, как правило, – матерчатые, чаще из цветного ситца, обрез крашенный или крапленый.

Смерть Федора Яковлевича была нелепой. В доме произошло замыкание электрических проводов. От них загорелись обои. Хозяин дома в это время спал. Проснувшись, увидел, что весь дом в дыму. Вместо того чтобы немедленно бросить все и выйти на улицу, он схватил топор и начал рубить им загоревшиеся перегородки, пытаясь спасти книги. Через некоторое время он задохнулся в дыму. Похоронили его на Наугорском кладбище. Несколько месяцев не дожид до своего девяностолетия.

Часть книг библиотеки сгорела во время пожара, остальные были поделены между родственниками и увезены в разные города.

В.Ф. Чеботарев

Книги я начал собирать, когда Василий Федорович Чеботарев находился на заслуженном отдыхе. Но дух книжника в нем продолжал жить и, чтобы не терять связи с книголюбями, он начал понемногу продавать то, что накопил за годы работы в книжном магазине.

У него я купил свои первые книги, ставшие впоследствии основной моей книговедческой библиотеки.

Хорошо помню воскресный базар начала 70-х годов. С утра накрапывал дождь, не давая надежды на улучшение погоды. Многие продавцы, так и не разложив свой товар, уходили домой. Василий Федорович тоже не торопился распаковывать свою тележку, поглядывая на пасмурное небо. Я подошел к нему. Под целлофановой пленкой, накрывающей книги, хорошо вырисовывались два тома, одетые в нарядные суперобложки с изображением чьей-то богатой библиотеки. Один этот рисунок мог привести в трепет любого собирателя книг.

Тогда я почти не знал о замечательном собрании Н.П. Смирнова-Сокольского. Между тем, тома, поразившие меня своим видом, были каталогом этой библиотеки. С трудом уговорил старика достать их. Хотелось здесь же просмотреть книги от начала до конца. К страшному огорчению, я не мог их купить, у меня не хватало нескольких рублей до назначенной суммы и перехватить было не у кого.

Как назло, пошел сильный дождь и Василий Федорович, свернув свою тележку, уехал домой. Два дня я не мог прийти в себя, книги стояли перед глазами. На третий день решил узнать, где живет старый книжник. К счастью, он был дома.

Но здесь мне пришлось получить первый платный урок книжного собирательства. Под предлогом, что книги уже обещаны другому человеку, Чеботарев взял с меня на пять рублей больше, чем просил на рынке. В тот же день я купил у него «Малый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона в трех огромных томах, причем в исключительно хорошем состоянии.

Так, словно бы независимо от меня, эти первые книги определили направление моего книжного собирательства.

Позднее я покупал у него мало, но домой к нему заходил часто, чтобы послушать заинтересовавшие меня рассказы о редких изданиях, проходивших через его руки, о старых орловских собирателях книг. Интересно было и покопаться в книгах, которых было много в его маленькой квартире. Книгами был заполнен огромный старинный шкаф, занимавший чуть не треть помещения. Те же, что не вмещались в него, высокими стопками лежали на полу.

Названную раз цену Василий Федорович, почти никогда не менял. Зато некоторым любителям он разрешал брать книги в

рассрочку, чем и притягивал их. Частым должником у него был страстный собиратель Анатолий Николаевич Воронков, готовый за книгу снять и отдать последнюю рубаху. Увлечение это разделяла и его жена, не менее страстная книжница.

В книжной торговле Чеботарев проработал свыше тридцати лет, начиная с 1937 года. В то время в Орле на весь город был один книжный магазин. Стоял он на углу улицы Сакко и Ванцетти и нынешнего моста через Орлик.

В годы войны Орел сильно пострадал, многие здания были разрушены. Не уцелел и книжный магазин. Сразу же после освобождения города от фашистских захватчиков, в августе 1943 года, орловцы принялись за его восстановление. Но долго еще пришлось многим учреждениям ютиться во временных и непригодных помещениях. Книжные магазины, как правило, находили себе пристанища в подвалах.

Первый послевоенный книжный магазин был построен внизу улицы Ленина, под мостом, и открыт в 1952 году. В 1957 году в противоположном конце той же улицы был открыт новый магазин «Подписные издания» с большим специализированным отделом старой книги. Василий Федорович шесть лет проработал в нем заведующим.

Человек общительный, он обладал удивительной способностью собирать вокруг себя книголюбов. Переехав в новый магазин, Чеботарев первым делом разыскал где-то большой стол и поставил его в торговом зале. Постепенно здесь начали собираться орловские книголюбы и магазин превратился в их своеобразный клуб. Приходили сюда писатели Е.К. Горбов, В.А. Мильчаков, Л.Н. Афонин, редактор «Орловской правды» И.М. Патенков, адвокат Ситников, учитель В.Т. Милин, неутомимый библиоман И.Г. Герасин и просто любители послушать бывалых книжных людей. Рассказы и споры о книгах и литературе затягивались иногда допоздна. Заведующий не торопил с уходом.

Среди собирателей книг в Орле было немало священников. Особенно запомнился Василию Федоровичу орловский архиерей Ираим. У него была прекрасная большая библиотека разнообразного содержания. «Однажды, – рассказывал старый книжник, – я предложил ему пользующееся популярностью у части книголюбов трехтомное издание «Мужчина и женщина». Архиерей внимательно посмотрел и возвратил со словами: «Не по духу и не по

сану они мне». Однако, уходя, попросил завернуть.

С книжным собирательством архиерея-книголюба связано имя известного московского букиниста Э.Ф. Ципельзона, который долгое время помогал пополнять эту библиотеку редкими изданиями. Он часто приезжал в Орел и в каждый свой приезд заходил в магазин к Чеботареву. Порою кое-что покупал и увозил в Москву. Позднее архиерея перевели в одну из южных областей, а вместе с ним, надо полагать, уехало из Орла ценнейшее книжное собрание.

В 1963 году старый книжник навсегда распрощался с прилавком и ушел на пенсию. Но дорогу в книжные магазины долгое время не забывал. Нет-нет да что-то и купит, а то и принесет для выполнения плана несколько книг в собственных переплетах.

С его легкой руки и организовалась книжная толкучка на Щепном рынке. До того книгами отдельно здесь не торговали. Чеботарев оказался первым. Возле его тележки, нагруженной старыми книгами, так же, как и раньше в магазине, вновь стали собираться книголюбы.

Затем к старому книжнику присоединились еще несколько дедушек и бабушек, в основном со старинными изданиями, которые они хотели сбыть. Со временем количество продавцов увеличилось и образовался целый книжный развал. Это было замечательное для книголюбов время. Цены на книги были умеренными: современные издания редко превышали их номинальную стоимость, старые ценились не дороже каталога.

Но продолжалось это недолго. Как страшный смерч, надвигался книжный бум, сметая на своем пути все, что хоть мало-мальски привлекало внимание, заставляя с удесятеренной силой работать книгоиздателей. Все с катастрофической скоростью уносилось по домам, заполняя шкафы и секретеры. Только появившись, стали дефицитными, как и книги, книжные стенки.

Старик Чеботарев не успел и глазом моргнуть, как опустел его старинный шкаф и стал свободным от книг заваленный ими раньше пол. Думал ли он, что наступит такое время, когда та книга, которую он не мог продать даже по сниженной цене, сейчас вырывалась из рук за цену, превышающую номинал чуть ли не в десять раз. Более того, на какое-то время часть изданий утратила свое непосредственное назначение и стала предметом коллекционирования.

В последние годы Василий Федорович не продавал книг, но при каждой нашей встрече глаза его загорались молодым блеском, выдавая в нем столь известного многим орловцам прежнего неистребимого книжника, немало сделавшего для пропаганды и распространения книги в Орле, для того, чтобы по возможности каждая из них нашла своего хозяина.

Прожил Василий Федорович Чеботарев без малого 87 лет и умер в марте 1985 года.

И.М. Пухальский

Много слышал о библиотеке Иосифа Михайловича Пухальского. О ней мне рассказывали многие орловские собиратели. Библиофил умер в 1951 году в возрасте 61 года. Собрание перешло к его сестре – Варваре Михайловне Шильганек. Говорили, что книги она не показывает, но домой пускает охотно и даже любит поговорить и повспоминать о днях ушедших.

Пришел я к Варваре Михайловне с А.Н. Воронковым, который бывал у нее раньше. Дом находился на углу улиц Красина и Черкасской, со стороны Оки (ныне здесь стоит многоэтажное здание). На стук вышла крупная старая женщина. Прошли в уютную комнату. На стенах, в старинных багетовых рамах, висели масляные картины, по словам хозяйки, работы крупных мастеров, на столе красовался начищенный до блеска бюст Вольтера, на всевозможных полочках – симпатичные фарфоровые статуэтки.

Несмотря на зимнюю стужу, в комнате было очень тепло. Обстановка располагала к беседе. Я объяснил цель своего прихода – узнать о ее брате как собирателе книг и, по возможности, познакомиться с библиотекой. По-видимому, мой тон понравился хозяйке дома, она с удовольствием стала рассказывать о своем житье-бытье. Правда, в ее словах сквозила какая-то обида: то о ней не так написали, то какой-то библиоман купил у нее по дешевке комплект «Сатирикона» за все годы. Наконец, заговорила о том, что орловская общественность редко вспоминает ее брата и не хочет заботиться о его могиле на Троицком кладбище.

Но самое удивительное, книг нигде не было видно. Я осмелился спросить о них. Варвара Михайловна, сославшись на тесноту помещения, ответила, что в связи с этим книги она держит

в сундуках: лишь раз в год, весной, вынимает их для осмотра и просушки. К счастью, имелась опись библиотеки, которую она и пообещала показать. Так закончилось мое первое знакомство. В конце его Варвара Михайловна попросил оставить мой адрес, заметив, что о следующей встрече сообщит по почте.

Однако, несмотря на частые приглашения, я так и не увидел библиотеки, за исключением разве редких брошюр И.Г. Прыжова, трехтомного сборника «Сто русских литераторов» в издании А.Ф. Смирдина и еще нескольких книг в изумительных марокеновых переплетах. Повезло лишь в одном – я получил возможность снять копию с «Описи книг И.М. Пухальского». Знакомство с каталогом было очень приятным. Здесь было описано немало библиографических жемчужин.

Я стал искать и собирать сведения о книголюбях, расспрашивал людей, знавших его. В последние годы жизни Иосиф Михайлович был замкнутым, редко с кем общался, пережив, должно быть, какую-то большую драму. А собирателем он был стоящим.

В их доме всегда царил культ книги. Отец, Михаил Михайлович Пухальский, орловский архитектор, сам был страстным книголюбом.

В собрании Иосифа Михайловича сохранилась одна из книг, подаренных ему отцом в одиннадцатилетнем возрасте. Это сочинение А.Н. Острогорского «По белу свету». Изд.4-е (СПб., 1899). На другой книге – К.С. Баранцевича «Чудные ночи. Рассказы и очерки» (М., 1899) имеется оттиск резинового штампа, изготовленного детской рукой с указанием имени и фамилии юного владельца. Впоследствии собиратель имел несколько подобных печатей с тем же лаконичным текстом: «Личная библиотека И.М. Пухальского».

Окончив Орловское реальное училище, Пухальский поступил в Московское императорское высшее техническое училище, по окончании которого вновь возвратился в Орел. Работал механиком на заводе братьев Кале, носящем теперь имя героя гражданской войны М.Г. Медведева.

Покойный литературовед Леонид Николаевич Афонин говорил о Пухальском как о большом знатоке книги.

Библиотека его имела следующие разделы: русская словесность (в основном XIX века), библиография, история, краеведение.

Несомненную ценность представляют книги, изданные в XVIII – начале XIX вв. Среди них такие редкости, как: «Книга Система, или состояние мухаммеданской религии. Напечатана повелением е. вел. Петра Великого... в типографии царствующего Санктпетербурха лета 1722 декабря в 22 день (СПб., 1722)», «Родословная книга князей и дворян российских выезжих» (ч. 1–2. М., 1787), «О познании самого себя» И. Масона (М., 1800), «Трутенъ», еженедельное издание на 1770 год, «Санктпетербургские ведомости» за 1751 и 1774 гг., «Московские ведомости» 1812 года, «Первые опыты в стихах и прозе» И.И. Лажечникова (М., 1817). Основная часть тиража сборника была уничтожена автором. Здесь же «Собрание стихотворений» А. Буниной в трех частях (СПб., 1819–1821), «Басни Ивана Крылова в восьми книгах. Тридцать вторая тысяча» (СПб., Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1837). Исключительно редкое миниатюрное издание.

Среди библиографических изданий – «Опыт русской библиографии» В.С. Сопикова. Ч. 1–5. Изд. 2-е, под ред. В.Н. Рогожина (1905); «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» (СПб., 1828), с двумя прибавлениями к ней; «Русские книжные редкости» Г. Геннади; «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века» Ю. Битова; труды Я.Ф. Березина-Ширяева; «Библиография русской периодической печати» Н.М. Лисовского.

Среди изданий по русской истории и фольклору надо назвать исследования И.Е. Забелина и книги И.Г. Прыжова. Тщательно был подобран краеведческий раздел.

Большая часть книг об Орле была передана сестрой собирателя в музей города. Здесь в свое время находился редкий экземпляр брошюры «На открытие театра в Орле. 26 сентября 1815 года».

Собирание памятников древней письменности и старопечатных книг требует от собирателя глубоких знаний и большой культуры. Иосиф Михайлович Пухальский обладал этими качествами. Среди 24 древнерусских письменных и печатных изданий, разысканных библиофилом, был, в частности, «Апостол» XIV века.

Эти книги стали исключительно редкими, и не зря говорят, что им нет цены. Их место в государственных хранилищах. К чести последней владелицы данного собрания, все старопечатные кни-

ги и рукописи были переданы ею в Древлехранилище Пушкинского Дома.

Помимо книг Иосиф Михайлович собрал некоторый материал об истории книгопечатания в Орле, оставил в рукописи «Историю Ильинки», нынешнего сквера Танкистов (хранится в краеведческом музее).

Имя Иосифа Михайловича Пухальского не забыто орловскими книголюбями. Оно упоминается в книге В.М. Катанова «Друзья на всю жизнь» (Тула, 1975) и «Вечерние беседы» (Тула, 1984).

Ф.И. Ветров

Федор Иванович был из числа тех, кого называли библиомамами. Прожил он долгую, в 87 лет, жизнь и умер тихой смертью 14 июля 1984 года, унеся в могилу так и не осуществленную свою мечту – собрать самую большую библиотеку в Орле.

Работал Федор Иванович школьным учителем, последнее время преподавал в железнодорожном техникуме. С ним приятно было поговорить на житейские темы, но как менялся старый учитель, когда оказывался в кругу книжных жучков. Он юлил, заискивал, чтобы только завладеть «нужной» ему книгой. На поиски их собиратель тратил всю свою оставшуюся энергию и средства, перекупал и продавал в надежде утолить жажду все разгорающейся страсти.

За книгу он торговался беспощадно. Уходил, возвращался, ругался, но все равно покупал. Трясущимися руками прятал приобретение в сумку. Дома выкладывал ее (как неперемное условие) в приготовленный футляр и на долгие годы заключал в одну из книжных темниц-шкафов, которая открывалась лишь в случае появления новой жертвы.

Я знал старика больше десяти лет. В первые годы знакомства часто заходил к нему домой покопаться в старом хламе, выставленном как бы для приманки, в темной комнатке, среди многочисленных картонных ящиков и не заполненных еще картонов-футляров, приобретенных в большом количестве где-то на книжном складе.

Путного там ничего не было: старинные учебники, разрозненные и старые журналы, отдельные тома дореволюционных энциклопедий, безнадежно устаревшие и не представляющие интереса брошюры. Мечта – заглянуть в шкафы – при его жизни так и осталась не осуществленной. Хозяин был неумолим.

В конце концов я оставил эту затею и не заходил в дом на Новосильской несколько лет. Года за два до смерти, летом, Федор Иванович сам пришел ко мне. Он сильно постарел, еще больше похудел, одет на нем был неизменный белый парусиновый костюм, купленный, по всей вероятности, лет тридцать-сорок назад, в руках был костыль. Он уже плохо видел, но прежде всего подошел к книжным полкам и потрогал руками корешки книг. О смерти собиратель не думал и о судьбе своих книг ничего не говорил. Наоборот, он спрашивал о многих книгах, которые хотел приобрести, а за несколько месяцев до кончины он ездил за сорок километров, в Змиевку, чтобы купить недостающий экземпляр книги из серии «Жизнь в искусстве».

Затем я узнал о смерти Федора Ивановича. Случайно, месяцев через пять после похорон, мы встретились с его сыном, с которым я когда-то учился. Погоревали о старике, поговорили о книгах.

Так, волею судьбы и новых владельцев библиотеки, мне первому пришлось разбирать книги, собираемые долгие годы Федором Ивановичем Ветровым. Их было не менее шести тысяч. Лежали они в семи шкафах так плотно, что вряд ли возможно было отыскать нужное издание, не вытащив всего содержимого шкафа.

Два дня, с раннего утра до позднего вечера, весь в пыли, просидел я, раскладывая книги. В основном это были издания 60-х и последующих годов выпуска нашего столетия. Я увидел полные серии ЖЗЛ, ЖВИ, «Литературных мемуаров», много экземпляров «Литературных памятников», книги по искусству, почти все собрания сочинений русских и зарубежных классиков, издававшихся в то время, некоторые в двух экземплярах (видимо, владелец не всегда помнил, что у него было). Книги лежали без всякой системы, по мере того, как они приобретались. Среди мелких брошюр нашлось десятка полтора изданий об Орле, а также сочинений орловских авторов давних лет. Позднее библиотека была распродана в разные руки.

БИБЛИОТЕКА И.С. ТУРГЕНЕВА*

В Государственном музее И.С. Тургенева хранится более четырех с половиной тысяч книг и журналов, принадлежавших писателю и его семье. Это книги библиотеки, которая находилась в усадьбе Тургенева Спасском-Лутовинове. Они были перевезены в Орел в 1918 году при основании музея. Хотя за период, прошедший после смерти писателя до организации музея, библиотека подверглась расхищению, о ее уникальной ценности можно судить уже по тому, что первоначально сам музей был учрежден именно как «Библиотека-музей И.С. Тургенева».

В составе библиотеки – книги с автографами В.Г. Белинского, А.И. Герцена, самого И.С. Тургенева; первый перевод «Утопии» Томаса Мора на русский язык; «Немецко-французские ежегодники», изданные в 1844 году в Париже Арнольдом Руге и Карлом Марксом, и сотни других книг, каждая из которых могла бы составить гордость любого книжного собрания. Однако редкость книг далеко не самое главное достоинство библиотеки.

Библиотека Тургенева содержит ценнейшие материалы для воссоздания духовного облика великого писателя, для которого на протяжении всего жизненного пути книги играли важнейшую роль. Изучение библиотеки дает возможность судить о громадной начитанности и разносторонней образованности писателя, о его тщательной работе с книгой; позволяет установить ряд новых биографических данных как о самом Тургеневе, так и о его семье. Ко всему сказанному необходимо добавить, что библиотека формировалась на протяжении более чем столетия в глубине России в селе Спасском-Лутовинове. По ее книгам можно проследить, как складывалась русская культура в послепетровскую эпоху; какие книги волновали предков Лаврецкого и Рудина, начиная со времен Ломоносова и Державина.

Начало образованию библиотеки положили книги основателя Спасской усадьбы Ивана Ивановича Лутовинова и его брата Алексея, позже к ним присоединились книги бабки Тургенева

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1984. Вып. 1*

Екатерины Ивановны Лутовиновой-Сомовой, а также ее отца и брата Лавровых. Им принадлежали книги, изданные в восемнадцатом и первой четверти девятнадцатого века. В большинстве эти книги одеты в кожаный тесно-бурый переплет с золотым тиснением на корешках. Вместе с тем немало и тех, которые одеты в простые серые или розоватые картонные «корочки», а также книг в дешевых издательских обложках. Очевидно, они покупались сразу большими партиями и уже по прочтении, для любителей-любителей хозяевам книг, заказывали переплет по своему вкусу.

По своему содержанию книги, принадлежавшие Лутовиновым, очень разнообразны, однако среди них почти совсем нет литературы, связанной с религией. Вспомним, что в те годы, да и много позже именно со знакомства со Священным писанием начиналось образование в дворянских домах. По Псалтырю обучали грамоте Митрофанушку в «Недоросле» Фонвизина; по словам Н.С. Лескова, первой книгой, которую он прочел в детстве, были «124 священных истории».

Равнодушие семьи Лутовиновых к религиозным вопросам подтверждается и самим составом библиотеки. Ее характер определяют книги «вольнодумного» содержания. Лутовиновым принадлежали сочинения французских энциклопедистов; многочисленные издания сочинений Вольтера на русском и французском языках; книги и журналы, издававшиеся Н.И. Новиковым. Инициалы и автографы Ивана и Алексея Лутовиновых стоят на «Персидских письмах» Монтескье, рукописном переводе вольтеровского «Кандида», запрещенного Екатериной II. Им принадлежали «Размышления о множестве миров» Фонтенеля, где пропагандировались идеи Коперника о гелиоцентрическом строении Солнечной системы; «Житие канцлера Франциска Бекона» – одного из родоначальников английской материалистической философии. И, наконец, совершенно необычно в деревенской глуши в помещичьем доме на книжной полке стояли тома «Путешествий Пифагора», принадлежавшие перу одного из самых решительных и самых крайних деятелей французской революции Пьера Марешаля. Они были изданы в 1804 году в Москве без указания имени автора и переводчика. К числу редчайших книг можно отнести и «Полное собрание всех до ныне переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений г. Вольтера», изданные из-

вестным просветителем екатерининского времени Рахманиновым. Это издание печаталось в вольной типографии, в деревне, и до поступления в продажу было целиком арестовано по приказу Екатерины II. Такую же редкость представляют и «Размышления о греческой истории» аббата Мабли в переводе и с примечаниями А.Н. Радищева. Это та самая книга, в которой Радищев осмелился сказать: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». К книгам этого рода примыкают издания произведений самых выдающихся писателей восемнадцатого века: Ломоносова, Державина, Сумарокова, Княжнина, Хераскова.

Такой подбор книг, при котором в библиотеке лутовиновского дома оседала чуть ли не каждая книга, оставлявшая след в развитии русской культуры, позволяет судить о том, что Лутовиновы стремились быть с веком наравне, что у них были широкие общественные связи. Очевидно, для И.И. Лутовинова не прошли бесследно годы учения вместе с А.Н. Радищевым в Пажеском корпусе.

Книги Лутовиновых унаследовала после смерти Ивана Ивановича Лутовинова его племянница Варвара Петровна Тургенева, мать писателя. Воспоминания рисуют В.П. Тургеневу как женщину незаурядную, с живым и острым умом. Не получив достаточного образования в детстве, она впоследствии с гордостью заявляла, что «сама себя воспитала и образовала». Приобретенные ею книги значительно расширили и пополнили библиотеку Лутовиновых.

Читательские интересы В.П. Тургеневой были очень разнообразны. «Путешествие было мечтой моей жизни», – признавалась она в письме к сыну. В библиотеке сохранилась богатая коллекция книг о путешествиях по Европе и Америке, описания путешествий в Индию, Китай, Турцию и другие страны. Среди приобретенных В.П. Тургеневой книг – 24-томное издание Деллапорта «Французский путешественник», «Путешествие к Северному полюсу Кука», «Путешествие Мезендорфа в Оренбург и Бухару», ее автограф стоит на описании путешествия капитана русского флота Головина в Японию в 1811, 1812 и 1813 гг.

Занимаясь садоводством и в особенности цветоводством, Варвара Петровна читала научные сочинения по естествознанию

и всевозможные руководства по устройству садов и цветников, учила даже латынь, чтобы разбирать названия цветов и трав. В библиотеке сохранилась французская книга «Садовник-цветовод», подаренная ей детьми Иваном и Николаем в день именин.

Значительный интерес представляет обширное собрание драматических произведений на русском и французском языках. Известно, что у В.П. Тургеневой был свой крепостной театр. В библиотеке находим зачитанные, иногда со следами театральной обработки, пьесы молодого Грибоедова, Княжнина, Коцебу, комические оперы, переделки иностранных пьес, многотомные серии репертуара французских театров в издании Менер-Раймона и Лепентра.

В области художественной литературы вкусы Варвары Петровны определялись, скорее всего, так называемым «легким чтением». Среди ее книг много французских романов Д'Арлианкура, Пиго-Лебрена, мадам Жанлис, знаменитой в те годы Фоблаз, многотомные сентиментальные романы Сталь-Гольштейн. Конечно, она читала и русские книги. В.П. Тургенева приобретала басни Крылова, стихотворения Жуковского, повести Марлинского, но к русской литературе и к русским писателям относилась свысока. Она говорила сыну: «Что такое писатель? По-моему, писатель и писец – одно и то же. И тот и другой за деньги бумагу марают. Дворянин должен служить и составлять себе карьеру и имя службой, а не бумагомаранием. Да и кто же читает русские книги?»¹ Даже «Историю государства Российского» Карамзина читала В.П. Тургенева во французском переводе.

Совсем немного можно сказать о пополнении библиотеки, сделанном Сергеем Николаевичем Тургеневым, отцом писателя. По уровню образования он стоял выше своей жены. Он знал не только французский, но и немецкий язык. Вероятно, ему принадлежали немецкие книги начала восемнадцатого века. Скорее всего, С.Н. Тургенев вывез их из Германии во время заграничных походов против Наполеона, в которых он участвовал в составе наших войск. Можно думать, что ему же принадлежал и «Опыт теории налогов», написанный его однофамильцем декабристом Н.И. Тургеневым, с которым С.Н. Тургенев был лично знаком и

¹ *И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. – М., Художественная литература, 1983, т. 1, с. 44.*

обменивался письмами. В библиотеке сохранились тома сочинений Вольтера с отпечатанными типографским путем наклейками: «Из книг С.Н. Тургенева». Однако архивные документы, относящиеся к отцу писателя, почти не сохранились, поэтому нет возможности с уверенностью выделить остальные принадлежавшие ему книги.

Во всяком случае, Иван Тургенев вырос в семье, где книга вошла в быт, где существовала прочная традиция и культура чтения, где был огромный по тем временам выбор книг. Вот типичная картина вечера в семье Тургеневых, которую описывает двенадцатилетний Иван в письме к дяде: «В 8 часов сижу уж я за столом классным на моем месте и оканчиваю письмо, на учительском сидит Николенька, ест шепталу и читает альманах, против меня Никанор читает «Телеграф», против Николеньки сидит г-н Мейер и читает там «Мифологию», маменька сидит за своим столом, учит немецкие слова»².

Известно очень раннее развитие Ивана Тургенева. Можно с уверенностью полагать, что им он во многом обязан домашней библиотеке. Здесь мы находим выпуски первого детского журнала в России «Чтение для вкуса, сердца и разума», переложение на русский язык «Робинзона Крузо», многотомные издания «Собрания образцовых русских сочинений и переводов» и «Нового собрания образцовых русских сочинений и переводов», которые в 1818–1822 годах подготавливало Общество любителей русской словесности. Эти тома сильно зачитаны и порой сплошь испещрены детскими рисунками, пометками и помарками, на них часто встречаются инициалы «И.Т.». Конечно, далеко не все сочинения, составляющие эти сборники, в наши дни считаются образцовыми, но именно по ним маленький Тургенев впервые знакомился с одами Ломоносова и Державина, балладами Жуковского, баснями Крылова, стихотворениями молодого Пушкина. Однако не только этими книгами пользовался в детстве Тургенев. Так или иначе ему была доступна вся обширная домашняя библиотека. Вспомним хотя бы его рассказ о том, как восьмилетним мальчиком он, расцарапав себе руки в кровь, вытащил из закрытых шкафов «две громады»: «Эмблемы и символы» Максимовича-Амбо-

² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. – М.–Л., Наука. Письма. Т. 1, с. 149.

дика и «Россиаду» Хераскова. О неизгладимом впечатлении от их чтения он позже рассказал, описывая детство Феде Лаврецкого в «Дворянском гнезде», и в эпизоде чтения «Россиады» в «Пунине и Бабурине». Обе эти книги и теперь хранятся в библиотеке. В письмах к дяде мальчик цитирует Пушкина, Крылова, Жуковского, Державина, говорит, что в занятиях по риторике учит «Генриаду» Вольтера, что искал в библиотеке немецкую книгу.

Естественно, что круг чтения Тургенева в детстве не ограничивался учебными целями. В тех же письмах мальчик рассказывает о чтении повести Бестужева-Марлинского «Изменник», упоминает о статьях в журналах «Телеграф» и «Телескоп».

Еще более важную роль играла библиотека для Тургенева в годы его учения в Московском и Петербургском университетах. Ее книги создавали почву, фундамент до его созревания и развития. Так, например, известно, что свою первую автобиографию пятнадцатилетний Тургенев начал писать под влиянием только что прочитанной «Исповеди» Руссо.

К своей родовой библиотеке писатель не раз обращался и в зрелые годы. В автобиографической повести «Фауст» он пишет: «Я привез с собой несколько книг, и здесь у меня библиотека порядочная... Я нашел много любопытных, прежде мною не замеченных вещей: «Кандида» в рукописном переводе 70-х годов; ведомости и журналы того же времени; «Торжествующего хамелеона» (то есть Мирабо)... Попались мне и детские книжки, и мои собственные, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себе, моей прабабки»³.

Однако несмотря на всю ценность родовой библиотеки, наибольшее значение имеют книги, приобретенные самим Тургеневым. Прежде всего это коллекция философских книг с многочисленными пометами писателя. К ним примыкают книги на греческом, латинском, итальянском, испанском и польском языках, которые изучал писатель. (Немецким, французским и английским языками Тургенев владел свободно. Эти издания тоже широко представлены в библиотеке.) Кроме того, в состав библиотеки Тургенева входит собрание книг В.Г. Белинского, купленное писателем у вдовы критика.

³ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. – М., Наука, 1980, т. 1, с. 93.

Эти книги требуют более подробного и тщательного рассмотрения. Знакомству с ними будет посвящена статья в следующем выпуске сборника.

А.С. Захаров

ДРУЗЬЯ Л.Н. АФОНИНА*

Жизнь Леонида Николаевича Афонина прошла среди книг.

Члена Союза писателей СССР, кандидата филологических наук, его хорошо знают и помнят писатели и краеведы, музейные работники и литературоведы. Он остался в их памяти как скромный, обаятельный человек. Не забыт он и книголюбями Орла.

Леонид Николаевич был страстным пропагандистом книги. Его перу принадлежит много интересных статей о книголюбях, редких изданиях, в том числе о личных библиотеках П.В. Киреевского («Орловская правда», 1963, 16 августа»), Леонида Андреева («Орловская правда», 1974, 22 сентября), Н.С. Лескова (в книге «Литературное наследство», т. 87).

Особое место в творческой деятельности Афонина занимало изучение жизни и творчества писателей-орловцев, культурного прошлого Орловского края.

В 1959 году в Орловском книжном издательстве вышла книга Афонина о Леониде Андрееве. Она сделала имя автора известным не только в кругу литературоведов, но и среди широких масс почитателей таланта нашего писателя-земляка.

Многие годы посвятил он разысканию и собиранию материалов об истории Орловского театра. Результатом поисков стала «Повесть об Орловском театре» (Тула, 1965), которая прочно закрепила за Афониним звание краеведа, исследователя истории родного края.

Я очень сожалею, что не смог познакомиться с книжным собранием Леонида Николаевича при его жизни. Сейчас оно располагается в новой трехкомнатной квартире и бережно сохраняется вдовой ученого – Ираидой Анатольевной Ситниковой.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1984. Вып. 1

Библиотека насчитывает восемь с половиной тысяч томов.

Обычно коллекции библиофилов впечатляют своей вычищенностью, внешним лоском. Многотомные собрания подчас стоят за стеклом, словно солдаты в парадном строю.

Библиотека Л.Н. Афонина резко отличается от подобных собраний. Для него книги были что инструмент для рабочего, который кладут там, откуда его удобнее взять. Хотя здесь много изданий, которые библиоманы, как правило, выставляют на передний план. Здесь нет книг-«генералов», все они – слуги своего хозяина, и лишь один шкаф, в сотню с лишним книг, пользуется после смерти владельца некоторой привилегией.

Книги встречают нас в коридоре. На открытых стеллажах, от пола до потолка, плотными рядами стоят сочинения по философии, литературоведению, полные собрания и отдельные издания произведений русских и зарубежных классиков, книги серии «Литературные памятники», «Библиотека поэта».

Основу любого книжного собрания ученого составляет справочная литература. В библиотеке Афонина она представлена такими капитальными трудами, как «Большая советская энциклопедия» первого и второго издания, восьмидесятишеститомный «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Здесь же литературная, театральная, философская энциклопедии, различные издания словарей русского языка, справочники, библиографические указатели, книги по истории литературы, «История русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря в 13 томах.

Эти книги чаще всего бывали в руках ученого. До сего времени носят они следы его работы, во многих томах видны многочисленные закладки.

Наконец переходим в ту комнату, где хранится тот «привилегированный» шкаф. Книги в нем внешне ничем не выделяются. Все тот же афонинский порядок расстановки книг, и лишь обилие старых переплетов отличает его от других шкафов.

Кому из собирателей книг не знакомо то волнующее чувство, которое испытываешь при встрече с редкой книгой или книгой интересной судьбы? Какой-то притягательной силой обладают экземпляры с авторскими надписями, пометами известных исследователей.

Эти чувства испытал и я, когда знакомился с содержимым шкафа. Оно могло бы послужить материалом для интересного сборника рассказов о книгах.

Ираида Анатольевна снимает с полки и одну за другой подает все новые книги. Кстати, она великолепно знает и ориентируется в библиотеке, много рассказывает об истории отдельных редких изданий. Еще при жизни мужа Ираида Анатольевна составила картотеку на эти книжное собрание.

Начинаем с книг об Орле. Их немного, и все они представляют огромный краеведческий интерес. На одной из них следует остановиться особо.

Это небольшая брошюра в 12 страниц. Напечатана она на синей тряпичной бумаге начала XIX века.

Издание не имеет титульного листа и выходных данных, что делает его похожим на оттиск. Судя по названию – «На открытие театра в Орле 26 сентября 1815 года», напечатана она в нашем городе.

Автор этого стихотворного напутствия театру – С.П. Богданович, учитель словесности и «изящных наук» Орловской гимназии.

Первые две нумерованные страницы занимает посвящение автора основателю театра графу С.М. Каменскому. Следующие семь нумерованных страниц – текст сочинения. Последний лист – чистый. Сверху брошюра накрыта мраморной бумагой, изготовленной в XVIII или же в начале XIX века. Сделана обложка, видимо, одним из владельцев.

Это издание – большая редкость. Известен пока лишь один ее экземпляр, с которого я делаю настоящее описание.

Вполне возможно, что напечатана она с разрешения местных властей, без какой-либо предварительной цензуры, и раздавалась по случаю открытия театра в качестве памятного дара представителям орловской и приглашенной аристократии, присутствовавшим на первом представлении.

Массу ценных сведений заключает в себе «Памятная книжка Орловской губернии на 1913 год». На каждой странице имена, имена... Перечислены все чиновники с их адресами, все офицеры полков, расквартированных в Орле. Среди них – Чернигов-

ский гусарский, в котором служил, как известно, генерал армии А.В. Горбатов, в 1943 году освобождавший Орел.

Любопытный исторический очерк о городе Орле содержится в книге П. Александрова (Кречетова П.И.) «Материалы для описания Орловской губернии» (Рига, 1903).

А вот маленькая книжечка стихов забытого орловского поэта Ивана Селихова «От души» (Орел, 1913). На титульном листе автограф: «Художнику Лапшину на добрую память. И. Селихов». Кто этот художник? Что связывало его с поэтом?

Как и следовало ожидать, в шкафу много книг Леонида Андреева и литературы о нем. Как никто другой, знал Леонид Николаевич особенности жизни и творчества писателя-земляка. Со страстью коллекционера собирал он различные издания его произведений.

При работе над книгой о Леониде Андрееве Л.Н. Афонин пользовался семитомным собранием сочинений писателя в издании А.Ф. Маркса 1913 года. Оно внимательно изучено исследователем. В каждом томе множество вклеенных листов с примечаниями, дополнениями и другими пометами Афонина.

В скромном коленкоровом переплете отдельно изданный оттиск рассказа Леонида Андреева «Губернатор» из журнала «Правда» за 1906 год. Весь тираж журнала был конфискован царскими властями.

До конца своих дней поддерживал Л.Н. Афонин близкие отношения с детьми Леонида Андреева – Вадимом Леонидовичем, Верой Леонидовной и Валентином Леонидовичем.

Позднее Вадим и Вера написали свои воспоминания и первые экземпляры этих книг подарили нашему земляку, сопроводив их теплыми надписями: «Леониду Николаевичу Афонину – доброму и верному другу моему, в знак особенной симпатии и доброжелательства преподношу эту книжечку – крохотную часть неоплаченного долга перед отцом. В.Л. Андреева. Москва, 1974 год» (На книге: Андреевой В.Л. Дом на Черной речке. Повесть. – М.: Сов. писатель, 1974).

В собрании Л.Н. Афонина хранится корректурный экземпляр первого издания книги А.Н. Лескова о своем отце «Жизни Нико-

лая Лексова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям» (1954).

Эта книга была подарена вдовой автора, который умер в 1953 году, Анной Ивановной Лесковой. Последние годы Афонин поддерживал с ней дружеские отношения.

Каким-то образом в нашу страну попала небольшая часть тиража первого издания рассказа И.А. Бунина «Речной трактир», изданного в Нью-Йорке в 1945 году в оригинальной обложке художника Добужинского и изредка встречающегося еще в московских букинистических магазинах. Издан рассказ небольшим тиражом, все экземпляры нумерованные, а некоторые из них имеют автограф писателя.

Афонину его подарил в 1962 году литератор Л.Ф. Зуров, живший долгие годы совместно с Буниными в Париже и Грассе.

К этому времени также относятся книги с дарственными автографами Афонину известных советских писателей и литературоведов. Среди них: К.И. Чуковского «Мастерство Некрасова» (изд. 4-е. – М.: Худож. Лит., 1963), В.Г. Лидина «Люди и встречи» (М.: Сов. Писатель, 1961). Теплые надписи на титульных листах своих книг оставили Д.Д. Благой, академик М.П. Алексеев, писатели Н. Рыленков, Борис Зайцев и другие, кто высоко ценил творчество Леонида Николаевича Афонина.

Одними из любимых книг орловского литературоведа были издания о русских художниках, воспоминания о них современников. Здесь воспоминания К. Коровина, А. Бенуа, книги о художниках-передвижниках, альбомы по русскому искусству.

В своем очерке я не пытаюсь рассказать о всех интересных книгах из библиотеки Л.Н. Афонина, для этого потребовалось бы специальное исследование. О многих из них он сам поведал в своих изысканиях.

Не хочется покидать этот гостеприимный дом. Еще раз осматриваю полки и шкафы с книгами. Как много рассказали они мне о своем владельце!

Мы благодарны Ираиде Анатольевне за то, что имеем возможность хоть изредка встречаться с близкими друзьями Леонида Николаевича – его книгами.

ЗАВЕТНАЯ ПОЛКА*

Из книг о родном крае в моем собрании почетное место занимают на заветной полке «Исторические очерки города Орла» (Орел, 1874) Гавриила Михайловича Пясецкого.

Его же перу принадлежат «Исторические очерки города Кромы Орловской губернии» (Кромы, 1890), «Исторические очерки Орловского Введенского девичьего монастыря» (Орел, 1896), «Исторические очерки Орловского Петропавловского кафедрального собора» (Орел, 1897). В «Трудах Орловской ученой архивной комиссии» за 1893 год мне встретились «Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении», во втором томе «Сборника Орловского церковного историко-археологического общества» – «Исторические очерки города Севска и его уезда» (Орел, 1906), в «Орловских епархиальных ведомостях» 1898 года – «Орловские кладбища и состояние при них церкви и богадельни».

Наконец, из собрания Ф.Я. Студенникова ко мне переселился последний труд Г.М. Пясецкого «История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей» размером в 1066 страниц (Орел, 1899).

Не встретились мне книги-очерки Пясецкого о Болхове и Брянске. Не попало в мою библиотеку собрание очерков краеведа в одном томе...

В 1903 году краевед, генерал от инфантерии, герой Освободительной войны в Болгарии (1877–1878) Александр Николаевич Шульгин выпустил в Орле «Минувшее Орловского края» и «Орловский край под владычеством Литвы». Обе книги достались мне от Ф.Я. Студенникова.

От него же – «Иллюстрированный торгово-промышленный альбом Орловской губернии» 1909 года, напечатанный в разных красках, с видами Орла, с типографии А.А. Логунова.

Размером с альбом – «Поездка в Орловскую губернию для раскопки мамонта» К.О. Милашевича (М., 1878).

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1984. Вып. 1*

Большая редкость – «Орловский уезд» – переплетенные в одну книгу 853–1073 страницы выпущенных в 1837 году «Писцовых книг XVI века» под редакцией Н.В. Калачева (труд подьячего Леонтия Софонова и писца Дементия Яковлева 1594–1595 годов). На основе этого труда П. Смирнов в 1910 году в Киеве выпустил книгу «Орловский уезд XVI века» с картой уезда. Обе книги находятся в моей библиотеке.

С ними рядом – современные издания: «Книга Большому чертежу» (М., 1950), «Летопись города Орла» (Тула, 1980), «Цветущее состояние Всероссийского государства» Ивана Кирилова (М., 1977), книги-очерки С.И. Федорова, А.Е. Венедиктова, И.Н. Музалева, Ф.В. Ковалева, Н.М. Чернова, Л.Н. Афонина, В.А. Громова и других краеведов и литературоведов.

Двадцатые годы у меня представлены книгами «Г. Орел» И.И. Лебедева и П.С. Ткачевского (Орел, 1927), «Природа Орловского края» (Орел, 1925), выпусками «Бюллетеня Орловского губернского бюро краеведения» (1927), первым и единственным номером журнала «Орловский край» (1929), сборником материалов «1905 год в Орловском крае» (1926), «Списками населенных мест Орловской губернии»...

В 1939 году С.Л. Беляков выпустил книгу «Город Орел». Эта книга мне дорога вдвойне: ее написал журналист «Орловской правды», павший в боях за Родину. Его же очерк «В те дни» о событиях 1919 года я нахожу в сборнике «Разгром белых под Орлом» (Орел, 1939).

В первом томе «Сборника Орловского Церковно-археологического комитета», в скобках: «Ныне Орловского Церковного историко-археологического Общества», напечатанном в Орле, в типографии губернского правления в 1905 году, представляют большой интерес труды И.Е. Евсеева «Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах», А.Н. Шульгина «Колонизация Орловского края», К.В. Афонского «Путешествие Антиохийского патриарха Макария по пределам Орловского края в 1645–1655 г.». Второй том под названием «Сборник Орловского Церковного Историко-Археологического Общества» (Орел, 1906) интересен «Историческими очерками города Севска и его уезда» Г.М. Пясецкого, его же «К истории гор. Орла» (материалы по истории церквей, об Орловской пристани, о посещении города

Александром Первым), окончанием труда И.Е. Евсеева о рукописях в Орловских древлехранилищах.

«Памятная книжка Орловской губернии на 1888 год», составленная Я.И. Горожанским, содержит «Хронологию достопамятных событий Орловской истории на 1888 год», «Исторический очерк Орловской губернии», «Список книг, напечатанных в Орле в первые тридцать лет нынешнего столетия» (57 названий), статью «По поводу словаря орловских уроженцев» (14 имен).

В «Историческом описании Орловского Троицкого кладбища со времени его возникновения» Михаила Высотского (Орел, 1902) можно прочесть о похоронах А.П. Ермолова, полностью приведено слово, произнесенное в Крестовоздвиженской церкви 18 апреля 1861 года законоучителем Орловского Бахтина кадетского корпуса Евфимием Андреевичем Остромысленским: «При виде великого героя русского, мужа силы и мудрости воинской, грозы Кавказа, ужаса врагов России, что скажу вам, печальные слушатели, немощный в слове, скудный в достойной хвале великому? – Для великих нужно и слово великое... Где, где не летал ты, наш орел северный... все-таки, родимый, воротился ты в свое гнездо орловское, к могиле отца своего и матери!»

Книга «Жизнь и военные деяния генерала от инфантерии графа Николая Михайловича Каменского» в двух частях (М., 1814–1815) Павла Вавилова, посвященная С.М. Каменскому, основателю Орловского театра, рассказывает о полковнике суворовской школы, сыне основателя Сабуровской крепости, генерал-фельдмаршала М.Ф. Каменского (все трое похоронены в церкви, на берегу реки Цон, у въезда в крепость).

«Алфавит домовладельцев г. Орла» к плану 1877 года, составленный землемером Древитцем, напечатанный в Туле, в типографии Бурцевых, содержит не только имена, отчества и фамилии с указанием кварталов и номеров домов в квартале, но и адреса церквей, учебных заведений и разных учреждений.

«Город Болхов» Рустика (Орел, 1896) и «Город Елец в его настоящем и прошлом» (Елец, 1911) А. Воскресенского – очерки о старинных русских городах, уездных центрах.

«Каталог библиотеки для чтения при магазине В.Д. Кашкина в Орле, основанной в 1880 году» (Орел, 1900) и «Каталог книг библиотеки П.В. Иванова, в г. Мценске» (Мценск, 1892), также

«Систематический каталог А.И. Долинина-Иванского. Гор. Чернь, Тульской губ. № 27» (Орел, типография С.А. Зайцевой, 1903), с владельческой печатью Е.И. Якушкина, сына декабриста, дают представление о том, что читали наши предки.

Без титульного листа попал ко мне сборник орловских былей и преданий, но помещенная в книге «Легенда сельца «Гремучего ключа» позволяет найти автора. Та же легенда помещена в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии». Автор – член комиссии Александр Константинович Юрасовский. (Ему приписывают напечатанные в Орле в 1909 году книги «Воспоминания о пребывании М.Ю. Лермонтова в Орловской губ.» В. Смысловского и «Былые чудачки Орловской губернии» Орловского старожила).

Из «Трудов Орловской ученой архивной комиссии» мне удалось достать выпуск четвертый 1890 года, третий – 1895, второй – 1897, первый – 1899, все три – 1892, все три – 1893, первый – 1891, третий и четвертый – 1894 (в третьем, с экслибрисом краеведа П.С. Ткачевского, умершего в Курске, помещены «Два журнала Орловской палаты уголовного суда по делу об убийстве фельдмаршала графа М.Ф. Каменского»), «Труды» за 1901 и 1902 годы, собранные вместе, напечатанные в типо-литографии М.П. Гаврилова в 1903 году (помещено «Минувшее Орловского края» А.Н. Шultzгина).

Одной из ранних орловских книг библиографы называют сокрытую во мраке минувшего «Родословную роспись рода Каменских» размером в 52 страницы, изданную иждивением графа М.Ф. Каменского и посвященную его младшему сыну Николаю Михайловичу (Орел, 1808).

Возможно, в одном экземпляре уцелела ода «На открытие театра в Орле 25 сентября 1815» преподавателя Орловской гимназии С.П. Богдановича (хранится в семье писателя Л.Н. Афонина, мы располагаем копией).

В 1883 году в Орле вышел сборник стихов Ильи Ливанского «Поминки», посвященный «незабвенной памяти» В.А. Жуковского в связи со столетием со дня рождения поэта. Книга долго хранилась у Ф.Я. Студенникова. От него я получил и «Крылатые песни» Иосифа Каллиникова с автографом (Орел, 1915), собранные на Орловщине поэтом сказки, оттиск из «Живой старины» «Сказочники и их сказки» (Петроград, 1916), «Стихи» того же авто-

ра (Орел, 1918), а также – собрание стихотворений А.И. Петрова «На заре» (Орел, 1905), «Первую брошюру стихов» А. Коровина, В. Лебедева, Е. Перлина (Орел, 1916), «От души» И.И. Селихова с автографом (Орел, 1913), «Зеленый шум» – сборник орловских поэтов и прозаиков (Орел, 1922).

Ветеран двух войн В.Ф. Чеботарев, старый книжник, подарил мне «Ярь» – литературно-художественный сборник 1928 года, посвященный «великому пролетарскому кудеснику слова, другу и учителю начинающих писателей – Максиму Горькому», и сборник рассказов Александра Германа «Былые зарницы» (Орел, 1921).

Из поэтических сборников, изданных в Орле в разные годы, ко мне попали «Сад» Д.Е. Сеничева (1897), «Триолеты. Мадригалы» Евгения Сокола (1917), «Третий сборник стихов» Аркадия Волохова и Елиазара Перлина (1917), «Бабочка поэтина сердца» Алексея Дубровского (1917), «Цыганские стихи» Александра Германо (1941), «Раздвоение» (1907) и «Кошмары» (1910) В.П. Мятлева.

Одно из справочных пособий – «Орел в кармане», выпущенный в Орле «Красной книгой» в 1925 году. Книгу, отпечатанную тиражом в одну тысячу экземпляров, составили Н. Басов, Н. Высоцкий и А. Герман (впоследствии основоположник советской цыганской литературы Александр Германо). В ней не только названы телефоны, предприятия и учреждения, но и дан краткий очерк «Орел в прошлом» с ошибочным указанием, будто после пожара 1673 года город был перенесен инженером Яковом фон-Форстенем на Ямскую гору; указ был, но перенос состоялся значительно позже.

«Краткий исторический очерк Орловского Бахтина кадетского корпуса с приложением списка бывших воспитанников этого корпуса, окончивших курс за время первого пятидесятилетия со дня открытия (1843–1893)», книга под названием вышла в Орле в 1893 году. В списке – герои Освободительной войны в Болгарии (в очерке описаны их подвиги), революционеры, писатель Степняк-Кравчинский.

Безымянным предстает нашим глазам альбом «Орловский Бахтина кадетский (корпус)», напечатанный в 1914 году в Париже фирмой «С. Случанский и Сын». На обложке – здание корпуса. На первом листе – портрет основателя генерал-майора М.П. Бах-

тина, на втором – «августейший кадет», великий князь Георгий Константинович, на третьем – директор корпуса, генерал-лейтенант Р.К. Лютер, на четвертом – инспектор классов, генерал-майор И.А. Белогорский. Дальше идут групповые снимки без имен, виды классных комнат.

«Путеводитель. От Курска до Москвы. В трех частях», – эту книгу составил Штакельберг, напечатали ее в Петербурге, в типографии Морского министерства в 1858 году. Вторая часть, встреченная мною, содержит главу «Орловская губерния» (21–33 с.), где говорится, что наш край был населен вятичами, в XIII веке был уделом князя Святослава Северского, потом попал под власть Литвы, а «со времен Иоанна III (в XVI веке) сделался принадлежностью Государей Московских». И еще: «Рассеянные во множестве курганы составляют следы древнего населения».

Очерк об Орловской губернии встречаем в третьем томе «Всемирной истории Российского Государства» (М., 1886). Много ценных сведений о природе, городах и даже некоторых селах – во втором томе «России», «Настольной и дорожной книги для русских людей», под редакцией В.П. Семенова (СПб., издание А.Ф. Девриена, 1902). Орел с четырьмя видами предстает нашим глазам со страниц «Всей России», особого приложения к газете «Россия» (СПб., 1905).

Интересен «Новый и полный географический словарь Российского государства» (часть четвертая), изданный в Москве Николаем Новиковым в 1788 году: подробно рассказано об Орле на 22 и 26 страницах.

Знания о родном крае пополняют статистические сборники, труды исследователей природы. Книга Т.Н. Никольской «Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н.э.» (М., 1959) помогает заглянуть в загадочный мир орловских курганов, заросших травой городищ. Книга «В боях за Орел» (М., 1944) – одна из лучших, а может, и самая лучшая, о жарком лете 1943 года.

Выпущенную в Туле в 1963 году книгу «Подвиг ратный, подвиг трудовой» можно было бы назвать «Первый салют в воспоминаниях». Много ценных сведений в ней о незабываемом.

Орловщина – литературный край. Книги Тургенева, Лескова, Бунина, Тютчева, Апухтина, Фета и других наших славных зем-

ляков хочется иметь и в старых, и в новых изданиях: они прекрасно соседствуют на книжной полке.

Нет этих имен в «Маленькой хрестоматии», составленной М. Азбукиным и напечатанной в Орле в 1912 году. Дальше А. Кольцова не пошел составитель, преподаватель Орловского Александринского института. И все-таки маленькая книжечка представляет интерес: она дает представление о том, чему учили на уроках словесности «благородных девиц».

В наши дни изучение родного края, его литературных традиций ширится с каждым годом.

Виктор Дронников

ДРУГУ-КНИГОЛЮБУ В.М. КАТАНОВУ*

Нету в сердце прежнего огня,
Но зато есть нечто, чем я весел.
Называют книжником меня.
И от книг светло мне, как от песен.

Птица перед песней напилась.
Птице ночью только песни снятся.
Жизнь моя, ты только занялась
Светом предосеннего румянца.

Мы еще поговорим с тобой
Языком травы и листопада,
Потому, Михайлович, не надо
Осуждать поэта за любовь.

Лучше расскажи мне, что добыл,
Что твое собрание украсило...
Я б Афанасьева купил:
Мне никак нельзя без Афанасьева.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1984. Вып. 1

СТАНКЕВИЧ, ГРАНОВСКИЙ, БУНИН*

Воронеж и Орел... Орел и Воронеж... Духовные города-побратимы... Они близки друг другу прежде всего по своему высокому творческому потенциалу. Не случайно Н.С. Лесков, большой патриот своего края, неоднократно подчеркивал значительность вклада обеих губерний в общерусскую литературу. А совсем недавно мы узнали, что Н.С. Лесков посетил, оказывается, Воронеж и познакомился с тамошним поэтом-книгопродавцем И.С. Никитиным, о котором тогда отзывался как о достойном всякого уважения.

Так что истоки воронежско-орловских книжных связей восходят, как видим, к давним эпохам.

Продолжая эти добрые традиции, хочу предложить вниманию орловских библиофилов две маленькие заметки о некоторых редкостях из своего собрания.

1

Воронежец Николай Владимирович Станкевич и орловец Тимофей Николаевич Грановский были приятелями. Их судьбы пересеклись и на полках моей библиотеки. В 1857 году в Москве вышла подготовленная П.В. Анненковым книга, где была помещена биография философа и эстетика, а также даны фрагменты из его обширной переписки. Здесь можно прочесть немало эпистол, адресованных Т.Н. Грановскому... Это труднонаходимое сейчас издание пожертвовал мне недавно коллега по университетской кафедре А.П. Валагин. На кожаном корешке вытиснена фамилия первого владельца экземпляра – некоего Федотова. Какие чувства он питал к Станкевичу? Встречался ли с ним?

У Н.В. Станкевича был младший брат – Александр Владимирович: оба родились в живописнейшей Удеревке, что стоит ponad Тихой Сосной, притоком Дона. Кстати, здесь провел свое последнее лето Т.Н. Грановский.

А.В. Станкевич в 40-е годы занимался беллетристикой, печатался в «Современнике» и Некрасовских сборниках. Позднее он организовал в своем московском доме литературно-художествен-

ный салон, который посещали либералы-западники. Здесь царил дух, свойственный кружку покойного старшего брата.

Александр Владимирович хорошо знал Т.Н. Грановского, этого «Пушкина русской истории», и после его смерти взялся за составление биографического очерка о нем. Книга А.В. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский» вышла в Москве (1869) и была посвящена друзьям и бывшим слушателям профессора.

Мне долго не удавалось приобрести эту книгу. Но счастье наконец улыбнулось: экземпляр покинул Орел и переселился в Воронеж. А экземпляр не совсем обычный. Золотой обрез свидетельствует о том, что хозяин (точнее, хозяйка) им весьма дорожила. Еще бы! Ведь книга подарена самим автором. На титульном листе дарственная надпись: «Милой Оке (?) от А. Станкевича). Ни даты, ни места не обозначено. Да и имя владелицы весьма необычно (возможно, это домашнее прозвище).

Когда-то переплет блистал роскошью. Но книги, как известно, долговечнее людей, иногда это им на пользу, а иной раз нет. Вот и «Милая Ока» ушла к праотцам, а экземпляр попал в чужие и не очень добрые руки. Быть может, он оказался в сарае или на чердаке. Во всяком случае, переплет от влаги превратился в тряпку и на начальных страницах остались следы сырости...

Александр Серафимович Захаров, кудесник книги, привел экземпляр в божеский вид, одел в полукожу и серый балакрон.

Остается добавить, что экземпляр принадлежал ранее известному орловскому писателю и книголюбу Василию Михайловичу Катанову. Его владельческая роспись (с рисованной буквой «К») украшает шмуцтитул.

Когда Василий Михайлович в следующий раз побывает у меня в гостях, я покажу ему книгу А.В. Станкевича в числе других своих достопримечательностей. На ней он увидит мой экслибрис работы киевского графика Василия Лопаты – с изображением Пушкина в смирдинской лавке.

2

Иван Алексеевич Бунин – гордость Воронежа, еще более – Орла. Мне давно хотелось заполучить нечто этакое, особенное. Лет семь тому назад крепко повезло: из Москвы прислали последнюю прижизненную книгу Бунина. Она называется «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» и выпущена нью-йоркским

издательством имени Чехова в 1953 году. В сборнике помещено около полусотни коротких рассказов, изданных в разное время (от 1913 вплоть до 1952 г.), а также несколько стихотворений. Словом, в известном смысле итоговая книга.

Рекордными являются издательские сроки. Предисловие «От автора» помечено 17 октября 1952 года, а на обложке фломастером вишневого цвета начертано: «Вышла в конце февраля 1953 г.». Следовательно, потребовалось всего четыре месяца, чтобы машинопись превратилась в книгу. Феноменально!

Автограф на обложке принадлежит самому Ивану Алексеевичу Бунину – это экземпляр из его домашней парижской библиотеки. В тексте есть несколько правок, сделанных бунинской рукой (с. 9, 88, 127), – последняя авторская воля. Спустя полгода писателя не стало.

Как экземпляр оказался в нашей стране? На одной из страниц имеется оттиск миниатюрного овального экслибриса с обозначенными по-латыни инициалами прежнего хозяина – А.В. Предполагаю, что это Александр Васильевич Бахрах, человек, близкий к Бунину в последние годы. Он и поныне здравствует в Париже. С ним поддерживают эпистолярную связь москвичи. Вероятно, от него и пришел экземпляр к кому-нибудь из столичных библиофилов. Мне его подарил страстный собиратель бунинских материалов Валентин Викторович Лавров.

Из того же источника в мою коллекцию автографов поступила почтовая открытка, отправленная И.А. Буниным 26 февраля 1916 года Н.С. Клестову (Ангарскому), подвизавшемуся в московском «Книгоиздательстве писателей». Вот полный текст этой лаконичной открытки: «Многоуважаемый Николай Семенович, я жду V сборник 2 изд., жду и оттиски «Господ(ина) из С(ан)-Франциско». Адрес – Измалково, Орловск(ой) губ(ернии). Ив. Бунин. 26.II.1916».

До чего же красив бунинский почерк! Чувствуется, что писавшему доставляло почти физическое удовольствие корпеть над бумагой, делая пером в определенных местах нажимы. Конечно, самой любимой была буква «Б» – она выведена с такой элегантной лихостью, что не может не броситься в глаза.

Я насмотрелся у В.В. Лаврова бунинских автографов вдосталь – начиная со строгих дарственных надписей на книгах и фотографиях (автор «Жизни Арсеньева» обожал сниматься и презентовать свои лики) и кончая многостраничными исповедальными

письмами. Сейчас у Лаврова, безусловно, самое крупное в стране личное собрание бунинских бумаг. Знаю, что он намерен съездить в Орел.

...Разумеется, можно было бы рассказать о других орловских раритетах, хранящихся у меня. Заслуживают специального разговора и книги с дарительными надписями Л.Н. Афонина, В.А. Громова, А.С. Захарова, В.М. Катанова, А.И. Понятовского и других. Но об этом как-нибудь в другой раз.

О.Г. Ласунский

1. ИСТОРИЯ ОДНОГО АЛЬБОМА*

Мне нередко приходит в голову: подлинная библиотека та, которая становится для владельца как бы ненаписанным дневником. Ведь за каждой книгой – кусочек биографии, и чем быстрее летят годы, тем чаще «листаем» мы этот дневник, с грустью обращая взор в свое прошлое.

Недавно я снял с полки альбом в коричневом ледерине. Неважно, что поблекла позолота на корешке. Человеческая память – материал попрочнее. И, поглаживая ладонями переплет, я мысленно вел беседу с теми, кто, как и я сейчас, любовался когда-то этим альбомом. Его история бесхитростна и трогательна, как сама жизнь.

Долгие годы я переписывался с известным рижским художником Алексеем Илларионовичем Юпатовым. Уроженец здешних мест, он навсегда прикипел сердцем к прибалтийским краям. Тут расцвел его самобытный талант, пришло признание, тут он, наконец, похоронен.

Для советских библиофилов имя А.А. Юпатова связано прежде всего с искусством книжного знака. Рижанин был не просто первоклассным специалистом. Он отдавал этому любопытному графическому жанру все свое дарование. Несколько сотен домашних библиотек, разбросанных по необозримым просторам нашей страны, украшены рисунками в особой точечной манере «пуантильи». Иметь собственный экслибрис работы Юпатова было заветным желанием многих собирателей 60-х годов.

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1985. Вып. 3*

Алексей Илларионович исполнил мне семейный знак, где изобразил интерьер старинного, пушкинских времен, кабинета. На переднем плане сидит дама с французским романом на коленях, а поодаль – читающий мужчина. Истинно юпатовский сюжет! Были и другие варианты знака. Все они не раз экспонировались на различных выставках.

Юпатову нравилось делать со вкусом оформленные и великолепно переплетенные альбомы, куда он вклеивал оттиски своих знаков. Такие альбомы – они обычно были снабжены его изящными дарственными автографами – пользовались у библиофилов большим спросом. У меня с той поры сохранилось несколько подобных изданий. Не только глаза, но и душа радуется, когда разглядываешь юпатовские миниатюры, запечатлевшие все многообразие окружающей нас действительности.

Однажды – это случилось в феврале 1970 г. – пришла из Риги какая-то странная бандероль. Вместо очередного альбома Алексей Илларионович прислал незадолго перед тем вышедшие воспоминания ленинградского букиниста-антиквара Петра Николаевича Мартынова – «Полвека в мире книг». С мемуаристом я тоже поддерживал дружеские отношения и книгу купил сразу, как только она появилась на прилавке. Зачем же мне еще?

Удивление возросло, когда я раскрыл уже знакомые страницы. Я увидел иллюстрации, каких не было в моем экземпляре. Что за чертовщина? Не померещилось ли мне?

Не стану далее лукавить: тайну раскрыл сам Юпатов. Вот что я узнал из его сопроводительной записки, вклеенной прямо в книгу.

Они давно приятельствовали с Петром Николаевичем. На протяжении нескольких лет кряду старый букинист, оказывается, приезжал в Ригу на отдых, останавливался в доме Яна Страуберга, где на веранде регулярно собиралась компания страстных книжников. В одной из бесед и возникла идея выпустить на правах рукописи малотиражный каталог редких изданий по книговедению и библиографии из мартыновской коллекции. Петр Николаевич постарался подобрать в этой области, как говорится, самое-самое...

Описание предполагалось отпечатать в Риге в количестве не более 250 нумерованных экземпляров – каждый из них будет цениться библиофилами едва ли не на вес золота! Алексей Ил-

ларионович, естественно, взял на себя заботу о художественном оформлении. Мартынов намеревался посвятить издание памяти Яна Страуберга.

Но «Домашней библиотеке книжника» не суждено было увидеть света: П.Н. Мартынов внезапно умер, и затея сразу потеряла всякий смысл. Изготовленные уже пробные оттиски иллюстраций могли потеряться. Тогда Юпатов и попросил своего переплетчика вставить их в экземпляр появившихся вскоре мартыновских меуаров.

Так разбухший от вкладок почти наполовину уникальный экземпляр «Полвека в мире книг» очутился в Воронеже. Мне всегда доставляет невыразимое удовольствие его рассматривать. Я вижу отлично воспроизведенные обложки и титульные листы забытых библиографических трудов, россыпь экслибрисов, открытки с колоритными типажамы былых книжников. Сюда же вложено письмо П.Н. Мартынова к Юпатову от 22 сентября 1968 года, в котором сообщалось, что в Ригу с невских берегов отправлено начало будущего каталога. Как жаль, что он так и остался в рукописи!

...Прошло много лет. И вот судьба занесла меня в украинский городок Дрогобыч, примостившийся у подножия Карпатских гор. Здесь я оказался гостем удивительного человека, который сумел в этом далеком от столичных центров уголке составить чудесную коллекцию иллюстрированных раритетов. Почти месяц я увлеченно исследовал содержимое шкафов красного дерева и не переставал поражаться энергии и собирательской удачливости хозяина. Открыть существование такой библиотеки было целым событием, и я счел необходимым рассказать о ней на страницах московского «Альманаха библиофила» (вып. 14, 1983).

Когда я покидал Дрогобыч, Всеволод Валерианович Тарноградский, сочувствуя моему давнему интересу к проблемам экслибристики, презентовал на прощание альбом. Мне было достаточно беглого взгляда на переплет, чтобы понять: юпатовское детище! И в самом деле, развернув том, увидел я до боли знакомый почерк художника. Замысловатой лесенкой сбежал сверху вниз текст: «Многоуважаемому Петру Николаевичу Мартынову, автору доклада о латышском художественном книжном знаке в Ленинградском доме ученых, на память о встрече в Риге в день открытия выставки экслибрисов моего друга Отто Медниса. Алексей Юпатов. Рига. 2.VIII.65 г.».

Итак, снова Петр Николаевич... Да, Валерьяныч (так в обиходе зовут В.В. Тарноградского) хорошо его знал. Бывая в Ленинграде, всегда заходил к Мартынову и не помнит случая, чтобы уходил от него без какой-нибудь «изюминки». Многие изумительные по красоте книги попали в Дрогобыч благодаря добрейшему Петру Николаевичу. Уже после его смерти родственники передали Валерьянычу альбом с юпатовским автографом.

И вот теперь он стоит на моей полке, облаченный в темно-коричневый ледерин, как немой свидетель минувших дней. Да, жизнь быстротечна, но не бесследна! Всяк оставляет после себя «зарубку». У писателя – это романы и повести, у архитектора – здания, у библиофила – книги, помеченные экслибрисом или владельческой надписью.

Но что же это все-таки за альбом?

Его название – «Латышские художники экслибриса», в нем содержится пятьдесят работ, исполненных в технике гравюры или цинкографии такими мастерами, как П. Упитс, З. Зузе, Д. Рожкалис, О. Меднис и др. Титульный лист и фронтиспис наррезаны на линолеуме З. Зузе. Среди оттисков есть и знак самого Юпатова, сделанный Отто Меднисом, – это в день его вернисажа, как мы помним, был поднесен альбом Мартынову.

В Прибалтике всегда была традиционно высока книжная культура. И сегодня здесь ширится, набирает новую силу библиофильское движение. Повсеместное внимание к малой графике, в том числе и к экслибрису, – лишнее тому подтверждение.

В марте 1884 года я был гостем рижских писателей. Заодно прихватил с собою и альбом. Едва выдалась пауза в выступлениях, встречах, поездках, нанес визит к художнику Зигурду Яновичу Зузе. По моей просьбе он сделал (на латышском языке) автограф, прямо на титульном листе альбома, подтверждающий его, З. Зузе, участие в оформлении юпатовского издания. Выяснилось, что оно появилось в свет в 1959 году тиражом 35 экземпляров.

...Я беру в руки альбом. За ним встают фигуры многих примечательных людей. Рига, Ленинград, Дрогобыч, Воронеж, еще раз Рига и снова Воронеж – такова география его маршрута, пролегла по территории трех братских республик.

А ведь история альбома еще не кончилась...

2. КНИГОЛЮБ У.Г. ИВАСК¹

Начало XX столетия можно, пожалуй, назвать «золотым веком» русской библиографии. В пределах небольшого, но необычайно насыщенного исторического периода сложился круг замечательных деятелей книги. Б.С. Боднарский, С.А. Венгеров, И.В. Владиславлев, К.Н. Дерунов, Н.М. Лисовский, А.В. Мезьер, Н.А. Рубакин, А.Д. Торопов, Д.В. Ульянинский, А. Г. Фомин – перечень имен нетрудно продолжить. Эти люди во многом не похожи друг на друга – не только по личным судьбам, но и по своим научным взглядам и методам работы. Однако их объединяла горячая приверженность к пропаганде печатного слова как основного способа выражения накопленного человечеством духовных богатств.

Сами выходцы преимущественно из демократических слоев, книговеды и библиографы той поры видели в книге прежде всего неопределимый источник познаний, действенное средство народного просвещения. Вместе с тем в их отношении к ней, помимо непосредственной практической пользы, невольно вплеталось и определенное поэтическое чувство. Книга воспринималась как гармонический итог усилий многих лиц – помимо автора и редактора к ним относились издатель, типограф, иллюстратор, торговец, библиофил, наконец, просто читатель. Это рождало своеобразный культ книги как живого организма, одушевленного явления. Занятия библиографией рассматривались не как сухое, безличное ремесло, а как настоящее творчество, почти художество, в котором немаловажную роль играет неповторимая человеческая индивидуальность.

Может быть, наиболее полно эту характерную тенденцию воплотил в своей жизни и деятельности Удо Георгиевич Иваск, один из крупнейших и оригинальных книговедов начала столетия. Наделенный от природы большими способностями, сам незаурядный рисовальщик и пианист, он стал подлинным поэтом библиографии, оставаясь при этом ее ревностным служителем. В У.Г. Иваске удивительным образом сочетался редкий педантизм, без которого немислим любой успех на поприще книжничества, со страстной лирической натурой. Фанатически преданный сво-

¹ *Начало неосуществленной книги об У.Г. Иваске*

им библиографическим занятиям, У.Г. Иваск в то же время наслаждался ими как высоким искусством. В исследователе жила художническая жилка, и оттого на его работах лежит печать какой-то особой притягательности.

В последнее десятилетие комплексное учение о книге и книжном деле достигло в нашей стране несомненных успехов. Это объясняется в значительной мере разумным, бережливым подходом к наследию минувших эпох, критическим освоением всего предшествовавшего опыта отечественного книговедения. Постоянно вводятся в научный оборот забытые или прежде неизвестные архивные материалы. Определяются персональные заслуги в области книговедения и практической библиографии видных деятелей прошлого. Появляются фундаментальные труды историографического содержания.

У.Г. Иваску повезло менее других. «Таинственная звезда в тумане» – так выразился о нем (в письме к автору данных строк) писатель-библиофил Евг. Осетров. Это не только выразительная метафора, но и своего рода формула сегодняшних знаний об У.Г. Иваске. Мы инстинктивно осознаем, что перед нами одна из звезд блистательной плеяды русских книжников начала XX века. Однако наши сведения об У.Г. Иваске крайне скудны, подчас односторонни, а фигура его в целом остается как бы в тумане. Отсутствие обстоятельной монографии при обилии мелких, любительских заметок поневоле приводит к искажению облика У.Г. Иваска-книговеда.

Когда заходит речь об У.Г. Иваске, то обыкновенно имеют в виду его известное трехтомное «Описание русских книжных знаков» (1905–1918). В самом деле имя этого человека неразрывно связано со становлением и дальнейшим развитием узкоспецифической отрасли книговедения – экслибрисологии. У.Г. Иваск явился пионером не только в области собирания, но и, самое главное, научного изучения книжных знаков в России. Здесь его авторитет непререкаем.

Но У.Г. Иваск вовсе не ограничивался рамками экслибрисологии. Им опубликовано свыше восьмидесяти работ по общим и частным вопросам библиотековедения, библиографоведения, библиофилии, истории, генеалогии. Он выступал в печати как ис-

следователь и как практик-библиограф. Наконец, следует сказать, что основной труд У.Г. Иваска – грандиозно замысленный, но, к сожалению, не завершённый указатель по периодической печати России на всех языках за 1703–1917 гг. так и остался в рукописи.

Следовательно, сложившиеся исподволь представления об У.Г. Иваске только как о знатоке и пропагандисте книжного знака совершенно не отвечают реальности. Вклад его в русскую культуру начала XX века гораздо шире и весомее. Не случайно разнообразные труды У.Г. Иваска вызывали в современной ему печати живой и преимущественно доброжелательный отклик. Он находился в самом центре московского книжного мира. Не следует забывать и о том, что этот подвижник, этот поэт библиографии всем своим нравственным обликом оказывал благотворное влияние на дружеское его окружение, в котором мы видим корифеев русского книговедения (например, Б.С. Боднарского, Н.М. Лисовского, А.И. Калишевского, Д.В. Ульянинского и др.)

Помимо собственно научной деятельности, У.Г. Иваск много энергии отдавал организационным вопросам, прежде всего как один из руководителей Русского библиографического общества при Московском университете. Особенно ярко развернулись его способности организатора науки после Великой Октябрьской социалистической революции, которую он принял без тени колебания или сомнений. У.Г. Иваск активно участвует в коренном преобразовании книжного дела в молодой Советской республике. Ему, в частности, принадлежит заслуга создания отдела редких книг в библиотеке Румянцевского музея (ныне Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина).

В полной мере раскрыть своеобразие и значение фигуры У.Г. Иваска возможно только в рамках специального исследования. О крайней необходимости такого исследования неоднократно высказывался профессор Б.С. Боднарский, один из самых близких друзей и соратников У.Г. Иваска. До последних дней жизни глубоко огорчала его мысль о том, что монография об У.Г. Иваске еще не написана. Б.С. Боднарский предпринимал практические шаги к тому, чтобы заполнить этот досадный пробел в нашей научной литературе. Однако силу инерции преодолеть оказалось трудно.

Теперь монография существует. По справедливости говоря, ее появление обязано не только Б.С. Боднарскому, но и дочери У.Г. Иваска – Елене Удовне Кульпа, тоже библиографу по профессии. Проживая многие годы в эстонском городе Тарту (там похоронен У.Г. Иваск), она сумела даже в тяжелых условиях минувшей войны сохранить драгоценный архив отца: не увидевшие света библиографические труды, редкие оттиски статей, переписку с учеными и библиофилами, дневники 1910-х годов и многое другое. Е.У. Кульпа подготовила обстоятельное жизнеописание своего отца, которое любезно предоставила в наше распоряжение. Считаю своим авторским долгом выразить ей глубокую благодарность за эту помощь в работе, равно как и за предоставление возможности пользоваться семейным архивом.

3. МИНИАТЮРНАЯ КОЛЬЦОВИАНА

Произведения А.В. Кольцова словно созданы для того, чтобы публиковать их в изданиях небольшого размера. Короткие строки песенных стихов поэта-прасола легко умещаются на самой малой площади книжной страницы. Не случайно столь часто издатели обращались и обращаются к выразительным возможностям миниатюрного формата.

Я расскажу здесь о «малышках» из своего собрания кольцовианы.

В указателе «Миниатюрные книги СССР» (т. I № 60) зарегистрировано только одно дореволюционное издание: Кольцов А.В. Стихотворения. Изд. 3-е, доп. С биограф. очерком. Киев, Ф.А. Иогансон, 1892. 360, X с., 55×75. Но ведь судя по данному описанию, должны существовать еще два предшествовавших издания. По всей вероятности, именно они и находятся в моей коллекции.

Вот экземпляр прекрасной сохранности в коленкоровом переплете с золотым тиснением. Он был в свое время приобретен мною из личной библиотеки покойного А.И. Фадеева, замечательного московского букиниста. Но титульном листе читаем: «Стихотворения А.В. Кольцова. Издание книгопродавца Ф.А. Иогансона в Киеве», а на обороте титула: «Дозв. цензурою. Киев, 25 июля 1892 года. Киев, тип. Петра Барского...» Далее следуют: 359 с. стихотворного текста, 1 с. чистая, X с. оглавления и 14 не-

нум. с. рекламных объявлений. Биографический очерк поэта отсутствует. Формат книги: 59×78. Видимо, это – первое издание произведений А.В. Кольцова в иогансоновской серии книжек-«крошек».

Еще один экземпляр в кожаном переплете с немым корешком. К сожалению, он дефектен: отсутствует титульный лист. В книжке 4 нум. с., XXXIV с. биографического очерка А. Любиче о поэте, 360 с. стихотворного текста, X с. оглавления и VI с. рекламных объявлений. Формат: 52×70. Книги отличаются не только форматом, набором и другими чисто внешними признаками, но и частично составом стихотворений. Так что перед нами, безусловно, два разных издания, каждое из которых имеет право на самостоятельный номер в общем своде русских миниатюрных книг. К кольцовиане относится и повествование В.Е. Миляева о воронежском поэте, выпущенное в свет тем же Ф.А. Иогансоном под рубрикой «Биографии замечательных людей» (см. «Миниатюрные книги СССР», т. I, № 118). Однако при внимательном изучении экземпляра выясняется что годом издания этой книжки, возможно, следует считать не 1893-й, а 1894-й, что явствует из даты цензурного дозволения, указанной на последней странице обложки. Книжечка является первенцем своеобразной биографической библиотечки, автором которой был один и тот же человек – орловский, а затем московский журналист и литератор Василий Евгеньевич Миляев (род. 1874). Книжка была отпечатана в петербургской типографии П.П. Сойкина. Таким образом, эта «малютка» делалась в трех крупнейших городах России: писалась в Москве, печаталась в Петербурге, а издавалась в Киеве. Тираж был, очевидно сравнительно невелик, имя Кольцова пользовалось в народе исключительной популярностью. В результате экземпляры «намертво» зачитывались. Высокий процент естественного износа привел к тому, что к настоящему времени сохранилось мало экземпляров (да и то благодаря тому, что находились они в недрах библиофильских коллекций). Мой экземпляр – подарок от известного советского книговеда В.И. Безъязычного (Москва)...

Новая волна интереса к миниатюрным книжкам кольцовских стихов падает на последнее десятилетие. На родине поэта, в Воронеже, Центрально-Черноземным издательством выпущено несколько изданий, которые вовсе не следует объ-

единять в библиографическом указателе под общим номером (см. «Миниатюрные книги СССР», т. II, № 112). Здесь возникает интересная проблема, одинаково важная как в теоретическом, так и практическо-библиографическом смысле.

Первое воронежское издание «мини-Кольцова» осуществлено тиражом 2000 экземпляров в 1969 г. Печать в два цвета, формат 50×68. Портрет автора отсутствует. Помимо экземпляров в коленикоровом переплете кремового цвета, самое небольшое количество экземпляров (не для продажи) было одето в голубой поплин или белый ледерин.

Два последующих издания несколько отличны от предыдущего (форматом – 52×79, оформлением, тиражом, ценой и т.п.), что для библиографа никакого повода для их отождествления быть не может. Но вот сами эти два издания (1973–1974 гг.) первоначально способны поставить нас в тупик: дескать, не одно ли это все-таки издание? В самом деле, формат, состав стихотворений, цена одни и те же, художественное оформление почти идентично. Свою лепту в эту путаную ситуацию вносят и издательские выходные данные, из которых трудно понять, каков истинный тираж (замечу, что фактически каждого издания отпечатано 15000 экземпляров).

Итак, возникает не праздный вопрос: считать ли подобные издания обособленными «библиографическими единицами» или же рассматривать их как разные заводы внутри одного общего тиража (само издательство в выходных данных подталкивает именно к такому выводу)? На мой взгляд, ответ на этот вопрос зависит от того, с какого набора произведено печатание книги. Если со старого, совершенно не измененного, или с матриц, то речь идет о двух или более заводах в рамках одного тиража. Если же с нового или даже старого, но частично измененного, то следует говорить о двух разных изданиях и в соответствующих указателях таковыми их и регистрировать.

Если мы внимательно рассмотрим оба воронежских издания, на первый взгляд похожих друг на друга, как близнецы, то убедимся, что для каждого из них был отлит особый набор. Таким образом, в обоих случаях книжица проходила полный цикл полиграфических работ. Следовательно, перед нами два вполне самостоятельных издания...

К воронежской мини-кольцовиане необходимо отнести и последнее издание (1977) стихотворений поэта, помещенное в общей кассете с произведениями его земляка – И.С. Никитина. Печать в два цвета, формат 54×79, тираж 5000 экземпляров, портрет А.В. Кольцова – работы местного художника В.А. Преснякова.

В 1978 г. Приволжское книжное издательство (Саратов) подарило читателям интересно иллюстрированную и прекрасно отпечатанную книжку «Избранных стихотворений» А.В. Кольцова (тираж 25000 экземпляров). Формат этого издания, однако, слегка превышает установленные стандарты (80×102).

Автор этих строк составил стихотворную антологию «Русский соловей. А.В. Кольцов в отечественной поэзии» (Воронеж, издательство ВГУ, 1979). Офсетная печать в два цвета, суперобложка, формат 62×79, тираж 3000 экземпляров. Оформление выполнено местным художником Л.А. Клочковым. Выход в свет сборника придал современной воронежской миниатюрной кольцовиане определенную завершенность.

Последнее по срокам мини-издание кольцовских произведений относится к 1982 г., когда «Художественная литература» (Москва) со свойственной ей элегантностью выпустила томик стихотворений автора «Косаря». Печать в два цвета, формат 62×94, тираж 5000 экземпляров, суперобложка. Рисунки те же самые (автор – художник Ф. Домогацкий), что украшали саратовскую книжечку.

Остается, наконец, добавить, что все вышеперечисленные «малютки» в октябре 1984 г. Были представлены на юбилейной выставке (из моего собрания), посвященной 175-летию со дня рождения Алексея Васильевича Кольцова. Выставка проходила в областной библиотеке имени И.С. Никитина. Об успехе ее судить не мне. Скажу только, что более всего теснилось посетителей, пожалуй, возле витрины с малоформатными и миниатюрными изданиями кольцовианы. Стало быть, есть какая-то завораживающая магия в самом книжном формате. Впрочем, это уже особая тема.

КНИГА В МОЕЙ ЖИЗНИ*

Книга, большая или маленькая, потрепанная, старенькая, прожившая не одно десятилетие, повидавшая на своем веку, как и человек, многое или только что сошедшая с печатного станка, и пахнущая свежестью типографских красок, и сверкающая блеском золота и серебра своих обложек и корешков, – это не просто книга, а живая человеческая мысль, выраженная в письменной форме. Но что было бы, если бы ее в одно мгновение не стало?.. Была бы катастрофа в полном смысле этого слова, ибо остановились бы заводы и фабрики, перестали бы летать космические корабли и скоростные лайнеры. Прекратили бы свое существование школы, техникумы и институты, исчезли библиотеки.

Книга человеческому разуму нужна так же, как телу пища, вода и тепло. Какое удовлетворение испытываешь, находясь среди этих друзей! Нет, этого не опишешь. Это надо понять, почувствовать, как говорится, всем своим нутром. И кто этого не почувствует – тот ничего не поймет, как бы ты ему ни доказывал. Я не знаю, кто как, но я лично это чувствую. И откуда бы я ни пришел, как бы ни был утомлен после трудового дня, какое бы ни было настроение, хотя бы даже самое скверное, но окунешься в книжное море – и усталость как рукой снимает; забываются обиды и всевозможные нервозности. Откуда-то появляются новые силы и спокойствие на душе. Хочется жить и творить. Не зря говорят, что книга как хороший друг и товарищ. Но я бы сказал, что книга – это еще и эликсир жизни.

Впервые я встретился со своей книгой еще в раннем детстве, так как вырос в семье учителя.

Первая книга, которая попала в мои руки, хотя я еще не умел читать, «Словарь» Ф.Ф. Павленкова. Судя по формату, достаточно полный, с мелким шрифтом на тонкой бумаге, со множеством рисунков.

Я уединился в постели среди множества больших и маленьких подушек и, пока всю книгу не пересмотрел, не вылез. А дома думали, что я куда-то запропастился. Когда же я познал буквы и

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1985. Вып. 3

стал мало-мальски читать, то первой моей книжкой, прочитанной, как говорится, от корки до корки, была красочно изданная сказка А.С. Пушкина «Петушок – золотой гребешок», вторая – «Сказка о попе и работнике его Балде». После этих двух книжек я уже не мог жить без чтения. Все деньги, которые мне давали в школу на пирожок или пряники, я тратил только на книги, за что получал выговора как от матери, так и от бабушки. Меня не интересовали ни улица, ни детские шалости, ни рыбалка. Книги были для меня интереснее всего.

Отцовских книг стало не хватать, я начал брать в школьной библиотеке.

Отец у меня был инвалид (с одной рукой и одной ногой), все дела домашние были на мне. Читать приходилось вечерами, иногда до глубокой ночи, при керосиновой лампе. Тогда еще в деревнях электричества не было. Днем – чаще на сеновале под навесом, а то и просто под кустом смородины.

Понемногу стал собирать книги. Получилась библиотека в 100–150 книг. По тем временам это была уже солидная библиотека в деревне. В войну некоторые книги пришлось прятать от оккупантов, это книги о выдающихся деятелях нашей Коммунистической партии и стахановского движения.

Когда немцы стали отступать с нашей белорусской земли, то мы ушли в лес. Деревня находилась возле лесов. Многие из нас были в партизанах или связаны с ними. Пощады нечего было ожидать. Не обнаружив жителей, немцы нашу деревню сожгли, а скот перестреляли. Библиотека моя пропала в огне. Ничего я так не жалел, как книги. У меня вообще была жалость к книгам, как у иного к зверям и птицам. Бывало, отец растапливает печурку каким-либо старым журналом или потрепанной брошюрой без листов, а я плачу...

После освобождения Белоруссии я книг не собирал, не до того было. Кругом разруха, нищета. Часто переезжали с одного места на другое.

Первой книгой, с которой я начал вновь собирать свою библиотеку, был том сочинений Юрия Тынянова. Эту книгу я нашел в пору моей армейской службы в бывшем немецком концлагере для военнопленных в городе Фюрстенберге, на реке Одер.

На территории этого лагеря располагался Днепровско-флотский ордена Ушакова полуэкипаж. Я долго бродил по баракам. Тяжелое чувство охватило меня при виде мест, где в заточении томились наши люди. В одном из зданий на полу валялось много разных бумаг с отпечатанной фашистской свастикой и текстом на немецком языке. Среди этого хлама я вдруг увидел книгу, русскую книгу. Кто ее сюда привез?.. Ведь она была издана в Ленинграде незадолго до войны. Они, скорее всего, ее отняли, а владельца, может быть, расстреляли. Я прослужил во флоте 11 лет, и все эти годы я возил том Тынянова с собой. И по сей день со мной эта реликвия военного лихолетья, свидетель мук и страданий советских людей в застенках немецких концлагерей.

В моей библиотеке теперь можно найти литературу на любую тему: политическую и художественную, по биологии и физике, о путешествиях и исследованиях, по атеизму и историческую. На первом месте классики русской и зарубежной литературы.

Какие книги самые любимые? На это трудно ответить. В моем собрании для меня нет книг нелюбимых или просто плохих. Меня интересуют как художественные книги, так и труды по философии, по искусству, по истории, биографии революционеров. А еще очень книги о книгах. Если любить книгу, то как не захотеть кое-что знать о ее истории, ее судьбе? Мне кажется, что книги собрать на одну тему просто невозможно. Всегда чего-то будет не хватать. Например, прочитал Тургенева – понравилось Ищешь книгу о месте его проживания, о Спасском-Лутовиново. Затем покупаешь альбомы, эстампы, гравюры, посвященные литературным местам. Хочешь узнать о художниках, рисовавших эти места.

Интересует меня история наших городов. Собираю справочники и словари.

Считаю, что нет плохих книг, а есть плохие читатели, ибо в каждой книге есть что-то полезное, надо только уметь разобраться в этом и все хорошее впитывать в себя. Все писатели в той или иной степени хороши по-своему, так же, как и их книги. Но только больше предпочтения отдаешь классикам, потому что они больше труда внесли в литературу и искусства. Вот за их неутомимый творческий труд на благо народа и ценишь их больше других.

Дороги сердцу книги-воины, изданные в тяжелое военное время. Печатали их на плохой серой бумаге, но им нет цены; это же народная память о мужестве, о подвигах, о славе.

Редких книг в моей библиотеке мало. Есть, правда, несколько рукописных книг церковного содержания. Это, например, труд игумена Синайского монастыря Ионы «Краткое поучение о главнейших спасительных догматах веры и заповедях больших и должностях из разных святых отцов и учителей. Собранный в царствующем граде Москве 1745 года». Есть смирдинское издание сочинений В.Л. Пушкина, Д.В. Веневитинова, того же издания «История государства Российского» в 10 томах Н.М. Карамзина (1851), юбилейное издание «Евгения Онегина» (1899).

Представляет интерес юбилейное издание сборника «Полвека для книги», посвященного пятидесятилетней деятельности И.Д. Сытина. 1866–1916. Весь доход от его продажи поступил в фонд по созданию в Москве «Дома книги» имени юбиляра. В создании книги принимали участие: Горький, Короленко; художники: Васнецов, Юон, Суриков и другие.

Немалый интерес представляет собой книга «День мира» под редакцией М. Горького и М. Кольцова, изданная в 1937 году. Собираю я книги об Орловском крае, произведения писателей-орловцев. Вот передо мной брошюра Иосифа Каллиникова о собирании сказок в Орловской губернии (1914), рассказывающая о народном литературном творчестве нашего края. «...Первое и главное затруднение в работе это, – писал Каллиников, – недоверчивое и опасливое отношение крестьян к собирателю. Они не могут себе представить, зачем это понадобились их сказки, думая, что за этим кроется что-то другое, какая-нибудь фискальная цель. Приходится затрачивать массу труда и времени, чтобы убедить рассказать сказку, и обычно приходится слушать такие восклицания: «...не, барин, ето ты брось, – скажешь табе, а там кабы и не вышло чаво...», а один мужик, после того, как уже записана была мною песня одной пожилой крестьянки, и когда я стал воспроизводить валик, то муж ее, прослушав некоторое время, с неподдельным ужасом заявил мне: «Штош ты, барин, с бабой-то моей исделал, ведь она таперь кликуха будет», и тотчас же напустился на жену, упрекая ее в том, что, несмотря на его предупреждения не делать угодное нечистой силе, она все же не послушала, и вот

теперь он должен будет весь век маяться с нею...» В этом ярко выражена неграмотность и отсталость орловских крестьян того времени.

Писатель-книголюб В.Г. Лидин в своей книге «Друзья мои – книги» писал: «Есть книги, с которыми ищешь встречи десятилетиями. Это не библиофильская страсть и не одно лишь желание пополнить свое собрание. Это своего рода заочная влюбленность в книгу... Радость книголюбца всегда добрая и достойная уважения, ибо в ее основе лежит глубокая вера в назначение книги...»

Да, иногда ждешь, действительно, не год, не два, а проходят десятилетия, пока встретишься с нужной тебе книгой. Меня иногда спрашивают: «Легко ли было собирать книги? Всегда ли сопутствовала удача? Были ли омрачающие душу дни?» Всякое случается. Все достается с большим трудом.

Но зато какая радость – находка! И не важно, что переволновался, остался на завтрашний день без копейки денег и придется сидеть на одном маргарине и растительном масле. Это все – мелочи.

С большой признательностью и уважением отношусь к коллективу магазина № 4 «Подписные издания», где заведует Зинаида Степановна Агошкова, и к бывшей работнице этого магазина Серафиме Гавриловне Свешниковой. Сорок процентов моих приобретений получено через этот магазин. С благодарностью отношусь к Василию Федоровичу Чеботареву, ранее заведовавшему букинистическим магазином, книголюбцу А.С. Захарову, вспоминаю Федора Яковлевича Студенникова.

Даю ли я читать свои книги? Откровенно говоря, за последнее время стали появляться в печати статьи и заметки об открытии личных библиотек для общего пользования. По-моему, это – кощунство своего рода. Это пишет тот, кто никогда не собирал книги и никогда не испытывал в этом трудностей. Наша библиотека – это семейная библиотека. Конечно, читать даем, но только близким и знакомым, соседям по дому, а также тем, кому нужна книга для работы. Не отказываем и школьникам по их программе. Но не больше.

ПОХВАЛА КНИГЕ*

Очень давно – на заре моего книжного собирательства – встретила мне редкость: Е. Бухаров, «Каталекты, или Изречения, мысли и рассуждения по разным предметам» (СПб., 1864). Книжка плохая, но идея такого «короба» мне понравилась. Я стал отмечать, записывать, вырезать откуда возможно высказывания о книгах и библиофилах. Постепенно накопилась большая – почти кубическая – пачка листков. Выходные данные часто отсутствовали. Необходимость их тогда не была очевидной. А в годы войны почти все бумаги пропали. Некоторые из случайно сохранившихся заметок здесь привожу.

Очень известный в свое время писатель (бывший священник) Григорий Спиридонович Петров (1868–1925) писал: «Мы не научились ценить и уважать книгу. Это оттого, что мы в сущности дела еще не образованы, не просвещены. Мы большей частью только грамотны. Умеем читать и писать. Заучили кое-что, приобрели полезные практические сведения и довольны...

Книга – это лучшее достояние тех лучших представителей человечества, которые были учеными, мудрецами, поэтами, искателями высшей правды о земле и небе, о мире и человеке. В книгах собрано все великое и прекрасное, до чего додумалось человечество, что изучило, о чем в порыве вдохновения мечтало. Книга – это волшебный ковер-самолет, который подхватывает вас и облетает с вами весь мир. Она опускается с вами на дно океана и показывает, какая жизнь идет там. Подымается в надзвездные миры и раскрывает тайны мироздания. Пласт за пластом пронизывает толщу земли и проникает в распаленное подземное царство.

Книга, как могучий волшебный дух, по вашему желанию, вызывает из глубины всех времен и народов тени великих людей, оживляет их и заставляет рассказывать вам, чему свидетелями они были, какие дела – подвиги и преступления они сами творили, чем мучились, страдали в своем благородном сердце, от каких чаяний и мечтаний замирали в сладком восторге. И этот могучий дух ума и вдохновения всегда к вашим услугам. Он никогда не устает повторять вам непонятное, хотя бы пять, десять, двадцать

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1985. Вып. 3

раз обращались к нему. Он не раздражается, не ворчит на вашу непонятливость или на слабое внимание. Он только просит и ждет, чтобы вы обратились к нему. Это самый лучший и преданный друг».

А шлиссельбуржец Н.А. Морозов добавлял: «Человечество всегда было справедливо к книге. Во все времена и у всех народов литературная деятельность считалась самым почетным родом труда. И так будет до тех пор, пока мыслящее человечество существует на Земле».

Некоторые люди думают, что знают все то, что написано в книгах, которые они хранят у себя. Нередко, когда заходит речь о сочинениях того или иного писателя, они говорят: «Эта книга есть у меня», думая, что этого достаточно. Конечно, надо поручать книги своей памяти и душе, а не полкам своей библиотеки: «запереть в черепе, а не в шкафу» – так советовали мудрецы.

В книгах находишь людей лучшими, чем они есть на самом деле. Причина – самолюбие автора. Он хочет казаться порядочным человеком. Книги – могущественное средство против немилостей жизни.

В редчайшей «Книге народной мудрости» (Венеция, 1526) Алоиза Чинтио дельи Фабрици было посвящение:

Я — книга

Такая книга я – о, друг-читатель,
Что я тебя зеркально отражаю;
Все, что в тебе, я – к стати ли, некстати ль,
По мере чтенья смело обнажаю.

Будь истинной ты мудрости приятель,
Иль – только про себя воображая,
Что ты учен, а в сущности блуждая
Меж мыльных пузырей, пустой мечтатель, –

Когда ты перелистывать страницы
Мои начнешь, получишь впечатленье,
Что и в тебе есть мудрости частицы...
Не вздумай же возмнить, что при сличеньи
С мужами древними тебе сравниться
Возможно с ними в даре иль в ученье!

Лишь Бога таково значенье,
 Что вовсе чужд поправок он, – а людям
 Удел ошибки, их винить не будем.
 (неопубликованный перевод Вл. Пяста)

Общение с книгой – лучшее стремление человека. Еще в IX веке Ибн-Ясир писал: «...Я стал одинок, со мной говорят умершие, и книги рассказывают мне про их мудрость, скрытую от меня раньше. Они – друзья и приятели, которыми я сполна удовлетворен, нет у меня стремления к другим друзьям, кроме них. Они не причиняют неосмотрительно обид, которых мог бы бояться их приятель, никто не услышит от них резкой речи. Они оставили нам мудрость, польза от которой будет длиться до конца ночей во все времена, среди всех народов. Не умер человек, оставивший нам знание, которым мы будем пользоваться и после его смерти».

Приятно утром отправляться к букинистам и еще приятнее возвращаться с доброй ношей и рассказами о счастливых находках. Но это скоро забывается, а вот *упущенное и утраченное помнится всю жизнь...*

Н.С. Гумилев писал:

О, пожелтевшие листы
 В стенах вечерних библиотек,
 Когда раздумья так чисты,
 А пыль пьянее, чем наркотик!

Далее следует еще восемь строф, но надо отметить, что пыль библиотек – плодотворная пыль. Утверждали, что именно она дает библиофилам долголетие... Кто опровергнет?

Выписок и заметок много, оставлю их до следующего раза. А сейчас дам слово А. Лабзину: «Книги перед словесным объяснением могут иметь то преимущество, что, во-первых, в них материя может быть лучше выработана и объяснена, нежели на словах, в разговоре; во-вторых, через книги можно говорить с большим числом людей... и можно быть полезным приятелю и неприятелю, знакомому и не знакомому, и отдаленному потомству; в-третьих, через книги говорить можно прямее и слушать терпеливее... Когда я точно не знаю автора, я бываю более беспристрастен... и приемлю и отвергаю по чувству и понятию мое-

му; а без того я часто отвергаю истину... или уважаю что-нибудь потому только, что сказал то такой-то: но в такой истине прямой истины нет. Вот преимущество чтения перед разговором».

Книг – море. Еще Каллимах говорил: «Большая книга – большая беда», другой скептик, Климент Дижонский, сказал: «Если бы решили не знать того, что никогда не узнается, писали бы гораздо меньше книг».

Теперь пишут все – от пионера до пенсионера. Надежда только на «сито времени», но и оно ошибается.

В ответ на вопрос «Что и как читать?» Лев Толстой писал: «Первое общее правило: не делайте того, что делает большинство, – не читайте современного... То, что из современного есть действительно замечательного хоть сколько-нибудь, вы невольно узнаете; вам прожужжат им уши: и в школе, и в литературе, и в разговорах. Но тратить время на изучение современного невыгодно и опасно, во-первых, потому что значение всего видимого вблизи и современного невольно всегда преувеличивается; во-вторых, потому что сплошь да рядом оказывается, что современное, непросеянное сквозь критику веков, казавшееся очень значительным, через 10 лет оказывается пухом, который все забывают...» (том 64, с. 224).

Тут есть о чем подумать, исходя из личного опыта. Полки забытых авторов можно встретить очень часто...

А.В. Юрасовский

МОЙ ПРАДЕД*

Юрасовский Александр Константинович, мой прадед, родился 20.05.1866 г. (все даты по старому стилю) в фамильном имении Сурьянине Болховского уезда Орловской губернии. Отец – Юрасовский Константин Алексеевич (1822–1878), мать – Мария Николаевна Юрасовская, урожденная Меншикова (1825–1906). Учился в I Московском кадетском корпусе (1877–1885), окончив который, поступил юнкером в Николаевское кавалерийское училище (С.-Петербург). Выпущен корнетом в Драгунский Белорусский полк (г. Елисаветград). Переведен в драгунский Сум-

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1985. Вып. 3*

ский полк (г. Москва) в 1889 г. Произведен в поручики (1891) и в штаб-ротмистры (1895). В конце марта 1904 г. получил назначение в действующую армию в Маньчжурию (4-й Сибирский казачий полк). В чине подьесаула командовал эскадронам этого полка, участвовал в разведках и сражениях. За проявленную храбрость представлен к награде. В начале апреля 1905 г. назначен ординарцем к генералу Куропаткину. В октябре 1905 г., когда этот штаб прекратил свое существование, возвращается в полк. Вернувшись в Россию, в чине есаула выходит в отставку и отправляется в путешествие по Европе (Франция, Италия) (1908 г.).

Скончался 27 апреля 1911 г. от цирроза печени в Екатерининской больнице (г. Москва).

Помещик сельца Мишково, которое получил по разделу с братьями в 1889 г. При нем имение было неоднократно заложено в банк, дохода практически не приносило.

Действительный член Орловской ученой архивной комиссии, историк-любитель, автор ряда статей, брошюр и книг, наибольший интерес из которых представляют «Былые чудачки в Орловской губернии» (Орел, 1909), напечатанная без указания фамилии автора (военным участвовать в литературе не рекомендовалось).

Литература

1. *Краткое генеалогическое описание рода дворян Юрасовских.* – М., 1890.
2. *Архив сельца Сурьянино.* – Орел, 1990.
3. *Семейные бумаги из архива А.В. Юрасовского.*

В.Г. Сидоров

НАДПИСИ НА КНИГАХ*

Люди издавна делали надписи на книгах: владельческие, дарственные, поучительные, оценочные, шуточные и даже дневниковые. Они рассказывают о той или иной эпохе, судьбах книг, характере владельца, ценах, за которые куплены различные издания, о роли книги и знаний в жизни человека. Много таких книг

* *Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5*

с интересными надписями хранится в редком фонде областной библиотеки им. Н.К. Крупской. Вот, например, толстая, в 1000 страниц, рукописная книга «Устав церковный». На нижних полях книги почти на 100 страницах написано: «Лета 7116 (1608) году месяца марта в 4 день при государе и царе и великом князе Василии Ивановиче всея России и при светлейшем патриархе Ермогене Московском и всея России положили сию книгу устав в дом великого чудотворца Николы, что на старом Ваганькове, тоеж церкви поп Василий да диакон Никита. А дали мы за ту книгу, что продано церковных книг: два октая да две триоды постная и цветная письменные. А взято за те книги три рубля осемнадцать алтын да две деньги. И прибавя свои деньги нам поп Василий с братом своим с Тимофеем в сию книгу во устав три рубля тридцать один алтын, четыре деньги». Таким образом, книга стоила 7 рублей 50 копеек, по тем временам сумма чрезвычайно большая. Достаточно сказать, что в начале XVII века рабочая лошадь в среднем стоила 1–1,5 рубля, корова – 80 коп. – 1 рубль, овца – 10 коп., пуд ржаной муки – 5 копеек, пшеничной – 10 копеек, пара сапог – 15–20 копеек. И не удивительно поэтому далее в записи говорится: «А сей книги из церкви Николы Чудотворца не продати, не отдати, не заложити, не затоити и не вынести никому. А кто сию книгу из церкви Николая Чудотворца вынесет или продаст, или кому отдаст, или затаит, или без благословения настоятелева вынесет и в том ему будет суд настрашнейший и грозный и нилицемерный...» Однако жизнь распорядилась так, что в грозное для России время польской интервенции книга лишилась своего хранилища и возвратилась на свое место через несколько лет. Об этом свидетельствует новая надпись: «126 (1618) году генваря в 4 день сию книгу глаголемую устав отдал в дом великого чудотворца Николы, что на старом Ваганькове, ключник Григорий после московского разорения 122 (1614) году». На этом мытарства книги не прекратились и надпись, сделанная через 250 лет, говорит, что книга в 1883 году принадлежала Свято-Никольской церкви города Новозыбкова Орловской губернии. «Арестованная» местными властями как раскольническая, она поступила в Орловское древлехранилище, а оттуда, после Великой Октябрьской социалистической революции, – в областную библиотеку имени Н.К. Крупской. Очень интересна судьба книги, запечатленная на ее страницах.

Или вот еще одно издание, «Месяцеслов на лето от рождения Христова 1787, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненные на знатнейшие места Российской империи». Календарь как календарь, которых много издавалось в ту пору. Но эта книга играла и еще одну роль, на ее чистых страницах вела дневник жена высокопоставленного орловского чиновника Цурикова. Ее записи – бесхитростный рассказ о поездках из Орла в деревню, переезд в новые комнаты и устройство по этому поводу молебна, прием гостей и поездки к ним, рождение сына, свадьба дворовых людей. Но есть и любопытные факты из жизни Орла двухсотлетней давности. Вращаясь в самых высоких кругах орловского общества, автор дневника описывает приезд в г. Орел императрицы Екатерины. «Государыня изволила приехать в Орел. Дан был благородный спектакль. Государыня изволила пожаловать тетушке Анне Григорьевне (жене орловского губернатора Неплюева) большие бриллиантовые серьги, Елизавете Семеновне (дочери губернатора) бриллиантовое сердечко, Татьяне и Екатерине Талызиным по серьгам бриллиантовым». Раздала императрица всем сестрам по серьгам и уехала, наградив орловского губернатора орденом Владимира 2-ой степени.

В дневнике сообщается об интересном метеорологическом явлении, которое наблюдалось в Орле 2 октября 1787 года: «в 6 часов по полудни видно было на небе с востока на запад сияние багрового цвета, кое и продолжалось более 2-х часов».

В записках Цуриковой находим сведения о том, что одним из мест народных гуляний была Монастырская роща (в районе теперешней улицы 8 Марта): 16 мая орловский губернатор Неплюев дал праздник в роще Монастырской, а на другой день такой же праздник устроил С.С. Апраксин. Помимо записей о праздниках и увеселениях в дневнике нашли отражение и события общегосударственные. Так, читаем, что 24 сентября 1787 года «был объявлен манифест о войне с турками». Так, благодаря записям в книге, дошла до нас частица орловской истории.

В 1762 году в Санкт-Петербурге в Императорской академии наук вышли «Сатиры и другие сочинения» Антиоха Кантемира. На шмуцтителе этого очень редкого издания неизвестный владелец написал характерным почерком XVIII века большое назидательное послание, характерна в нем фраза: «а еще кто хочет

много знати, тому подобает мало спать». Дельный совет и для нынешнего времени!

В 1827 году орловский помещик Н. Осипов купил в Москве книгу «опытный хозяйственный домовладелец и эконо́м, объёмлющий все предметы, нужные и полезные в общежитии и домоводстве». Заплатил он за эту книгу 8 рублей и цену указал на книге. Сам он дописывал различные рецепты и рекомендации, и интересна, в частности, такая: «Симпатия, чтобы корова набавила в высшей степени молоко, надо подстиласть старновку на то место, где она стоит и ее доят, меняя почаще старновку, кою слать хоть по четверти снопа. Это говорил священник наш приходской села Подмокрое (ныне Мценский район – В.С.) отец Иоанн». А вот совсем курьезная надпись на этой же книге: «На старой большой дороге, в Думчиной, вкось моей усадьбы, где сторожка, на опушке леса Шеншина Волковского, есть большой клад».

На книге «Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с турками войны», изданной в 1790 году, читаем: «Из книг Алеши Цурикова, куплена в Орле 1793 года февраля 21 дня, заплачено 1 рубль 40 копеек». Значит, в конце XVIII века в Орле была торговля книгами.

Оставил свой автограф сиятельный самодур, граф С.М. Каменский, основатель крепостного театра в г. Орле, на книге Вольтера «История царствования Людовика XIV и Людовика XV» написал неизвестному для нас лицу: «Просвещенное просвещенному – от друга уважающего С. Каменского». Интересен экземпляр «Римской истории». На кожаных крышках переплета вытиснены герб Российской империи и слова «За усердие». Ею награждались наиболее отличившиеся студенты и, в частности, была она вручена Василию Храпачеву. А подписал награду директор Московского университета И.П. Тургенев, отец выдающихся людей прошлого века Николая и Александра Тургеневых.

Кроме дореволюционных автографов и надписей в библиотеке хранятся также книги с автографами известных советских писателей Г. Брянцева, С. Антонова, П. Вершигора, А. Коптяевой, Г. Медведева, И. Новикова, Ф. Панферова, П. Проскурина, С. Смирнова, К. Чуковского.

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ КАМЕНСКИХ*

В мире исчезнувших библиотек нашего края особое место занимает книжное собрание Каменских. Из биографии Александры Федотовны Ржевской, урожденной Каменской (1740–1769), известно, что она «во время своей жизни любила науки и искусства, упражнялась в стихотворстве, живописи и музыке; имела великую охоту к чтению книг, искусна была во французском, итальянском и своем природном языке» (Н.И Новикова. «Опыт исторического словаря о российских писателях»). «Великая охота к чтению» привела ее на путь сочинительства. Она написала «Письма кабардинские», пожалуй, первый роман в русской литературе. По словам Д. Мордовцева, «еще когда роман был в рукописи, об нем много возбужденных было толков в обществе. Все наперерыв старались прочесть его – и он читался в кружках литераторов». Новиков отмечал, что Ржевская «сочинила «Кабардинские письма» во вкусе перуанском, которые многими знающими людьми весьма похваляются и почитаются лучше «Перуанских писем»... Автором последних была французская писательница Ф. д'Иссембур д'Аппонкур Графиньи (1695–1758).

Нам неизвестен книжный мир, окружавший Александру Федотовну в пору ее детства и юности, но то, что он был, – это несомненно. И был не где-нибудь, а в нашем Орле: дом ее отца, генерал-майора Федота Михайловича Каменского, и матери Анны Алексеевны, урожденной Зыбиной, стоял у моста, на берегу Оки, где с 1779 года жили первые губернаторы Орла и останавливалась в 1787 году Екатерина Вторая. Книги могли находиться и в Сабурове под Орлом, в усадебном доме помещика. Через многие годы там случился пожар и новый владелец усадьбы Михаил Федотович Каменский, брат рано умершей писательницы, генерал-фельдмаршал (1738–1809), выстроил новый дом, окружил его квадратом кирпичной крепости в память о войнах с турками и свободное время охотно проводил в обществе книг. Как вспоминал поэт-партизан Д.В. Давыдов, в мае 1809 года хозяина Сабуровской крепости навестил А.П. Ермолов вместе с отцом. Пол-

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5

ководец в день своего рождения решал задачи, положив перед собой учебник. Математика была его давним увлечением.

И не только математика.

Из писем к сыну Николаю Михайловичу, смелому и даровитому полководцу суворовской школы, опубликованных «Русским архивом» с предисловием П.И. Бартенева, мы узнаем, что незадолго до своей трагической смерти Михаил Федотович интересовался поэзией, просил купить ему в университетской книжной лавке в Москве «Русскую Просодию» в бумажном переплете за 40 копеек. Цель обозначил довольно ясно – «По слепоте моей готовлюсь быть Гомиром». Речь идет не столько о состоянии зрения фельдмаршала, сколько о желании заняться творчеством, в чем нас убеждают дальнейшие строки письма: «Изволишь видеть, что за нынешних стихотворцев платят меньше, чем за Бову Королевича; однако я надеюсь с новой этой книгой скакать по следам Ломоносова по коневью».

И еще просил справиться у издателя К.П. Шаликова, почему «Аглая» за март в Орел не пришла, да передать ему «логарифму и загадку».

Силой воображения можно представить хозяина в окружении книг. Бартенева утверждал, что старый Каменский послужил прототипом старого князя Болконского для Л.Н. Толстого в «Воине и мире». Так и тянет воспользоваться описанием кабинета в романе. Но Лев Николаевич не мог видеть дом в Сабурове. Он лишь передал характер М.Ф. Каменского, деятельного человека, сурового до жестокости.

Вернемся к письмам отца к сыну.

«Книги, которых я не имею, – писал Михаил Федотович Николаю Михайловичу в конце 1807 года, – из твоей библиотеки я присвоил, а прочие лежат в твоём сундуке».

«Из твоей библиотеки»... Значит, у каждого была своя. Библиотека младшего сына находилась в сундуке. В Москве на Зубовском бульваре у Каменских был дом. Наверное, там тоже имелись книги. Но, что интересно, в Сабурове находились два книжных собрания. Николай Каменский, в ту пору генерал-лейтенант, участник битв при Аустерлице и Прейсиш-Эйлау, отдыхал в Москве перед отъездом в Финляндию, где его ждали громкие победы в войне со шведами, а сундук с книгами предпочел хранить

в деревне. Может, по инициативе отца, постоянно зазывавшего любимого сына в Сабуров.

В августе 1809 года М.Ф. Каменский был убит на Медвежьей горе и похоронен под сводами церкви Михаила Архангела. В феврале 1810 года проездом в Бухарест Сабурово навестил его младший сын, генерал от инфантерии Н.М. Каменский. Переночевал, отказался принять орловского губернатора («занят») и поспешил к Багратиону, чтобы принять от него Молдавскую (Дунайскую) армию. Написал письмо матери Анне Алексеевне в Москву; в нем ни слова о книгах. Видимо, обе библиотеки остались в сабуровском доме. На войне с турками было не до чтения, и все-таки в руках главнокомандующего многие видели книгу. Иначе и быть не могло. Ведь Н.М. Каменский и сам написал «Журнал военных действий...» (1810), которым восхищались современники. А в Разграде до сих пор включают в путеводитель возвышенное послание нашего земляка их предкам: Каменский после блестящих побед над турками мечтал о полном освобождении Болгарии. Ранняя смерть оборвала жизнь блестящего полководца. Похоронили его в мае 1811 года рядом с отцом.

Усадьба перешла в руки Сергея Михайловича Каменского, генерала от инфантерии, старшего сына Михаила Федотовича.

А вместе с усадьбой и книги.

В 1815 году С.М. Каменский открыл в своем городском доме Орловский театр крепостных актеров.

В этом же доме находилась и библиотека.

Почему именно в этом?

Да потому, что из биографии историка Т.Н. Грановского нам известно, что его мать брала книги из библиотек Пушкирева и Каменского. Слуги, как писал биограф историка А. Станкевич, приносили их узлами, а она давала им за это деньги.

Основатель театра был образованным человеком. Недаром в 1818 году он был избран почетным членом общества любителей Российского слова, а в 1820 – почетным членом Харьковского университета. Подобно отцу, в свое время издававшему в Москве впервые «Душеньку» И.Ф. Богдановича, он оказывал покровительство сочинителям.

В нашей печати уже отмечалось, что С.М. Каменский поддерживал издание книг о своем брате. Перед нами – «Жизнь и воен-

ные деяния генерала от инфантерии графа Николая Михайловича» в двух частях (М., 1814–1815) с обозначением автора таким образом: «Собранная И. См.рн.в.м», что дало многим считать, что книгу написал Иван Смирнов. На следующих двух листах идет текст посвящения, подписанного Павлом Вавиловым: не он ли автор? Книга посвящена «Его сиятельству, господину генералу от инфантерии, шефу Фанагорийского гренадерского полку, орденов: Святого Александра Невского, Святого великомученика и победоносца Георгия Большого креста второго класса, Святого равноапостольного князя Владимира и Святыя Анна первого класса с бриллиантовым украшением кавалеру, графу Сергею Михайловичу Каменскому». На следующей странице Павел Вавилов писал: «Сиятельный граф! Издавая в свет изображение деяний Его Сиятельства Графа Николая Михайловича Каменского, кому приличнее посвятить оное, как не Вам, Сиятельный Граф! – Вас, достойному Наследнику родительской славы и сподвижнику – в приобретении лавров – Вашего незабвенного Брата!»

Нет сомнения, что эта книга бережно хранилась в библиотеке, состав которой мы пытаемся угадать, как облик исчезнувшего корабля по редко встречающимся обломкам.

А вот еще одна книга, вернее, крохотная брошюра С.П. Богдановича «На открытие театра в Орле 26 сентября 1815». В Орле она была у собирателя И.М. Пухальского, потом попала в собрание писателя Л.Н. Афонина, хранится у его вдовы Ираиды Анатольевны Ситниковой.

Театр Каменского находил широкое освещение в журналах «Друг Россиян» и «Украинский вестник». Думается, оба издания имелись в доме с белыми колоннами близ Петропавловского собора. Кстати, когда собор был достроен, то, как отмечал Г.М. Пясецкий, сюда поступила утварь домашней церкви С.М. Каменского, разобранной еще в 1833 году. Вместе с иконами были взяты в собор и церковные книги.

Рассматривая репертуар театра за 20 лет его существования, нетрудно предположить, что эти пьесы составляли основу библиотеки С.М. Каменского. Книг было много, поэтому у графа имелся в доме даже библиотекарь Сигизмунд Паратич, австрийский серб. «Это был, несомненно, образованный человек, хорошо на-

читанный в европейской литературе; обладавший определенными «сочинительскими» способностями», – читаем в «Повести об Орловском театре» Л. Афонина (Тула, 1965). Он издал «Краткую всеобщую статистику европейских государств» (Харьков, 1812), «Краткое начертание математической географии» (М., 1815), переводил драматические произведения» (С. 43).

На сцене театра шли «Бригадир» Фонвизина, «Хвостун» и «Траур» Княжнина, «Урок дочкам» и «Модная лавка» Крылова, «Ябеда» Капниста, «Новый Стерн», «Липецкие воды», «Полубарские затеи» Шаховского, «Урок волокитам» и «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» Загоскина, «Своя семья, или Замужняя невеста» и «Молодые супруги» Грибоедова, водевили Хмельницкого, «Марфа Посадница» П. Сумарокова, «Коварство и любовь» Шиллера, а также пьесы орловцев А.А. Плещеева «Тюремкин» (опера) и Федора Вертера «Казак в Швейцарии».

Можно смело предположить, что библиотека графа пополнилась изданиями И.Я. Сытина – основателя книгопечатания в Орле. Возможно, была и такая редкость, как «Роспись рода Каменских», которую составил М.Ф. Каменский.

Граф выписывал книги. Его имя можно встретить в том или ином старинном издании в списке «особ, соблаговоливших подписаться» и т.д. Так, имя генерал-аншефа С.М. Каменского нам встретилось в конце книги В.Б. Броневского «Записки морского офицера» (1818).

Приезжая в Москву, владелец Орловского театра не мог не заглянуть в университетскую книжную лавку, которая интересовал его отца, а в Петербурге вряд ли пройти мимо лавки А.Ф. Смирдина. Есть сведения, что был связан с Александром Филипповичем и его лавка была одним из родников, питавших книжное собрание основателя Орловского театра.

Бесценным обломком затонувшего в житейском море корабля предстает нашим глазам том Вольтера с дарственной надписью С.М. Каменского в фондах областной библиотеки имени Н.К. Крупской.

КАТАЛОГ-ГЕРБАРИЙ Н.С. ТАРАЧКОВА*

Орловско-воронежские духовные связи довольно многообразны – мне уже приходилось говорить об этом на страницах «Орловского библиофила». А вот еще один примечательный сюжет.

В 1864 г. в Орловскую военную гимназию на должность воспитателя и преподавателя естественной истории прибыл переводом из Воронежа Николай Степанович Тарачков. На новом месте этот человек развил бурную деятельность (чем, впрочем, отличался и прежде). Он начал издавать здесь, несколько позднее, первую частную газету «Орловский справочный листок»; одновременно был и ее редактором. Между Орлом и Воронежем налаживается интенсивная переписка, идет оживленный обмен умственной информацией. Орловским краоведам еще предстоит открыть для себя незаурядную фигуру Н.С. Тарачкова.

Вспомнить о нем заставила поступившая совсем недавно в мое собрание редкостная книжка под заглавием «Каталог высушенных растений воронежской флоры, собр(анных) Н. Тарачковым. Сотня вторая». Книга вышла в Воронеже в 1853 г., отпечатана в типографии губернского правления и имела ничтожный тираж: ведь это не что иное, как отдельный оттиск из «Воронежских губернских ведомостей». Небольшая по объему (V, 28 с.), она облачена в полукожаный переплет своего времени и, судя по штемпелям букинистических магазинов, московских и ленинградских, испытала немалые превратности.

Любопытно, при каких обстоятельствах она попала ко мне...

Несколько лет назад мой хороший приятель, местный художник Василий Павлович Криворучко, возвратившись из очередного своего путешествия по землям Древней Руси, сообщил мне, что в г. Коврове Владимирской области познакомился с человеком, у которого есть старые воронежские издания. Я написал по адресу, который дал мне Василий Павлович. Откликнулся Иван Митрофанович Майданник. Ему много лет, и он готов продать две книги, которые меня сильно интересуют. Одна из них и была тарачковской. Мы обменялись несколькими письмами, определили цену

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5

экземпляров, и я уже предвкушал встречу с «Каталогом высушенных растений». Как вдруг получаю от моего корреспондента весточку, где извещается, в Ковров нагрянули какие-то московские родственники Ивана Митрофановича и категорически запретили ему «разбазаривать» библиотеку. Наша переписка заглохла.

Прошло года три. Совершенно неожиданно получаю эпистола от И.М. Майданника. Со старомодной велеречивостью он извиняется за прерванный прежде диалог. Выяснилось: он прочитал в газете «Советская Россия» о том, что я передал свою «воронежану» в фонды Никитинки, проникся ко мне уважением и посему решил восстановить дипломатические отношения. Еще несколько месяцев длилась наша переписка, причем Иван Митрофанович отвечал всегда мучительно долго и я снова переживал минуты надежды и отчаяния. И наконец – как награда за терпение! – получил из Коврова наложенным платежом бандеролью о двух книгах...

Прежде чем рассказать о «Каталоге высушенных растений...» необходимо представить ее составителя.

Николай Степанович Тарачков (1822–1893) был учеником знаменитого биолога-эволюциониста К.Ф. Рулье. Воспитанник Московского университета, он приехал после окончания учебы в Воронеж (это было в начале 1846 г.), где только что открылся Михайловский кадетский корпус. Тарачков становится там преподавателем естественной истории.

В корпусных стенах широкой натуры молодого ученого было тесно, и он включается в многообразную общественную деятельность. Тогда же Н.С. Тарачков начал совершать свои регулярные естественнонаучные экспедиции – сначала в окрестностях губернского центра, а потом и по территории всего края. В ходе этих экспедиций Тарачков регистрировал природные, в основном геологические и археологические достопримечательности, а также составлял гербарий. К числу совершенных им открытий относится обнаружение неподалеку от уездного города Павловска мощного месторождения гранитов (сейчас ведется его промышленная разработка).

Вместе с тем Н.С. Тарачков всегда тянулся к искусствам, к творческой литературно-издательской работе. В кружке воронежских интеллигентов, куда он входил, много музицировали и декламировали поэтически произведения. Плодовитый журна-

лист, Н.С. Тарачков активно печатал в местной периодике и в различных сборниках статьи по вопросам естествознания, климатологии, садоводства и огородничества, народной медицины. Более подробно об огромной и полезной для публики деятельности этого уникального человека можно прочитать в статье Р. Литвинова «Первооткрыватель павловского гранита» (сб. «Истоки», Воронеж, 1981, с. 191–196)...

А теперь вернемся к книге, о которой речь.

С 1852 по 1855 г. Н.С. Тарачков собирал и описывал четыреста растений, создав четыре (по сто в каждом) «Каталога высушенных растений воронежской флоры. Мне попала лишь «сотня вторая». Предварительно натуралист публиковал свой труд на страницах «Воронежских губернских ведомостей».

Выпуск каталога открывается «Объяснением выражений», то есть своеобразным предисловием, где истолковываются экологические (как бы мы сейчас сказали) понятия. Например: «мочежина – постоянно сырое, мокрое на земле место». Или: «займище – лес и кусты, растущие около рек по таким местам, которые заливаются полою водой».

Сам каталог необыкновенно насыщен разнообразной информацией, которая теперь для фармацевтов, биологов, историков народной медицины, краеведов и исследователей других профилей может служить бесценным научным источником. Составитель приводит латинское и обыденное названия того или иного растения, сообщает место его преимущественного обитания вокруг Воронежа, метод употребления в обиходе. К примеру, отвар цветков ветреницы в воде, с прибавлением квасцов, дает прочную, ярко-голубого цвета краску, чем пользуются деревенские жители для окраски яиц и полотен. Отвар травы медунки согбенной пьют от грыжи. Цветки донника желтого в простонародии курят вместе с табаком. Настой завязного корня пьют от поноса. Высушенные стебли порезника горного горят ярким пламенем, почему и употребляются для освещения изб вместо лучины. Молодыми побегами булдырника, называемыми купыриками, крестьяне лакомятся. Декокт из череды трираздельной пьют от золотухи, также приготавливают ванны от разных сыпей и моют голову от боли и шума в ней. Из молодой зелени осота варят щи. Крошеные корни паслена сладко-горького дают с овсом лошадям как предохрани-

тельное средство от повальных болезней. Льянка обыкновенная в ваннах употребляется против ревматизма. Из береста гнут прѣвосходные ободья для колес. Хвощ речной идет для корма овец. И так далее, и тому подобное... Целая энциклопедия удивительных сведений из жизни и быта воронежских мужиков!

Некоторые аннотации в каталоге вполне могут привлечь внимание фольклористов, ибо Н.С. Тарачков, пунктуально следуя слышанным устнопоэтическим версиям, приводит их в ряде случаев. В частности, представляя читателям веронику широколистную, он пересказывает предание о ней. Это растение якобы было сотворено для истребления ядовитых змей и имело первоначально одну цветочную кисть. Некая змея, желая уничтожить при самом начале создания опасное для ее рода растение, скусила его покрытую цветами верхушку. Но взамен одной цветочной кисти выросли четыре новых, которые теперь составляют отличительный признак этого растения... Чем не легенда, достойная публикации в каком-нибудь литературном издании?!

Тарачковские каталоги-гербарии обратили на себя внимание не только в губернии, но и в столицах. Было принято решение разослать экземпляры по всем военно-учебным заведениям России, где изучалась ботаника. Так что очень вероятно, что в составе библиотеки, если она сохранилась, бывшей орловской военной гимназии могут отыскаться все четыре выпуска тарачковского каталога (или на худой конец отдельные из них). Насколько они редки и малоизвестны, следует судить хотя бы по тому, что отсутствуют в перечне литературы в новейших капитальных справочниках, посвященных лекарственным растениям Центрального Черноземья.

Итак, Николай Степанович Тарачков... Симпатичнейшая во всех отношениях личность... К сожалению, воронежцы не располагают достаточно полными данными об орловском периоде его биографии. Долг орловских краеведов эту лаку ликвидировать. Мне кажется, Николай Степанович должен был быть страстным книжником. Давайте вместе воссоздавать облик этого неутомимого деятеля воронежско-орловской культуры!

Воронеж. Июль 1986 г.

НОВОСИЛЬСКИЙ БИБЛИОФИЛ ВАСИЛИЙ ОСИПОВ И ЕГО БИБЛИОТЕКА*

Почти одновременно с появлением первых книг у их обладателей возникла потребность как-то выразить свое отношение к одному из высших достижений человеческого разума. С чувством сопричастности к этому чуду они гордо оставляли на книге собственные записи.

Надписи на книгах были самые разнообразные, но, как правило, они называли фамилию или инициалы владельца, время и место приобретения. Зачастую эти рукописные обозначения являлись чуть ли не единственным свидетельством о характере библиотеки того или иного лица.

В конце прошлого века библиофилу Андрею Лебедеву повезло купить в Орле значительную часть старинной библиотеки, принадлежавшей в XVIII веке новосильскому помещику Василию Осипову. Имя владельца этого ценного частного собрания на долгие годы оказалось забытым. В серьезном исследовании О.Е. Глаголевой «Тульская книжная старина», вышедшем в 1992 году, библиофил Осипов даже не упоминается (как известно, Новосильский уезд вплоть до 1925 г. входил в состав Тульской губернии). Приобретенная часть личной библиотеки Осипова насчитывает 71 название. По ее составу и владельческим надписям можно получить представление о круге интересов нашего земляка, человека широкообразованного, передовых убеждений. Истина «скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты» оставалась верной во все времена.

В библиотеке Осипова находились книги по различным вопросам. Он глубоко интересовался всеобщей историей, начиная с античных времен, историей родной страны. Много книг посвящено истории, философии, педагогике, военному делу, географии, земледелию, садоводству, ветеринарии. Представлены сочинения русских и зарубежных авторов, а также книги, изданные выдающимся ревнителем просвещения Н.И. Новиковым.

У Василия Осипова было немало масонских книг, некоторые из которых он приобрел в Орле в середине 1780-х годов. Можно

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1995. Вып. 6

предположить, что он состоял членом масонской ложи, тесно связанной с другим нашим земляком – И.В. Лопухиным, соратником Новикова по издательским делам. Об этом говорит, например, тот факт, что орловский масон Г.Н. Нелединский, приезжая в столицу, покупал книги для своего новосильского приятеля, что зафиксировано самим Осиповым.

«Комплектование» же уникальной библиотеки производилось им во время частных разъездов по служебным и личным делам. В январе 1738 г. он достал в Петербурге первую по времени книгу «Истинная политика знатных и благородных особ» (СПб., 1737).

Следующую книгу Осипов купил за 1 р. 30 к. в Белгороде (не забудем, что Орловская провинция в то время относилась к Белгородской губернии). Это было прижизненное издание «Краткого руководства к красноречию» великого М.В. Ломоносова. Последнее приобретение, сделанные им в 1796 году в городе на Оке и Орлике.

Таким образом, Василий Осипов, не считаясь с затратами, около 60 лет любовно пополнял свою библиотеку. А книги тогда были очень дорогими. Самая дешевая из них – опера «Цефал и Прокрис» (СПб., 1755) – стоила 12 коп. (Это на копейку дешевле фунта коровьего масла). А самая дорогая – «Полный географический лексикон» Лангера в трех частях (М., 1791–1792), приобретена в 1791 году в Орле у московского купца за 11 р. 70 к. (Это цена 9 пудов сала, двух гусей и одной индейки).

Начиная с 1781 года большинство книг куплено Осиповым в Орловских книжных лавках, которых, судя по надписям на книгах, было две. По меньшей мере одна из них открыта при содействии Николая Новикова, биографически связанного с Орловским краем.

Небезынтересно отметить, что ни одной книги Осипов не приобрел в Туле, а вот в Орле значительно больше половины дошедшей до нас библиотеки. Что же это были за книги? Первой книгой, купленной им в Орле в 1781 году, был изданный в типографии Новикова «Наставник земледельческий...» Боудена (цена 1 р. 80 к.). Через четыре года осиповская библиотека пополнилась масонской книгой «Братские увещания к некоторым свободным каменщикам» (90 к.).

В 1786 году приобретено семь книг. Это – «Введение в географию» (М., 1771), «Натура и благодать» архимандрита Аполлоса

(М., 1784), «Драгоценная книжка о внутренней духовной гордости» (М., 1785), «Новая полная поваренная книга» (изд. 2-е, М., 1786), «Судебник» И. Грозного (изд. 2-е, М., 1786) и другие.

В свой приезд через три года в Орел новосильский библиофил купил пять книг – «Сельский Сократ» (М., 1789), «Городской и деревенский садовник» (изд. 2-е, М., 1780), «Наставление о воспитании животных» (М., 1789), «Масон без маски» (СПб., 1784) и «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии», принадлежащее перу ученого-энциклопедиста Дмитрия Кантемира, основателя города Дмитровска.

В следующем, 1790 году были приобретены две книги о Петре Великом, обе вышедшие вторым изданием. Одна из них написана Катифором, а другая видным писателем Феофаном Прокоповичем.

Урожайным на покупки в Орле стал 1792 год. Из девяти купленных книг назовем: «О народах, издревле обитающих в России» (СПб., 1772), «Топографическое описание города Казани» Д. Зиновьева (М., 1788), «Экономический указатель, или Порядочное расположение домашних дел» (изд. 2-е, М., 1791), «Польский летописец с 964 по 1764 г.» (СПб., 1782), «История о завоевании Китая» (М., 1788) и «История Бранденбургская», изложенная прусским королем Фридрихом II.

Не мог расстаться В. Осипов с увиденными в 1793 году в орловской лавке книгами, такие как «Краткая священная и гражданская история», выбранная трудами одного россиянина» Василия Щеголева (М., 1787), «Наставление, как лечить лошадей» И.Г. Волштейна (СПб., 1784), «История Турецкая» Миньота в 4 частях (СПб., 1789), «Известия, служащие к истории Карла XII, короля шведского» В. Тейльса (М., 1789) и «История о Японском государстве» (изд. 2-е, М., 1789).

В 1794 году в Орел приезжал московский книгопродавец Иван Сосин, у которого Осипов взял две заинтересовавшие его книги. Обе написаны автором, скрывавшимся за псевдонимом «Н.О.». Это «Карманная книга сельского и домашнего хозяйства» (изд. 2-е, СПб., 1793) и «Российский хозяйственный винокур, пивовар и т.д.» (СПб., 1792).

Любопытно, что в 1798 году в столице выходил еженедельный журнал «Что-нибудь от безделья на досуге», издателем которого тоже был Н.О. Скорее всего, автор вышеназванных книг и

издатель еженедельника – это одно и то же лицо. Но кто издавал журнал, известно. Это Николай Петрович Осипов. Значит, новосильский библиофил купил в Орле книги своего однофамильца, а может, родственника.

Осталось сообщить, что Василий Осипов приобрел в последние два года, и список его книг будет исчерпан. В 1795 году он купил у орловских книготорговцев восемь книг. Это «Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия» Томаса Мора (СПб., 1789), «Новое земледелие...» Рознотовского (М., 1794), «Публичная и приватная жизнь графа Мирабо» (М., 1793), «Краткое историческое и географическое описание царства Армянского» Я. Шамирова (СПб., 1786), «Часовой мастер, или Руководство к упражнению к установлению стенных и карманных часов» (М., 1790) и др.

Последними книгами, проданными В. Осипову в 1796 году в городе на Оке, были следующие: «Собрание разных полученных от главнокомандующих армиями и флотами ко двору донесений» (изд. 2-е, СПб., 1791), «Начертание древней и новой римской или римско-немецкой истории» в 3 частях (М., 1796) и выпущенная в новиковской типографии очень дорогая (8 р. 20 к.) книга в кожаном переплете «Всеобщее повествование о путешествиях...» в 4 томах (изд. 2-е, М., 1781).

Надеюсь, истинным знатокам книги не показался утомительным перечень книг Осипова. НЕ нужно забывать, что книги, изданные два столетия назад, не утратили своей актуальности. Они по-прежнему несут большой познавательный потенциал, не говоря уже о краеведческом интересе.

Книги осиповской библиотеки наглядно подтверждают мысль о том, что Новосильский край тяготел к Орлу не только экономически, но и в культурном отношении. Не случайно в областной библиотеке им. И.А. Бунина имеются три книги из собрания Осипова, которые были представлены на выставке, подготовленной к 103 заседанию клуба «Орловский библиофил».

Этих книг, естественно, нет среди тех, что были приобретены А. Лебедевым. Прежде всего, это три части (А–Н) «Нового и полного географического словаря Российского государства...», изданного в 1788 году в университетской типографии Н. Новикова. Затем первая часть «Словаря ручной натуральной истории», вышедшая в том же году в том же издательстве. И последняя

книга – «Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории» (СПб., 1789). На всех книгах в качестве экслибриса на титуле стоит: «V.O.», а на левой стороне – «Василья Осипова».

А.Ю. Саран

УЧЕНЫЙ-ВОСТОКОВЕД И КНИГА*

Жизнь ученого неотделима от книг. Они – его учителя, советчики, оппоненты, в конце концов, его создания. Через всю жизнь пронес любовь к книге ученый-востоковед Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов.

Родился он 12 ноября (по новому стилю – 31 октября) 1830 г. в Санкт-Петербурге в семье, принадлежащей к старинному дворянскому роду, записанному в VI части родовых книг дворянства Московской, Орловской и Тверской губерний. Основателем рода был Захария, известный тем, что в XIV в. Построил Ипатьевский монастырь в Костроме. Внук Захарии – Дмитрий Александрович получил прозвище Зерно, а от его правнука – Вениамина Андреевича и пошел род Вельяминовых-Зерновых. В родстве с ними находились дворянские роды Годуновых и Сабуровых.

Дед Владимира имел деревни в московской и Орловской губерниях. Дом в Москве. Он был сотрудником графа М.М. Сперанского – известного преобразователя при Александре Первом. Отец Владимира – Владимир Федорович Вельяминов-Зернов учился в Московском университете, затем работал в комиссии по составлению законов, участвовал в издании «Полного собрания законов Российской империи». Он умер, когда сыну было лишь три месяца.

Владимир учился в Александровском лицее, который до 1943 года называли Царскосельским. Одновременно с переименованием лицей был переведен из Царского села в Петербург. Вместе с Владимиром учился юный М.Е. Салтыков, позднее известный писатель.

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1995. Вып. 6*

Курс обучения состоял из четырех полуторагодичных классов, в программе значилось более двух десятков дисциплин: от российской и всеобщей истории, Закона Божьего и трех иностранных языков до танцев, фехтования и плавания. Недаром окончившие лицей 16–18-летние юноши получали права выпускников университетов.

Уже в лицее появилась у В.В. Вельяминова-Зернова склонность к изучению восточных языков: лицеист с 14 лет брал уроки еврейского языка у Г.Н. Невского, арабского и персидского языков у профессоров Петербургского университета, в котором арабский язык тогда преподавали О.И. Сенковский, М.Г. Волков, шейх Мухаммед-Аяд Тантави, а персидский – мирза Джафар Топчибашев и мирза А.К.Казим-бек². Несомненное влияние в выборе изучаемых языков на подростка оказал его двоюродный брат Николай Ханьков (1819–1878), который самостоятельно овладел арабским и персидским языками, побывал с дипломатической миссией в Бухаре и в 1843 г. издал свою работу о Бухарском ханстве – одну из первых в мировой науке³.

По окончании Александровского лицея в 1850 г. В.В. Вельяминову-Зернову присваивается чин титулярного советника, и, по выбору выпускника, его направляют на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.

Через год – в 1851 г. – В.В. Вельяминов-Зернов был направлен министерством иностранных дел в распоряжение оренбургского и самарского губернатора В.А. Перовского (1795–1857). Побочный сын екатерининского вельможи А.К. Разумовского (1748–1822), выпускник Московского университета и участник Отечественной войны 1812 г., Василий Андреевич стал флигель-адъютантом Николая I. Он был дружен с В.А. Жуковским, Н.М. Карамзиным, А.С. Пушкиным, оказывает покровительство В.И. Далю, Е.П. Ковалевскому, А.Л. Алябьеву. В Оренбурге В.А. Перовский создает совершенно особые условия жизни, которые очевидцы называют «маленький уголок Петербурга»⁴.

В.В. Вельяминов-Зернов занялся в Оренбурге изучением обычаев, быта и истории жителей степей. Генерал-губернатор часто

² Бартольд В.В. *Обзор деятельности факультета восточных языков.* // Соч. Т. IX. – М., 1977, с. 67–68.

³ Ханьков Н.В. *Описание Бухарского ханства.* – СПб., 1843.

⁴ Жакмон П.П. *Из воспоминаний оренбургского старожилца.* // *Истор. вестник.* – 1905, № 4, с. 78.

направляет Владимира Владимировича в командировки к султанам Большой, Средней и Малой Орды для изучения истории и быта киргизов и других народов Средней Азии, а также «с целью получения секретных сведений (путем проведения) разнообразных переговоров»⁵. Его дипломатические и разведывательные усилия были благосклонно оценены, и молодому человеку в виде поощрения в 1854 г. присваивается придворное звание камер-юнкера⁶.

Владимир Владимирович разбирает архивы Оренбургской пограничной комиссии, а результаты изысканий публикует в местной газете «Оренбургские губернские ведомости». В 1853 г. Он издает в Уфе 1-й том большой работы об истории киргиз-кайсаков середины XVIII в., в которой затрагивается прошлое многих народов Средней Азии⁷.

Большую помощь молодому ученому оказывает оренбургский востоковед Василий Васильевич Григорьев – выпускник факультета восточных языков Петербургского университета, который в то время работал начальником пограничной Оренбургской экспедиции, где были сосредоточены все материалы связанные с управлением киргизами и взаимоотношениями России со среднеазиатскими ханствами.

Именно в Оренбурге В.В. Вельяминову-Зернову улыбнулась научная удача – ему удалось приобрести огромный фолиант XVII века объемом более 900 страниц с записью поэмы Хафиз-и Тальш Мир-Мухаммед ал-Бухари «Абдулла-намэ – книга шахского благодетства» на бухарском диалекте персидского языка. Этот важнейший источник по истории народов Средней Азии XVI в. давно разыскивался востоковедами всего мира, и вот книга в руках 24-летнего ученого. Работа по переводу, изданию и комментированию этой находки может стать делом всей жизни. И молодой человек понимает это. Он немедленно – 12 октября 1854 г. – сообщает о своем открытии непременно секретарю Академии наук М. Фуссу и впервые за 5 лет работы в Оренбурге берет отпуск. Он едет в свое имение в с. Корсунское Орловской

⁵ *Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской АН.* – Ч. I. – Пг., 1915, с. 143.

⁶ *Список гражданским чинам 4 класса.* – СПб., 1870, с. 888.

⁷ *Вельяминов-Зернов ВВ. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайрхана. (1748–1749).* – Т. 1–2. – Уфа, 1853–1855.

губернии. Там он занимается с «Абдулла-намэ» и поправляет здоровье после пребывания в Сибири. По окончании отпуска следует поездка из Орла в Петербург.

Глава Азиатского департамента известный путешественник Е.П. Ковалевский оставляет В.В. Вельяминова-Зернова для работы в министерстве переводчиком с татарского языка. Кроме того, Владимир Владимирович ведет работу по поддержанию связей с государствами и народами Средней Азии. Он организует встречи и сопровождает в качестве представителя МИД и переводчика хивинское и бухарское посольства, занимается организацией ответных посольств.

Но в свободное время В.В. Вельяминов-Зернов продолжает заниматься наукой. В письме своему оренбургскому наставнику и старшему товарищу В.В. Григорьеву он пишет: «Утром сижу в департаменте, вечером дома. Вечера я посвящаю науке и «Абдулла-намэ»⁸. Владимир Владимирович работает не только со своим экземпляром, но и со списком поэмы, привезенным из Бухары П.И. Лерхом. Список хранился в Азиатском музее, возглавлявшемся тогда академиком Б.А. Дорном, с которым и познакомился В.В. Вельяминов-Зернов.

В конце 1857 г. в Петербург из Персии приезжает в отпуск дворянин брат В.В. Вельяминова-Зернова – член-корреспондент Академии наук, русский генеральный консул в Тавризе, востоковед Н.В. Ханьков. При его посредничестве Владимиру Владимировичу удастся теснее сблизиться с академическими кругами. Появляется возможность опубликовать с помощью Академии наук перевод «Абдулла-намэ».

В июне 1858 г. В.В. Вельяминов-Зернов избирается адъюнктом Академии наук по литературе и истории азиатских народов. После начала работы в Академии наук, В.В. Вельяминов-Зернов весной – 12 мая 1859 г. – уходит из министерства иностранных дел⁹. Он пишет после этого В.В. Григорьеву: «Как гора с плеч свалилась. Так легко и весело на сердце¹⁰. Все силы можно теперь направить на работу с «Абдулла-намэ».

⁸ Цит. по: Веселовский Н.И. Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов. 1830–1904. Некролог. – СПб., 1904, с. 7.

⁹ Материалы для библиографического словаря действительных членов Императорской АН. – Ч. I. – Пг., 1915, с. 143.

¹⁰ Цит. по: Веселовский Н.И. Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов. 1830–1904. Некролог. – СПб., 1904, с. 9.

Для подготовки к изданию «Абдулла-намэ» В.В. Вельяминов-Зернов летом 1860 г. совершает свою первую зарубежную поездку. Он отправляется во Францию для сверки своего текста поэмы с парижским. В Париже в это время живет его кузен Н.В. Ханыков, который хорошо знаком с И.С. Тургеневым и А.И. Герценом, Н.В. Ханыков и во Франции продолжает работать над проблемами востоковедения – пишет воспоминания о своей поездке в Хорасан.

После возвращения В.В. Вельяминова-Зернова в Петербурге издается первый том поэмы, а через два года – второй¹¹. Опубликованное на французском языке, это важное издание стало доступно международной научной общественности, но круг читателей в России оказался суженным. Монография сыграла свою роль при избрании в Академию наук, но широких откликов не вызвала, хотя время доказало ценность этой работы для изучения истории Средней Азии при узбеках во времена Абдуллы-хана из династии Шейбанидов. В работе Владимира Владимировича было показано превосходство «Абдулла-намэ» над другими источниками этого периода, в частности – в сравнении с сочинениями Мухаммад Юсуф-Муншиб Ходжи бака «Муким-ханова летопись»¹². Книгой В.В. Вельяминова-Зернова пользовались исследователи как в XIX, так и в XX в., в частности, П.И. Лерх, И.И. Умняков, Б. Ахмедов, И. Мукидов. Работа Владимира Владимировича была поощрена и правительством – в 1862 г. ему был пожалован орден святого Станислава 2-й степени с императорской короной¹³.

Издание перевода фундаментального источника для исследований Востока и многочисленные востоковедческие работы В.В. Вельяминова-Зернова обеспечили ему единогласное решение Совета Петербургского университета, заседание которого состоялось 23 марта 1866 г., присвоить ученому степень доктора турецко-татарской словесности. Работы Владимира Владимировича членам Совета представляли на заседании известные ученые В.В. Григорьев и И.Н. Бераин¹⁴. А 1 декабря 1861 г. в воз-

¹¹ *Saraf Bidltst. Scheref-Nameh ou Histore des Kourdes, par Scheref, prince de Bidles. Publiee pour La premiere fois, traduite et annotee par V. Veliaminof-Zernof. T.1–2. St.-Petersbourg, 1860–1862.*

¹² Лукин Б.В. *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.* – *Ташкент, 1965, с. 93.*

¹³ *Список гражданским чинам 4 класса.* – *СПб., 1870, с. 888.*

¹⁴ *Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков.* // *Соч. Т. IX.* – *М., 1977, с. 174.*

расте 31 года избирается экстраординарным академиком по части мусульманских языков и мусульманской литературы. В.В. Вельяминов-Зернов стал первым русским востоковедом, избранным в Академию наук. В 1864 г. он уже действительный член АН.

В 1867 г. научная работа В.В. Вельяминова-Зернова была отмечена еще одним орденом – Святой Анны 2-й степени с императорской короной, а 19 декабря 1869 г. ему присваивается правительством чин 4 класса и Владимир Владимирович становится действительным статским советником. Кроме солидного общественного положения, это обеспечивает и достаточное содержание – доход только по государственной службе в Академии наук составляет у В.В. Вельяминова-Зернова 2.000 руб. в год¹⁵. Но и отдача требуется соответствующая – ученый во время работы в АН готовит и публикует значительное количество работ по истории Золотой орды, Крымского, Казанского, Астраханского ханств, народов Средней Азии. Владимир Владимирович заботится о пополнении библиотеки АН, он был включен также в состав комиссии Академии наук по присуждению премий, учрежденных графом А.С. Уваровым. С 1859 г. В.В. Вельяминов-Зернов начинает публиковать дипломатические документы, относящиеся к русско-татарским отношениям прошлых столетий¹⁶.

26 февраля 1859 г. его избирают секретарем Восточного отделения императорского Русского общества¹⁷, и он выполняет эту работу до 1967 г. А 16 февраля 1861 года В.В. Вельяминов-Зернов избирается секретарем всего Археологического общества и отвечает за издание «Трудов» общества, сам пишет статьи, вычитывает корректуры сборников, заботится о составлении протоколов, рассылке и приеме разнообразных документов.

Кроме того, он участвует в международной работе Археологического общества – в 1866 и 1867 гг. представляет ИРАО на международных съездах археологов в Антверпене. На последнем В.В. Вельяминов-Зернов был избран одним из президентов съезда. По предложению Президента Академии наук графа С.С. Ува-

¹⁵ *Список гражданским чинам 4 класса.* – СПб., 1870, с. 888.

¹⁶ *Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской Академии наук из московского главного архива Министерства иностранных дел. Издал В.В. Вельяминов-Зернов.* – СПб., 1864, с. V.

¹⁷ В 1857 г. В.В. Вельяминов-Зернов был избран действительным членом Императорского Русского Археологического общества.

рова в России начинают проводиться археологические съезды. В.В. Вельяминов-Зернов участвует в подготовке и проведении I археологического съезда, который проходит в 1869 г. в Москве, а на втором, намеченном на 1871 г. – год 25-летия РАО, – Владимир Владимирович был назначен председателем оргкомитета и деятельно занимался подготовкой съезда¹⁸.

9 марта 1865 г. Владимир Владимирович избирается действительным членом Императорского русского географического общества.

Но путь в большой науке, начатый благодаря счастливой находке «Абдулла-намэ», оказался непосилен для Владимира Владимировича. Чрезмерные нагрузки подорвали здоровье ученого – последовал нервный срыв. Болезнь и доктора заставили его зимой 1872 г. оставить работу в Академии наук и выехать из Петербурга для лечения за границу – на швейцарский курорт в Веве. Уважение к В.В. Вельяминову-Зернову императорская Академия наук выразила избранием его своим почетным членом 29 декабря 1890 г.

Так в 42 года, в расцвете сил прекратилась научная деятельность В.В. Вельяминова-Зернова. С 1873 года он уже не в состоянии заниматься востоковедением. Но впереди была еще добрая половина жизни, и тяга к Востоку будет проявляться в разных формах, однако к научной работе возврата уже нет. Более того, все то, что было главным смыслом жизни, и в первую очередь – «Абдулла-намэ», теперь вызывает у Владимира Владимировича отвращение¹⁹.

После возвращения из Швейцарии в Россию летом 1873 года В.В. Вельяминов-Зернов переезжает в свое родовое имение с. Корсунковское Малоархангельского уезда Орловской губернии. Здесь в его собственности находится 3.207 десятин земли²⁰. Владимир Владимирович посвящает себя хозяйству и общественной работе. С 1879 г. он подряд в течение 9 лет избирается предводителем дворянства Малоархангельского уезда. Владимир Владимирович участвует в обычных делах уезда, в частности, в

¹⁸ ОР ГБЛ. Ф. 239. Картон 6. Д. 69. Л. 1-об-2.

¹⁹ Об уникальности этого случая в истории науки говорит и академик В.В. Бартольд (Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков. // Соч. Т. IX. – М., 1977, с. 510).

²⁰ Список гражданским чинам 4 класса. – СПб., 1870, с. 889. Сейчас это – с. Корсунь Верховского района Орловской области.

проведении набора рекрутов в армию²¹. Кроме того, В.В. Вельяминов-Зернов состоит членом Орловской ученой архивной комиссии. Следует отметить, что и до переселения в Корсунское Владимир Владимирович не был чужд общественной работе в Орловской губернии: в 1865 г. он состоял гласным в Малоархангельском уездном земском собрании, а с 1867 по 1873 г. – почетным мировым судьей уезда.

Корсунское имение В.В. Вельяминова-Зернова находилось в образцовом порядке, в нем был прекрасный парк, дом с башней и с хозяйственными постройками, церковь, как отмечал орловский знакомый Владимира Владимировича П.Н. Мочульский, «изящной архитектуры»²². Все постройки были в то время окрашены в красный цвет, а крыши и купола – в белый. Стены были увешаны портретами предко, среди которых находился и последний взрослый представитель рода Годуновых – царь Борис, умерший 13 апреля 1705 г. Два зала были заполнены оружием, в том числе восточным, составлявшим предмет последнего увлечения хозяина имения. Надписи на восточном оружии Владимир Владимирович внимательнейшим образом изучал, однако результаты этих изысканий им нигде не публиковались. Имелась в имении и прекрасная коллекция восточных монет.

Огромная библиотека, насчитывающая 12 тысяч томов, находилась в отдельном помещении, примыкавшем к башне. Книги были на нескольких языках, в основном по истории. Значительная часть их была посвящена проблемам востоковедения. В библиотеке велся каталог, и данные обо всех книгах были аккуратнейшим образом записаны на карточки²³.

В 1902 г. здоровье В.В. Вельяминова-Зернова вновь ухудшилось и он отходит ото всех дел. Скончался В.В. Вельяминов-Зернов в Киеве 17 (30) января 1904 г. в возрасте 73 лет. Похоронен был рядом со своей дочерью в часовне своего имения в с. Корсунском Малоархангельского уезда Орловской губернии²⁴.

²¹ Мочульский П.Н. Курьезы крепостного времени. // Исторический вестник. – 1905, № 4, с. 158.

²² Мочульский П.Н. Курьезы крепостного времени. // Исторический вестник. – 1905, № 4, с. 156.

²³ В 1919 г. большая часть книг из опустевшего имения была перевезена в Музей восточного искусства.

²⁴ Мочульский П.Н. Курьезы крепостного времени. // Исторический вестник. – 1905, № 4, с. 156.

ЕПИСКОП ДАМАСКИН — ПРОСВЕТИТЕЛЬ И БИБЛИОГРАФ. ОРЛОВСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ*

В 1995 году исполняется 200 лет со дня смерти одного из крупнейших представителей отечественной культуры, известного деятеля народного просвещения, науки и духовной литературы эпохи Екатерины II — библиографа епископа Дамаскина. Разносторонняя и глубокая образованность, деятельный интерес к проблемам истории литературы и книги сделали имя Дамаскина известным каждому просвещенному соотечественнику. Ректор Славяно-греко-латинской академии, член Вольного российского собрания при Московском университете, сотрудник «Древней Российской вивлиофики» Новикова, член-корреспондент Королевского исторического института в Германии — вот далеко не полный перечень его заслуг перед отечественной и мировой культурой.

Следует особо отметить позицию Дамаскина в вопросах народного просвещения. Будучи в целом лояльно настроен по отношению к власти, Дамаскин вместе с тем имел мужество выступить с резким протестом против использования невежества народа как средства управлять им. Одна из его проповедей начиналась так: «Весьма несправедливо и бесчеловечно некоторые политики умствуют, что простого народа или нижнего состояния людей просвещать не надобно. Они, де, так покорны не будут и управлять, де, ими трудно...»¹.

«...Просвещение, достаточное пропитание и благоразумная вольность» — таковы, по мнению Дамаскина, условия народного благоденствия.

В истории отечественной литературы и книги велики заслуги Дамаскина как издателя сочинений М.В. Ломоносова (1778 г.). В XIX в. Историк М.И. Сухомлинов отмечал, что «издание Дамаскина по научности приемов превосходит как прежнее, так и последующие издания сочинений Ломоносова».

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1995. Вып. 6*

¹ *Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Вып 1. — СПб., 1874, с. 158.*

Особенно значительна роль Дамаскина – библиографа. Ему принадлежит первый в истории русской библиографии завершённый репертуар отечественной печатной продукции – «Библиотека российская, или Сведения о всех книгах в России с начала типографий на свет вышедших». Эта работа в полном объеме не опубликована до сих пор. «Библиотека российская» примечательна во многих отношениях. Автор представил в ней впервые периодизацию русской культуры, положив в основу историю письменности и печати. Он выделяет три периода: 1-й – от возникновения письменности до начала книгопечатания, 2-й – до введения в 1708 г. гражданского шрифта, 3-й до конца XVIII в., до момента окончания работы над «Библиотекой российской...» Во вступительной статье показана история письменности, просвещения и библиотек в Древней Руси до начала XVI в.

По методам библиографической обработки материала Дамаскин опередил многих библиографов XIX века. Репертуар отличается тщательностью библиографического описания, большим количеством историко-книжных сведений (сопоставления различных изданий одних и тех же книг, указания на источники перевода, указание на местонахождение отдельных книг и т.д.). В нем представлены книги с 1517 до 1785 г. включительно.

Одним из первых основательно проанализировал труд Дамаскина преподаватель русского языка Николаевской женской гимназии в г. Орле Яков Иванович Горожанский в своей магистерской диссертации². Отвечая на вопрос, нужно ли публиковать «Библиотеку российскую», Я.И. Горожанский писал, что о незавершенном печатании труда «...жалеть теперь нечего: напечатано почти все, что представляет интерес, оставшееся в рукописи включает только один большой перечень книг, который теперь, после множества изданных библиографических указателей и обзоров нашей книжной древности, представил бы ненужный печатный балласт. Во втором томе рукописи слишком мало, а в третьем и совсем нет собственноручных отметок Дамаскина касательно содержания указываемых книг, что находим в той части первого тома, которая уже издана»³.

Однако более верной представляется иная точка зрения. Она высказана Н.В. Здобновым, который считал, что неопубликован-

² *Горожанский Я.И. Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (1737–1795), его жизнь и труды. – Киев, тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, Михайловская ул., д. 4, 1994. – 194 с. – 294 с.*

³ *Горожанский Я.И. Указ. соч., с. 263.*

ной осталась наиболее интересная для нас часть рукописи Дамаскина: «Между тем, если бы «Библиотека» Дамаскина была издана в свое время, она предупредила бы славу «Опыта российской библиографии» В.С. Сопикова»⁴.

Другой крупный специалист в области библиографии, И.Н. Кобленц, с цифрами в руках показывает, насколько работа Дамаскина в части учета книг XVIII века полнее «Опыта» В. Сопикова: «Для периода 1698–1724 гг. Дамаскин дает около 84% по отношению к учету Пекарского, в то время как Сопиков за тот же период учел лишь около 55%. За время царствования преемников Петра (до 1741 г.) Дамаскин превышает регистрацию Сопикова более чем на полтораста изданий. За годы 1741–1755 Дамаскин дал около 48% учета Академии Наук, в то время как Сопиков не зарегистрировал и 40%. За годы царствования Екатерины II Дамаскин дал почти стопроцентный учет книг, в то время как Сопиков за те же годы (1762–1785), т.е. по конечный год – рубеж Дамаскина, недостает около четырехсот названий»⁵.

В настоящее время издание полной «Библиотеки российской» представляет лишь исторический интерес в связи с выходом ряда универсальных ретроспективных указателей книг и периодических изданий. Однако в контексте своего времени работу Дамаскина по справедливости можно считать уникальным библиографическим трудом.

Все вышесказанное позволяет представить масштабы личности Дамаскина и его вклад в развитие отечественной науки, культуры, просвещения.

В истории Орловского края с именем Дамаскина связан период с августа 1782 г. по сентябрь 1783 г., когда он по указу императрицы Екатерины II был пожалован должностью епископа Севского. В Севскую епархию, учрежденную в 1764 г., входили Севск, Брянск, Орел, Кромы, Трубчевск, Карачев, Мценск, Рыльск, Путивль. Большая численность населения, разбросанность по российским просторам, что затрудняло контроль за деятельностью церковных приходов, малообразованное духовенство, ветхие церковные здания, ветхие одежды – таково нелегкое наследие, полу-

⁴ Здобанов Н.В. *История русской библиографии до начала XX в.* Изд. 3-е. – М., 1955, с. 121–122.

⁵ Кобленц Н.И. *Источники и деятели русской библиографии XV–XVIII вв.* Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Я.Н. Щапов. – М., 1991, с. 121. // АН СССР. *Отд-ние истории, Архив АН СССР.*

ченное Дамаскиным в Севской епархии от его предшественника епископа Амвросия Подобедова.

Дамаскин прибыл в Севск 14 августа (старого стиля) 1782 г. Согласно распоряжению Севской духовной консистории стоящим по тракту от Москвы до Севска кромскому, орловскому и мценскому духовным правлениям, орловскому и мценскому монастырям было предписано «когда его преосвященство следовать будет на епархию, чтобы власти монастырские с братиею и священнослужители учинили его преосвященству достойную встречу, в приличных местах, во облачении со святым крестом и освященною водою и с колокольным в тех церквах звоном, и кто из священнослужителей иметь будет к его преосвященству надобность, подходили бы по силе духовного регламента, в чистой одежде и обуви»⁶.

За время служения епископа Дамаскина в Севске он показал себя человеком строгих правил. За неисправную службу с церковнослужителей взыскивались штрафы, которые затем направлялись в пользу бедных семинаристов. Забота о порядке в подведомственной ему епархии проявлялась в составленных им и разосланных по церквам инструкциях. Церковнослужители обязаны были те инструкции «прочитывать почасту и по оным поступать». Отпечатан этот документ был в Московской типографии.

Предметом особых забот и внимания Дамаскина была Севская духовная семинария. При нем в семинарии были открыты класс риторики и высший класс философии. Лучшие семинаристы посылались в Москву для получения высшего образования, чтобы по возвращении работать учителями семинарии. 2 человека были направлены в типографию Новикова для обучения переплетному делу. Дамаскин бывал в Орле, посещал духовное училище в Брянске. Внимание и поддержка талантливых старательных учеников и наказания (иногда вплоть до исключения из семинарии) по отношению к нерадивым – такова была педагогика Дамаскина.

При помещении семинарии, а также по случаю больших церковных праздников воспитанники приветствовали Дамаскина стихами. Представление об их поэтических достоинствах и чувствах, которые переполняли авторов, дают следующие строки:

Живи, о меценат, ко счастью всех ты нас,
 Цвети для общества, для церкви и закона:
 Сей глас есть севского питомцев Геликона.

⁶ Горожанский Я.И. Указ. соч., с. 159.

В другом мадригале утверждалось, что в Дамаскине сосредоточены «все душевные таланты», присущие Сократу, Демосфену, Аристотелю и Платону.

Не дивен нам Платон, не дивен Цицерон,
Не дивны также премудрые Солоны:
Имеет пастырь наш таланты их один;
Счастливы в жизни сей вовек мы будем им⁷.

Пребывание Дамаскина в должности епископа Севского составляет интересную страницу орловского краеведения и еще раз дает повод поразмышлять о том, сколь едина в своем развитии отечественная культура переплетаются в ней события из жизни столиц и провинций. Есть основания предположить, что именно на Орловской земле епископ Дамаскин завершал труд своей жизни – «Библиотеку российскую». Здесь же была написана посвященная ему диссертация Я.И. Горожанского, за которую автор был удостоен степени магистра богословия. До сих пор работа Я.И. Горожанского остается самым обстоятельным исследованием жизненного пути замечательного ученого, просветителя, библиографа епископа Дамаскина.

А.Ю. Саран

БИБЛИОФИЛ-УЗНИК СЕРГЕЙ БОЛОТСКИЙ*

Любовь к книге свойственна людям, обладающим развитой духовной культурой. В сложные, переломные времена именно духовность подвергается самым тяжелым испытаниям. Материальные трудности стараются отодвинуть духовную жизнь на второй план, и далеко не всем удается сохранить верность прежним идеалам. Именно таким было время в России на рубеже 1910–1920-х годов, и книголюб С.Н. Болотский оказался именно таким несломленным интеллигентом.

⁷ Пясецкий Г. *История орловской епархии*. – Орел, 1899. – С. 591.

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах*. Орёл, 1995. Вып. 6

В 1920-е гг. в Орле был концлагерь. И не один. Имелась в Орловском концентрационном лагере принудительных работ № 1 собственная библиотека. Торжественное открытие ее состоялось 22 августа 1920 г. Как писала местная газета «Известия орловского губернского и городского исполкома» – «это маленькое событие превращается для них [заключенных] в большой семейный праздник... В программе концерта-митинга, устраиваемого по этому поводу: музыкально-вокальные номера, хореография, одним словом – все виды изящных сценических искусств. Исполнители – сами заключенные». Начал этот праздник представитель губкома ВКП(б) Зусманович, который разоблачил вождей контрреволюции и выразил уверенность, что после оввобождения заключенные будут достойными жителями Советской России. Выступивший от заключенных Соколовский (Сокол Вольный) горячо пожелал «всемирной поддержки Советской России в ее борьбе с разрухой»¹, заверил начальство в желании заключенных потрудиться в «Неделе крестьянина» и бодро завершил речь приветствиями в адрес Красной Армии и III Коммунистического Интернационала.

Репортер видит в этом событии глубоки идеологический смысл: «Пожелаем, чтобы такие культурные ростки чаще всходили в таких, казалось бы, совсем отодвинутых от свободного коммунистического мира местах, выводя не понимающих красоту и силу коммунизма на новый путь, делая из подчас ярких противников советского строя его горячих сторонников и, быть может, проповедников»².

Правда, создатель библиотеки – заключенный С.Н. Болотский задачи библиотеки видел в другом: борьбу с «монотонностью, будничностью и бессмысленностью существования». Своей инициативой он объявил: «Долой жизнь серую, унылую, без ярких радостных впечатлений». Впрочем, и политическое состояние заключенных интеллигенту дореволюционной формации виделось иным, чем жизнерадостному советскому журналисту: «Большинство, как мне известно, вполне лояльно по отношению к Советской власти»³.

¹ *Известия орловского губернского и городского исполкома. – 1920. – 22 августа.*

² *Там же.*

³ *ГАОО. Ф. 1716. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.*

Сергей Николаевич Болотский дважды в письменном виде обращался к «товарищу коменданту» с предложением создать библиотеку в лагере. Проживая на верхних нарах 4-ой камеры 1-го корпуса, он писал своим четким почерком многостраничные обращения, предлагая «свои услуги по ея [библиотеки] организации и постановке». Из-под его стального пера выходили поистине поэтические строки библиофила: «Только библиотека – эта сокровищница всех богатств человеческого духа – в состоянии будет поддержать появившееся в лагере стремление стряхнуть с себя влияние сонного и вялого настроения окружающих». А нужно это настроение, чтобы в заключенных проснулось «желание вместе со всем трудовым народом пойти на борьбу за воплощение в мире правды-справедливости, правды-истины, правды-красоты»⁴.

Но этот романтический 34-летний черноволосый книголюб среднего роста, как описывает его лагерный формуляр, обладал и практической хваткой. На собственный риторический вопрос «Как и где составить для лагеря громадную, великую и мощную силушку книжную?»⁵ он предлагает сразу несколько источников для создания библиотеки. Во время предварительного следствия по своему делу Сергей Николаевич находился в Центральном рабочем доме (ЦРД) и заметил там большую кучу книг, сваленных в одном из помещений. Эту кучу он и предложил сделать основой библиотеки концлагеря № 1, добавив сюда дублиеты из двух других библиотек ЦРД.

Во втором предложении поступает боль истинного собирателя: домашняя библиотека собирателя была конфискована жилищным подотделом Малоархангельского УИКа и скиталась в отсутствии хозяина по разным учреждениям, неся естественные в этих условиях потери. Заключенный Болотский предложил лагерю запросить хотя бы те книги, «которые окажутся дублиетными для его [Малоархангельского уездного наробраза] центральной библиотеки и непригодные для волостных и районных библиотек уезда»⁶. И это не все – в создаваемую библиотеку пожертвовать книги могли бы и заключенные, поскольку, по наблюдениям Сергея Николаевича, «почти у каждого из нас есть уже прочитанная книга». Принять участие в этом начинании должны были также

⁴ ГАОО. Ф. 1716. Оп. 1. Д. 1. Л. 31-об.

⁵ Там же.

⁶ ГАОО. Ф. 1716. Оп. 1. Д. 1. Л. 31-об – 32.

родственники заключенных, приходящие на свидание. Кроме книг, принимать пожертвования можно было и деньгами, на которые следовало очень выгодно закупить книги со склада ликвидировавшегося того кредитсоюза и дешево продававшего свое имущество или в агентстве центропечати. Называл книголюб и другие источники возможных поступлений. Для больше доходчивости Сергей Николаевич придумал некоторую идеологическую заостренность будущему книжному фонду – он писал, что среди заключенных находится немало лиц, не знакомых с советским строительством, историей социальных движений, и потому крайне необходимы книги такого содержания. А в заключение просил доверить ему и ведение переговоров со всеми заинтересованным учреждениями.

После второго обращения С.Н. Болотского подотдел принудительных работ начал предпринимать практические шаги – 2 августа 1920 г. запросили ЦРД по поводу книг, но получили отказ – было заявлено, что все книги нужны для своих заключенных⁷. Впоследствии был сделан запрос и в Центропечать по поводу «литературы агитационного и информационного содержания». Это учреждение откликнулось на просьбу и начало поставлять соответствующую литературу в лагерную библиотеку. В ноябре 1920 г. для библиотеки потребовались уже шкафы для книг. Подотдел принудработ смог решить и эту проблему.

Начиналась библиотека концлагеря № 1 с 500 книг, часть которых была получена от губкома ВКП(б) и отдела народного образования, но в основном поступила от самих заключенных. В декабре 1920 г. в ней насчитывалось уже 1685 книг. А в августе 1921 г. библиотека располагает 3500 книг, частью пожертвованных самими заключенными, частью переданных различными учреждениями. Кроме того, сюда регулярно доставлялись центральные и местные газеты. При библиотеке действовала библиотечная секция и секция выразительного чтения. А если вспомнить о переплетной мастерской, которая довольно активно действовала в лагере, то можно сказать, что культура книги здесь была поставлена достаточно серьезно.

Кем был этот библиофил-энтузиаст? Родился он в 1886 г. в Малоархангельске в семье торговца Николая Григорьевича Бо-

⁷ ГАОО. Ф. 1716. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

лотского, который кроме торговли занимался еще и земледелием. И то и другое получалось у него неплохо, обеспечивая достаток семье и возможность расширять хозяйство, прикупать землю. Сергея отец смог отправить на учебу в Москву. В годы первой русской революции С.Н. Болотский стал членом партии социалистов-революционеров, но в 1909 г. вышел из нее и с тех пор оставался беспартийным, занимаясь, как он сам писал, «накоплением знаний для народа». После окончания курса в Московском археологическом институте он работал на родине в земстве и к 1914 г. стал заведующим отделом народного образования Малоархангельского уезда⁸.

Здесь он собирает, по собственным словам, довольно большую личную библиотеку, которую рассматривает в первую очередь как орудие духовного производства. Интересно его восприятие книги. «Книга переносит нас из той среды, в которой мы находимся, на широкую сцену всемирной истории, мировой литературы, на арену, где действовали и еще действуют герои-титаны во имя высших идеалов добра, правды, справедливости, красоты, счастья народа, человечества». Относительно связи книги с жизнью у С.Н. Болотского тоже было собственное мнение: «Книги не только отражение жизни, они сами часть жизни, чудодейственный сколок ее, они – жизнь во всем ее многообразии. Книга побеждает и время, и пространство»⁹.

После начала 1-ой мировой войны С.Н. Болотский был мобилизован и служил телефонистом на Кавказе. После Февральской революции – в апреле 1917 г. поступил в Александровское военное училище в Москве и после трехмесячной подготовки получил звание поручика и назначение в 74-й запасной пехотный полк¹⁰.

В декабре 1917 г. Сергей Николаевич был демобилизован из армии как учитель и вернулся в Малоархангельск, где получил должность инструктора библиотек в отделе народного образования. Брат его, Тихон Николаевич Болотский, работал тогда заведующим книжным складом уездного наробраза, жена – письмоводителем. О судьбе своей библиотеки в условиях сменяющихся властей Сергей Николаевич беспокоится, он обосновывает решениями Советской власти свое право на владение большим ко-

⁸ ГАОО. Ф. 1716. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАОО. Ф. 1144. Оп. 2. Д. 462. Л. 1.

личеством книг, и на первых порах ему удастся сохранить свою библиотеку.

В 1918 г. С.Н. Болотский вновь был мобилизован – теперь в Красную Армию и служил взводным инструктором в 1-м запасном полку, расквартированном в Карачеве.

В сентябре 1919 г. Сергей Николаевич поехал в командировку из Карачева в родной Малоархангельск, и здесь его застало наступление Деникина. Он остался в городе и как бывший офицер был мобилизован в 1-й Корниловский полк. С.Н. Болотский был причислен к контрразведке ОСВАГа, но служил вначале писарем в 15-й роте, а затем по собственной просьбе стал командиром отделения. Через неделю во время боев на Кромском шоссе у д. Любовша был легко ранен в ногу и после 3-х недель службы отправлен в госпиталь, с которым пропутешествовал с отступающей белой армией через Фатеж, Курск, Харьков и оказался в Ростове-на-Дону. Здесь его настигла Красная Армия, и С.Н. Болотский попадает в плен. Вместе с лазаретом пленных направили в Луганск, где он заболел возвратным тифом. После болезни был допрошен в Донской губЧК, сотрудники которой освободили Сергея Николаевича из плена, снабдили документами и отправили домой в Малоархангельску.

5 апреля 1920 г. С.Н. Болотский вновь возвращается в родной город. Как дисциплинированный человек на следующий день он регистрируется в военном отделе, а в 9 часов вечера 6 апреля арестовывается милиционером Собиным по постановлению начальника уездной милиции Внукова «за активное боевое участие против красных советских войск»¹¹. В квартире проводится обыск, однако ничего полезного для обвинения обнаружено не было. После ареста у Сергея Николаевича обостряется болезнь почек, и арестант вновь оказывается в больнице.

А вокруг него тут же разгорается борьба между населением и партийно-политическим активом Малоархангельска. Власти подвергаются буквально бомбардировке поручительствами за узника. Об освобождении Сергея Николаевича просит его брат Тихон, заведующий школьным подотделом уездного отдела народного образования, член Малоархангельского исполкома Зернов, 22 служащих районного отдела союза кооператоров, 37 жителей Малоархангельска.

¹¹ ГАОО. Ф. 1144. Оп. 2. Д. 462. Л. 9.

А другая сторона столь же интенсивно ищет обвинительный материал – но здесь успех более скромные, удается уломать лишь трех малоархангельцев, которые дали показания в милиции. Причем 25-летний С.С. Веселых лишь признал, что Болотский служил у белых. Осторожный 44-летний Н.В. Ермаков уклончиво показал, что только слышал от кого-то о службе Болотского у белых. И лишь 16-летний Александр Крутиков разоткровенничался, но и он мог показать только, что «Болотский надел офицерские погоны и ходил в таком виде по Малоархангельску. Ему выдали винтовку, и он говорил: «Возьмем Орел»¹². Такие показания выглядели слабовато, и власти стали распускать слухи, что якобы Сергей Николаевич признался в расстрелах красноармейцев, заявлял о своей готовности и дальше «стрелять красных».

Эти домыслы опровергались в коллективных заявлениях населения. Сослуживцы Болотского прямо писали, что он «не был замечен в каких-либо контрреволюционных выступлениях и с агитацией не выступал». А соседи прямо обвинили местные власти в клевете и дали самую сердечную характеристику обвиняемому: «...вырос на наших глазах и всегда был примерного поведения, отличался честностью, неподкупностью характера, стойкостью и прямоотой политических взглядов. Много и хорошо работал на ниве народного просвещения. Любил народ и умел для него работать. Народу отдал лучшие годы своей жизни. Во имя этого святого труда – просвещения наших медвежьих углов мы просим его освобождения. Мы просим смыть с него позорное клеймо контрреволюционера и вернуть имя честного гражданина. Мы глубоко верим в победу правды. Мы верим в то, что грязная клевета опрокинется на головы тех, кто ее рождает, опозорит самих творцов лжи и провокации, создавших из последних профессию, строящих на этом свою карьеру. Мы верим в торжество правды и ею живем»¹³.

Власти пытаются нейтрализовать эти заявления, давая заявителям порочащие характеристики: «друг арестованного», «политически несознательный», «обыватели», «беспартийные» и т.п. или просто накладывают поверх текста заявлений резолюции с отказами, причем резолюции пишутся яркими красными чернилами, нарочито пространно и размашисто, как будто с целью

¹² ГАОО. Ф. 1144. Оп. 2. Д. 462. Л. 16-об.

¹³ ГАОО. Ф. 1144. Оп. 2. Д. 462. Л. 37.

сделать сам текст заявления нечитаемым. Делом занимается «политбюро» уездной милиции, развивающее большую активность в преследовании С.Н. Болотского. Применяются и более безыскусные методы давления на заявителей – их просто почаще назначают на принудительные работы. Однако отозвать свои поручительства жители не спешат, упорствуя в борьбе за правое дело спасения односельчанина.

Наконец, 22 мая 1920 г. уполномоченный губернской ЧК забирает С.Н. Болотского из Малоархангельска и помещает на время следствия в Центральный рабочий дом (ЦРД). Через неделю он был допрошен, и у следователя сложилось то же впечатление, сто и у малоархангельских властей: «Болотский – враг, несмотря на все заявления обывателей города, подлежащий заключению в концлагерь до конца гражданской войны»¹⁴. Месяц спустя, 29 июня 1920 г., дело оказалось в губернском ревтрибунале, в котором собрались председатель революционного суда Переверзев, заведующий отделом юстиции губернского исполнительного комитета Панкратов и председатель Орловской губЧК Н. Поляков. Они утвердили обвинительный акт следователя и постановили дело слушать «без свидетелей и сторон». 1 июля состоялось судебное заседание под председательством Переверзева и был вынесен приговор: «Заключение в концлагерь на 10 лет». Примечательна оценка этого решения самим подсудимым – если при аресте Сергей Николаевич апеллировал к решению ДонгубЧК, которая не нашла состава преступления в его действиях, то после приговора он пишет о «невольном участии в преступлении против трудового народа».

И в тюрьме Сергей Николаевич остается верен убеждению, что «поддержать пробуждающуюся жажду жизни может только книга». За месяц, который С.Н. Болотский провел в ЦРД, он ухитрился, заслужив доверие администрации узилища, привести в порядок библиотеку, оставшуюся с дореволюционных времен, и организовать выдачу книг таким же, как он сам, арестованным, ожидающим окончания следствия и суда. А пробудить интерес заключенных к книге было тоже непросто – их интересы, по словам самого библиотекаря, ограничивались почти исключительно вопросами голода».

¹⁴ ГАОО. Ф. 1144. Оп. 2. Д. 462. Л. 3-об.

В концлагере № 1 Сергей Николаевич получает направление на работу в губернский отдел народного образования. Заключенный производит хорошее впечатление на новых сослуживцев, вскоре его назначают заведующим статистическим подотделом губнаробразра. Уже в октябре руководство губнаробразра просит ревтрибунал отпустить своего нового сотрудника на частную квартиру, но в ответ следует отказ – «враг». Отличная работа заключенного по переписи населения г. Орла, статистической обработке материалов системы народного образования губернии, а кроме того и добровольная нагрузка – лекции на библиотечных курсах и курсах по ликвидации неграмотности, стимулирует усилия заведующего отдела Панкрата по облегчению положения С.Н. Болотского. Как и малоархангельцы, он высоко оценивает как работу, так и личность своего протеже: «проявляет свойственную ему инициативу, упорство и любовь к делу». Панкратов добивается, что уже 14 ноября 1920 г. трибунал вначале сокращает срок до 5 лет в связи с амнистией, а 27 апреля 1921 г. Сергей Николаевич Болотский был условно-досрочно освобожден с обязательным привлечением к принудительным работам.

К сожалению, ничего не известно о дальнейшей жизни этого достойного человека, который оставался убежденным любителем книги даже в условиях заключения в концлагерь. Представляет интерес и судьба лагерной библиотеки после освобождения ее создателя – С.Н. Болотского. Но это сюжеты для новых исследований, а они возможны лишь при совпадении многих обстоятельств, ведь история умеет хранить свои тайны.

В.Г. Сидоров

СУДЬБА ОДНОЙ КНИГИ*

В 1955 или 56 году на орловской толкучке на Щепном рынке мне попала книга «Орловская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Книга издана в 1903 году в Санкт-Петербурге и представляет из себя

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2000. Вып. 7*

собрание отчетов, докладов, протоколов уездных комитетов по различным сельскохозяйственным проблемам за 1902–1903 годы. Здесь помещены материалы по развитию крестьянской аренды, об опытных хуторах, борьбе с оврагами, мелиоративных работах, народном кредите, о мерах поднятия доходности сельского хозяйства, мелкой кустарной промышленности, по урегулированию хлебной торговли и т.д. Много внимания участники заседаний этих комитетов, а это были в основном землевладельцы Орловской губернии, уделяли вопросам местного самоуправления, охране сельскохозяйственной собственности, развитию народного образования в сельской местности.

Книга для меня в то же время не представляла никакого интереса, но продававшая ее пожилая женщина уговорила меня купить ее за 2 рубля. И я унес домой объемистый том. Дома обнаружилось, что эта книга принадлежала германской высшей политической школе, о чем свидетельствовала печать на титульном листе, книга была переплетена в Германии с золотым тиснением на корешке на немецком языке. Но самое интересное заключалось в том, что к ней был составлен на немецком языке алфавитный указатель всех имен, упоминаемых в тексте. Причем составителя указателя не интересовало, на какой странице текста упоминается то или иное лицо. Его интересовал общий список землевладельцев и должностных лиц, потомки которых могли быть потенциальными союзниками немецких властей. Эта книга свидетельствует о том, как тщательно и скрупулезно, с чисто немецкой обстоятельностью, готовились к войне с СССР германские фашисты.

Немецкая политическая школа в оккупированном Орле размещалась в здании бывшей областной библиотеки им. Н.К. Крупской на Ленинской улице. Это издание, по всей видимости, находилось в справочном фонде этой школы и служило одним из источников информации об орловских жителях. Отступая из Орла, немцы бросили эту книгу, понимая, что больше она им никогда не понадобится. Теперь этот уникальный экземпляр находится в краеведческом фонде областной библиотеки им. И.А. Бунина.

СУДЬБА РЕДКОЙ КНИГИ*

Пушкин А.С. История пугачевского бунта.
В 2-х частях. — СПб., 1834

С давних пор в орловской библиотеке им. И.А. Бунина хранится прижизненное издание «Истории пугачевского бунта» А.С. Пушкина. Эта книга чудом сохранилась во время немецко-фашистской оккупации г. Орла и была занесена в инвентарь в 1943 году. Экземпляр весьма примечательный: на титульном листе первой части после заглавия «История пугачевского бунта» от руки черными чернилами написано: «Александра Сергеевича Пушкина» (автор книги указан только в конце предисловия), а на обороте – «Цензор сам Государь». Эта последняя надпись наводит на мысль, что книга принадлежала человеку, близкому к литературному и книжному делу, для которого этот факт был важен. Когда и от кого этот раритет поступил в библиотеку, до последнего времени было неизвестно. А судьба этой книги оказалась очень интересной.

Как известно, Пушкин приступил к написанию «Истории Пугачева» в конце 1931 года. Он работал в архивах, проехал по местам событий, встречался с участниками и современниками пугачевского восстания, изучал имеющиеся печатные материалы. В конце 1833 года он обратился через А.Х. Бенкендорфа к царю с просьбой разрешить печатание книги. «Осмелюсь просить через Ваше Сиятельство представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных¹. Император печатать рукопись разрешил, только изменил название на «История пугачевского бунта». Пушкину была выдана беспроцентная ссуда в размере 20 тыс. рублей и разрешено печатать его труд в типографии 2-го отделения собственной е.и.в. канцелярии. Директором этой типографии

¹ Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин. – Т. 15: Переписка 1832–1834. – М., 1996. – С. 98.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2006. Вып. 8

был лицейский товарищ Пушкина Л.М. Яковлев. И хотя книга печаталась в очень престижной типографии, это был, по сути, самиздат. Все отпечатанные листы книги свозились на квартиру автора, и он сам отдавал их переплетчикам и книготорговцам. В результате такого самиздата появились редкие экземпляры. Дело в том, что отпечатанные листы поступали к Пушкину по частям и на некоторых страницах первой части были допущены ошибки: неправильно назван город, фамилии некоторых атаманов и др.² Пушкин потребовал перепечатки этих листов, но очень малое количество их осталось неисправленным, книги уже успели переплести. К изданию прилагался гравированный портрет Пугачева, который был заказан в Париже и был получен Пушкиным только через семь месяцев после окончания печатания его сочинения³.

Орловский экземпляр неисправленный, нет в нем и портрета. Это говорит о том, что он один из первых и кто-то очень заинтересованный в этой книге сумел ее приобрести. Но кому же он принадлежал? На помощь пришел случай. При просмотре газеты «Орловская правда» за 1940 год нам попала информация: «За последнее время в областную библиотеку им. Н.К. Крупской (с 1992 года им. И.А. Бунина – В.С.) поступил ряд ценнейших произведений классиков русской литературы. Районная библиотека города Стародуба передала сюда первое издание книги А.С. Пушкина «История Пугачева» 1834 года издания»⁴. (С 1937 по 1944 год Стародубский район входил в состав Орловской области – В.С.) Следовал естественный вывод, что книга поступила туда из частной помещичьей библиотеки и ее владельца надо искать среди землевладельцев Стародубского уезда Черниговской губернии.

В фундаментальном издании «Россия: Полное географическое описание нашего Отечества» указаны несколько богатейших помещиков Стародубского уезда. Среди них Миклашевские, Лайкевичи, Голицыны, Урусовы, Скоропадские, Судиенко, Щегловитые⁵. Возможно, в библиотеке кого-либо из них и хранилось сочинение А.С. Пушкина. При сверке этих имен с пушкинским

² Смирнов-Сокольский, Н.П. *Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина* / Н.П. Смирнов-Сокольский. – М., 1962. – С. 365–366.

³ Пашина, Г. *Портреты к «Истории пугачевского бунта»* / Г. Пашина // *Уральский библиофил*. – Челябинск, 1986. – С. 63–64.

⁴ *Орловская правда*. – 1940. – 20 нояб.

⁵ *Россия: полное географическое описание нашего Отечества* / Под ред. В.П. Семенова. – Т. 7: Малороссия. – СПб., 1903. – С. 460.

окружением выяснилось, что наиболее вероятным владельцем «Истории пугачевского бунта» был Михаил Осипович Судиенко (1802–1871)⁶. Поручик лейб-гвардии Кирасирского полка, адъютант Бенкендорфа, отставной штабс-ротмистр, предводитель дворянства Новгородсеверского уезда Черниговской губернии М.О. Судиенко был близким знакомым Пушкина, его постоянным партнером по карточной игре. В 1833 году Пушкин посетил Судиенко в Москве и написал об этом жене: «Обедал у Судиенки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь он женат... мы обедали втроем»⁷. Возможно, во время этого обеда шел разговор о новой работе Пушкина и Судиенко заручился обещанием автора заполучить ее. М.О. Судиенко был высокообразованным человеком, воспитывался в семье генерал-губернатора Малороссии князя Я.И. Лобанова-Ростовского, одно время учился в пажеском корпусе, был не чужд литературных занятий. Выйдя в отставку, женился на дочери сенатора М.П. Миклашевского, Надежде Михайловне, получив за ней богатое имение в Стародубском уезде. Известна его благотворительная деятельность: он пожертвовал значительную сумму денег на устройство благородного пансиона Черниговской гимназии, был ее почетным попечителем, учредил в гимназии библиотеку, содействовал устройству больницы.

В 1847 году был назначен попечителем Белоцерковской гимназии, а позже – председателем археологической комиссии при Киевском и Волынском генерал-губернаторстве. Им изданы книги: «Черниговского наместничества географическое описание, сочиненное Афанасием Шафонским» (Киев, 1851) и две книги «Материалы для отечественной истории» (Киев, 1853–1856)⁸.

В архиве наследников М.О. Судиенко, в частности, его внуки М.А. Егоровой, в конце XIX века хранились письма А.С. Пушкина к М.О. Судиенко, опубликованные в 1898 году в журнале «Русский архив»⁹. Вероятно, и книга «История пугачевского бунта» хранилась там же и после революции поступила в Стародубскую районную библиотеку. Не исключено, что эту книгу подарил сам А.С. Пушкин.

⁶ *Чарейский, Л.А. Пушкин и его окружение / Л.А. Чарейский. – Л., 1988. – С. 424–425.*

⁷ *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин. – Т. 15: Переписка 1832–1834. – М., 1996. – С. 77.*

⁸ *Русский архив. – 1898. – № 1. – С. 168.*

⁹ *Там же. – С. 165–167.*

Л.Е. Максимова

ПОД КРЫШЕЙ ТУРГЕНЕВСКОГО МУЗЕЯ*

В 1917 году Валерий Брюсов, руководивший в ту пору отделом научных библиотек Наркомпроса, поручает М.В. Португалову, литературоведу и критику, создать в Орле Музей-библиотеку И.С. Тургенева.

24 ноября 1918 года музей И.С. Тургенева был открыт.

На долю Португалова выпало труднейшее дело сбора и приема экспонатов, среди которых было около 5 тысяч томов родовой библиотеки И.С. Тургенева, разбросанных наследниками по разным местам: Спасское-Лутовиново, дом О.В. Галаховой в Орле, Клейменово.

Первый вклад в книжный фонд библиотеки служебного пользования, можно полагать, был от М.В. Португалова. Подтверждением этого может служить коллекция книг в количестве 49 томов с личным штампом или надписью от руки: «Из книг Михаила Вениаминовича Португалова».

В сентябре 1941 года музей И.С. Тургенева эвакуировали в Пензу. Под руководством директора музея Бориса Александровича Ермака были вывезены все основные экспонаты, в том числе мемориальная родовая библиотека И.С. Тургенева. Из служебной

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1985. Вып. 3

библиотеки была взята основная часть, а остальная литература осталась в здании музея, в бывшем доме О.В. Галаховой, где сейчас располагается музей писателей-орловцев.

Шла война. Город был оккупирован. В музейном здании располагались немецкие офицеры. Оставленные библиотечные книги погибли, как и другие культурные ценности.

5 августа 1943 года Орел был освобожден. Корреспондент «Правды» писатель Борис Николаевич Полевой направился к музею И.С. Тургенева.

Здесь он и обнаружил обгоревшую книгу «Отцы и дети» И.С. Тургенева, парижское издание 1863 года в переводе на французский язык Проспера Мериме. Книга оказалась с библиотечным номером 159 и библиотечным штампом, проставленным 1 июня 1919 года, говорящем о принадлежности музею И.С. Тургенева. Б.Н. Полевой на обложке экземпляра сделал надпись: «Эта книга найдена в г. Орле 5 августа 1943 года среди хлама у развалин Тургеневского музея. По-видимому, это из личной Тургенева библиотеки с его пометками». На шмуцтитуле другая надпись: «Книга эта найдена в куче мусора 5 августа 1943 года в день взятия Орла, возле здания музея И.С. Тургенева... 5 августа 1943 г. Б. Полевой».

Книгу писатель хранил у себя почти двадцать лет и в музей прислал в 1963 году.

В 1950 году я приняла библиотеку от Б.В. Богданова с книжным фондом в три тысячи томов: художественная литература, немного тургенианы, несколько томов энциклопедических справочников, немного литературоведческих книг и периодики.

Комплектование библиотеки продолжалось через Орловский областной библиотечный коллектор.

С 1954 года библиотека начинает собирать книги Тургенева и литературу о нем на языках русском и народов СССР, а по возможности – и зарубежных изданий.

С 1955 года библиотека разыскивает и комплектует все издания произведений писателей – уроженцев Орловского края XIX–XX вв. и современных писателей, а также литературы о них.

Директор музея Евгения Ивановна Кожухова устанавливает контакт с ленинградской библиотекой Академии Наук СССР, куда в марте 1958 года были направлены и.о. замдиректора музея

по научной части Б.В. Богданов и автор этих строк. Отобранную литературу в количестве 15 тысяч получили в июле того же года. Это была дореволюционная периодика, литературные сборники и издания разных лет произведений Тургенева и других писателей-орловцев.

Полную силу в работе по комплектованию книжного фонда библиотека набирает с 1959 года под руководством директора музея Леонида Николаевича Афонина. В это время устанавливаются связи с писателями и родственниками писателей, с центральными библиотеками страны, такими, как Государственная библиотека имени В.И. Ленина, Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, Государственная библиотека иностранной литературы, республиканскими и областными библиотеками, с библиотекой Казанского университета.

Из всех библиотек поступает литература, необходимая научным сотрудникам и экскурсоводам для изучения жизни и творчества писателей-земляков, создания литературных экспозиций в музеях И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, писателей-орловцев, в заповеднике И.С. Тургенева Спасское-Лутовиново, в доме Т.Н. Грановского.

В это же время получают коллекции книг из личных библиотек писателей А.Н. Лескова, И.А. Новикова, Иосифа Каллиникова, М.М. Пришвина, И.М. Патенкова и других.

Материалами библиотеки пользуются ученые, литературоведы и искусствоведы, аспиранты и студенты Орла, Москвы, Ленинграда и многих других городов страны, а также и зарубежные, изучающие жизнь и творчество орловцев.

Приведу некоторые отзывы ученых о библиотеке.

Курляндская Галина Борисовна – доктор филологических наук, тургеновед, профессор Орловского педагогического института: «Если бы в Орле не было библиотеки музея, то нечего было бы делать по Тургеневу».

Благасова Галина Михайловна – преподаватель Белгородского педагогического института, аспирантка Московского педагогического института имени Н.К. Крупской: «Я три года работаю в центральных библиотеках Москвы, и мне думалось, что в Орле, в библиотеке музея нового материала для совей работы по творчеству И.А. Бунина я не найду, а здесь так много, что мне пришлось

задержаться для работы на две недели, и я очень благодарна за предоставленную возможность».

Ладария Маргарита Глебовна – профессор, преподаватель Сухумского педагогического института, доктор филологических наук, тургеневед, неоднократно обращалась к материалам библиотеки по теме «Тургенев и Франция», сказала: «Такой материал, как в музее, впервые вижу и держу в руках».

Францишек Апанович из Польши, преподаватель, литературовед, исследователь творчества Пришвина, работал в библиотеке больше недели и нашел для своей диссертации то, что искал, о чем с восторгом произнес: «Только ради этого можно было ехать из Польши в Орел!»

Волынская Н.И. – преподаватель Шадринского педагогического института, исследователь творчества И.А. Бунина: «Я зря потеряла целую неделю в библиотеке имени В.И. Ленина, надо было ехать сразу в Орел, в библиотеку музея, где так хорошо и много интересного материала по Бунину». Подобных отзывов можно привести много.

Книжный фонд постоянно пополняется отечественными и зарубежными изданиями. Зарубежные издания произведений писателей-орловцев и литература о них в музей поступает через установленные литературные связи музея с зарубежными учеными на протяжении многих лет.

За последние годы эти связи ведутся директором музея Кирилловской Н.М., зам. Директора Сафроновой В.В., старшим научным сотрудником музея Н.С. Лескова Алексиной Р.М., старшим научным сотрудником музея И.С. Тургенева Балыковой Л.А. по творчеству И.С. Тургенева с тургеневедами Франции, Канады, Новой Зеландии, Германии (ГДР и ФРГ), Венгрии, Испании.

В настоящее время фонд библиотеки музея представляет уникальную книжную коллекцию, объединяющую собой коллекции книг из личных библиотек писателей и другие собрания, а именно:

1. Андрея Николаевича Лескова – сына писателя, полученные от его жены Анны Ивановны Лесковой. Издания произведений Н.С. Лескова и литературы о нем – 778 ед. хр.;

2. Ивана Алексеевича Новикова, полученные от наследников. Издания произведений писателя и книги писателей с дарственными автографами к нему – 614 ед. хр.;

3. Михаила Михайловича Пришвина, полученные от жены и по ее завещанию из кабинета писателя московской квартиры. Издания произведений писателя на разных языках – 240 ед. хр.;

4. Валерии Дмитриевны Пришвиной, полученные от нее и по ее завещанию. Посмертные издания произведений М.М. Пришвина и литература о нем, часть из них с автографами – 116 ед. хр.;

5. Иосифа Каллиникова, полученные из Чехословакии от сестры писателя. Издания произведений писателя на разных языках – 96 ед. хр.;

6. Ивана Михайловича Патенкова, полученные от жены Маргариты Васильевны. Книги писателей с дарственными автографами – 92 ед. хр.;

7. Николая Владимировича Томана, полученные от жены. Книги писателей-фантастов и приключений с дарственными автографами – 407 ед. хр.;

8. Льва Сергеевича Овалова, полученные от писателя. Издания его произведений с автографами и книги писателей с дарственными автографами к Овалову – 231 ед. хр.;

9. Евгения Сокола, полученные от брата писателя Нила Григорьевича Соколова. Издания произведений – 42 ед. хр.;

10. Португалова Михаила Вениаминовича, первого директора музея И.С. Тургенева, – 49 книг с личной печатью или надписью на книгах: «Из книг Михаила Вениаминовича Португалова». Книги по русской и зарубежной литературе.

11. Николая Васильевича Кузьмина, заслуженного художника, иллюстратора произведений Н.С. Лескова, редкие произведения писателя с автографами и экслибрисами художника – 15 ед. хр.;

12. Владимира Андреевича Мильчакова, полученные от писателя и его жены Зои Петровны. Книги писателя и другие издания – 46 ед. хр.;

13. Н.С. Плещунова, литературоведа, исследователя жизни и творчества Н.С. Лескова, полученные от собирателя. Издания;

14. Тургениана, собранная Заслуженным учителем РСФСР, тургениеведом Иваном Трофимовичем Моцаревым и переданная музею его сестрой – 328 ед. хр.

15. Николая Васильевича Вырубова, внука Ольги Васильевны Галаховой, присланные из Франции. Книги по философии, литературоведению, о французском Сопротивлении и редкие книги, такие, как «Книга историография», СПб., 1722 – 62 ед. хр.

16. Несколько книг из Парижской Русской Тургеневской библиотеки, среди которых роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» 1861 года издания, на французском языке с автографом И.С. Тургенева, сочинения Д.И. Писарева 1907 года, роман «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и другие;

17. Книги с автографами писателей – 633. Всех книг с автографами около двух тысяч. Среди них автографы: Тургенева, Лескова, Бунина, Андреева, Новикова, Пришвина, Горького, Шолохова, Чехова, Твардовского, Федина, Фадеева, академиков М.П. Алексеева и Д.С. Лихачева, Заслуженных художников-иллюстраторов Н.В. Кузьмина и А.Г. Тюрина, Кукрыниксов и многих других деятелей искусства;

18. Книги XVIII–XIX–XX вв. – 575. Среди них прижизненные издания произведений В.И. Ленина, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, В.Г. Белинского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.С. Грибоедова, А.И. Герцена и многих других классиков русской и зарубежной литературы;

19. Коллекции всех изданий произведений прошлых и современных писателей Орловского края и литературы о них на языках мира;

20. Большое собрание дореволюционной периодики, это: «Современник», «Отечественные записки», «Русская старина», «Исторический вестник», «Русское слово», «Русский архив», «Русский вестник», «Северный вестник», «Мир Божий», «Образование», «Правда», «Библиотека для чтения», иллюстрированные журналы «Живописное обозрение», «Всемирная иллюстрация», «Искра», сатирические журнал и многие другие названия;

21. Литературные альманахи и сборники. Альманахи «Шиповник», «Творчество», «Голоса из России», «Звенья», «Земля», «Италия», «Литературная мысль», сборники товарищества «Знание», «Северное сияние» и многие другие;

22. Дореволюционные газеты: «Литературная», «Гражданин», «Вперед», «Порядок», «Неделя», «Речь», «Санкт-Петербургские ведомости» и многие другие;

23. Дореволюционные книги и журналы на зарубежных языках – английском, немецком, французском и другие – 5 тыс. ед. хр.

В фонд «Редкая книга» в музей к коллекциям книг:

1. «Мемориальная родовая библиотека И.С. Тургенева» – 4574 тома;
2. «Библиотека Н.С. Лескова» – 2867 томов;
3. «Братьев Киреевских» – 233 тома;
4. «Из библиотеки Галаховых» – 122 тома

В соответствии с приказом Министерства культуры РСФСР № 145 от 6 апреля 1979 года «О передаче редких книг в основной фонд музея» научной библиотекой выделены и переданы все коллекции книг из личных библиотек писателей, книги XVIII–XX вв. и книги с автографами писателей, а также и прижизненные издания писателей.

Выделить и собрать все книги, относящиеся к редким, в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия помещения. Для приема и размещения новых поступлений в книгохранилище место очень ограничено.

С 1950 по 1974 год в библиотеке по штату был утвержден один библиотекарь. В 1974 году утверждается должность зав. Библиотекой и библиотека IV категории. В связи с тарификацией зарплаты в 1979 году в библиотеке утверждаются две единицы, то есть старший библиотекарь и библиотекарь.

Работники библиотеки не имеют отдельного благоустроенного помещения для работы. Они размещаются в уголке проходной комнаты, снабженной пятью действующими дверями, в которой работают четыре человека сотрудников фондов и музея писателей-орловцев, а также размещаются приходящие и приезжающие читатели. Читального зала нет.

Библиотека располагает справочным аппаратом.

Работники библиотеки принимали участие в подготовке «Библиографии литературы о Тургеневе 1918–1967», издательство «Наука», Л., 1970 и в подготовке словаря «Писатели Орловского края», Орел, 1981 (Л.Е. Максимова).

Библиотекарь Д.А. Кавыршина принимает участие в работе по научному описанию книг мемориальной родовой библиотеки И.С. Тургенева.

В.И. Ильинская-Звонарева

ТУРГЕНЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
В ОРЛЕ В 1917—1926 ГОДАХ*

В Тургеневской библиотеке я работала с конца 1917 года и по август 1926 года.

Возникновением библиотеки можно, если не ошибаюсь, считать 90-е годы прошлого столетия, когда в Орле стали проводиться воскресные чтения для народа¹. Ведал этим «комитет Народных чтений», членами которого была чуть ли не вся трудовая интеллигенция города. Чтения (научно-популярных и художественных книг) проводились в зале Орловской городской Думы, где в настоящее время находится Орловский Драмтеатр им. И.С.Тургенева². На членские взносы Комитетом приобретались книги, которые и послужили основанием сначала читальни им. Тургенева, а затем библиотеки им. Тургенева. Пользование книгами в библиотеке было бесплатное. Читателей было очень много – уч-ся, рабочих, детей. Выдача книг достигала до 500 в день. Библиотекарям всегда охотно помогал кто-нибудь из самих уже читателей. Помещение библиотеки было очень тесное, желающие поменять книги стояли в очереди, которая начиналась во дворе. В это время библиотека занимала помещение на 1-й Пушкирной улице, дом каменный двухэтажный, ворота под аркой и вход в библиотеку был под этой аркой – налево³. Помещение делилось на отделение для взрослых и для детей. Работали два библиотекаря и сторож. Средствами для библиотеки, помимо членских взносов комитета Народных чтений, были благотворительные пожертвования, от-

¹ Бесплатная Тургеневская библиотека-читальня была учреждена Орловским комитетом народных чтений в 1893 году в связи с десятилетием со дня смерти И.С. Тургенева. Открыта 6 (18) июня 1894 г.

² Ныне здание театра юного зрителя (Прим. 1995 года).

³ Библиотека была открыта в доме Куркина (возле очного моста; дом не сохранился). После дома Куркина она располагалась в различных помещениях: Введенская (ул. 7 Ноября), дом Останина; Воскресенская (ул. Гагарина), дом Котоминых; Кромская (комсомольская ул.), дом Жилина; Берег реки Орлика, дом Васильева; Кромская, дом Соломатина; 1-ая Пушкирная ул., дом Картамышева (в настоящее время дом № 8 по 1-ой Пушкирной улице).

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1995. Вып. 6

числения с лотерей, концертов, были и свои меценаты, наиболее активным среди которых был ветеринарный врач С. Живописцев.

Но «городские власти» смотрели в то время на Тургеневскую библиотеку как на «неблагонадежную», что сказывалось особенно и в том, что не давали ей возможности перейти в лучшее помещение.

В 1918 году библиотека им. И.С. Тургенева вошла в сеть городских библиотек Орловского Губнаробраза, как II городская районная библиотека им. Тургенева. И первым делом было подыскание помещения. Мне как заведующей был выдан из ЧК мандат, по которому предоставлялась полная возможность выбрать помещение любое подходящее для библиотеки, но в том же районе города. Коллектив наш остановился на каменном одноэтажном доме – угол 3-й Посадской и Васильевской улиц⁴. В доме было шесть комнат. Три из них были заняты под абонемент и читальню для взрослых; две для абонемента и читальни для детей, шестая для сторожа.

Губнаробраз шел охотно навстречу, во всех наших преобразованиях. Поэтому быстро перешли на десятичную классификацию и карточный каталог. Библиотеку удалось обставить по тому времени достаточно хорошо (скромные читатели говорили даже: «Входишь к вам, как в богатый барский дом»?!). Но в те трудные годы Отдел Народного Образования не мог еще выделить достаточных средств на оборудование и на приобретение книг. Поэтому мы искали различные пути улучшения условий работы. Библиотечную обстановку нам сделала школьная столярная мастерская (где проходили практические занятия школьников). Там были сделаны стеллажи, каталожные ящики и подставки к ним и прочее. Небольшую денежную помощь на оборудование мы получали еще и от штрафов за задержанные книги (1–2 коп. с книги за день просрочки). Организовали работу кружков: ремонта и переплета книг, ликбеза, художественного чтения. При читальне был открыт справочный отдел. Устраивались выставки книг на различные темы. С читателями детского отделения проводились литературные вечера, по содержанию близкие к революционным моментам того времени. Их посещали и взрослые. Но бывали также и литературные вечера, устраивались во взрослом отделении. В них принимали участие (во вступительных докладах) учителя школ.

⁴ Автор допустил ошибку – дом располагался на углу 1-ой Посадской и Васильевской улиц. Дом не сохранился.

Но денег на книги отпускалось очень мало. Поэтому однажды весной 1924 года коллектив библиотеки при помощи артистических сил орловцев устроил платный концерт в пользу Тургеневской и Пушкинской библиотек. Концерт прошел с успехом (в здании быв. 1-клас. гимназии).

В новом помещении была возможность хранить в шкафу читальни наиболее редкие книги, брошюры, рисунки. Там было несколько томов сочинений И.С. Тургенева в прижизненном издании. Был роман «Дым» на японском языке, в ярко-оранжевом переплете. Эта книга была привезена из Японии С. Живописцевым и подарена нам. Стены читальни украшали портреты, в числе их и Тургенева. Один из них, рисованный углем, занимал всю стену. Он был сделан декоратором театра для сцены театра, к литературно-музыкальному вечеру, посвященному столетию со дня рождения Тургенева, осенью 1918 года. Вечер был проведен артистами театра, по инициативе Тургеневской библиотеки и с ее помощью. Этот портрет, рисованный углем, после того как я начала работать в библиотеке, был взят в Тургеневский музей. Многие книги из шкафа, что хранились в читальне, перешли в Центральную библиотеку. Там были книги писателей-орловцев, главным образом, поэтов. Там же хранились книги Германа Юрго, которые он передал нам, уезжая из Орла.

Непростительно упустила сказать о нашем дружном коллективе. Были годы, когда библиотека почти не отапливалась. Стены ее блестели от мороза, особенно по вечерам при ярком электрическом свете. Руки совершенно замерзали от холодных книг. Но работа шла оживленно. Немного погреться можно было только в читальне, куда удалось достать из ГубПродкома маленькую чугунную печь. Но с этим временем связано и одно очень печальное событие. Наша очень юная библиотекарша (Дуня, а фамилию совершенно забыла) сильно простудилась и умерла. И все оттого, что, несмотря на мои уговоры, не хотела уйти домой, хотя пришла в выходной день, по своему желанию.

Было время, когда не хватало продовольствия. Тогда нам удалось раздобыть совместно с детским отделением Центральной библиотеки «угощения» посетителям детской читальни. По вечерам перед закрытием читальни дети получали каждый по кусочку колбасы (ливерной или кровяной) и хлеба. Посещаемость

читальни в то время была чрезвычайная – сидели, за недостатком стульев, на полу, но все с книгами, журналами в руках и в полной тишине. Наша добрая, заботливая сторожиха (латышка Эрна Александровна) не могла видеть такого беспорядка и раздобыла «захватным» путем из помещения Отдела Народного Образования скамью (когда ей отказали по заявлению). Но и этой скамьи было, конечно, недостаточно. Тогда же мы устраивали елку к Новому году для детей нашей библиотеки. Занимали их чтением, рассказыванием, играми. Было и угощение с прибавлением конфет. С удовольствием вспоминаю время своей работы и, конечно, всех своих хороших сотрудников. После работы в Тургеневской библиотеке дольше всех я встречалась и переписывалась с М.Д. Горбачевой. Она умерла весной этого года⁵. Года три тому назад мне написала из Омска С. Власова. Она была очень хорошая, серьезная работница. К нам в библиотеку еще часто приходила помогать С. Голубева, библиотекарь Центральной библиотеки. Она живет в Орле, если не ошибаюсь, в доме библиотечных работников⁶. Вообще в то время работники всех четырех городских библиотек (Центральной, Пушкинской, Тургеневской, Карла Маркса) довольно регулярно встречались на своих общих собраниях и решали общие вопросы и были дружны.

Н.А. Долгорукова

СТРАНИЦЫ «КРАСНОЙ КНИГИ»*

Издательство «Красная книга» было образовано 1 мая 1923 года. Заведующим был назначен Герасимов. Кроме того, при издательстве существовало правление, состоящее из председателя (В.С. Цветаев) и двух членов: Савич заведовал торговым сектором, Францев – издательским. Секретарем правления был Преображенский, сельскохозяйственным сектором заведовал Лебединский, педагогическим – Басов.

⁵ М.Д. Горбачева умерла в 1968 году.

⁶ С.П. Голубева умерла в 1984 году.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1984. Вып. 1

Издательство выпускало популярную крестьянскую библиотеку. Среди авторов – профессор Хитрово, заведующий орловским опытным полем И.Е. Лановой, специалист по животноводству И.Г. Платон. Для подготовки библиотеки были привлечены директор Шатиловской станции Лебедевцев, директор госсемкультуры Лисицын, заведующий опытными полями Н.А. Старицын, К. Вишневецкий, заведующий отделом животноводства Левицкий и другие.

Выпускались в Орле учебники для школ, литература для детей, издавался «Педагогический журнал», орган врачебно-педагогического комитета при институте мозга Орловского педагогического общества (тираж 10000 экземпляров). В зону распространения журнала входили Орловская, Тульская, Брянская, Тамбовская и частично Воронежская губерния.

В состав редколлегии входили: ответственный редактор В.Н. Попов, заместитель редактора В.И. Басов, член редколлегии В.Н. Гантмахер.

В задачи научно-популярной секции входило издание популярной литературы для широких масс по вопросам естествознания, краеведения.

В декабре 1923 года издательству была передана типография «Труд». С 1 января по 1 апреля 1923 года «Красной книгой» было выпущено 40 названий тиражом 245100 экземпляров.

В фонде издательства «Красная книга» сохранились рецензии на книги Францева «Старый рояль» и «Красный Ромуальд», А. Германо «Наша газета» и «Слушали – постановили», Солонович «Охрана здоровья детей в школе, детском саду и детском доме», И.П. Плотникова «Родной язык в комплексе».

С октября 1924 года издательство выпускало журнал «Самообразование» в помощь кружкам в деревне. В состав редколлегии журнала входили М. Францев, К. Гришанов, Н. Лебединский, А. Герман – впоследствии известный писатель А.В. Германо, основоположник цыганской литературы.

При издательстве «Красная книга» на принципе самокупаемости было организовано Бюро распространения и рекламы.

В городах и деревнях бюро имело своих агентов, которые проводили работу по распространению книг, периодических изданий, продаже канцелярских принадлежностей, сбору объявлений

в учреждениях, на предприятиях. В деревнях эта работа проводилась через агрономов, учителей.

Издательство имело свои магазины в Орле, Ельце, Брянске, Курске, Тамбове, Карачеве, Москве.

За 1923–1924 годы было продано изданий «Красной книги» на 104146 рублей.

Среди книг «Овес» Лебединского, «Метеорологические наблюдения над природой в школе» Хитрово, «Жуки в Орловском крае» Беляева, «История средних веков» Виннера, справочник «Орел в кармане».

С 1 апреля 1925 года издательство из ведения губисполкома переходит в ведение губкома РКП(б) и переименовывается в издательство «Чернозем».

Приложение

Фонды облгосархива Орловской области и другие источники, в которых имеются материалы об издательстве «Красная книга».

1. ГАОО, ф. 1498, оп. 1 (ед. хр.).

2. Отчеты Губисполкома РКП(б) XV и XVI губернской конференции РКП(б), 1923–1924 гг.

Н.А. Долгорукова

ОРЛОВСКИЕ ГАЗЕТЫ ПЕРИОДА 1917–1918 ГГ.*

С первого дня Февральской буржуазно-демократической революции по всей стране началось стихийное создание Советов рабочих и крестьянских депутатов как массовых организаций трудящихся. В начале марта 1917 г. возник и Орловский Совет рабочих депутатов.

3 марта 1917 г. состоялось первое заседание Орловского Совета рабочих депутатов, на котором одним из вопросов, вынесенных на обсуждение, был вопрос об издании газеты. На этом заседании постановили издавать газету «Известия Совета рабочих депутатов». Через 6 дней, 9 марта, вышел первый номер «Известий». С 19 марта – это «Известия Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов».

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5

В первом номере напечатано приветствие Петроградскому Совету рабочих депутатов: «Орловский Совет рабочих депутатов шлет вам свой товарищеский привет. Вместе с вами мы будем бороться за полное раскрепощение страны и за организацию рабочего класса». В первом номере мы найдем сведения о составе Совета, о поступивших в фонд Совета денежных средствах от предприятий города, частных заведений, граждан. Здесь же сообщения о выборах в Орловский комитет общественной безопасности, о собраниях, которые состоялись на заводах Хрущева, бр. Кале. На этих собраниях выступали делегаты Совета, рассказывающие о его работе.

В газете «Известия» отражались все события, которыми жила в это время страна. Газета печатала политические статьи, сообщения о действиях Временного правительства, хронику, вести с фронта, возвания, лозунги; имела рубрика «Советы рабочих депутатов в Москве и Петрограде». У газеты был свой лозунг до 11 июня 1917 г. – «Требуем демократической республики», с 11 июня 1917 г. – «Да здравствует интернационал! Да здравствует мир и братство народов!»

Большое внимание газета уделяла событиям в губернии. «Известия» Регулярно печатали материал о работе Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов, сообщали о забастовках рабочих Орла, которые выступали с революционными требованиями: прекратить войну, передать всю власть Советам, установить 8-часовой рабочий день.

Особенностью газет того времени были объявления. Объявления учреждений о режиме работы, объявления всех имеющихся в Орле партий о своих собраниях, заседаниях и т.д. и объявления подобного плана: «Товарищей солдат, едущих в отпуск в деревни, просим заходить в редакцию Известий для бесплатного получения газеты». «Известия» печатались до 25 июня 1917 г. Кроме «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов» в Орле в 1917 г. выходили газеты: «Орловский вестник», «Голос народа» («Слово народа», «Орловский голос»), «Крестьянский вестник».

Что касается других периодических изданий то 28 октября 1917 г. губернский комиссар Временного правительства сообщал военному цензору Орловского губернского пункта, что в Орловской губернии также выходят газеты: в Брянске – «Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «Еврейское дело»

(Брянского городского комитета сионистской организации); в Карачеве – «Голос гражданина», в Севске – «Жизнь» (издания земских управ).

После Октябрьской революции Декретом о печати от 10 ноября 1917 г. государство закрыло все реакционные газеты, активно выступающие против Советской власти.

7–8 февраля 1918 года состоялся 1-й Орловский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который постановил конфисковать губернскую типографию, печатающую кадетскую газету «Голос народа» и правозсеровскую «Крестьянский вестник». Было решено издавать газету «Известия Орловского губернского и городского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов». Эта газета стала выходить ежедневно с 15 февраля 1918 г. Редакция газеты в 1-ом номере обратилась к читателям прийти на помощь Советской власти в новом строительстве, в создании революционного порядка.

В Орле в 1918 г. выходили также газеты: «Орловский вестник», «Социал-демократ», «Голос народа», «Серп и молот», «Пролетарская мысль», «Рабочий и крестьянин», «Коммунист», «Известия Орловского губернского комиссариата по продовольствию», еженедельная «Вестник городской коммуны». Почти в каждом уездном центре была своя газета.

Ливны – «Свободный пахарь» – орган Ливенского уисполкома.

Дмитровск, Болхов, Мценск (до 13 августа 1918 г.), Малоархангельск (со 2 ноября 1918 г.) – «Известия».

Во Мценске с 13 августа 1918 г. газета стала называться «Мценская жизнь».

В Малоархангельске с апреля 1918 до 20 октября выходила газета «Революционный путь».

Вот как оценивала «уездную печать» губернская газета «Известия»: «Теперь все города Орловской губернии (кроме Кром) имеют свои местные газеты. В одних – газеты больше и содержательней, других – меньше и поставлены хуже, но это дело уже второстепенное. Главное не в том, какова газета, ибо нельзя от людей, впервые взявшихся за публицистику, требовать, чтобы газета сразу была блестящей. Главное в том, что газеты есть, что интенсивней стала жизнь, что ярче сказываются культурные запросы..., что появились какие-то высшие интересы, что духовная жизнь проступает сквозь гущу провинциализма и затхлости.

В иных городах, как Елец, Карачев, Ливны – газеты существуют чуть ли не с первых дней революции. Другие, как пресловутый Болхов, дольше всех воздерживались от близости к культуре, но все-таки и они наконец не выдержали и Болхов выпустил уже 8 номеров «Болховских известий».

Недостатков у этих газет («кроме Елецкой»), конечно, много и главный – слабое освещение местной жизни, жизни уезда и уделение большого внимания телеграммам из жизни больших городов, т.е. тому, что можно найти в каждой столичной и в каждой губернской газете. Но все это простительно в этих захолустных местах, ...мы видим культурное начало, пробуждение воли к жизни и к критике жизни, к самосознанию».

Газеты 1917–1918 гг., издававшиеся в Орловской губернии, являются бесценными памятниками истории нашего края.

Н.Е. Беляева

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОРЛОВСКОГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В 1917–41 ГГ.*

В 1917 г. в первые же месяцы Советской власти появляется большое количество издательских учреждений во всех центральных губерниях. В организационной структуре губернских комитетов партии, исполнительных комитетов Советов рабочих и крестьянских депутатов создаются издательские отделы как первые советские издательства на местах.

Главным видом издательской продукции губкомов партии в условиях гражданской войны и интервенции стала листовка как наиболее простая и оперативная форма печатной пропаганды («Спасайте железную дорогу!» 1921 г., «На помощь голодающему Поволжью!», «Чухотка заразительна» 1923 г. и др.). Наряду с листовками большое место в издательской продукции губкомов занимает официально-инструктивная литература (постановления и распоряжения партийных органов, переиздания произведений В.И. Ленина, М.И. Калинина, В.А. Карпинского и др.).

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2000. Вып. 7

Создание отдела печати при губисполкоме Орловской губернии стало первым этапом централизации издательского дела. Следующим шагом на пути централизации издательского дела стало создание Губернского отдела Госиздата (1920–1922 гг.) в соответствии с планом, изложенным на II-ом Всероссийском съезде Центропечати первым руководителем Госиздата В.В.Воровским¹.

Издательская деятельность Орловского отделения Госиздата осуществлялась по следующим направлениям:

- издание сельскохозяйственной литературы. Выходят книги: Платон «Жо́за как молочное животное», Плотников «Картофель и его культура»; его же «Свиноводство», Соколов «Справочник по сельскому хозяйству»;

- издание педагогической серии. В этой серии вышли книги: Раевский «Хрестоматия», Семенов «Конспект лекций по химии»;

- беллетристика (Барышев «Стихи», Лебединский «Неделя», Герман А. «Иисус умер» и др.);

- серия наглядных пособий.

Значительную часть продукции в этот период составляла также общественно-политическая литература (декреты, распоряжения, инструкции, постановления и др.)².

Переход издательского дела на новую экономическую основу неизбежно повлек за собой изменения организационного характера – традиционно сложившиеся отношения между Госиздатом и его отделениями оказались разрушенными. Губернским отделениям была предоставлена хозяйственная самостоятельность, и они были вынуждены задуматься о рентабельности своей работы. Губиздаты реорганизуются в книготорговые отделения, на основе которых возникают самостоятельные издательско-книготорговые организации: «Красная книга» в Орловской, «Основа» в Иваново-Вознесенской, «Книгоиздательское товарищество при губкоме партии» в Курской губерниях.

Обращение к фондам Государственного архива Орловской области³ позволило более подробно ознакомиться с деятельностью издательства «Красная книга». Так, 18 декабря 1922 г. по докладу заведующего Отделением ГИЗа Герасимова Д.А. губком

¹ Кваше Е.В. Становление и развитие местного книгоиздания в 1917–1921 гг.: автореферат диссертации. – М., 1983. – 16 с.

² Кольчицкий А. Издательская деятельность Орловского отделения Госиздата // Орл. правда. – 1923. – 6 февр. – С. 3.

³ ГАОО. Ф. 1498. Оп. 1. Д. 17, 24, 27, 34, 37, 40, 91.

вынес решение о необходимости сохранения в Орле издательства и поручил фракции Губисполкома «войти в соглашение с Наркомпросом о передаче Губисполкому отделения ГИЗа для превращения его в местное издательство».

Такое соглашение состоялось в апреле, с 1 мая 1923 г. отделение переименовано в издательство «Красная книга» Орловского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Заведующим был назначен Д.А. Герасимов, заместителем – И.И. Савич, управляющим культурным отделом – Н.К. Вейсенберг.

Издательство считало своей задачей обеспечить литературой средне-черноземный крестьянский район. Соответственно этой задаче были построены издательский и торговый аппараты. Издательский план в основном распадался на три части: сельскохозяйственная литература (50%), популярная общественно-экономическая (35%), разная (15%).

Первые же месяцы заставили изменить характер работы и перенести центр тяжести в издание учебной, общественно-экономической, научно-педагогической литературы.

Слабая покупательская способность деревни, недостаточная распространенность книготорговой сети, отсутствие книжной работы потребительской кооперации, недостаток средств и учреждений, ведущих просветительскую работу в деревне, заставили ориентироваться на городской книжный рынок и раздвинуть рамки работы.

Издательство стало приспособлять аппарат для работы и на местный, и на общероссийский книжный рынок, поставив задачей сформировать три секции издательского отдела.

1. Сельскохозяйственная секция. В ее задачи входило издавать крестьянскую библиотеку по вопросам сельского хозяйства таким образом, чтобы набор книг в библиотеке в популярной форме дал бы законченные знания по всем отраслям хозяйства и научил бы грамотного крестьянина наиболее прибыльному ведению дел. В 1924 г. вышла серия «Сельскохозяйственная библиотека крестьянина». В нее вошли 52 книжки объемом 1–2 печатных листа ценою в 10–15 копеек по отраслям: земледелие, садоводство и огородничество, общее и частное животноводство, молочное хозяйство, вредители и борьба с ними, ветеринария и организация хозяйства.

2. Научно-популярная секция. В задачи этой секции входило издание популярной литературы для просвещения рабоче-кре-

стьянских масс по вопросам естествоведения, мироведения и краеведения, доведение в популярной, доступной пониманию широких масс, форме научных знаний (Райтман Д. «Форма и движение земли», Беляев В. «Справочник по прикладной энтомологии», Тимирязев К. «Что такое физика и чему она учит»).

3. Научно-педагогическая секция. Ее работой руководило Орловское Педагогическое Общество. Секция делилась на 2 части: учебно-педагогическую и научно-педологическую.

В учебно-педагогической области ставилась задача разработки учебников для деревенских школ ввиду «идеологической непригодности прежних учебных изданий». Издательство выпустило ряд новых учебников: Бухарин Н., Преображенский Е. «Азбука коммунизма», Вахтеров Н. «Новый русский букварь», Горовой С.И. «Первоначальный учебник новой русской грамматики» и др.⁴ Научно-педологическая секция должна была дать ряд методических пособий учителю на основе опыта единой трудовой школы и новейших теоретических достижений по направлениям – педология, педагогика, дефектология, психология, детская литература. В этом направлении были изданы книги: Гришаков Н. «Трудовая школа», «Как изучать ребенка: руководство к изучению ребенка от рождения до трех лет», Дернова-Ярмоленко А.А. «Педагогические основы воспитания».

В музее И.С. Тургенева в архиве орловского писателя А.В. Германо имеются любопытные воспоминания о том, как зарождалась новая литература в нашем городе. Оказывается, помимо книг, журналов и альманахов особое внимание уделял Германо (секретарь издательства «Красная книга») детским книгам. Под его руководством были напечатаны русские народные сказки: «Зимовье зверей», «Мужик, медведь и лиса», сказки Г.Х. Андерсена. Но время наложило свой отпечаток и здесь. Так, произведения М.М. Францева «Старый рояль» и «Красный Ромуальд» были одобрены комиссией отдела детского чтения Наркомпроса, так как «книги знакомят детей с понятием революционной и социалистической борьбы в мирных, добродушных тонах»⁵.

⁴ *Каталог книг, складов и магазинов издательства «Красная книга».* – Орел: Красная книга, 1924. – 24 с.

⁵ *Каталог издательства «Красная книга».* – № 6 (август). – Орел, 1924, 32 с.

Нижеприведенная таблица дает наглядное представление о характере орловской печатной продукции за май – сентябрь 1923 г.:

Отделы	Количество названий	Тираж
Учебники и учебные пособия	14	102.000
Общественно-экономическая литература	5	33.000
Сельскохозяйственная литература	4	11.000
Беллетристика	1	3.000

При издательстве функционировали торговый отдел и бюро распространения и рекламы. Была создана сеть магазинов и складов в Москве, Орле, Курске, Ельце, Брянске, Ливнах, Болхове, в районных центрах губернии.

Но, несмотря на столь активную, развернутую книгоиздательскую деятельность, не все шло успешно: прежде всего, из-за дефицита бумаги, высоких цен на сырье, отсутствия технической базы. Издательство «Красная книга» неоднократно обращалось в Орловский губисполком с просьбой о передаче ему типографии «Орловская правда», которая и была передана в декабре 1924 года. До апреля 1924 года в той же типографии издавалась и газета «Орловская правда». Положение издательства было трудным. Неоднократно оно за долги привлекалось НКВД к ответственности. Политическая ситуация была нестабильной. Выпущенные книги арестовывались, денег на покупку бумаги и выплату заработной платы не хватало. 1 апреля 1925 года бюро Губкома РКП(б) постановило передать издательство «Красная книга» из ведения губисполкома в ведение губкома РКП(б) и переименовать в издательство «Чернозем». Заведующим был назначен И.И. Савич. К сожалению, в ГАОО никакой информации о деятельности «Чернозема» выявить не удалось.

В 1925–28 гг. целенаправленной издательской деятельности в Орле нет. Однако существует большое количество издающих организаций, выпускающих литературу по различным отраслям знаний на базе типографий «Труд», «Парижская Коммуна», «Орловская правда».

14 мая 1928 г. на основании постановления ВЦИК РСФСР была организована Центрально-Черноземная область с центром в городе Воронеже. В связи с организацией этой области была упразднена Орловская губерния и создан Орловский округ. Вся литература в этот период выходит в Центральном Воронежском издательстве. Через 10 лет, 27 сентября 1937 г., была вновь образована Орловская область. В 1938 г. начало свою работу Орловское издательство ВКП(б) и Оргкомитета Президиума РСФСР. Специфика того времени наложила отпечаток на характер издаваемой литературы: «Антинародная деятельность церковников», Гершанок Я., Шибалис М. «Орел – город МОПРовев», Димитров Г. «Единый фронт против фашизма» и др.

Выходила в издательстве литература сельскохозяйственная (Коротких И.С. «В колхозной лаборатории»), разнообразная художественная литература («Песни советской молодежи», «Юность» (лит.-худ. сборник), Джамбул (народный певец Казахстана) «Песни»). В 1938 г., буквально по горячим следам, вышел роман Павленко П. «На востоке», рассказавший о тревожных событиях на дальневосточной границе.

В 1938 г. издательством была выпущена краеведческая серия «Города Орловской области». В нее вошли: «Брянск», «Елец», «Клинцы», «Дятьково», «Орджоникидзеград». Это событие отметил в статье «Патриоты своего города» К.Г. Паустовский: «Хороший почин сделан в Орле. Выпущен ряд небольших книжек, посвященных городам Орловской области... их прошлому, их росту и нынешнему расцвету, их людям и нравам». Хотя писатель и критиковал язык, оформление книг, в то же время он делал основное ударение на том, что «передать облик города, его своеобразие, его пейзаж, описать его как нечто органически целое, а не как смесь разнородных фактов и притом описать так, чтобы вызвать у читателей желание увидеть и изучить этот город, – задача чрезвычайно сложная и благородная»⁶.

В 1940 г. издательство было переименовано в «Издательство Орловского областного Совета депутатов трудящихся» и просуществовало до прихода немцев осенью 1941 г.

⁶ Паустовский К.Г. *Патриоты своего города* // Паустовский К.Г. ПСС: т. 8. – М., 1984. – С. 298–300.

ОРЛОВСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НИВА»*

«Нива» являлась массовым журналом и публиковала много материалов о российской провинции. Наверное, нет такой губернии, о которой не было бы статей на ее страницах.

Для выявления орловских материалов были просмотрены имеющиеся в ООПБ им. И.А. Бунина комплекты журнала, а также указатели к журналу за 35 лет с 1870–1904 гг.

Выявленные орловские материалы можно разделить на три группы:

- история г. Орла, городов губернии, исторические и текущие события в ней;
- материалы об уроженцах края, политических деятелях, ученых, военачальниках;
- материалы об орловских писателях, художниках, музыкантах: публикации их произведений, а также биографии, портреты, статьи о них.

В № 9 журнала за 1876 год опубликована гравюра с видом г. Орла и справка о городе. Этого номера в библиотеке нет, но эта гравюра перепечатана в книге Ткачевского и Лебедева «Г. Орел», изданной в 1927 году. Две статьи посвящены Ливнам («Нива» № 6 за 1878 год и № 28 за 1886 год). К обеим приложены гравюры художника Лосева.

В журнале «Нива» за 1891 год помещена информация о катастрофе на Орловско-Грязской железной дороге. Это случилось 11 ноября 1891 г. На 18 версте от Орла произошло крушение товарно-пассажирского поезда № 5. Со слов «Орловского Листка» и «Новостей Дня» сообщаются некоторые подробности катастрофы:

«Мост, с которого вагоны рухнули в Оптуху, так высок, что если глядеть снизу вверх – кружится голова.

Падая, вагоны перевернулись в воздухе, и поезд упал в воду кверху колесами, и это положение еще более затруднило возможность несчастным выбраться из воды. Картина катастрофы производит угнетающее и очень тяжелое впечатление».

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2000. Вып. 7*

По подсчету железнодорожного начальства, всего в поезде было 105 человек. Из них убито 29, ранено 15. Так как трудно было достать со дна реки трупы, то воду Оптухи пришлось спустить: открыли запруду у мельницы, поставили за мостом забор, чтобы трупы не уплыли, и спустили воду.

Еще об одной железнодорожной катастрофе пишет «Нива» в № 29 за 1882 год. Катастрофа произошла на Курской железной дороге, на границе Тульской и Орловской губерний недалеко от станции Чернь, около деревни Кукуевка. Дождь 29 июля продолжался весь день и сопровождался страшной бурей, поэтому во многих местах железнодорожное полотно было размыто. Поезд № 3, идущий из Москвы, шел быстрым ходом, об опасности машинист предупрежден не был. А между тем насыпь от сырости опустилась, рельсы разошлись одна от другой, и вот здесь-то почтовый поезд потерпел крушение. Десять вагонов с пассажирами разбились вдребезги. По первым исчислениям более 50 пассажиров погибло и до 80 искалечено, так что едва ли остались в живых.

Это было страшное зрелище. А говорят, что катастрофы и крушения происходят только в настоящее время!

В августе 1899 года в Орле состоялся второй всеобщий пожарный съезд. Созывался он для решения назревших вопросов по пожарному делу. В Орел прибыли делегаты из самых отдаленных городов России. Всего на съезд прибыло около 250 человек. Журнал (1899, № 35) публикует фотографию группы участников съезда.

Кроме участия в заседании съезда, его члены совершали экскурсии в местные пожарные дружины. Большое внимание делегатов съезда привлекла сельская дружина графа Павла Евграфовича Комаровского, находящаяся в его имении Городище. Особенность организации этой дружины заключалась в ежегодной смене ее состава. Для опыта в присутствии многочисленных крестьян графом Комаровским была сожжена постройка, и на этом пожаре его дружина показала свое искусство и значительную степень подготовки. В Орле на Кадетском плацу была устроена выставка пожарного инструмента.

А вот событие в г. Кромы. 25-го сентября 1901 г. в городе открылся памятник Царю-освободителю Александру II в ознаменование исполнившегося 35-летия учреждения кромского земства

и 40-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости. В этот день город принял праздничный вид и живописно украсился флагами. В 10 ч. 30 мин. Уездный предводитель кромского дворянства В.А. Шеншин объявил 36 сессию земского собрания открытой.

На торжества в Кромы прибыли исполняющий должность начальника орловской губернии В.В. Бельгардт, губернский предводитель дворянства М.А. Стахович и другие почетные гости. Прошло богослужение в Соборе, а затем торжественная процессия, со знаменами, под звуки оркестра, последовала к месту памятника, где была отслужена панихида по Александру II. После панихиды исполняющий должность начальника губернии В.В. Бельгардт открыл памятник. Сооруженный земством памятник представлял собой бронзовый бюст императора на пьедестале из черного мрамора. На пьедестале надпись: «25 сентября 1901 года. Кромское земство Царю-Освободителю». К статье прилагаются фотографии этого праздника и памятника.

«Нива» за 1894 год печатает оригинальный рисунок профессора Дмитриева-Оренбургского «Переговоры о мире ханского посла Казы-Гирея и князя Хворостинина на мосту реки Сосны в 1593 г.». Переговоры о предварительных условиях мира происходят на «мосту», который представлялся договаривающимся сторонам нейтральной территорией. В залог дружбы царь Федор отпустил к хану Казы-Гирею жену царевича Мурата, умершего в Астрахани, передал ему 10 тыс. рублей и обещал давать столько же ежегодно, да прибавил еще дары в виде шуб и дорогих тканей. Казы-Гирей прислал (летом 1594 г.) шерстную (клятвенную) грамоту за золотой печатью, написанную в весьма дружеских выражениях, и только.

Кроме этих материалов в «Ниве» в 1897 г. (№ 35) опубликована статья с фотографией об орловском доме трудолюбия, а в журнале за 1904 г. (№ 40) групповая фотография офицеров 36-го орловского полка.

Об уроженцах Орловского края в «Ниве» помещены следующие публикации.

На смерть Петра Аркадьевича Кочубея «Нива» в № 3 1893 года публикует небольшую заметку о нем с портретом. Петр Аркадьевич происходил из дворянского рода знаменитого Кочубея и при-

надлежал к числу выдающихся меценатов и крупных общественных деятелей. Он родился 17 июня 1825 г. в Орле, где его отец был губернатором. Образование Петр Аркадьевич получил в Михайловском артиллерийском училище и академии, где впоследствии и преподавал. П.А. Кочубей стоял у истоков создания Императорского технического общества (с 1867 – он товарищ председателя общества, а с 1873 – председатель общества). Он также учредил музей прикладных знаний. Петру Аркадьевичу императором Александром II был подарен замок Мазепы. П.А. Кочубей умер 22 декабря 1892 г. в своем имении с. Згуровка Прилуцкого уезда Полтавской губернии.

В № 13 за 1894 год «Нива» поместила портрет и справку об А.А. Нарышкине. Товарищ Министра Государственных Имуществ Александр Алексеевич Нарышкин происходит из потомственных дворян Орловской губернии. Он родился 16 октября 1839 г. после окончания Петербургского университета Нарышкин служит в качестве кандидата в мировые посредники Орловской губернии. В 1866 году Орловским уездным земским собранием он избран сначала в члены, а затем в председатели уездной земской управы. В 1874 году Александр Алексеевич избирается почетным мировым судьей, а затем назначается исполняющим должность директора департамента Министерства юстиции. В ноябре того же года он возвращается к земской деятельности в качестве председателя Орловской губернской земской управы. В последующие годы Нарышкин поступает на военную службу и участвует в событиях на Балканском полуострове (1876–1877 гг.). После выхода в отставку (6 января 1879 г.) он избирается почетным мировым судьей Орловского округа. Судебная практика Александра Алексеевича была непродолжительна. В 1886 г. он утвержден в должности управляющего государственными имуществами. Затем было назначение Подольским губернатором (до 1894 г.).

В 1903 году 2 мая исполнилось 25 лет ученой деятельности известного врача, почетного лейб-акушера Николая Николаевича Феноменова. Ему и посвящена заметка в журнале в № 20 за 1903 год. Н.Н. Феноменов родился в 1855 году в Ливнах. Там же получил первоначальное образование. Затем он закончил Орловскую духовную семинарию. Высшее образование Николай Николаевич получает в медико-хирургической академии. Будучи сту-

дентом, он участвует в медицинском отряде Красного Креста во время военных действий 1877–1878 гг. Приблизительно тогда же он публикует свои первые научные труды. После учебы за границей молодого ученого приглашают в Казанский университет на кафедру акушерства и женских болезней. Он прожил в Казани 14 лет, здесь приобрел почет и уважение как врач. Затем в 1899 году он был назначен директором Петербургского родовспомогательного заведения и становится профессором женского медицинского института. Имя профессора Феноменова пользовалось громадной популярностью среди ученых-медиков.

28 ноября 1901 года на должность товарища министра финансов назначается В.И. Тимирязев. Василий Иванович родился в 1844 году и происходил из старинного дворянского рода Орловской губернии. Получив высшее образование в Санкт-Петербургском университете, Тимирязев служит в министерстве финансов. В 1886 году он занимает должность вице-директора департамента торговли и мануфактур. Тимирязев занимается разработками таможенных тарифов, работает в совете по железнодорожным делам и т.д. В 1891 году Василий Иванович стал руководить подготовительными работами по пересмотру торговых договоров России с иностранными государствами. Работа эта была им проведена так энергично, что в 1893 году был заключен новый договор с Францией, а затем Тимирязев отправляется в Германию для заключения торговых договоров. За свои заслуги он был назначен членом Совета министров. Таким образом, подчеркивает автор статьи, «новый товарищ министра является лицом, в высшей степени компетентным в своей сфере деятельности» (Нива. – 1902. – № 50. – С. 999).

Дополняет «Нива» наши сведения об орловском краеведе В.Р. Апухтине. О Всеволоде Ростиславовиче достаточно скудные сведения. Он родился 11 февраля 1874 года в с. Бельдино Болховского уезда. Поручик, сотрудник Санкт-Петербургского Археологического института, член Орловской ученой комиссии, В.Р. Апухтин часто приезжал в Орел. Он выступал с рефератом об истории города Болхова на заседании Церковно-Археологического комитета («Орловские Епархиальные Ведомости». – 1902. – № 45. – С. 1811). Затем «Орловские Епархиальные Ве-

домости» (1902, № 46) опубликовали его выступления, а вскоре «Болховская старина» вышла отдельным изданием.

На страницах журнала «Нива» (1904, № 38) находим фотографию Всеволода Ростиславовича. В это время он военный корреспондент на русско-японской войне. Журнал публикует и фотографии Апухтина. Интересен фотоэтюд: крестьянки Орловской губернии в народных костюмах (Нива. – 1904. – № 22).

В конце XVIII века в деревне Каширино Малоархангельского уезда (ныне Колпинянский район) проживал помещик, отставной морской офицер Егор Александрович Кашерининов. Два его сына Наркиз и Пармен также служили на флоте мичманами. Оба они участвовали в Отечественной войне 1812 года. Службу на флоте продолжили сыновья Пармена: Нил, Петр и Александр. Нил Парменович вышел в отставку в чине капитана первого ранга, Петр Парменович – капитана второго ранга. Александр Парменович после окончания морского корпуса долгие годы находился в дальних походах, в том числе и в кругосветных плаваниях. В 1910 году в чине вице-адмирала он занимал в Одессе должность члена правления Русско-Донского пароходства. В Малоархангельском уезде он имел небольшое имение Луговое (ныне пос. Калуга). Вице-адмирал Кашерининов был страстным меломаном и коллекционером. В его собрании была скрипка Страдивари 1710 года. Эта скрипка в конце 20-х годов была конфискована органами ВЧК и передана в государственную коллекцию СССР, где и хранится до настоящего времени, об этом был материал Н.М. Чернова в «Орловской правде». Единственный сын адмирала Александр, тоже морской офицер, погиб в Порт-Артуре в 1904 году. Его портрет помещен в журнале «Нива», № 39 за 1904 год.

Говоря о морских делах, следует назвать портрет капитана третьего ранга К.К. Юрасовского, погибшего в 1904 году (Нива. – 1904. – № 6).

Из других материалов несомненный интерес представляет портрет и справка о Николае Яковлевиче Данилевском – публицисте, естествоиспытателе, первом исследователе орловской флоры (1886, № 2), о генерале Ермолове (№ 47 за 1887 год).

Все названные статьи свидетельствуют о том, что журнал «Нива» не должны обходить своим вниманием исследователи Орловского края.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ. 1919–1940 ГОДЫ*

Сведения о развитии г. Орла и губернии содержится в справочных изданиях, периодически выходивших в Орле.

В 1919 г. выходит «Орловский губернский справочник», потребность в котором, как пишут авторы, назрела давно. По сути дела, это издание продолжает традиции «Памятных книжек Орловской губернии». Над его созданием работала специальная редакционная коллегия, которую возглавляли Б.М. Волин и секретарь «Орловских известий» поэт Е.Г. Сокол. Предполагалось, что справочник станет настольной книгой каждого советского работника, и с этой целью в него включены сведения о центральных советских учреждениях Москвы с прямыми телефонами, адресами, с режимом работы и приема граждан. Справочник очень демократичен, т.к. указывает прямой телефон кабинета председателя ЦИК Я.М. Свердлов. В него включен и календарь революционных событий: общемировой и за год Советской власти, от октября до октября. По своей структуре он напоминает православный церковный календарь с перечислением всех святых.

Губернский справочник разбит на две части: Орел и уезды.

Сведения по городу Орлу даны в таком порядке: Губисполком, Горисполком, а затем другие учреждения – военные, почтовые, железнодорожные, коммунальные, торговые, образовательные. Сведения включают наименование учреждений, телефоны и адреса. Самое примечательное, что адреса указываются с пометкой, что находилось в этом здании до 1917 года.

Например:

Губисполком – Садовая, дом бывших присутственных мест.

Совнархоз – Тургеневская ул., бывший Новый дом Губернского Земства.

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2000. Вып. 7*

Особенно в этом плане интересна торговля. Указываются все бывшие владельцы магазинов.

Мануфактурный магазин № 1 – Гостиная, бывший магазин Конькова.

Магазин художественный – Болховская, бывший Шмидта.

В это время стали образовываться первые артели, кооперативы, трудовые общества. Поражают их названия. Например, Орловская трудовая артель буфетного дела «Молодой муравей», кооператив трудовой помощи «Муравей», первый орловский кооператив назывался «Увечный воин»

Конечно, многие адреса в справочнике неточные, ибо учреждения постоянно переезжали, менялись адреса и телефоны. Многие учреждения, как пишут авторы, не дали сведений о себе. Отсюда пробелы в справочнике. Однако этот первый справочник является ценным источником для изучения истории г. Орла и губернии в первый год Советской власти, динамично и ярко отображает процесс становления новой власти, содержит богатейший фактический материал.

Настольный календарь-справочник по Орловской губернии выходит в Орловском отделении Государственного издательства в 1922 г. под редакцией заведующего издательством Д.А. Герасимова, секретаря издательства, поэта И.И. Селихова и писателя А.В. Германо. Это издание многим схоже со справочником 1919 года и общей частью, и адрес-указателем. Но есть и здесь ряд отличий. Этот справочник более полный. Отличается календарь, в котором есть два ряда: первый рабоче-крестьянские праздники, второй – православные.

Адрес-указатель календаря более полный, чем в справочнике 1919 г. Помимо того, что указывается адрес, телефон и что было раньше в этом доме, даются краткая справка об учреждении и имена руководителей предприятий.

Например:

Губком – Гостиная ул., дом бывшего Соединенного Банка. Секретари Губкома: тов. Шевяков, тов. Попов, тов. Францев.

Горком – Берег реки Орлика, здание губкома. Ответственный секретарь Киселев А.И.

Губкомсомол – Берег реки Орлика, здание губкома. Секретарь тов. Ф.Т. Найденов.

Губернский музей – Борисоглебская ул. Заведующий Ткачевский П.С.

Орловская Государственная Электростанция – Новосильская ул., д. 31. Заведующий электростанцией Баранов Е.А.

Здесь же приводятся сведения об оборудовании электростанции:

- а) Шведский дизель Поляр в 550 лош. сил,
- б) Немецкий агрегат дизель-динамо в 450 лош. сил,
- в) Коломенский дизель в 120 лош. сил, для которого заказан вал на Коломенском заводе и т.д.

В справочнике обозначены трамвайные маршруты и техническое освещение депо.

1) Вокзал – Ильинка, Губбольница – № 1;

2) Новосильская – Ильинка, Кромская площадь – № 2.

Всего имеется 26 моторных вагонов, из которых 16 находятся в действии, десять ежедневно в движении и шесть в ремонте и т.д.

Календарь выходит во времена НЭПа. И, естественно, здесь широко представлена частная торговля, артели, практикующие частные врачи.

Очень ценно, что в справочнике указываются фамилии должностных лиц, руководителей предприятий, торговцев, врачей и т.д., но, к сожалению, нет именного указателя. Это еще бы повысило его ценность.

Третий отдел календаря публикует краткий социально-экономический очерк о кооперации в Орловской губернии за 20 лет, о народном образовании за советский период, краткий очерк торговли (общие сведения до революции и после) и очерк о состоянии коммунального хозяйства губернии.

Начиная с этого издания, большое место отводится рекламе государственных и частных учреждений.

В 1925 году в издательстве «Красная книга» выходит справочник «Орел в кармане». По сравнению с календарем справочник очень сильно сокращен. Здесь нет имен, нет справок. Нет частных магазинов. Остался только перечень частных врачей.

В это время начинается процесс переименования улиц города Орла. В справочнике дан перечень переименованных улиц.

Старое название	Новое название
Алексеевский переулок	Переулок имени Энгельса
Алексеевская ул.	Красноармейская ул.
Болховская ул.	Улица им. Ленина
Воскресенский пер.	Володарский пер.

В Орле, по данным справочника, было около 30 гостиниц, номеров, постоянных дворов, столовых. Например, гостиница и ресторан «Коммуналь» находился по адресу Кооперативная, 11. Это та гостиница, которую взорвали орловские партизаны в 1941 году. На Борисоглебской находилась гостиница и ресторан «Дом Крестьянина». На Комсомольской – несколько постоянных дворов Аболмазова, Ахулкова, Давыдова, Пахомова, Свешникова.

Традиционно в издание включена краткая историческая справка об орле.

Для тех, кто интересуется историей налогообложения, справочник будет интересен тем, что здесь есть сведения о подоходном и промысловом налогах, о местных налогах и сборах.

В 1930 году в издательстве «Орловская правда» выходит справочник «Весь г. Орел». Он очень похож по структуре на издание 1925 года. Сравнивая их, можно проследить изменения, которые произошли за 5 лет.

Продолжается переименование улиц. Если в 1925 г. переименовано 16 улиц, то в 1930 году – уже 64. Исчезают постоянные дворы и номера. Исчезает гостиница «Дом крестьянина» на Борисоглебской. С 1925 года остается только гостиница «Коммуналь», теперь она гостиница № 1.

Если в 1925 году было 3 музея (Музей-библиотека им. И.С. Тургенева, Губернский музей, Историко-революционный музей), то в 1930 году их уже 5.

В конце справочника дан план г. Орла на 1930 год.

В связи с образованием Центрально-Черноземной области выросла насущная потребность в справочной книге, в которой были бы объединены в одно целое различные сведения об истории,

экономике, природе, культуре и быте бывших Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской губерний.

В 1929 году в издательстве «Коммуна» в Воронеже выходит справочная книга «ЦЧО». В ней характеризуется общий облик ЦЧО. В статьях «Революционное движение ЦЧО», «Прошлое ЦЧО», «Промышленность ЦЧО», «Местный бюджет ЦЧО» и т.д. Содержатся сведения и по Орловскому округу.

Здесь даны краткие сведения о городах Орел, Мценск, Ливны, Новосиль, Кромы и др. Книга проиллюстрирована, есть виды городов ЦЧО, фотографии писателей-орловцев – Тургенева, Фета, музея Тургенева.

В 1930 году выходит «Справочная книга. Г. Орел и Орловский район» на 1931 год. Как пишут авторы справочника, «это первая попытка сделать сельсоветскую и районную статистику». Издание начинается статьей И.И. Лебедева «Прошлое г. Орла». Иван Иванович – один из авторов книги «Г. Орел» 192г года. Авторы в ней обещали написать специальную работу, посвященную экономическому развитию города. Статья и является частью этой работы. Затем опубликован экономико-статистический очерк г. Орла и Орловского района руководителя статсектора Петикова. Большое место в справочнике отводится статистическим таблицам по «Территории и населению», «Народному образованию», «Здравоохранению» и т.д. Есть краткие адресные сведения. Отличие этого справочника в том, что здесь есть сведения по Орловскому району, помещены виды г. Орла 30-х годов.

В 1934 г. ЦЧО разделена на Воронежскую и Курскую области. Орловский район стал районом курской области. В 1935 г. в издательстве «Курская правда» вышла справочная книга «Курская область». Справочник состоит из двух частей. Первая часть посвящена экономике, образованию, природе области. В главе «Достопримечательности» есть материалы об истории Сабуровской крепости с ее фотографией, об усадьбе Тургенева Спасское-Лутовиново. Вторая часть посвящена районам и городам области. Справочник построен так, чтобы дать самые необходимые сведения о территории, населении, экономике, культуре каждого района. К описанию прилагается карта района. Есть небольшие

справки и о городах, таких как Болхов, Кромы, Дмитровск, Ливны, Мценск, Новосиль и Орел.

В октябре 1934 г. была начата работа над справочником «Районы Курской области», а к январю 1935 г. была собрана информация о 60 районах, в число которых вошли и районы нынешней Орловской области. Справки систематизируют сведения о природе, культуре, экономике и быте районов. По сравнению с предыдущим справочником дается более широкая информация со статистическими данными. Есть статья, посвященная городу Орлу.

Все перечисленные издания чрезвычайно интересны. Они помогут проследить все изменения, которые происходили в общественной, хозяйственной, культурной жизни г. Орла, губернии и области в предвоенные годы. С их помощью можно определить местонахождение тех или иных государственных и общественных организаций, даты образования районов, получить статистические сведения.

А.С. Захаров

СВЯЩЕННИК ИОАНН ЛУКЪЯНОВ И ЕГО ПУТЕШЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ*

В 1862 году в «Калужских епархиальных ведомостях» было напечатано сочинение «Путешествие в святую землю московского священника Иоанна Лукьянова 1701–1702 гг.». Тогда же оно вышло отдельным изданием.

В следующем году эти записки, но с другого списка, были помещены в первом номере исторического журнала «Русский архив», издававшегося при библиотеке московского историка и библиофила А.Д. Черткова. Редакция журнала сопроводила их следующим комментарием: «Рукопись Путешествия была приобретена в Орле для С.А. Соболевского при распродаже книг, оставшегося после какого-то старообрядца еще в 1853 году».

Нам неизвестно имя орловского владельца рукописи. Старообрядцев в Орле было немало. Одним из них мог быть Д.И. Басов, продавец старинных книг и рукописей, оставивший нам интересный документ – рукописную историю города Орла (1838). К сожалению, осталось неизвестным и имя купившего рукопись и переславшего ее библиофилу С.А. Соболевскому...

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5*

Свое путешествие старец Леонтий (Иоанн Лукьянов) начал из Москвы. Путь его лежал через Калугу, Болхов, Орел, Кромы, Севск и далее в Иерусалим. Во время остановок он записывал свои впечатления о том или другом населенном пункте, в котором приходилось ему бывать.

Таким образом, здесь представляется возможность познакомиться глазами путешественника начала XVIII века с городами Орловской губернии, стоявшими на его пути, и самим городом Орлом.

Отдельное калужское издание «Записок», как и «Русский архив» 1863 года, крайне редки, они отсутствуют в областной библиотеке, и поэтому мы решили поместить их в нашем альманахе, но не полностью, их текст обширен, а то, что относится к Орловской губернии¹.

С. 29. «Генваря противу пятого числа к нощи поидохом от Белева к Болхову со орлянином Евсеем Басовым, а в ту нощь стало морозить; зажары (провалы от ростепели – А.З.) были великия, нужно сильно было идти. И приидохом в Болхов утре на первом часу дни рано на празнество Богоявления господне и пребыхом тот день в Болхове весь до нощи, и нача нас той орлянин к себе в гости на Орел звать; нам же не по пути с ним ехать, но обаче не послушахом его любви, поидохом до Орла с ним. Град Болхов стоит на Нугре на левой стороне на горах красовито; град деревянный, ветх уже, церквей каменных есть от малой части; монастырь хорош, от града якобы поприще; рядов много; площадь торговая хороша; хлеба бывает много, а дровами сильно довольно; люди в нем невежи, искусу (от слова искусство – А.З.) нет ни у мужеску полу, ни у женска, не как Калуга или Белев, свое меры дулепы (дулебый во Владимирской и Рязанской губерниях значит косой, разноглазый – А.З.). От Белева до Болхова – 40 верст.

Генваря в 5 день в нощь противу Богоявениева дни в шестый час нощи поидохом из Болхова на Орел и нощь всю ту идохом; нужда была великая, степь голая, а змять была большая и мразь был велик; больно прозябли. И генваря в 6 лень, на праздник Богоявления господня, приидохом в град Орел в самый выход, как вышли со кресты на воду; и стахом у боголюбца у посадского человека Нила Басова, и той боголюбец был в те поры на воде, а когда пришел с воды, и зело нам обрадовался, и учредил нам

¹ Печатается без изменения орфографии.

трапезу добрую, а коням овса и сена довольно. Покуда мы у него стояли в его доме – все нас поил и кормил, и коней наших; боля любве не возможно сотворить, яко же Авраам страннопришелец. И сведаша про нас боголюбцы, начаша нас звать к себе в дома своя и покоить нас; спаси их бог, добрые люди! миленькие орляне. А люди к церквам зело усердны и часто по все годы ездят в Киев богу молиться и с женами и с детьми; и с нами многие хотели идти в Иерусалим, да за телесными недостатками не пошли.

Град Орел стоит на Оке реке в степи на низком месте на левой стороне; град деревянный ветх уже, жильем не многолюден; пристань соленая и хлебная зело велика; матица хлебна, Орел-река сквозь градское жилье течет и пала во Оку с левой стороны; лесом и дровами зело нужно; церковей каменных много; монастырь мужской зело хорош, ограда каменная. И перебыхом на Орле 5 дней. От Болхова до Орла 5(?) верст.

Генваря в 11 день заутра рано поидохом с Орла на Кромы и того же дни приидохом в Кромы, и тут мы обедали. И зело около Кром воровато; мы очень боялись. Град Кромы самой убогой; нет в нем и базару; люди в нем зело убоги; шереш нагольный (шереш в Тамбовской губернии – замерзшая грязь, по которой трудно ехать, – А.З.), а что кочевые татары живут – избенки зело нужны. И тут един хлеба и поидохом в Комарицкую волость; зело была замать велика, ветры были противные, нужно было коням и самим посидеть нельзя, а егуньета лошадей то своих погоняют, не малехунка не сноровят, беда с ними ехать; много греха принял, неблагоприятно было на них, коней у нас злодеи постановили. И доидохом Комарицкую волостию от Орла до Севска три дни.

И генваря в 14 день приидохом в град Севеский и стахом у боголюбца; мы же подахом ему грамотку от орлянина Евсея Басова, а мы ему незнаемы; и когда прочел нашу грамотку, сотворися нам знаем и приятель, и зело нас с любовию принял и сотвори нам трапезу пространну, и созва своих сродников и приятелей, и возвеселился с нами; и во второй день поиде с нами к воеводе с грамотою царскою к Леонтию Михайловичу Коровину с товарищем; и воевода, прочтя царский лист, спросил у меня, что де тебе надобе? Подвод де что ли? И я ему сказал, что у нас свои кони есть; я мол, я к твоей милости пришел объявиться; что в листе к тебе писано мене zde не задерживать, что zde город порубежной. И воевода мне сказал: поезжай, бог де тебе на помощь! Смирный человек воевода.

Изыдохом из дома воеводского. Тойже господин в третий день токожде созвал к себе сродников и друзей и приказных людей и учреди нас трапезой пространною и послужи нам добре, и медку было довольно, такову нам любовь сотворил; яко же истинный сродник; и все нами радел, всякою нуждою пекся, и промышлял и напутствовал, и в таможене печать пропускную взял, и проводника нам дал дорогу указать. Спаси его бог за его любовь! Дивный сей человек! Ажно есть у бога-то еще добрых то людей много.

Град Севск стоит на реке на Севе; град деревянной, другой острог дубовой, третий земляной; град хороший Севск вельми; ряды и торги хороши, а люди в нем живут все служивые, мало посадских, и московские есть стрельцы; все люди тертые, зело доброхотны и приветливы; тут и деньги всякие меняют, чехи и талеры на московские. И пербыхом в Севске 2 дня. От Орла до Севска 108 верст».

Закончены на 33 странице.

В.Е. Лаврушин

ОРЛОВСКИЙ КРАЙ В ЗАПИСКАХ В. ЗУЕВА*

В 1787 году в Санкт-Петербурге, при императорской Академии Наук вышли «Путешественные записки Василья Зуева от С-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году». Автор записок Василий Федорович Зуев (1752–1794) родился в Петербурге в семье солдата, учился в Академической гимназии на казенном содержании. В 1768 году, несмотря на юный возраст, был взят в Сибирскую экспедицию академиком. П.-С. Палласом, который посылал его в самостоятельные задания по наблюдению и исследованию окрестностей р. Оби вдоль к ее низовьям, а оттуда к берегам Северного Ледовитого океана, в район Карской губы. Путешествие Зуева протекало в трудных условиях, но он проявлял большие организаторские способности, подробно описал природу края, собрал ценные этнографические сведения о народностях Севера.

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1986. Вып. 4*

В 1774 г. Зуев был командирован от Академии для усовершенствования знаний за границу. Он слушал лекции в двух знаменитых университетах – в Лейденском и Страсбургском. По возвращении Зуев за диссертацию «О переходе животных из одной страны в другую» произведен в 1779 г. адъюнктом Академии. В 1781 г. Академия поручила Зуеву возглавить экспедицию по южным провинциям России до Херсона и Крыма. В 1783 году Зуев был привлечен к работе комиссии об учреждении народных училищ, был редактором журнала «Растущий виноград», издававшегося при Главном народном училище. В 1787 году Зуева избрали академиком. В последние годы жизни он много болел, длительные экспедиции и тяжелая обстановка, в которой ему приходилось работать, подорвали его силы, в 1794 году скончался.

«Путешественные записки...» В. Зуева представляли большой интерес для широкого круга читателей. Увлекательно описано все достопримечательное, что встретилось на его пути. Приведены исторические и статистические данные о различных местностях, сообщены сведения, касающиеся быта, образования, нравов и верований жителей, дано наружное описание днепровских порогов, курганов. Рассказывал путешественник о своих встречах с непризнанными изобретателями и любителями науки. Сочинение Зуева обогатило науку новыми сведениями по физической и экономической географии не только малоисследованных южных, но и центральных губерний, в том числе и по Орловской. Описаны Мценск, Болхов, Малоархангельск, Ливны, Елец, Карачев, Кромы, Брянск.

«Город Орел бывший прежде провинциальный Белгородской губернии, ныне с 1778 года наместническим учиненный, – читая у Зуева, – стоит в пространном логу между окружающими его невысокими горами по обе стороны рек Оки и Орлика... длиною будет версты на четыре, а шириною на две.

Строение в городе по большей части деревянное простирающееся числом до 2872 домов, из коих каменных имеется 54, да деревянных на каменном фундаменте 85; сверх того питейных домов 27, соленых амбаров 4, каменных лавок 7. Публичного строения, наместнический дом, большой, деревянный, на каменном фундаменте и подле него такие же семь корпусов для присутственных мест, все ныне на время по берегу Оки выстроенные, покудова на горе пониже города отстроются каменные. Церквей всех каменных и деревянных двадцать, из коих многие с придела-

ми и при том в том же числе два монастыря, мужской и женский, оба каменные; в первом, по штату числящемся в третьем классе, находится 12 монахов, а в последнем 17 монахинь. Жителей всякого звания, купцов, мещан и других здесь жительствующих считается 7762 души. – Город разделен на три части самыми теми реками, кои посередь его протекают: на Московскую, которою из Тулы в город въезжают, на среднюю или Кромскую, между Окою и Орликом находящуюся, и Заорлицкую по левую сторону реки Орлика лежащую. Все оные части сообщаются между собою деревянными мостами. Улицы все почти кривыя, вымощенные камнем и множество переулков. Укрепления снаружи нет никакого кроме начатого в прошедшем году с Московской стороны рва и вала, назначенного вести вокруг всего города, чрез которой по Московской дороге между предместием и городом сделан прекрасной каменной мост.

Река Ока составляет главнейший промысел здешних пахотных жителей, но промысел по причине близости вершин и малости впадающих в Оку рек, Цона, Орла, Орлика и Рыбницы весьма ограниченной: ибо Окою сплавливаются по большей части на судах произведения плодородного здешнего наместничества и сплавливаются в известное только время, или весною в большую воду, или когда Хвастливая мельница, повыше города стоящая, за благо рассудит, которая принадлежит графу Головкину и служит в летнюю пору, когда Ока река пересыхает, вместо склюз, так как и Орлик, запираемый в двух местах для большого сбережения воды двумя плотинами содержимыми из казны. Ока берется от города верстах в 70 из зыбкого места выходя двумя родниками, после вскоре в один ручей соединяющимися; по чему как место сие, так и село, подле сего верховья стоящее, называют Очки или Оки, откуда и название свое Ока получила. Здесь под городом хотя она делается уже нарочитою рекою, но вода, для поднятия судов довольноная, бывает или только весною, или когда заперев плотины в ней и в Орлике накопится; за оное скопление воды купцы спускаемых или поднимаемых судов должны платить хозяину Хвастливой мельницы особо по уговору.

Таким образом отправляют купцы отсель на судах хлеб, пеньку, сало, щетину и кожу, масло. Которые скупают в самом городе и в уезде: а прочее воск мед, шерсть, привозят из Малороссийских городов; сухим же путем гоняют скот до Москвы и Санкт-

петербурга; равным образом и некоторые товары нередко отвозят гужем до Гжатской пристани или и до Твери. Обрато привозят на судах как из столичных городов заморские товары, так и из наместнических по Оке лежащих, наипаче лес, тес, лубки и прочее, кои отправляют в нужные лесом города Курского наместничества и в Малороссию: так что сей город можно почти назвать серединою торговли между Российскими и Малороссийскими городами, наипаче Воронежского, Курского, Тульского и Калужского наместничеств; по чему и о жителях должны бы заключить, что они богаты, однако несогласие между собою и зависть, будто сорожденные Орлянам, препятствовали им до сего времени достигать сего блага. – Из внутренних промыслов кроме необходимых в общем житии немногие имеют фабрики; мыльные, кожевенные, полотняные, а более всего канатные, коих канаты доставляют в Воронеж, в крепость св. Димитрия и другие украинские места. В уезде содержат некоторые помещики конского и рогатого скота заводы. В городе один раз в неделю бывает съезд, где нужные вещи, привозимые со всего наместничества покупаются и закупаются на наличные деньги.

Зима здесь начинается, смотря по замерзанию рек, с ноября и декабря месяцы и продолжается по март, иногда же и по апрель месяц.

Город имеет герб представляющий крепость с двумя по сторонам башнями и одними посреди воротами, над коими сидит одноглавый с распростертыми крылами орел с короною на верху.

Жители почитают его довольно старинным городом, хотя известий, кем и когда он построен, не имеется. Некоторые важные несчастья, как то конечное его от Литвы разорение в 16 столетие доказывает, что он был уже и прежде того. Потом претерпел он много во времена первого самозванца Димитрия по нехотению жителей признать его истинным царевичем сего имени; также и после того немало несчастий приключалось сему городу во время браней с Польшею и от набегов Крымских Татар.

Укрепление с начала он имел острог на левом берегу реки Орлика, где по сказкам жителей показал место сидевший на дереве орел, от которого и имя городку сему, сказывают, было дано, а другие напротив того уверяют, что он прозван от реки: но после разорения от Литвы перенесен на самый мыс между устьем Ор-

лика и Оки, где, как видно несколько и поныне, перекопан был земляным валом».

...На кожаном корешке моего экземпляра «Путешественных записок Василья Зуева...» внизу оттиснуто: «генерал-аудитор-лейтенант Петр Хлебников № 0 1887». Эта книга находилась в известной Хлебниковской-Анчуринской библиотеке, которая состояла из обширного собрания редчайших книг по русской литературе в лучших изданиях, старопечатных книг, газет и периодических изданий XVIII столетия и в первую очередь газет петровского времени; рукописей, гравюр и пр. К моменту издания «Путешественных записок» основателя библиотеки Петра Кирилловича Хлебникова уже не было в живых – он скончался в 1777 году, библиотекой владел его сын Николай Петрович Хлебников, который умножил ее. После него собрание перешло по наследству к Дмитрию Марковичу Полторацкому, а от него – к известному библиографу Сергею Дмитриевичу Полторацкому, затем основная часть библиотеки (кроме сравнительно немногих книг и рукописей, перешедших к А.Д. Черткову, графу А.С. Уварову, Ф.Г. Чистоклетову и стародубскому книгопродавцу Неронову) была куплена Московским Публичным музеем.

[В.П. Алексеев]

ОРЕЛ И ОРЛОВСКИЙ КРАЙ В 1813—1814 ГГ.*

В 1838 году в г. Эслингене была издана, а в 1912 в г. Лейпциге издателем Хорстом Колем переиздана книга неизвестного вюртембергского офицера «Поход 1812 года». Во время плена бывший офицер наполеоновской армии проезжал через города Орловского края Ливны, Елец, Орел, село Богдановку. Впечатления об этих городах, быте и нравах русского народа он образно описал в своих воспоминаниях. На русском языке эта книга не издавалась. Орловские страницы этой редкой книги в своем переводе нам любезно предоставил директор Брянского краеведческого музея **Владимир Петрович Алексеев**.

* Опубликовано: *Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2000. Вып. 7*

Ниже публикуем этот текст.

... Около 100 пленных саксонских офицеров из бригады Кленгеля... получили от Курского губернатора известие о возвращении на Родину.

Эта новость радостно ошеломила нас, немцев, так как давала и нам надежду на скорое освобождение. Французы очень сомневались в правдоподобности этого известия и зло издевались по этому поводу.

От сельских жителей мы должны были переносить много обид. Они честили нас именем «французы», с обычной приставкой «собака» или «сукин сын», и считали нас за язычников, которыми мы в их глазах были, потому что они не видели, чтобы мы крестились, и не носили креста, который каждый русский носит на груди. Из-за этого наше положение было не очень приятным, так как зачастую в деревнях нам отказывали в необходимой поддержке даже за деньги.

Жители городов выказывали больше цивилизованности и были рассержены, когда мы предлагали им деньги. Всеобщая ненависть против того, что называлось «французом», не уменьшалась. Эта неприязнь поддерживалась их священниками и убедительно внушалась как достойное религиозное деяние. Это отчасти объясняется разрушением их священного города Москва, которое они необоснованно ставили нам в вину. Чтобы избавиться от этих мучений, я купил за два пятака металлический крестик, повесил его на шею так, чтобы каждый его видел, и прежде чем съесть что-нибудь крестился по русскому обычаю. Эта невинная хитрость делала чудеса. Теперь я получал все, что желал, и часто бесплатно. Они сожалели, что такой добрый христианин, как я, вынужден жить среди этого языческого народа. Их частые выкрики: «Ты христианин», «Ты угоден Господу», «Брат! Ты не француз!» подтверждали их плохое мнение о французах. Позже, когда я стал немного разбираться в их языке и мог понимать необходимое, то уже не имел причин жаловаться на жестокое обращение и, как правило, всегда встречал взаимность.

Мы продолжили наш дальнейший путь в Ливны, располагавшиеся всего в нескольких часах от губернского города Курска.

В городке Ливны произошел несчастный случай, который мог иметь для нас грустные последствия. Утром, в час, уставленный для выступления, мы собрались на большой площади,

на которой стояла церковь, чтобы, как это обычно делается, разместиться по повозкам. Половина подвод, приглашенных из окрестных мест, опаздывала. В этот промежуток времени некоторые из нас пробрались в церковь. Русские посчитали подобное нечестие их дома Господня за осквернение и безбожное преступление. Один священник, увидев это, поднял шум, и через несколько минут мы были окружены толпой в несколько сотен жителей, которые вначале обрушили на нас все мыслимые оскорбительные слова, которыми русский язык особенно богат, а после начали бросать в нас камни. Тут некоторые французские горячие головы схватились за палки или за что другое, что можно было мгновенно использовать как оружие, поэтому драка стала всеобщей и серьезной. Конвоирующему нас русскому офицеру и его команде стоило больших усилий навести некоторый порядок среди рассвирепевших крестьян, что предотвратило смертные убийства, которые непременно должны были стать следствием этого дела. Восемь французских офицеров и, наверное, столько же жителей были тяжело ранены. Около 50 других пострадали более или менее тяжело.

Во время этой драки, привлеченные ужасным шумом, собрались все жители городка и недвусмысленно давали понять, что они с большой радостью послали бы всех нас к праотцам. Русский офицер со своей командой должен был употребить большие усилия, чтобы не состоялось второе нападение и с трудом умирил бушующих. Раненые офицеры направились к начальнику этого места, чтобы пожаловаться ему. Это был старый отставной офицер. Я из любопытства сопровождал их туда. Вместо ожидаемого удовлетворения он принял их жестоко и покрыл посланцев проклятиями и ругательствами. Потом он плюнул перед каждым жалобщиком поочередно с таким сопровождением: «... мать шельма». После того как этим истинно русским способом отвел свою душу, он высказал патриотическое желание: «Я хотел бы, чтобы мои крестьяне перебили всех сразу собак-французов!» и повернулся к господам спиной.

Этот оскорбительный урок имел своим результатом то, что они стали предусмотрительнее. Я должен еще присовокупить, что как пленным им разрешались такие свободы, которые при других обстоятельствах никоим образом не были бы возможны, а вызывали бы на себя неприятности, оскорбления или даже

побои. 21 ноября 1813 года мы достигли города Ельца на реке Сосне. Русские праздновали один из своих праздников. Тут перед нами предстало одно зрелище, привлечшее всеобщее внимание. Перед большим домом города сидели, невзирая на значительные холода, молодые русские женщины в самых лучших нарядах, на элегантных креслах, перед их ногами лежали пестровытканые ковры. Каждая из этих девушек была так чрезмерно украшена, что походила больше на раскрашенную куклу, чем на человеческий образ. Они сидели неподвижно, как статуи, и, казалось, с большой охотой позволяли любопытным разглядывать себя.

Наше мнение о причинах этого импозантного явления сначала разделилось. Сладострастные французы посчитали их за веселых девочек и шутовствовали с приятными словами и шутовскими непристойностями в надежде, что эти невинные красотки примут излияния восторга. Скоро мы поняли, что в старой России в городах долго господствовал обычай, по которому каждая девушка-горожанка в эти праздничные дни показывались публике во всем своем великолепии, чтобы доказать, что она готова к замужеству. Однако на самом деле было трудно без близкого знакомства выбирать, так как девушки из-за чрезмерно наложенных румян и белил были похожи друг на друга, как лакированные деревянные куклы.

На следующий день мы переправились через реку Дон и, миновав город Липецк, 29 ноября 1813 г. прибыли в Тамбовскую губернию, определенную как наше место пребывания. [В конце 1813 года вюртембергские офицеры были освобождены из плена. – В.А.]

...В январе 1814 г. из городов Пензы, Саратова, Саранска выехали также другие вюртембергские офицеры в направлении на Белосток. Благодаря русскому обычаю путешествовать зимой, мы ехали очень быстро, и, несмотря на короткие зимние дни, мы оставляли ежедневно позади себя две, а иногда и три станции. Мы ехали по этим необозримым равнинам непрерывным галопом, как на крыльях. Так мы проехали через города Козлов, Липецк, Елец, Ливны, Дросково и достигли 7 января губернского города Орла, где у нас была двухдневная остановка. Было воскресенье, и перед многими домами сидели, невзирая на злейшие морозы, разукрашенные девушки, желавшие выйти замуж, про которых я упоминал еще раньше в городе Ельце.

Орел – один из самых хорошо построенных городов России. Его гостиницы превосходны, но всегда имеют свои особенности, рассчитанные на вкус русских. Посреди комнаты для гостей стоит на раскаленной закрытой подставке огромный чайный котел с четырьмя или больше трубками, который день и ночь, испуская пар, обеспечивает чаем множество людей. Чай, в который подливают ром или крепкую водку, – любимый напиток русских и в этих северных местностях заменяет вино. В соседней комнате – столовой – столы прогибаются под тяжестью жареных поросят и птицы всякого рода. Для насыщения самого голодного достаточно одной порции жареного тетерева, дикой утки или половины поросенка, но для русского желудка это было бы сущей мелочью. Для утешения слуха гостей служат пение канареек и звуки шарманки, которую попеременно крутят слуги.

10 января путешествие продолжилось через Богдановку, Давидовку, Крапивну, Трубчевск в город Погар. Одновременно со мной был транспорт русских рекрутов из внутренней России. Возглавлявший его капитан Дмитрий Машаров предложил мне делить с ним ночлег и стол и, как он выразился, провести день нашей стоянки весело. Этот русский был человеком веселого нрава и приветливым, как это часто встречается только среди этого народа. Его гостеприимство не имело границ. Группа татарских танцовщиц, которая как раз в это время занималась в Погаре своим искусством, задержала нас до полуночи, пунши не сходил со стола. Это общество состояло из восьми персон женского пола цветущей юности. Они танцевали попеременно по четверо, в то время как другие пели в такт в сопровождении балалайки.

Не знаю, чему более удивляться: или же сильным голосам, выведившим песню, или же удивительной ловкости выводимых танцевальных движений. Все мускулы тела двигались в такт, а кончики пальцев едва касались пола. Это было редкое наслаждение. Я видел раньше отличнейшие балетные танцы, но они едва ли достигали такого совершенства. После того как мой гостеприимный капитан угостил танцующих граций севера пуншем, он отпустил их, весьма щедро одарив. На прощание этот сердечный человек подарил мне дорогую меховую шапку для путешествия и засушенный цветок незабудки, который он взял из своей карманной книги с просьбой хранить память о нем. Его местом назначения была Варшава.

Как об особой достопримечательности, которая мне встретилась на пути, стоит отметить следующее: в большой деревне Богдановка я познакомился со старцем 140 лет. Он был сам начальником этого селения, сохранив силу и совершенно здоровый рассудок. Я видел, как он сам писал распоряжение на квартиру и замену лошадей без очков и без малейшей дрожи в руках. Ни одного седого волоса нельзя было найти в его длинных волосах, а его зубы были лучше, чем у крепкого 70-летнего старца. Он рассказывал, что прослужил при Петре Великом 30 лет солдатом, участвовал в Полтавской битве 1709 года, после которой, будучи драгунским унтер-офицером, много дней со своим полком преследовал Карла XII. Присутствовавший при этом деревенский священник, бегло говоривший по-латыни, подтвердил правдивость его сообщения. Людей обоего пола от ста и более лет можно найти в каждой деревне России.

...13 февраля 1814 года без особых происшествий мы благополучно прибыли в Белосток – последний русско-польский пограничный город.

[В.М. Катанов, В.Г. Сидоров]

ОРЕЛ И МЦЕНСК В 1839 ГОДУ (ИЗ ПУТЕВЫХ ПИСЕМ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО)*

Известный русский славист, филолог и этнограф Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) вырос и воспитывался в Харькове, где его отец был профессором Харьковского университета. Закончил Харьковский университет, с 1837 года адъюнкт-профессор этого учебного заведения. В 1839 году отправился в путешествие по славянским странам. С 1847 года – профессор Санкт-Петербургского университета, с 1851 – член Российской Императорской Академии наук. И.И. Срезневский является основателем петербургской школы славистики. Он инициатор и редактор «Известий» и «Ученых записок» отделения русского языка и словес-

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1995. Вып. 6

ности Академии наук, автор трудов «Мысли об истории русского языка», «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», «Славяно-русская палеография» и др.

Во время путешествия регулярно писал письма, которые после его смерти были опубликованы в журнале «Живая старина» за 1892–1893 годы, а затем изданы отдельной книгой в 1895 году.

Письмо из Мценска 23 сентября 1839 года перепечатано из журнала «Живая старина» – 1892. – Вып. 1. – С. 54–56.

№ 3. Мценск 7-й час утра.
23 сент. 1839 г.

Я только что во Мценске, еще в 120 верстах от Тулы, еще далеко от Москвы, – и дай Бог ко вторнику быть в Москве. Но сами посудите, милая Маменька: выехавши в среду ночью из Курска, я ночевал в четверг на пятницу в 23 верстах от Орла с тем, чтобы утро провести в Орле; выехал вчера после обеда из Орла и на ночь приехал сюда с тем, чтобы хоть несколько часов утра провести здесь, чтобы осмотреть все любопытное. Если Бог даст, выеду отсюда часу в 11-м, то на ночь опять приеду в Тулу и надобно будет провести хоть утро завтрашнее в Туле. Вы видите, милая Маменька: медленность моего странствия не от меня, а от расстояния городов, через которые проезжал. Сказать ли же Вам что-нибудь об Орле? Орел, если подъезжать к нему из Харькова по проселочной обводной дороге, мимо кирпичных заводов, имеет по виду сходство с Харьковом, когда на него смотришь из-за кирпичных заводов: только нет такой колокольни, и церквей в Харькове гораздо менее. Въедете в него, и Вас встречают – гадкая мостовая, по которой скачешь, как сумасшедший, нечистота и толпы народа, движущегося туда и сюда, как на ярмарке. И так по всему городу, между тем есть в Орле полицмейстер и нет и не бывает никогда ярмарки. Приехавши на станцию, я напился чаю и пошел к извозчикам; взял одного и велел везти себя по городу. Лучшие улицы Болховская и Московская: на Болховской более вывесок, а на Московской более лавок, тут же и гостинный ряд и базар – и крик, шум, брань, хохот, едут телеги, кибитки, коляски, дрожки, инженерный офицер, гусар, губернаторша, едут с яблоками, арбузами, виноградом, калачами, тряпьем. Гостиниц пропасть: есть

и Берлин, и Лондон, и Саратов, и Венская, и для приезжающих, и Европа и чуть ли даже не Австралия. Из лавок я заметил больше всего овощных и стеклянных. Лавчонок маленьких столько же, сколько яблок, которые в них продают. Я сказал, что лучшие улицы – Болховская и Московская; впрочем, не по красоте вида; мне лучше нравится Садовая, где перед каждым двором широкий палисадник, а на площади бульвар (= Липки) и за бульваром к Оке городской сад, довольно большой, не совсем чистый, но на чудесном месте. Дома большею частью деревянные, обитые тесом и выкрашенные желто-кирпичною краскою, а каменные большею частью уродливы, как курицы бесхвостые: лучший дом есть дом дворянства. Что до церквей, то между ними есть старого покрою, а некоторые отличаются изяществом архитектуры наружной и внутренней. Лучшая по красоте – Архангела Михаила, в которой есть и чудотворная икона Божьей Матери страстной, усыпанная жемчугом и драгоценными камнями. Лучший вид на город с колокольни церкви св. Никиты. Самая занимательная колокольня – при церкви Покрова. В мужском монастыре, где и Архирейский дом, девять монахов, а на кладбище тут же памятник Барону Корфу, бронзовый на гранитном пьедестале. В женском монастыре до 200 белиц, занимающихся разною работой. Что же еще сказать? Цена извозчикам в час 60 коп., как в Курске; кички у баб с рожками на передке подобраны вверх, между тем как в Курске рожков нет, и кроме кичек повойники, покрытые платками, распущенными сзади по спине вроде мантильи, чего нет в Орле; калачи, которых не видел по дороге до Орловской губернии, хороши, только отзываются дегтем; отседа и отседа слышите вы на каждом шагу; и т.д.

Только что собрался было идти по Мценску, как дождь – первый дождь, какой я вижу в дороге. Теперь-то пригодится мне моя бурка и башлык, хотя, впрочем, башлык много потерпел, как вообще все, что у меня было клеенчатого. Впредь буду умнее: надобно сверх клеенки еще какую-нибудь наволоку из толстого полотна или чего-нибудь подобного: тогда клеенка не будет ломаться и рваться. Впрочем, не подумайте, милая Маменька, что мне приходится бедовать; ни мало, – и вообще, – что будет далее, то Бог даст, а доселева все было хорошо. Мало-помалу привык к

страннической жизни и нахожу ее довольно удобною. Мальчик мой спит, ест, чистит сапоги, бережет мои вещи, когда я отлучаюсь. У него на руках или, лучше сказать, в руках медные деньги, – и когда я однажды захотел их взять у него сонного, то он и мне не дал; спит, а деньги держит крепко. Иногда он мне мешает, но мало, и то только когда едем; но ведь добро не без худа.

Дождь, сказал я, помешал мне гулять по Мценску. Впрочем, ненадолго. Несмотря на небольшую слякоть, я довольно удобно побывал всюду, где мог надеяться найти что-нибудь для себя замечательное, даже снял в Мценске 4 вида. Мценск стоит на Зуше, и Зуша вся покрыта баржами, и народу пропасть. Большая улица довольно чиста, украшена хорошенькими домиками, не хуже Болховской в Орле, только чище, а мостовая такая же гадкая. Пред нею бульвар. Другие улицы грязные, может быть, потому, что дождь шел. Деятельность народа подобная Орловской, видно, что город Русский, город, населенный народом, играющим целую жизнь роль хозяев и гостей гостиницы на большой дороге. Церкви все или прекрасные, или старинные. Собор стоит на горе и занимает собою с погостом всю верхушку горы, на которую есть только один въезд, а то все тропинки очень крутые. Выстроен превосходно и очень велик. Покамест готова только паперть с двумя приделами. В этом соборе есть чудотворный образ св. Николая, резной из камня, чудный и даже, можно сказать, страшный, и кроме того животворящий крест, тоже каменный. Сказывают, что и образ и крест приплыли по Зуше и остановились у колодца подле горы. Церковь тогда была деревянная. Образ поставили было в ней, а потом перенесли через реку в Воскресенскую, – что же: на другое утро образ сам собою очутился в Николаевской. И так было несколько раз. В прежнее время носили образ по домам, теперь запрещено. Носить было тяжело, камень огромного размера, но угодник, говорят, помогал, и было легко. Самые старинные церкви во Мценске – Петра и Павла и Михайловская. Кроме того, есть еще очень старая часовня с образом Кирика и Улиты, в день их служат в часовне молебен, на который собирается все духовенство крестным ходом из монастыря, лежащего у самого города.

Еду. Прощайте, Маменька, – до Тулы.

Великий князь К.К. Романов в Орле

В 3–6 номерах журнала «Советский музей» за 1992 год опубликованы отрывки из дневников Великого Князя Константина Константиновича Романова (1852–1915), известного русского поэта К.Р. В своих дневниках К.К. Романов упоминает о посещении им Орловского Бахтина кадетского корпуса в качестве начальника военных учебных заведений России. Дневники проиллюстрированы фотографиями Великого Князя в различные годы жизни. Одна из таких фотографий оказалась в семейном альбоме орловского архитектора Олега Владимировича Левитского, отец которого в 1906–1917 годах был офицером-воспитателем в Орловском кадетском корпусе и членом фотографического общества. Возникло предположение, что этот снимок сделал Владимир Владимирович Левитский, О.В. Левитский обратился к зав. отделом Государственного архива Российской Федерации З.И. Перегудовой, которая подготовила дневники к печати, а просьбой сообщить дополнительные сведения о пребывании К.К. Романова в Орле.

Ниже мы публикуем материалы, полученные из архива.

Уважаемый Олег Владимирович!

Большое спасибо за информацию и теплое письмо. Извините за задержку с ответом. Вы поставили в письме несколько вопросов, которые требуют времени.

Во-первых, хочу сообщить, что вел. кн. Константин Константинович почти ежегодно, а иногда и несколько раз в год объезжал кадетские учебные заведения. Он очень любил молодежь, и сам был обожаем кадетами. Неоднократно он посещал Орловский кадетский корпус, о чем имеются сведения в его дневниковых записях, об этом он писал своей любимой сестре Ольге Константиновне, греческой королеве.

В 1962 г. в Париже вышла книга «Сборник памяти вел. кн. Константина Константиновича, поэта К.Р.», в которой имеются письма К.Р. о Ольге Константиновне с упоминанием о посещении Орловского кадетского корпуса. Сообщаем отдельные выписки из этой книги.

«11 мая 1900 г.

Сегодня в шесть часов утра был на подъеме кадет, теперь иду на уроки. После обеда еду в Орел, оттуда в Полоцк, а там в Вильну, Псков и домой».

«13 мая 1900 г.

...Здесь, в Орле, та же история, что и везде, те же радостные кадеты, не хотящие меня отпускать, выпрашивающие на память мои окурки, спички и пр. Конечно, самая большая прелесть – это маленькие. Здесь, в Орловском Бахтина кадетском корпусе, в двух младших ротах самые маленькие по росту в то же время первые ученики в своем классе, одному – только 10 лет».

«23 января 1901 г.

...мечтаю в конце февраля съездить в Москву дней на десять и побывать в двух-трех провинциальных корпусах, например, в Орле или Полтаве или Полоцке».

«6 февраля 1901 г.

...27 – мечтаю ехать в Псков, Полоцк, Полтаву и Орел, в корпуса. В каждом пробуду не более двух дней, а на обратном пути остановлюсь на неделю в Москве...»

«18 февраля 1901 г.

...На будущей неделе поста (третьей) постараюсь уехать из Петербурга, сперва в Полоцк, куда надеюсь взять с собой Полиголина. Он сам бывший кадет-Полочанин, и мне хотелось бы, чтобы он был свидетелем торжества, когда старое корпусное знамя, которое и он носил кадетом, остававшееся почти сорок лет без значения, будет вынесено перед строй кадет. То же празднество я устрою в Полтаве, Орле и двух Московских корпусах».

«27 февраля 1901 г.

...Там мы проведем двое суток, он поедет домой, а я с генералом Бутовским и адъютантом Драшковским в Полтаву, орел и Москву».

«10 марта 1901 г.

...хотелось писать из Полоцка, и из Орла, и из Полтавы, но нельзя было.

В Орле отстоял Крестовую всюнощную и на другой день – обедню».

«15 апреля 1907 г.

...выехав, как было предположено, 26 марта, посетил Киев, Орел и Полоцк».

К сожалению, авторы сборника, возможно, что-то напутали в датировках, так как иногда даты писем и записи в дневнике не совпадают.

Сообщаем Вам содержание страниц дневника К.Р. от 8 июля 1906 г., где сообщается о знакомстве Великого князя с Вашим отцом:

Суббота. 8 июля.

В вагоне между Орлом
и Киевом, на ст. Конотоп,
Черниговск. губ., 9 июля.

В ночь на 8-е прибыли в Орел. Оставался в вагоне, старом знакомом, Сибирской ж. д., в котором разъезжаю по России с 1900 года. Праздник моего Тифлисского полка, и я рад, что был в его форме; у меня с собою только китель, не взял даже орденов... Рыков, директор, в отпуску и приехал из ст. Чернь только к моему посещению. – Познакомился с молодыми воспитателями, недавно поступившими – Остоцким, Офросимовым и Левитским; все трое обещают стать хорошими воспитателями. – Один из самых маленьких кадетиков – Воля (Всеволод) Веселаго – сын воспитателя корпуса, славный шустрый мальчуган. Самый крохотный, перешедший во II класс Толя (Анатолий) Горохов – я прозвал его «горошком» – совсем маленьким лишился матери и теперь у него злая мачеха, а отец живет в Орле. Мальчик умеет сигнализировать двумя красными флагами. – Был в лагере и Коля Хомический, с которым год назад мы ехали от Орла до ст. Знаменки. Я его не узнал – так он вырос и возмужал...»

Посылаем ксерокопии записей 12–14 декабря 1914 г. В дневнике указывается, что заинтересовавшая Вас фотография была выполнена кадетом Браугаузенем. То же самое указывается в вышеназванной книге. Публикуя фотографию в сборнике, авторы указали, что фото для сборника предоставлено Браугаузенем, кадетом выпуска 1915 года.

В архиве сохранилось 65 толстых тетрадей по 150 страниц с дневниковыми записями К.Р. В связи с большим объемом дневников провести работу по выявлению интересующих Вас сведений не представляется возможным.

По вопросу о месте хранения фонда Орловского кадетского корпуса рекомендуем Вам обратиться в местный архив и Государственный военно-исторический архив (Москва, 2-ая Бауманская

ул., д. 3), возможно, что они смогут дать более квалифицированный ответ.

Что касается детей великого князя, уехавших за границу, сообщаем, что Гавриил умер в 1955 г, Татьяна приняла монашество, была известна как игуменья Тамара, умерла в возрасте 70 лет в 1970 году.

Младшая дочь великого князя Вера Константиновна, 1906 г. рождения, до прошлого года знаем, что она была жива и жила в одном из пансионатов США, кажется, в Калифорнии.

Что касается изданий произведений К.Р., то в 1991 г. вышли два сборника стихотворений: «Константин Романов. Избранное», Москва, изд. «Советская Россия»; «Вестник света и Бесы русской литературы», Москва, 1991 г. В настоящее время в Петербурге готовится биография вел. кн. Константина Константиновича, канд. Наук Кузьминой Л.И. Предполагается издание его дневников, хотя здесь имеется одна сложность: вел. князь в завещании указал, что его дневники можно опубликовать через 100 лет после его смерти, с разрешения одного из членов царствующего дома.

Возможно, что отдельные отрывки дневниковых записей будут печататься в исторических журналах, в связи с чем не могли бы Вы прислать в архив небольшую биографическую справку о Вашем отце с указанием даты жизни, и, может быть, у Вас имеются какие-либо сведения об упоминаемых в дневнике воспитателях.

С уважением, Зав. отделом ГА РФ З.И. Перегудова

Москва, 1993 г.

Записи в дневнике 12—14 декабря 1914 года

В 10 уехали в Орел

Пятница

12 декабря

(Орел, 13 дек.). Рано утром прибыли сюда. Но мы тронулись из вагона только в 9 и по обыкновению в пустом вагоне трамвая доехали до корпуса. За директора, который вследствие опасной болезни сына еще в Петрограде, меня встретил новый инспектор Кн. Вадбольский. Обошел до кадетского завтрака классы двух старших рот, в после – остальные. Кадеты приветливы, доверчивы. Офицеры тоже делают приятное впечатление. Вице-фельдфе-

бель – маленький невзрачный Тимофеев. Запомнился и понравился мне. В выпускном классе – стройный, сильный, со славными глазами Николай Михайлов, собирающийся в моряки.

(Вагон. Харьков). В Орловск. к-се было очень хорошо, служащие офицеры делают отличное впечатление своей благообразной внешностью, выдержкой и отношением к кадетам, которые ими довольны. Меньше всего мне понравился временно заменяющий Орловский Бахтина кад. корпус директор – инспектор Кн. Вадбольский: в нем мне показались какая-то искательность и льстивость. Кадеты – прелесть: это сама откровенность, приветливость, доверчивость. Они мягки, послушны, жизнерадостны. Давно при посещении корпуса не проводил я столько времени с кадетами, как в Орловском. Помещаясь по-прежнему в лазарете, я должен был проходить в корпуса мимо 1-ой роты, каждый раз идя от себя или к себе, я бывал окружаем веселою толпой кадетов, которые часто караулили мое появление и провожали меня по коридорам. Весь день был в корпусе со служащими и кадетами, в классах, в столовой, в рекреационных залах, в церкви на всеобщей. Со мною повар и столовался я как дома. К обеду приглашал по очереди заменяющего директора, ротных командиров, старших воспитателей, помощника инспектора Сорокина, законоучителя, стар. врача, преподавателей. Потом ходил к губернатору Андриевскому, но застал только его жену. Ко мне являлся мой питомец Черниговский гусар Валентин Грицевич, а накануне был вице-губернатор Галахов с дочерью Кирой. Уже не так легко, скоро и много запоминаю кадетов.

Орел.

Воскресенье.

14 декабря

Чувствую себя хорошо. Удалось выспаться, продержать корректуры, взятые с собою и присланные из Петрограда. – Певчие в церкви пели хорошо и стройно, но, кажется, в прежние годы пение было лучше: это, может быть, оттого, что на этот раз из-за эпидемической болезни в 4-ой роте хор был не полный. – После обеда был парад, в сборном зале, а потом опрос претензий, у служащих офицеров, штатных преподавателей и нижн. чинов. Снимались группами и с офицерами и с кадетами. В 3-й роте по-

нравился мне славный мальчик Коренев, в IV-м классе Митя Чевский, хотя из дворян, но совсем простенький, крестьянски-наивный. – Кадеты 1-й роты, преимущественно Бракагузен, то и дело снимали меня корпусным аппаратом и с кадетами, и в классе, и в лазарете, и одного. – Благодаря частому общению с кадетами, не было у меня чувства сожаления, что мало вращаюсь в их кругу, а скорее чувствовалось пресыщение.

Орловские письма (от нашего корреспондента)

В объятиях полей

Орел – типичный российский городок центральной полосы, пыльный, грязный, какой-то неумытый и непричесанный.

По городу и население – вялое, ленивое, медлительное, как будто у всех страшно много времени, которого просто некуда девать, а потому и нечего спешить.

Не спешат нигде. Не только в личных, но и в общественных делах. Заседания всегда открываются со значительным опозданием, нередко откладываются за отсутствием кворума.

Почему такая тишь, почему такая медлительность? Разгадать не трудно. Выйдите куда-нибудь на место повыше, и сразу вы увидите со всех сторон бегущие в город поля.

Ни фабричных труб, ни рева сирен, ни завывания заводских гудков.

Основное население до революции было: дворянство, чиновничество и мещанство: торговое и ремесленное. Дворянство и чиновничество исчезли, но мещанство осталось грязное, неумытое, дикое, некультурное.

По городу – население, но и по населению – город. Несколько приличных домов, построенных себе на потребу дворянами и крупными царскими чиновниками, а все прочее население ютится в домах без водопроводов, без уборных, купаясь в грязи, если вообще купается, ибо общественных бань очень мало, а если и есть, то вряд ли, пользуясь ими, достигнешь цели.

Есть ли это разруха, результат гражданской войны? Конечно, отчасти причина неустройства – в нашей всероссийской разрухе, но только отчасти.

В «старину» живали точно так же и не испытывали большой потребности в мыле и воде, нежели сейчас.

И между тем, Орел и Орловская губерния – край, могущий гордиться всероссийскими именами. Отсюда происходят и Тургенев, и Фет, и Андреев. Орловцы и теперь еще показывают приездим «Дворянское Гнездо», описанное Тургеневым.

Конечно, культура была, но культура тепличная, ютящаяся в дворянских усадьбах, без размаха, без охвата.

Дворянские усадьбы жили сами по себе, а город губернский цвел тоже сам по себе, составляя своеобразный комбинат из нескольких дворянских гнезд городского пошиба и множества мещанских особняков с геранью на окнах, но без клозетов и водопровода.

В городе отсутствовал настоящий грибок культуры – машинная, фабрично-заводская промышленность.

Город стиснут и прижат со всех сторон лугами и полями, и нет у него сил освободиться от их усыпляющих объятий, раздаться вширь, прогнать их далеко от себя гигантскими корпусами фабрик и заводов, нарушить тишину дворов резкими и буйными гудками и сиренами, рассеять чары его лунных теплых ночей озорными сияющими огнями электрических огней.

Таков Орел – губернский центр одной из наших губерний-житниц.

Таков он сейчас. Но таким он не останется. Ибо революционный грибок завелся в его консервативно-мещанской благодати, и три тысячи коммунистов-кротов подрывают изнутри его живучее, несмотря на все грозы и бури революции, мещанское житие.

Бывает, конечно, и так, что кто-нибудь из этих тысяч не устоит против мутных чар благоуханного болота. Бывает... Но тогда ряды размыкаются, извергая попавшего под болотные чары, затем снова смыкаются и еще дружнее принимаются за свою кровтовую работу.

Огромна и исключительно тяжела работа всех этих кротов.

В городах и всяех федерации, в шумных столицах гремят витии в страстных спорах о пролетарской культуре.

А тов. Ленин, как всегда просто и как всегда не в бровь, а в самый глаз кинул:

– Бросьте о культуре... Хоть бы самая что ни на есть буржуазная грамота была бы.

И действительно, революция стерла старую дворянскую культуру в наших «рассейских» городах, точно пыль щеткой, осталось чистое место. Буржуазной культурой просто некогда было обзавестись за неожиданным упразднением самой буржуазии.

И на чистом месте насаждают культуру единственные своеобразные наши культуригеры-коммунисты. Их сев падает на чистую, свежую почву.

Их энергией загорается «неестественный свет», их напором по жизни начинают реветь и стонать моторы электростанций, сельскохозяйственных машин, пробуждается от спячки вековечная тишина.

Их энергией загорается новая жизнь и в нашей Орловской губ. Она уже загорается. Но об этом в следующий раз.

Н. Валиевский
(«Правда», 1923 год, № 153)

[Л.В. Иванова]

СТРАШНЫЙ СОН*

Поэма о В.И. Сафоновиче и его окружении

Валериан Иванович Сафонович был орловским губернатором с 1854 по 1861 г. В своих воспоминаниях он предстает как человек честный, болеющий душой за свое дело. П.И. Кречетов называет его тихим, очень умным и образованным человеком. Меж тем в ГАОО обнаружена обличительная поэма о правлении В.И. Сафоновича. Сохранилась она в одном из дел фонда орловской губернской мужской гимназии. Поэма переписана рукой гимназиста со множеством орфографических и пунктуационных ошибок. Над некоторыми фамилиями и именами, упоминающимися в тексте, стоят комментарии преподавателей. Листы с текстом перепутаны. Публикуем текст поэмы, обнаруженный, реконструированный и прокомментированный (по Памятным книжкам и архивным документам) сотрудником ГЛМТ Л.В. Ивановой.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2000. Вып. 7

В кабинете

Не мал я, не велик,
А так себе старик.
Порою я кричу, порою тих бываю,
Порой места даю и взятки принимаю.
Я правды не терплю, люблю один обман;
Зато теперь набит мой боковой карман...
Мои права при мне, они святей закона,
Кто больше мне пришлет – служи тот от короны.
Мне Зубов¹ нипочем – на что его Правленье?
Он только нужен мне – исполнить предложение.
Хоть с адом я веду давно большую дружбу,
Но мне пришла пора идти к нему на службу.
Вот я послал туда вперед секретарей,
Потом исправников, а после и судей,
Всех частных приставов и с ними городничих,
Потом и окружных, и наконец лесничих.
Всех стряпчих-подлецов, в цепях и под конвоем
Послав с квартальными и барабанным боем,
Мордовина² прогнал квартиры занимать,
А сам скорей займусь отчеты составлять.
Тогда поспешно я, наевши крест на шею,
Безмолвно явлюсь сам с отчетом к Асмодею.
Я знаю, что он зол, но ведь Креста боится,
В испуге бросит взгляд и с злобой удалится.

В аде

Вот к аду прибыл я и, перейдя порог,
Со страхом ожидал, что скажет адский бог.
– Прочь, изверг! Сними крест – в досаде кричат черти.
«Нет, братцы, не сниму! Замучите до смерти!»
– Ну, дай скорей отчет, вскрикнул дьявол грозно,
Как смел ты опоздать и так явился поздно?
И как повесил крест, когда слуга ты ада? –
«Великий Асмодей! ведь это мне награда,
Что честно я служил и наблюдал законы,
Несчастных не кидал без должной обороны».
– Мерзавец глупый ты!.. Да помнишь ли, скотина,
Что ты продал себя давно за два алтына:

Шесть лет душа твоя кипит в огне геенны,
Я отпуск тебе дал, пожить еще в вселенной,
А ты повесил крест, изменник хитрый, подлый,
Ты проклят на земле по жизни беззаконной.
А помнишь, как ты брал с невинных, виноватых,
Как обижал сирот и грабил все палаты.
Как ты ломал закон, как покрывал поступки
Доказанных убийц? – и ты играл как шутки
Слезами горести лишившихся домов.
От рук злодейственных утерян их покров.
Ты алчал, как злодей, твои поступки в мире
Проникли в ад ко мне и ждут твоей могилы.
Связать его! В котел – пускай кипит со мною,
И в тартар опустить с проклятою душою.
И целый сонм быков вокруг меня предстал,
С змеиной радостью весь ад загрохотал.
Добычу новую устроить суетились,
Но вдруг, увидя крест, все раз поуспомились.
– Что ж стали вы? – воскликнул в гневе бес,
«Не смеем подойти». – А что на шее крест,
Так сзади как-нибудь схватите,
Петлю за шею (зачеркнуто – за полу) привяжите
К столбу позорному его,
И прочь уйдите от него, –
И долго, долго суетилась
Вся свита адская за мной:
Но завладеть ей не случилось;
Куда с крестом ни обернусь,
Отскочит дьявол от меня,
Петлей попробует, коснусь
Крестом, развяжется петля.
И вот не стало уж терпенья
Чертям ловить меня с крестом;
И все бесовское уменье
На деле стало нипочем.
В бессильном гневе отдыхая,
Цепями страшными гремя,
Разинув рты, бросая пламя

Вокруг несчастного меня,
Бесовский круг затих, смирился.
И к Сатане он обратился.
Вот посылает адский бог
На небеса свое прошение,
Что душу грешную не мог
С крестом отправить на мученье.
И вдруг архангел Михаил
Слетел с небес на бездну ада,
Ко мне он грозно возопил:
«Ты изверг, – вот тебе награда!
Ты мучил на земле людей,
Ты слезы проливал невинных,
Ломал закон царей старинных,
За деньги ты давал места
Людям бессовестным и низким,
Людей достойных никогда
Не защищал участием близким?»
И грозно огненным мечом
Лишил тогда земной награды.
Он снял мой крест и уж потом
Отдал меня в мученье ада.
И, проклиная жребий мой,
На небо с славою пустился...
И был повсюду слышен вой,
Как таргар в бездне затворился.

На лоне Сатаны

«Приди, мой друг, ко мне, приди в мои объятия,
Давай помиримся и будем с тобой братья.
Ну, поцелуй меня, мы будем жить с тобою
Друзьями вечными и общемо душою.
Да ты ведь не знаком? Рекомендую брата
С прекрасною душой, он прямо от Пилата
С тех пор, как предан был Спаситель за людей,
Иудушка, мой друг! подвинься потеснее,
Ну, сядь, Валерушка, покрепче, повольнее.
Вот так, ну, хорошо!.. а где же твой закон?

Держи ты под рукой, ведь дорог тебе он», –
Так дьявол говорит, при первом зачислень
Меня в друзья к нему, словами утешенья.
«Не бойся, милый друг, тебе тут славно будет:
Всегда тепло у нас, огонь нас не забудет,
Порою жарко здесь, но то ведь без привычки.
Сидим, Валерушка, читай свои странички,
Не жмись, Иудушка! Сиди ты помирнее.
И деньги все при вас, живите поладнее.
Ты держишь кошелек, а ты держи свой том.
Вам нечего делить, ведь общий у вас дом.
Да что вертишься ты, Валерушка – мой друг?»
– Мне жарко здесь, мой дед: захватывает дух.
«Пустое, братец мой! Законы ведь с тобою.
Скажи, который там?» – Да все они со мною.
«Ну, видишь, мой дружок! Так нет ли там статей,
Чтоб было тебе здесь немного холодней?»
– Я пить хочу, мой дед! – «Ну, прихоти какие.
Здесь, брат, никто не пьет, мы, знаешь, не земные.
У нас ни пива нет, и нет земной водицы.
А может, хочешь ты растопленной смолицы?
Иудушка! Ты чем-нибудь займись...
С соседом, новичком пока разговорись.
А я теперь сосну. – Фу, пропасть, что такое?
Да ты какой чудак! Мне не даешь покоя.
Чего, безумный, ты горланишь благим матом?»
– Ах, я горю, мой дед! – «Ну кто же виноват!
Ты совесть всю продал, ты не внимал моленью
Людей обиженных – и вот тебе мученье!»
Вот смолкнули друзья в коленях Асмодея,
И Сатана заснул, от ада пламенея.
Заплакал горько я, судьбину проклиная,
Что я попал сюда, лишен блаженства рая.
Но, слышу, мой сосед толкнул меня рукою,
Мне шепотом сказал: «Теперь ведь ты со мною.
Скажи мне, мой сосед, за что сюда попал?»
– Так ни за что, мой друг! Я только взятки брал. –
«А много раз случалось?» – Не помню, право, я,
Они все шли ко мне из рук Секретаря. –

«А где ж тот секретарь? – Не знаю, куда дели,
Я всех сюда послал на той еще неделе. –
«С кого же брал ты деньги на земле?»
– Да как с кого, мой друг! ах, тошно, тошно мне,
С подрядчиков, купцов, трактиров, погребов,
Со всех мастеровых, харчевен, мясников.
Да что и говорить! их всех не перечтешь,
Когда мне принесут, а то и сам возьмешь.
И Чибисов³ давал, Агошков⁴ и Шелков⁵,
И Перелыгин Петр⁶, Гордан⁷ и Арчаков⁸,
И Керн⁹, Мализин, Тицнер¹⁰ и Бернард¹¹,
Со всех сторон я брал, всему тогда был рад!
Бывало, у меня и бабьи магазины
Бесплатно детям шьют по моде кринолины.
Я в городе тогда начальник главный был,
Им совестно самим, когда б я что купил.
Я помню, как-то раз, как было в эту пору,
По форме приезжал в питейну я контору,
На завтра, уж чуть свет, мне 1000 несут,
А водкою хоть лей, ведь бочками дают.
Да разве, милый друг! Одни то были взятки,
Ведь сверх того ж казенные остатки.
Не знаешь ты всего, какой я тонкий плут,
Спроси ты, сколько дал один мне Институт?¹²
Подрядчик из жидов пусть лепит как захочет,
Зато кто поглядит, уж верно захохочет.
Ведь шьет его портной: вот то-то будет страх,
Как года через три рассыплется он в прах.
Какое дело мне, ведь тысячи в кармане,
Век правдой не прожить, живи-ка на обмане.
«Да кто же ты там был? Не был ли ты сенатор?
– И нет! в крючки пошел и вышел губернатор.
Когда же нахватал, я сделался умней.
Скорей женился сам и выдал дочерей. –
«Так ты женатый был?» – На двух, родной приятель.
«А с кем теперь жена? – Уж есть и обожатель!
Хотя я с ней не сплю, но думаю, что к году
На свет произведет амурную породу.

Состарился, мой друг, я от орловских взяток.
«Какую пользу ты принес собой Орлу?
– Какую, вот вопрос? Да в городском саду
На счет городской беседку я построил. –
«Ну мало ж, брат. Скажи, да что же там устроил?»
– Устроил дочерей! – Да что ты там болтаешь?
Хочу я только знать, какая польза в том,
Что целые шесть лет ты управлял Орлом?»
– Какой ты скучный, брат: ведь польза здесь простая,
Ты ж слышал от меня, что жил я в земном рае.
«Так только мой сосед. Ну, ты меня смелее,
Теперь же тут служи в объятых Асмодея».
– Скажи ж, сосед, мне, ты жарись давно ли
И как попал сюда, по воле иль неволе? –
«Какой ты глупый, брат! ну кто же свою шею
С охотою отдаст на муки Асмодею.
Девятнадцатый уж век, как я с своей душою
За этот кошелек был принят Сатанюю.
Весь ад затрепетал, когда я появился
На лоне Сатаны, сам тартар устранился.
Я предал ведь Христа, Спасителя вселенной.
При нем апостол был с любовью неизменной
И тридцать взял монет, несчастный, соблазнился,
За то тоской страдал, а после удавился...
Ах, страшен был мой грех, мне нет прощенья
На небе проклят я на вечное мученье».

Разбор

Вот пробудился бес и левою рукой
Прижал Иуду он, меня своей десной.
«Ну, детки! Вот я рад, что вы разговорились,
Теперь уж вы свои и словно подружились.
Ну, дай-ка свой отчет! Мне нужно теперь знать,
Кто прибыл в ад ко мне, места им нужно дать.
А список всех чинов зачем ты не представил?»
– Я, дедушка, вперед с Мордовиным отправил.
«А разве он уж здесь! Мордовина сюда!
А шельма, секретарь гражданского суда,

Я помню... Это тот, смешно мне и помыслить,
Как взятку с меня взял, чтоб души перечислить!
Ну, хорошо, мой друг, теперь покорно просим
На мягкую постель, мы все до время носим».
Вот бесы, окружив, Мордовина ведут
И в шею каждый раз толчки ему дают.
Несчастный секретарь, с поникшею главою,
Смиренно подошел и стал пред Сатанюю.
Все жилы затряслись и дух не переводит,
И страх объял его, и мыслей не находит.
И крикнул Сатана, от злости пламенея:
«Я вижу кровь на нем, он выше здесь злодея.
Ты кто такой, подлец, чернильная душа?»
– Палаты Секретарь гражданского суда-с.
«Из блинохватов ты, иль просто был плебей?»
– Я сын подьячего, великий Асмодей-с.
«И любишь ты обман?» – Так точно, обожаю.
«А взятки ты берешь?» – Так за труды собираю.
Что, ходишь ты пешком?» – Нет, езжу я в карете.
«А спишь в сарае ты?» – Никак нет, в кабинете.
«А денег много есть?» – Так будет 1000 двести-с.
«Куда ж отдашь ты их?» – Все дочери-невесте-с.
«Ах ты мерзавец, плут, из низких пескарей.
В карете ездить стал ты с дочерью своей.
А вспомни, как играл с мальчишками в лодыжки
И голубей гонял в Карачеве по крышке.
Неправда, скажешь ты? Для всех ты был приятель.
Валерушка был плут и плут твой председатель.
Вот почему теперь ты тысячи имеешь,
В карете ездешь сам и дочь свою лелеешь.
Откуда ж деньги взял? Что скажешь за женою?
Иль от отца пришли законною чредою?
Иль завещал кто их в знак памяти и дружбу.
Иль жалован царем за верность твоей службы.
Откуда ж получил? Тут всякий разгадает,
Кто кровь чужую пьет, тот и богат бывает.
По купчим, закладным, по записям и данным,
По искам, векселям, свидетельствам и рядным.

Ты грабил всех людей и не любил деленья.
Зато прекрасно знал таблицу умноженья.
Я помню, как-то раз, при Яковлевской смерти¹³,
Ты дани не давал, когда явились черти.
Я вижу, что прижал, и дал тебе отсрочку,
А ты солгал, подлец, и сделал проволочку.
С Смарагдом¹⁴ я веду давно большое дело,
Как смел он отпевать повешенное тело:
Шутка ль до сих пор нет с неба разрешенья,
Чтоб в ад включить его на адское мученье.
Нет! врешь ты, негодяй, уж я послал в сенат,
Что ты меня надул и не явился в ад.
Эй, бесы, все ли здесь? Крюки сюда скорей,
Тащить его в смолу и парить до костей.
Весь жир с него содрать и нет ему прощенья.
И в бездну отпустить на вечное мученье.
Да список отобрать, сюда его доставить.
Орловских подлецов сейчас ко мне представить,
Подайте мне очки!
Валерушка, мой друг, мне, право, непонятно?
Что список свой прислал так дурно, неопрятно.
А? тут секретари. Игнатъев¹⁵ и Покровский¹⁶,
Иванов¹⁷, агент твой, и Лызлов¹⁸, и Сребницкий¹⁹,
Вот и Титов²⁰, и Спасский²¹, и Рублевский,
И Дудоров²² дурак, а это Улазовский²³!
А это кто такой? Ну, право, я не вижу...
Да, пристав Кулешов²⁴! Его я не обижу.
Он добрый малый был и с умной головою,
Пусть он идет с покойною душою.
Скуридин тут, он девять лет уж сряду
Здесь в тартаре кипит, его писать не надо.
А этот как попал, трубчевский пономарь,
Мартышка глупая, бесчувственная тварь.
Скорей его в смолу... ..
Ему немудрено Иуду обыграть!
Квартальных всех расставь ты в аде,
Как будут смолу переливать.
Игнатьева сей час повесить за язык

Над бездной ада, на лбу прибить ярлык
И крупно написать блестящими словами:
Вот ябедник висит, проклятый небесами.
Иванова тотчас ты к фуриям отправь,
Гитару в руки дай и петь его заставь.
Теперь постой, кто там? Ах это Улазовкий.
Его ты отпусти. Ведь то не Богословский²⁵.
Ну, кто еще остался? – фон-Вендрих²⁶. – Кто такой?
Ах! Да исправник... с премудренной башкой.
Позвать его ко мне! Хочу полюбоваться,
Какие дураки теперь в Орле рождаются.
Ого, какой влетел, зачем сюда явился?
«Я объезжал уезд, ды как-то провалился.
Фу, глупая башка, невольню засмеешься!
Таких людей не знал, да где же ты после трешься?
– Исправником служу! – «Не верю я, проказник,
Комовский²⁷, что он там?» – По выборам исправник.
– С утра сидел в суде, а после я обедал. –
«Так только! Фу, дурак, ведь ростом 3 аршин,
А глупый, как баран, орловский дворянин.
Комовский, ведь практика тебе знакома,
Поставь-ка ты его по форме, в три приема:
Получше проучи, когда ж устанет он,
Толкни ты дурака и выпихни в шею вон.
Постой, не все тут Дудоров стоит,
Фу, пропасть, с дураком досадно говорить.
Ну славный же Орел! Хороши подбирает,
По выборам служить, когда не понимает.
Какой у них судья? Ну, разве нет достойных,
Так нет, служи, дурак, за всех один в ответе.
В тот вон кто такой? то Волков²⁸. А, приятель,
Пожалуй-ка сюда, теперь ты заседатель,
Уж Земского Суда! Скажи-как, как воруеть,
Как взятки ты берешь, как совестью торгуешь
И много ль кур завел, и много ли баранов,
Как станowych учил для верности карманов?
А ну-ка говори?» – Не смею запыряться,
Прости мне, адский бог, я должен отлучаться

По следственным делам с Скуридиным в уезд,
Порою соблазнял меня лукавый бес». –
«Помилуй, Асмодей! Тут черти возражают,
Кто соблазнил его, он деньги с нас собирает;
Я прошлую весной в болоте ночевал,
В другой раз к мужику залез я под овин,
Поймал злодей и там сорвал еще алтын,
Схватил, ну бить меня... едва чуть не замучил,
Постиг ведь плутни все, все бывший секретарь...
– Ах, клеветник, подлец, приказная ты тварь,
Как смел ты чертей неправду говорить,
Когда ты сам собой умел карман набить.
Эй, аспиды! Ехидны, все адские орлы,
Все змеи, василиски, духи моей тьмы!
За ноги привязать скорей его петлей,
В геенну опустить чернильной головой.
И ворона послать всю выпить его кровь,
Пускай докажет ад ему свою любовь. –
«Помилуй, я не буду!.. Прости ты мне, отец...»
– Нет, врешь: еще надуешь, иди туда, подлец.
Ну, все ли здесь, скажи-ко мне, Комовский.
«Остался арестант там. Дмитрий Богословский».
– Он зверь!.. где же он? «В секретной в кандалах,
Его там стерегут ехидны на часах».
– Привести его сюда! О, аспид кровожадный,
Давно я ждал тебя, для муки непощадной,
Довольно я терпел, я видел, как решенья
Два раза ты менял, преступным в утешенье,
С виновных смело брал, ты им давал свободу
И отдыху не дал несчастному народу.
Два года лишь назад доказано – злодейство
Свершилось среди дня... где жалкое семейство
Лишился всего поджогом от огня.
Смотри, как слезы льет несчастная семья!
У ней приюта нет, и нет ей утешенья.
Я сам затрепетал в порыве удивленья,
Когда мне донесли, что шестеро людей
Погибли от тебя, в невинности своей.

Ты ж, низкий человек, оставил в подозренье
Злодеев, сознанных в ужасных преступлениях.
Неправду говорю? Куда ж теперь сознания,
Когда ты слезы пил и чужд был сострадания.
Эй, фурии, сюда, все змеи, крокодилы
И аспиды мои! Тяните его жилы,
Орайте труп его и выньте вы из гроба,
В добычу вам отдастся вся его утроба.
Остатки мечь моя! Загробная дорога
На муку привела отступника от Бога.
Проклятый человек! недостает мучений,
Которыми б венчать весь ад для наслаждений.
Скорее за крюки! Тащите все злодея!
А ты, приятель мой! Как смел совет давать
Иуде на меня прошение подавать? –
Так Сатана ко мне во гневе обратился,
Разинул пасть свою, когтями уцепился
И лапами сдавил несчастного меня.
Тут целый сонм бесов из адского огня
Предстал вокруг меня, я в страхе ужаснулся,
Застыла кровь во мне, и тут же я проснулся.
Смотрю, стоит жена в слезах передо мною.
– Ах, Боже мой, что сделалось с тобой?
Ты бледен, как мертвец, ты весь встревожил дом.
– Нет, друг мой, ничего... Я видел страшный [сон].
– Ну, встань же, я с тобой... Опомнись понемногу
И вымойся во[до]й, да помолись-ка Богу.

Примечания:

1 *Зубов Кирилл Федорович – советник губернского правления, старший управляющий отделением Присутствия гражданского губернатора.*

2 *Мордовин Михаил Савич – секретарь гражданской палаты, дядя писательницы Марко Вовчок.*

3 *Чибицов Иван Алексеевич – купец 1-ой гильдии, губернский гласный от Орла, позже городской голова.*

4 *Агошков Александр Николаевич – купец 2-ой гильдии, имел ресторацию, торговал сукном и бакалеей на Болховской.*

5 *Шелков Ефим Семенович – купец 2-ой гильдии, заседатель палаты гражданского суда от купечества.*

6 *Перелыгин Петр Николаевич – купец, член губернского правления попечительского общества о тюрьмах, попечитель арестантской роты*

гражданского ведомства; совместно с братом Алексеем основал чугунолитейный завод и заведение для производства сельскохозяйственных машин за Московской заставой (ныне завод «Текмаш»).

7 Гордан (Иордан, Йордан) Константин Михайлович – купец, известный в Орле подрядчик, его жена содержала гостиницу на ул. Болховской (ныне дом № 19 по ул. Ленина).

8 Арачков Николай Александрович – купец, торговал хрусталем, фарфором и фаянсом на Болховской, подрядчик.

9 Керн Иван Осипович – баденский подданный, мастер часовых дел.

10 Тицнер – техник.

11 Бернард Алексей Михайлович – почетный мировой судья, капитан.

12 Возможно, Институт благородных девиц, на строительстве которого наживались Сафонович и Йордан.

13 Яковлев Глеб Николаевич – предводитель дворянства, повесился.

14 Смарагд (Крыжановский) – с 1845 по 1958 гг. был епископом Орловским и Севским.

15 Игнатъев Иван Алексеевич – титулярный советник, секретарь второго отделения губернского правления.

16 Покровский Василий Иванович – регистратор второго отделения губернского правления.

17 Иванов Василий Логгинович – коллежский регистратор, правитель дел губернской комиссии народного продовольствия, приятель Лескова. Иванов Филипп Козьмич – коллежский ассессор, секретарь казенной палаты.

18 Лызлов Никанор Иванович – титулярный советник, секретарь первого отделения губернского присутствия.

19 Сребницкий Илларион Матвеевич – выпускник философского класса Орловской духовной семинарии, с 1835 г. служил в Орловской палате уголовного суда, «старший» сослуживец Н.С. Лескова.

20 Титов Андрей Алексеевич – губернский секретарь, письмоводитель сиротского суда.

21 Спасский Николай Иванович – исполняющий должность чиновника особых поручений палаты государственного имущества. Спасский Семен Михайлович – архивариус.

22 Дудоров Василий Сергеевич – поручик, уездный судья Орловского суда.

23 Улазовский Михаил Федорович – коллежский ассессор, секретарь палаты гражданского суда.

24 Кулешов Николай Осипович – коллежский секретарь, пристав гражданских дел.

25 Богословский Дмитрий Афанасьевич – коллежский ассессор, заседатель от дворянства уездного суда Орловского уезда.

26 Фон-Вендрих Вильгельм Фридрихович – надворный советник, исправник земского суда Орловского уезда; сын друга В. Жуковского.

27 Комовский (Космовский) Василий Николаевич – коллежский ассессор, частный пристав второй части.

28 Волков Петр Степанович – титулярный советник, непреременный заседатель земского суда Орловского уезда.

К.Г. Меркушкин

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗИНАИДЕ СЕРГЕЕВНЕ СВЕРБЕЕВОЙ (УРОЖД. ТРУБЕЦКОЙ) И ЖИЗНЬ ЕЕ В СЕЛЕ СЕТУХА*¹

Летом 1902 года нашу семью постигло большое горе. Мой отец, находясь на отхожих заработках в г. Енакиево, работая на землечерпалке по расчистке ставка, утонул.

Инспекция, производившая расследование, установила, что гибель произошла по вине пострадавшего, и в пенсии семье погибшего было отказано.

Семья, состоявшая из шести человек: моего дедушки 65 лет, дяди 40 лет, совершенно глухого, моей матери и трех сирот от 3 месяцев до 4 лет, оказалась в тяжелом материальном положении. Узнав об этом, Зинаида Сергеевна через свою горничную Дору Эрнестовну вызвала моб мать.

После беседы с матерью Зинаида Сергеевна дала ей пять рублей денег, узелок стареньких носильных вещей для перешивки детям, дала указание на молочную ферму об отпуске ежедневно по крынке молока до приобретения своей коровы и сказала, что с этого дня будет по силе возможности помогать растить детей.

Так мы стали пенсионерами Зинаиды Сергеевны наравне с другими семьями, которых было не менее десяти.

Нуждающихся в помощи в нашем селе было значительно больше, но всем оказывать помощь Зинаида Сергеевна не могла из-за ограниченности средств, попадавших ей в руки.

Благодаря мягкосердечию Зинаиды Сергеевны и ее сына Сергея Николаевича долгое время на должности управляющего имением находился старый, дряхлый, полуслепой, полуглухой старик Эдуард Данилович, который довел большое имение в 2000 десятин распахной земли до полного упадка. К концу его жизни на имении было более пятидесяти тысяч рублей долга, а расходы росли.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1970. Вып. 5

¹ Написаны в г. Енакиево в 1970 году по просьбе орловского краеведа В. Шапочки. Ему мы обязаны публикацией записок. (Комментарий А.С. Захарова).

У Сергея Николаевича² были четыре сына, которых нужно было учить. Жена Сергея Николаевича Анна Васильевна³ была недалекая женщина, франтиха, деревенская жизнь ей быстро прискучевала, и она уезжала в Москву, Петроград, а иногда и за границу. Самому Сергею Николаевичу тоже нужны были дополнительные средства от имения.

Сергей Николаевич был высокообразованный, культурный, гуманный человек, с большим кругозором, всю свою жизнь работал на дипломатическом поприще, начиная от консула и кончая посланником в Турции, Сербии, Австрии, а перед империалистической войной – посланником в Берлине. Получаемой им большой зарплаты на устройство приемов, раутов и балов ему не хватало.

Колоритной фигурой в семье Свербеевых была Екатерина Николаевна Ребиндер⁴, немка по национальности. В каком родстве она была со Свербеевыми, никто в селе не знал, но Зинаиду Сергеевну она называла тетушкой, а ее тетушкой называли барчуки.

Екатерина Николаевна была дочерью бакинского нефтепромышленника, который перед смертью вложил деньги под большие проценты без права получения основного капитала. Екатерина Николаевна, его единственная дочь, получала эти проценты, видимо, в большой сумме, так как на эти деньги она содержала орловский свербеевский дом, в котором они проживали в зимнее время с Зинаидой Сергеевной.

Екатерина Николаевна, находясь под большим влиянием Зинаиды Сергеевны, помогала бедным крестьянам значительно больше, чем Зинаида Сергеевна. Эта помощь беднякам порой была неразумна и несурозна.

У Екатерины Николаевны в селе было не менее пятидесяти крестников и крестниц. Крестить она никого не крестила, крести-

² Сергей Николаевич Свербеев, сын Зинаиды Сергеевны, советник посольства в Вене, посланник в Турции.

³ Анна Васильевна Безобразова, жена С.Н. Свербеева.

⁴ Екатерина Николаевна Ребиндер, вероятнее всего, дочь Николая Романовича Ребиндер (1813–1865), попечителя Киевского (1856–1858), Одесского (1859–1861) учебных округов, впоследствии директора департамента Министерства Народного просвещения, женатого на второй дочери С.П. Трубецкого – Александре Сергеевне. Утверждение автора воспоминаний, что Н.Р. Ребиндер был бакинским нефтепромышленником, подлежит дополнительной проверке.

ли другие, а ее записывали крестной матерью с целью получить от нее помощь, и помощь всегда у нее находили. Эту крестную мать часто можно было видеть быстро идущей мелкими шажками, худую как щепка, с маленькой трясущейся головкой, украшенной длинным остреньким носиком, спешащей навестить больного или больную из своих подопечных. Екатерину Николаевну часто обманывали, запугивали, частенько ее помощь приносила разочарование.

Например. К Екатерине Николаевне пришла женщина и, проливая слезу, стала просить денег на похороны якобы умершего ее крестника.

Екатерина Николаевна дала ей пять рублей.

Через несколько дней идет Екатерина Николаевна по селу, из избы выбегает мальчик и, низко кланяясь, говорит:

– Здравствуйте, крестная.

– А чей же ты будешь? – заинтересовалась Екатерина Николаевна.

– А Матренин сынок Валька.

– Постой! Постой! – говорит Екатерина Николаевна. – Ведь ты умер, я на твои похороны деньги давала.

– Верно, – отвечает мальчик, – я действительно умирал. Но когда мама принесла деньги на мои похороны, я взял и выздоровел.

– Выздоровел? – говорит. – Ну на тебе конфету.

И пошла дальше.

Второй случай. В воскресный день у монопошки встретились три друга, выпили, закусили, захотелось еще, а денег нет. Один из выпивох говорит: «Сейчас деньги будут, ждите меня». Прибежал домой, взял вожжи, на лошадь верхом и в имение. Вызвал Екатерину Николаевну и слезно просит три рубля, якобы на то, что нужно дать додачу при обмене лошади. Екатерина Николаевна, видя его нетрезвый вид, денег не дала. Тогда он слезает с лошади, идет на балкон и говорит: «Сейчас на балконе повешусь». Перепуганная Екатерина Николаевна дает ему три рубля, зная, что они будут пропиты.

Третий случай. Сгорела хата у бедняка Дмитрия Меркушкина, что делать? Куда деваться с женой и тремя детьми? Средств по-

строить новую хату нет, продать нечего, в хозяйстве три овцы и десяток кур. Определили бедняка временно к соседу в сарай. Екатерина Николаевна решила построить Дмитрию хату, да такую, какой еще ни один крестьянин не имел. Выписала из Орла мастера – специалиста по мудреным хатам, маленького, горбатенького человечка, дала ему в помощь пять мужиков и приступили к строительству небывалой в деревне хаты.

Навезли кучу хвороста, глины, песка. Хворост рубят равными палочками, укладывают палочки крест накрест и закладывают раствором из глины и песка. И вырос дом большой, высокий, покрыли его черепицей. Дом на загляденье. Переселился из сарая в новый дом Дмитрий и не нарадуется, а соседи завидуют такому счастью. Но вот пришла осень, а за нею зима. Не может Дмитрий натопить свою хату, а топка в деревне известно какая... солома. Негде обогреться, придя с работы. Мерзнут жена, дети. На ночь укладывает Дмитрий детей в печь, а сам с женой на печь. Стены в хате мокнут, глина обваливается, обнажается хворост, торчащий во все стороны. И проклиная Дмитрий и хату, и мастера, строившего ее, и Екатерину Николаевну за такое благодеяние. Подобные казусы в благодеянии Екатерины Николаевны повторялись не раз.

Екатерина Николаевна открыла в селе мастерскую корзиноплетения, в которой работало 15–20 человек, плели багажные корзины разных размеров, стулья, кресла, столы и другие изделия.

Руководил мастерской опытный специалист, привезенный из Орла. Ученики его получали кроме заработка неплохую специальность. Один из прилежных учеников, Николай Ионович Аброткин, стал сам хорошим мастером и был мастером у князя Барятинского. Изделия мастерской продавались орловским купцам, был ли барыш от этой мастерской, не знаю, но 15–20 человек не слонялись в зимнее время от безделья по селу, а имели труд и заработок.

Екатерина Николаевна в зимнее время использовала труд девушек на вышивках по канве и в пяльцах. Давала на дом узоры и материал для вышивок и неплохо платила за работу, особенно тем, чьи вышивки признавал хорошими. Куда она девала эти вышивки, не знаю, но девушки от этого заработка имели возможность покупать городские наряды.

После смерти Эдуарда Даниловича управляющим был принят Карл Дмитриевич Юдович⁵. Это было сравнительно молодой человек, энергичный, хорошо знающий дело сельского хозяйства.

Карл Дмитриевич при заключении соглашения на прием имения поставил жесткие для хозяина условия. Он заявил:

– Для того чтобы имение привести в полный порядок и расплатиться с долгами, я должен быть в имении полным хозяином в продолжение первых пяти лет. За это время я буду на ваши городские расходы давать только десять тысяч рублей в год кроме расходов, когда ваша семья проживает в имении.

Сергей Николаевич, ничего не понимавший в сельском хозяйстве, вынужден был согласиться. Не согласился только с одним пунктом. Он заявил:

– Как при моем отце крестьяне села Сетуха пользовались бесплатно луговыми угодьями в лесу Сетушинский Верх и попасом скота после уборки сена, так и должно быть при мне.

Управляющий оказался покладистым человеком, при нем положение крестьян села не ухудшилось, а улучшилось. Его девизом стало: «Дружба с крестьянами», продолжавшаяся до революции.

Вводимые новшества потребовали дополнительную рабочую силу, а эта сила находилась у крестьян нашего села.

В имении около 400 десятин земли были покрыты камнем-дикарем, заросшие терном и бурьяном, и эта земля была непригодна даже под попас скота.

Карл Дмитриевич пригласил из Эстонии хорошего специалиста-подрывника Ивана Яковлевича Эглит, организовал ему бригаду в пять человек и на засоренном поле начались взрывы, которые продолжались около трех лет.

За этот период земля была приведена в полный порядок и начала давать хороший урожай зерна. Карл Дмитриевич ликвидировал трехпольный севооборот, при котором почти 1/3 земли пустовала, то есть отдыхала и находилась под попасом скота.

⁵ Карл Дмитриевич Юдович, управляющий имением «Сетуха». В Орле живет его внук, сохраняющий до сего времени некоторые вещи, принадлежавшие ранее Свербеевым.

Он установил многопольный севооборот, при котором многолетние травы не только давали большое количество сочных кормов, но и удобряли землю.

При наличии кормов было увеличено поголовье рогатого скота улучшенной породы, а это потребовало открытия молокозавода, который был построен из камня, добытого с запущенной земли.

Карл Дмитриевич увеличил посадку бурака, кормовой моркови и картофеля. Это позволило увеличить поголовье свиней улучшенной породы. Лошадиное поголовье начало увеличиваться за счет покупки породистых рабочих лошадей Дорогановского и Ливенского конезаводов. Увеличилось и поголовье овец.

Карл Дмитриевич выбросил на свалку соху-матушку, приобретаемая одно- и двухлемешные плуги, металлические бороны, культиваторы, сеялки, косилки, сноповязалки и один из первых купил паровую молотилку.

Дабы не стоял паровичок после обмолота зерна, построил паровую мельницу, которая молола крестьянам муку по ценам ниже тех, которые брали на водяных мельницах, отстоящих от нашего села километров на 15–20.

Открыт был небольшой кирпичный завод по выработке красного кирпича, который удовлетворял не только потребность имения, но и продавался населению.

Карл Дмитриевич первый начал применять минеральные удобрения, несмотря на насмешки невежд в сельском хозяйстве.

Все эти мероприятия дали возможность увеличить сбор зерна, получать больше продажного скота, молочной продукции и шерсти, а следовательно погасить долги по имению и увеличить отчисления на расходы Сергею Николаевичу сверх договорных десяти тысяч рублей.

Крестьяне получили возможность при нехватке грубых кормов (соломы) получать их в имении за небольшие отработки, покупать породистых поросят и при острой нужде занять муки до нового урожая на льготных условиях.

Крестьяне хорошо относились как к господам, так и к управляющему, старались не допускать потрав скотом помещичьих посевов, воздерживались от ночных набегов на леса.

При острой нужде обращались к управляющему, как к самому Сергею Николаевичу, и отказа не имели, если это только выполнимо. Хорошее отношение к крестьянам не нравилось окружающим мелким помещикам, которые отягчали своих крестьян штрафами, непосильными процентами при займах и т.д.

У Зинаиды Сергеевны был второй сын, Дмитрий Николаевич. При поездке в уездный город Новосиль между Новосилем и селом Духово в балке кучер не сдержал лошадей, карета вместе с лошадьми и Дмитрием Николаевичем попала под мост и Дмитрий Николаевич разбился. Похоронен он в склепе под алтарем Сетушинской церкви вместе со своим отцом.

После смерти Дмитрия Николаевича его жена с двумя девочками, Олей и Маней, выехала в Италию⁶, там вышла замуж за какого-то знаменитого художника. Дочь ее Оля утонула в Италии, гроб с прахом был привезен в с. Сетуха и похоронен возле церкви. Вторая дочь, Мария Дмитриевна, любимица бабушки, часто приезжала из Италии погостить. Манечка, как ее называла вся дворня и крестьянские девушки и женщины, была любимицей всех ее знавших. Когда она появлялась в селе, ее окружали деревенские девушки и женщины, и для всех она находила ласковое слово и улыбку. Последний раз Манечка была в имении летом в 1908 или 1909 году.

В один из этих годов грабители днем забрали у князя Голицына⁷ пять тысяч рублей и скрылись. Поднялась тревога, полиция собрала крестьян близлежащих сел, прочесала леса, но грабителей не нашли.

Перепуганные помещики начали разъезжаться из своих имений в города. Анна Васильевна, барчуки и Манечка следующую ночь ночевали в селе у зажиточных мужиков. Манечка была расстроена, в слезах, она боялась за бабушку, а бабушка и Екатерина Николаевна остались ночевать дома, заявив: «Мы ничего плохого

⁶ Автор допускает некоторую неточность. У Дмитрия Николаевича было две дочери – Мария и Зинаида. После смерти отца они уехали с матерью Ольгой Дмитриевной (урожд. Горчаковой) в Италию. Мария Дмитриевна вышла замуж за итальянского маркиза Ангвисоло, а Зинаида Дмитриевна в 1908 году утонула в Средиземном море. (У автора она названа именем матери – Олей).

⁷ Скорее всего, имеется в виду Борис Николаевич Голицын, владелец соседнего имения.

не сделали, нам бояться нечего». Десяток мужиков, вооружившись топорами, вилами и ломami, отправились в имение охранять дом и старых барынь.

После этого Манечка уехала в Италию, там вышла замуж и больше не приезжала.

В память погибшего Дмитрия Николаевича Свербеева построила школу, которая считалась по тем временам лучшей в Новосильском уезде.

На школе была вывеска: «Сетушинская начальная школа имени Дмитрия Николаевича Свербеева».

У Сергея Николаевича были четыре сына: Дмитрий, Николай, Владимир и Сергей.

Дмитрий перед войной 1914 года окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию и готовился стать хорошим хозяином, но война помешала ему осуществить свою мечту, он был призван в армию и в звании поручика артиллерии служил в тылу, интендантом при одном из заводов военных, по приему для армии военного снаряжения.

Дмитрий был культурный, гуманный человек, хорошо относившийся как к рабочим своего имения, так и к крестьянам села. Объезжая свои поля, он часто заглядывал и на крестьянские, заводил разговоры с крестьянами, как улучшить урожайность полей. Рекомендовал бросить соху-матушку и приобретать плуги, они облегчают труд лошади и самого пахаря и лучше рыхлят землю. Входил в нужды крестьян.

Николай по окончании Орловского кавалерийского корпуса командовал эскадром в воинской части. Как все офицеры тех времен, Николай не отличался образованностью и культурностью. В воинской части он считался неплохим офицером, но со странностями, в его эскадроне не было мордобитья, других офицеров это удивляло, как это не захватить солдату в рыло. Когда устраивались офицерские попойки, он потихоньку от опьяневших друзей забирал со стола напитки, закуски и передавал денщикам.

Когда Николай бывал в селе, его любимым развлечением было в пост напоить девушек-поденщиц, работающих в саду, молоком или накормить котлетами. По вечерам приходил на деревенскую улицу, водил с молодежью хороводы.

Владимир был гордый, барственный человек. Он учился в Петроградском лицее, готовясь стать дипломатом, по стопам отца. С простым народом он не знался, старался не замечать его. Вести разговоры с простым народом он считал ниже своего достоинства. На деревне он не показывался.

В организованных Дмитрием и Николаем охотах на дикого зверя, в которых участие принимали управляющий, садовник, конторщик и несколько крестьян, знавших звериные выводки, Владимир участия не принимал.

Пренебрежительно он относился и к барчукам соседних помещиков, знакомых с их домом.

Сергей – это недоросль Фонвизина. Если его братья были красивые, унаследовав привлекательный вид от бабушки и отца, то Сергей был похож на мать, длинный, как кочерга, с длинным мясистым носом. Учился он плохо.

Организовал нас однажды на разорение грачиных гнезд в парке. За эту работу платила нам по пятаку Екатерина Николаевна, наблюдавшая непрестанное грачиное карканье. Иногда Сергей для пополнения своего денежного бюджета набирал детскую коляску яблок или груш и вез в деревню продавать или менять на яйца.

Кузька Петрухин, шkodливый парень, ровесник Сергею, отнимал у него деньги, опрокидывал коляску, яйца бились, яблоки рассыпались на счастье нам, малышам, а Сергей со слезами и разбитой коляской отпраивался домой. Дома он никому не говорил о постигшем его несчастье, так как знал, что его торговая деятельность не будет с похвалой отмечена матерью.

Семейная жизнь Сергея Николаевича с Анной Васильевной не ладилась, уж очень разные они были люди. В загранице, где проживал Сергей Николаевич, исправляя свою дипломатическую миссию, Анны Васильевны с ним не было, он жил один.

В Берлине, где ему частенько приходилось устраивать приемы, рауты, балы, хозяйкой на них была какая-то русская графиня, постоянно проживающая в Берлине.

Сергей Николаевич был болезненный человек, у него были не в порядке бронхи, он часто глухо кашлял.

Анна Васильевна не жаловалась на здоровье, она была вполне здорова. Пытаясь расположить к себе крестьянок, Анна Васильевна часто ходила по селу, заводила разговор с женщинами и, находя их смешными, часто смеялась.

Последние годы перед империалистической войной Свербевы жили богато, имение не имело долгов, хорошо обрабатываемые поля давали хороший урожай зерна и кормов скоту. По случаю именин устраивались празднества, на которые приезжало много гостей со всего Новосильского уезда. Двор и парк иллюминировали, пускали ракеты, устраивали фейерверки.

В эти вечера разрешалось деревенской молодежи заходить в парк. Господа подходили к хороводу, смотрели деревенские танцы, слушали песни. Господа были одеты в дорогие костюмы, а женщины – в дорогие платья.

Обычная повседневная одежда наших господ была проста, за исключением Анны Васильевны, она всегда была безукоризненно дорого одета.

Сергей Николаевич и барчуки одевались просто: сапоги, брюки-галифе из темно-синей диагонали, белая рубашка-косоворотка из льняного полотна, подпоясанная узким ремешком, на голове небольшая кепочка. В пасмурную погоду белую рубашку заменяла кожаная коротенькая курточка коричневого цвета.

Один раз я видел, как наши господа ехали на свадьбу к соседскому помещику. Они были богато одеты.

На передней тройке вороных лошадей, в карете, одетый в польскую форму Сергей Николаевич в треуголке, с лентой через плечо, при орденах. С ним Анна Васильевна, разукрашенная, как картина, сияя в золотых украшениях.

За ними барчуки в пролетках, запряженных по паре лошадей.

Зинаида Сергеевна и Екатерина Николаевна никуда не выезжали.

Свербевы имели не менее 20 выездных лошадей.

За Сергеем Николаевичем, Анной Васильевной и Екатериной Николаевной было закреплено по три лошади одномастных с большой каретой, которыми никто не имел права пользоваться без их разрешения.

Барчуки, кроме Сергея, имели по паре лошадей с пролетками.

Кроме того, как Сергей Николаевич, так и барчуки имели по одной верховой лошади. Лошади содержались в образцовом порядке и были очень хорошей породы. Выезд барчуков на охоту для нас, мальчишек, был большим праздником. За свой крикливый труд гонщиков мы получали кроме удовольствия провести день с господами в лесу и поле угощение «по булке с куском колбасы» и по пять копеек денег.

Помню один случай на охоте. Когда мы, мальчишки, в стороне от охотников уплетали свои булки с колбасой, среди подвыпивших охотников поднялся спор о меткости стрельбы и достоинствах охотничьего оружия. Николай Сергеевич расхваливал свое бельгийское ружье, а садовник Иван Яковлевич хвалил свое тульское ружье.

Николай Сергеевич стреляет из своей бельгийки в подброшенный вверх патрон и не попадает, так повторяется несколько раз.

Иван Яковлевич стреляет из своей тулки в подброшенный патрон и попадает. Обозленный Николай Сергеевич берет у Ивана Яковлевича его тулку, стреляет и попадает в подброшенный патрон. Рассерженный, отдает свою бельгийку Ивану Яковлевичу, а себе берет его дешевенькую тулку. Обмен совершился и закончился доброй попойкой, а мы, мальчишки, получили добавку – «остатки пищи с господского стола».

Свербеевы были гостеприимные и с удовольствием встречали гостей, равных им по дворянскому достоинству. В нашей волости, состоящей из четырнадцати сел и деревень, кроме Свербеевых, было восемь других помещиков, но с удовольствием и радушием принимаемые только Сухотины.

Сухотина Татьяна Львовна была частым гостем Свербеевых. Недолюбливая Анну Васильевну за ее чванливое высокомерие, она с глубоким уважением относилась к Зинаиде Сергеевне и свой приезд в большинстве случаев приурочивала к отсутствию Анны Васильевны в имении. Иногда, когда в имении находился Сергей Николаевич, Татьяна Львовна приезжала со своим отцом, часто гостившим у нее, с великим старцем Львом Николаевичем Толстым.

Лев Николаевич с большим уважением относился к Сергею Николаевичу и находил удовольствие в беседах с дипломатом-международником.

Разговор иногда был шумным, но расставание после шумного разговора было дружественное.

Что представляли собой остальные помещики?

Князь Голицын Борис Николаевич жил в селе Грачевке. Разжалованный когда-то царем Александром Вторым, глубокий старик, старый холостяк, приживший с экономкой сына, проживал отшельником. Никого не принимал и сам никуда не выезжал. «Бирюк», как его называли все крестьяне и дворяне.

В первые годы своего изгнания из высшего света, проживая безвыездно в своем имении, в обширном старинном княжеском дворце с колоннами, окруженном английским парком, однажды он выехал на дрожках с шомпольным ружьем посмотреть свои поля и леса. Недалеко от дома, на опушке леса, он увидел волка, слез с дрожек, прицелился и выстрелил. Лошадь от испуга убежала, а смертельно раненный волк бросился на князя. Князь, пятась назад, стал отбиваться от разъяренного волка прикладом ружья; задом приблизившись к огромному дубу с дуплом, он забрался в дупло. Когда прибежала лошадь домой без князя, дворня всполошилась, и по следам выехали разыскивать его. Добравшись до дуба, они увидели в дупле князя, а рядом с дубом издыхающего волка. После этого случая князь на стволе дуба прибил иконку и приказал под строгим контролем хранить этот дуб, а в своих владениях запретил охоту на волков. Волков в лесах расплодилось множество. Слыла легенда о том, что князь из своей «волчьей беседки», находившейся в полукилометре от дома, кормил волков из своих рук.

Жалобы тульскому губернатору (в то время новосильский уезд был Тульской губернии) на самовольство князя и тяжелое положение крестьян окружающих сел от нападения волков на стада не возымели действия. Князь был самодур и в своем величии не знал предела.

Узнав о самодурстве князя, царский двор, дабы не обидеть его, решил пойти на хитрость.

Великий князь Николай Николаевич написал князю Голицыну, прося его разрешения поохотиться в его лесах. Не ожидая ответа от князя, Николай Николаевич в своем царском поезде прибыл на станцию Благодатная, находящуюся в 6–7 километрах от имения князя.

Я был мальчиком лет 6–7 и помню проезд через наше село Великого князя Николая Николаевича в огромной карете, запряженной четверкой вороных лошадей, а за ним свита, охрана князя и охотники, все верхами, с собаками на цепях. Крестьяне без шапок, стоя на коленях, встречали его.

Князь Борис Николаевич приказал слугам приготовить комнаты Великому князю и разместить его огромную свиту, сам же, притворившись больным, не вышел встретить.

Ночью вся дворня, по приказанию князя, с трещотками и гомоном разгоняла зверей из лесу.

Наутро Великий князь выехал на охоту, объехал все леса, подстрелил двух зайчишек и, узнав о лихоимстве князя Голицына, не заезжая в имение, отправился на станцию и отбыл восвояси.

После смерти князя долгое время в его лесах проводились облавы на волков, и каждый раз убивали от 7 до 10 волков.

Ранее мною было указано, что у князя Голицына грабители забрали пять тысяч рублей.

Как это было.

Князь заранее был предупрежден письменно, чтобы он к определенному сроку приготовил пять тысяч рублей, якобы для раздачи остро нуждающимся беднякам.

Князь, никому не сообщив, выполнил это требование и ждал, что же будет.

В воскресный день князь в парке возле дворца сидел на лавочке. Из лесу вышли четверо чисто по-городскому одетых, в шляпах господина. Вежливо раскланялись с князем, один из них спросил, приготовил ли князь ими просимое. Князь, поднявшись с лавочки, пригласил их в дом, достал из сейфа, находящегося в кабинете, пять тысяч рублей и вручил одному из них, видимо, старшему.

Грабители из предосторожности допустили ошибку. Когда они входил в дом, двое из них остались у входа, дабы задерживать и никого не выпускать из дома. Дворовым показалось это подозри-

тельным, и после ухода грабителей они подняли тревогу. Организованная облава произвела прочистку леса, но грабителей не нашла. Через день террористы совершили вторую оплошность. Они днем ограбили почту при станции Благодатная, при этом выстрелом из револьвера ранили почтового работника. Это ограбление стало роковым для одного из них. Поймать их не поймали, но в лесу, где они ночевали, окруженные со всех сторон облавой, состоящей из полиции и согнанных со всех близлежащих сел мужиков, один из них разорвал на мелкие части свой паспорт и зарыл в землю под кустом, где они сидели. Ночью им удалось незаметно перейти линию окружения и скрыться.

Наутро, прочесывая лес, обнаружили их стоянку и извлекли из земли части разорванного паспорта. Грамотей из деревни Нижний Пониковец Фрол Сергеевич Мельников сложил паспорт и установил личность, кому он принадлежал. Это был Еськин из деревни Большая Сергеевка, который находился на заработках в городе Екатеринославе (Днепропетровск).

Пойманный Еськин в ограблении не признался, сославшись на то, что паспорт он утерял, будучи пьян, а полиции не успел своевременно заявить.

Этого Еськина, имя его не помню, я видел, будучи маленьким мальчиком. Когда его привезли в Сетушинское волостное управление для очной ставки с князем Голицыным и почтовым работником, он был в ножных и ручных кандалах.

Почтовый работник Еськина опознал по приметам, у него не было большого пальца на правой руке, которой он брал деньги из его кассы.

Князь Голицын в Еськине грабителя не признал, хотя он его узнал, ему вручал он деньги.

Такой поступок князя был загадкой не только для крестьян, но и окружающих дворян. Что это? Трусость или жалость к беднякам? Нет. Князь не был трусом, а жалость... какая может быть жалость у человека, у которого из крестьян своей деревни было много бедняков, на которых он не обращал внимания?

Еськина признали виновным и повесили в Орловском центре. Семья его до самой революции секретно получала помощь от какой-то секретной организации.

После, когда я уже стал взрослым, при разговоре с учительницей Неонилой Николаевной Кириловой я узнал мнение Сергея Николаевича и Зинаиды Сергеевны об этом поступке князя.

Они считали это очередным чудачеством, как было чудачеством разведение волков. Ему не жалко было пяти тысяч, он хотел знать, что из этого выйдет.

Княгиня Голицына, деревня Казинка, глубокая старуха, ханжа, с большим количеством причуд. Также никуда не выезжала и никого не принимала.

Помещик полковник Племянников, деревня Благодатная, и помещик Кожевников, деревня Дальновидово, оседлости в своих имениях не имели, землю сдавали в аренду кулакам и получали только за получением арендной платы.

Помещик Ладъжин, деревня Верхний Пониковец, и помещик Чухиев, село Бедьково, – из мещан. Они не могли быть принимаемы в обществе столбовых дворян.

Помещик Малиновский, деревня Нижний Пониковец, врач по образованию, наживший на врачебной деятельности достаточно средств, купил имение в 500 десятин земли, глубокий старик, жадный, как скаред, иногда без вызова как довольно опытный врач навещал Зинаиду Сергеевну, давал советы, как продлить ее драгоценную жизнь, выписывал рецепты.

У Малиновского были два сына, один занимал пост акцизного чиновника в Ельце или Ливнах, второй – следователь в Новосильском уезде.

Село Сетуха в мою юность состояло примерно из трехсот домов, из них домов 10–15 зажиточных, которые имели по 3–4 лошади, по 2–3 коровы и, конечно, свиней, овец и птицу. Эти хозяйства имели возможность продавать зерно, скот и жить привольно.

Домов сто имели по 2 лошади, по 1–2 коровы, свиней, овец, птицу. Эти хозяйства жили безбедно.

Домов на 150 имели по 1 лошадке, по 1 корове, небольшое количество овец, иногда свинью, жили так, что едва сводили концы с концами.

Остальные – кто имел лошаденку, кто коровенку и к ним в придачу 2–3 овцы и 10 кур, а некоторые кроме кур ничего не имели. Эти крестьяне не могли полностью обрабатывать землю, сдавали

ее в аренду, а сами влачили жалкое существование. Хлеба им едва хватало до Масленицы, а то и Рождества. Заработки у помещика и зажиточных крестьян были настолько мизерны, что этим беднякам приходилось удовлетворяться скудной пищей: похлебка, тюря, квас, вот и все.

Село имело две лавки и монополюку. В праздничные дни, выкраивая из скудных средств, напивались пьяными, устраивали драки по пустякам.

В селе была волостная земская больница на 6 коек с приемным залом. Обслуживали больницу три человека: фельдшер, кухарка-сиделка, сторож. Земство скудно помогало больнице. Основную помощь больнице оказывали Свербеевы. Завозили дрова для отопления, покупали белье, как постельное, так и нательное, а иногда и медикаменты. Производили ремонты.

Фельдшерницей была Мария Васильевна, фамилию не помню, маленькая, худенькая средних лет женщина, старая дева, была сестрой милосердия в Русско-японскую войну, а после этого – в нашей больнице до своей смерти, последовавшей в 1914 году. После нее до революции фельдшером был Яков Иванович Крылов, житель г. Новосиля.

У Марии Васильевны было до десяти крестников и крестниц, все из бедных семей. Крестникам она помогала, даря ежегодно девочкам ситчику на платьице и чулочки, мальчикам материальчику на рубашку и штанишки, выкраивая из своих скудных средств.

Хоронили Марию Васильевну с почетом, все жители деревни, дворян и даже господа присутствовали на ее похоронах. Несмотря на слабое здоровье, Зинаида Сергеевна приехала проститься с покойницей. Мария Васильевна имела хорошую библиотечку в хороших дорогих переплетах, которую она отказала своей подруге, учительнице Неониле Николаевне Кириловой.

Нельзя забыть и служителей церкви – священника Бажанова Владимира Порфирьевича и дьячка Розанова Петра Васильевича. Божанов, несмотря на незначительность поста священника, был высокоразвит, начитан, культурен, но строг и жаден, как скаред.

Сергей Николаевич принимал его у себя и иногда приезжал к нему на своем верховом коньке Верный – и оставался доволен беседами с ним.

Священник имел красивый большой дом в пять комнат на двоих с попадьей (детей у них не было). Старушка-попадьа по жадности не уступала своему мужу. У попа постоянных были два работника и работница. Для лета он нанимал поденщиков. Преимущество при найме работников он отдавал малоумным, они нетребовательны в еде, им можно меньше платить и заставлять до упаду работать.

У попа было 27 десятин церковной земли, находившейся в полном его владении. Земля была близко расположена от села, хорошо удобрена навозом, а в последнее время по методу Карла Дмитриевича – и минеральными удобрениями, давала хороший урожай.

У попа были пять нерабочих лошадей, из них он только одну использовал для выездов. На этой лошаденке по возрасту немного моложе попа, а попу в то время было за пятьдесят, поп трусил к больным с причастием, соборованием, за сбором треб, а иногда и в гости. Четыре же жеребца хорошей породы, упитанные, стояли в темной, без окон, конюшне, слепли, садились на ноги от безделья и превращались в калек. Такое варварское отношение к животным поп объяснял «любовью к лошадям» и потребностью в навозе для полей.

Содержать попу лошадей, не потребных для труда, ничего не стоило. В нашем церковном приходе было до четырехсот дворов. Обход прихода с иконами поп производил не менее пяти раз в год. Треба с дома была установлена в размере одной буханки хлеба, а в ней не менее 6 килограммов, и 10 копеек деньгами. Если подсчитать, то за год поп без отчисления 10% дьячку получал до 10 тонн хлеба. Так куда же его девать? Конечно, на корм скоту. Кроме этого, производил ежегодный обход прихода после снятия урожая и получал с каждого дома по мерке зерна, а мерка – не менее 30 килограммов веса. Вот вам еще чистых после отчисления дьячку десять тонн зерна (ржи, пшеницы).

Не дать требу попу считалось большим грехом, а поэтому там, где действительно взять было нечего, поп записывал в долговую книжку, по которой потом взysкивал с должников при свадьбах, крестинах. В этих случаях поп не принимал никаких отговорок.

Самого попа и попадьи никто никогда не видел хорошо одетыми.

Поп десятилетиями носил одну и ту же одежду, шляпенка превратилась в воронье гнездо.

Жадностью попадья превосходила попа. К праздникам для угощения работников поп покупал водку. Попадья, как правило, всю водку не расходовала, а после праздников продавала ее мужикам по повышенной цене против цены монополюшки.

Сам поп был мастер на все руки, причем хороший мастер. Его изделия ничем не отличались от изделий образцовых мастерских. Домашняя мебель – столы, стулья, диваны – делалась руками попа. Сбруя для лошадей шилась попом, брички, колеса со всеми кузнечными поделками делались попом. Как говорили в деревне, «наш поп и швец, и жнец, и в дуду игрец».

Сбор урожая с 27 десятин хорошо удобренной и обработанной земли давал хороший урожай.

Сборы за молебны, венчание, крестины, похороны, таречный церковный сбор – все это давало попу большие деньги, а расход с калекой-попадьей малый. Куда девать деньги? И поп клал их в Орловский банк, где у него пропало во время революции 75 тысяч рублей. За такие деньги он мог купить приличное имение. Несмотря на свою жадность, поп оказывал помощь семье умершего попа, своего друга или родственника, точно не знаю. Три девочки-сиротки учились в Орловской гимназии с помощью попа. Подводы две-три в год с продуктами он отправлял вдове покойника.

Девочки в каникулы приезжали к попу с благодарностями за его благодеяния. Отправляя их с благословением и напутствиями, непременно делал им хорошие подарки.

Поп имел большое количество птицы: кур, гусей, уток и даже индеек. Из-за жадности он не имел человека для присмотра за ними, а это было деревенским мальчишкам на руку. Гоняя в ночное лошадей пасти, часто беспокоили бабюшку, воруя у него на ужин в лесу то утку, то курочку, а иногда и гуся. Иногда бабюшка нас останавливал и устраивал обыск, но украденного никогда не находил, так как украденное заранее выносилось за деревню и припрятывалось. Поп был строг. За провинность он наказывал стоянием на коленях всю обедню на виду у всех прихожан.

Оригинальной личностью был дьячок (псаломщик) Петр Васильевич Розанов. Дьячок был глубокий старик, обрюзгший, с огромным животом. Пристрастен был к зеленому змию. Сидеть на бричке он не мог, и когда они отправлялись с попом совершать обряды погребения на дому умершего, он не сидел рядом с попом, а стоял на коленях.

Во время крестного хода по домам крестьян с молебнами он частенько запаздывал с выходом из дома, в котором отслужили молебен, с целью пропустить рюмочку.

Село наше делилось на три порядка: средний, вышенский и сселки.

К концу обхода одного порядка дьячок, как правило, был порядком пьян и его отправляли домой. В это время и отправляли подводу, изрядно нагруженную ковригами хлеба, для разгрузки в поповские амбары и возврата для дальнейшего обхода. В это время поп обедал у купца Ермолая Васильевича Клокова. Не употребляя спиртного, батюшка с удовольствием пропускал стаканчик вишневой или сливовой настойки, запивая квасом.

Для дальнейшего обхода вместо дьячка приглашался деревенский мужик Трофим Минаев, обладатель неплохого голоса, знавший церковное богослужение.

Поп, славившийся своей трезвостью, строго с дьячка за невоздержание не взыскивал, так как дьячок с пороком был нетребователен и получал то, что давал батюшка. У дьячка были два сына, оба священники, один при селе Бедьково нашей волости, другой в пределах Новосильского уезда, и дочь Мария Петровна.

Мария Петровна была маленькая, худенькая подслеповатая старая дева. Эта дева была предметом издевательств деревенских мальчишек. Мальчишки забирались в дьячковский сад, рвали яблоки, груши, сливы. Если появлялась Мария Петровна, ее забрасывали яблоками, грушами и она со слезами уходила. Жаловаться на кого-либо она не могла, так как не узнавала, чьи это были мальчишки.

Умер дьячок в 1913 или 1914 году. Похороны его были пышные. Понаехало большое количество священнослужителей. Похоронили его в ограде церкви.

Новая школа была открыта в 1908 году, это я помню, потому что моя старшая сестра пошла в эту школу учиться в 1 класс.

Школа имела два класса вместимостью до 60 человек учеников, большая раздевалка с залом ожидания, кухня, комнаты для двух учителей, кладовая и даже уборная. Мальчикам и девочкам в зимнее время по существенным надобностям не нужно было бегать на улицу и простужаться.

Школа обслуживала два села, Сетуху и Пониковоц. Детей школьного возраста в этих селах было значительно больше, чем могла принять школа. Но если учесть то, что не все жители посылали детей в школу по разным причинам, то для этого контингента, который посещал школу, размер классов был вполне достаточен.

Не посещали школу в большинстве своем девочки. С раннего возраста их матери засаживали за пряжу, и редким из них посчастливилось проучиться один-два года, такое положение было и с большинством мальчиков. «Расписаться научился – и хватит», – многие родители говорили, а поэтому, как правило, если в 1 классе 25 учеников, то в остальных трех классах 35 человек, а кончали школу и получали аттестаты от 7 до 10 человек.

Когда я кончал школу в 1915 году, нас было в классе десять человек, из коих три девочки. Это была рекордная цифра. Когда я учился, учителями были Неонила Николаевна Кирилова и Филипп Григорьевич Назаров.

Неонила Николаевна – пожилая женщина, покинутая в молодом возрасте мужем, всю жизнь до самой смерти, постигшей ее в 1922 году, прожила в селе Сетуха и только последние два года перед смертью не работала, была на пенсии.

Филипп Григорьевич, молодой человек, несколько лет назад закончивший Новосильское высшее начальное училище, очень красивый, строгий, внимательный к ученикам.

Учителя были хорошие и пользовались большим уважением как крестьян, так и господ.

Господа приглашали их на званые обеды, иногда сами посещали школу, вели с ними беседы о нуждах школы и успеваемости учеников.

Особым уважением у Зинаиды Сергеевны пользовалась Неонила Николаевна. Ее судьба покинутой мужем, трудолюбие, доброжелательное отношение к народу умиляли Зинаиду Сергеевну и когда бы ни появлялась Неонила Николаевна в барском доме, комнаты Зинаиды Сергеевны были для нее открыты. Неонила Николаевна нашла подход и к Анне Васильевне.

Эта высокомерная особа благосклонно относилась к ней. Охотно посещали школу барчуки Дима и Коля. Их не особенно интересовала школа, их интересовали гости Неонилы Николаевны. Гостями Неонилы Николаевны были приезжающие со станции Благодатная купеческие жены и дочери. За некоторыми из них из-за деревенской скуки ухаживали. Особенно их интересовала купчиха Оловянникова, красивая женщина.

Свербеевы отпускали школе продукты для приготовления учащихся обедов, держали на учебный сезон специальную кухарку. Обеды не ахти как хороши, но сытны, обыкновенно супы гороховые, чечевичные и картофельные на постном масле. Ученикам эти обеды доставляли большое удовольствие. Как хорошо было в веселой компании, стоя по бокам длинной широкой доски, из общей большой чашки уплетать суп. А после учебы не беспокоить матерей с приготовлением обеда, а бросить на лавку сумку с учебниками, захватить коньки или санки, бежать на гору или пруд, предаваясь веселым занятиям, катаясь на коньках или салазках. Учитель Филипп Григорьевич организовал из учеников и взрослых церковный хор, чем завоевал черствое сердце отца Владимира. В этом хоре участвовал и я. Как лучший ученик школы я часто подменял на клиросе дьячка, читая часослов во время перерыва между утренней и обедней, чем снискал благосклонное внимание отца Владимира. Во время Великого поста, когда совершались массовые молебны за упокой усопших, меня посылали в помощь отцу Владимиру читать в поминовениях усопших.

В 1914 году, когда австро-венгерские и немецкие полчища неожиданно напали на нашу родину, Сергей Николаевич, находившийся в имении, спешно через нейтральную Швецию выехал в Германию, откуда после ликвидации посольства вывез царичу-мать Марию Федоровну. После этого был разжалован и вы-

дворен из Петрограда. В период с начала войны до революции Сергей Николаевич большее время находился в деревне, выезжая в Орел или Москву на короткое зимнее время.

В период своего безделья Сергей Николаевич иногда заходил в школу и проводил время с нами, старшеклассниками. В первый раз, когда узнали от Неонилы Николаевны, что к нам на занятие придет Сергей Николаевич, мы страшно перепугались. Ведь мы его видели только издали, когда верхом на своем верном конике рыжей масти объезжал поля и леса. Но после первого урока, проведенного им с нами, мы с нетерпением ждали его повторения.

После первого урока, когда Сергей Николаевич прощался с нами, мы хором ответили: «До свидания, барин!» Сергей Николаевич улыбнулся и сказал: «Не называйте меня барин. Я этого названия не люблю. Зовите просто Сергей Николаевич».

Сергей Николаевич рассказывал нам о странах, где он бывал и работал на дипломатическом поприще, о городах и их достопримечательностях, древностях, нравах народа и прочее.

Турцию он рисовал как угнетательницу балканских народов. О пособниках этого угнетения, хищниках Франции и Англии, их двусторонней игре говорил. О России, доброжелательно относившейся к славянским народам. О нашей помощи Болгарии, о Плевне, где наши чудо-богатыри били турок. О великих полководцах Суворове, Кутузове, побеждавших турок и заставлявших пойти на уступки русскому оружию.

Рассказы Сергея Николаевича нас так увлекали, что мы забывали о перерывах и катаниях на льду. Возвращаясь из школы, каждый из нас думал, как бы стать такими героями, о которых говорил Сергей Николаевич.

Сергей Николаевич жил и работал в Стамбуле, Константинополе, Афинах, Софии, Белграде, Риме, Венеции, Неаполе, Вене, Берлине и Париже.

Рассказывая об этих городах, от оттенял и выпячивал самое дорогое, самое ценное, что могло увлечь нас. Из его рассказов мы, ученики, заключили, что самый лучший город в Европе – это Вена. Париж Сергей Николаевич называл толкучкой, а Вену – цветущим раем, наслаждающим взор наблюдателя.

Окончил я школу отлично, такой же отличницей окончила школу и Даша Журавлева. Кроме школьного подарка, уездный инспектор народных училищ собственноручно вручил нам от себя подарки. Я получил том Пушкина, в котором были «Арап Петра Великого» и «Капитанская дочка». Даша получила Некрасова, в котором были «Русские женщины». Обменявшись после прочтения с Дашей книжками, я прочел поэму «Русские женщины», в которой Некрасов верно отобразил характеры Волконской и Трубецкой, отправившихся в далекую, холодную, неизведанную Сибирь, чтобы облегчить, скрасить жизнь дорогих им узников. После прочтения этой книги я поделился своим суждением о ней с Неонилой Николаевной, которая не только хорошо относилась ко мне, но, мне кажется, она любила меня. Ведь у нее не было своих детей.

Неонила Николаевна мне сказала:

– А знаешь ли ты, Кондраша, что Зинаида Сергеевна – дочь князя Трубецкого, родилась в небольшом местечке Оёке, где находился ее отец в ссылке после отбытия каторги.

После этого мне стало понятно, откуда эта жалость к беднякам, откуда эта любовь к народу. Это – результат тяжелого прошлого Зинаиды Сергеевны, ее отца и матери. Это наследственное качество было передано Сергею Николаевичу и его брату Дмитрию Николаевичу, который тоже был хорошим баринном, от матери Зинаиды Сергеевны и от их дедушки и бабушки Трубецких. Эту наследственность получили и внуки, и правнуки Свербеевых и Трубецких, Дмитрий и Николай.

В 1915 году Свербеевых, особенно Анну Васильевну, постигло несчастье. Дмитрий Сергеевич без согласия матери женился на орловской вдове-купчихе, взяв в приданое девочку купчихи, рожденную от первого брака. Женильба эта довела до истерики Анну Васильевну, а Дмитрий получил приказ «никогда купчиху не показывать ей на глаза». Выкрики Анны Васильевны: Так унижить дворянское достоинство», «это небывалый поступок» – раздавались по всему дому.

Узнав об этом, Коля воскликнул: «Браво, братик, хороший номер отколол!» Уговоры Сергея Николаевича и Зинаиды Сергеевны смягчили Анну Васильевну, и Дмитрию Сергеевичу разрешено было привезти купчиху с дочкой в имение.

Купчиха оказалась молодой, довольно красивой, веселой, обязательной женщиной. Она быстро завоевала сердца всех окружающих, кроме Анны Васильевны, та продолжала дуться.

Забавным существом была девочка купчихи Сусанна. Веселостью, серебристым смехом, оживленной беготней эта шестилетняя забавница пленила сердца всех окружающих. Зинаида Сергеевна, с лица которой не сходила грусть, улыбалась этой забавнице и выслушивала ее детский лепет.

Купчиха не стеснялась общаться с девушками-поденщицами, работающими в саду. Собирала с ними малину, клубнику, обрывала крыжовник, смородину, принимала участие с экономкой в варке варенья. Со всей дворней была обходительна, а с деревенской интеллигенцией дружила запросто. Купчиху можно было видеть и в обществе Зинаиды Сергеевны, по всем признакам она ей нравилась. Разговоры их были дружественные.

В середине лета 1915 года Свербеевы получили извещение о гибели на фронте Николая Сергеевича. Свербеевский дом покрылся трауром. Зинаида Сергеевна тяжело переживала гибель неугомонного, непоседливого Коли, она его, несмотря на недостатки, очень любила.

Зинаида Сергеевна заболела, болезнь повлияла на старческие ноги, ведь ей в то время приближалось к 80 годам. Она перестала ходить, ее начали возить в ручной колясочке.

Наступил 1917 год. Отрекся бездарный царь от престола. Временное правительство, не давшее и ничего не сулившее народу, не пользовалось доверием народа. В городах голод. Продолжение войны на фронтах. В деревнях недовольство крестьян. Разграбление помещичьих усадеб. Помещики начали спешно покидать свои насиженные гнезда. Свербеевы спокойно жили в своем имении. Выезд считали ненужным и бесполезным.

Наступил Октябрь. Нападают крестьяне на помещичьи имения, забирают скот, хлеб, инвентарь, разрушают строения, сжигая ненавистные им гнезда. Попытка соседних крестьян на разграбление свербеевского имения не имеет успеха. Крестьяне села Сетуха поднялись на защиту своего имения от разрушения. Среди крестьян находились барчуки Дмитрий и Сергей. После этого Свербеевы обратились к сходу села за разрешением выехать им

в орловский дом и вывезти необходимые вещи и мебель. И для сбора небольших средств продать крестьянам ненужные им вещи и мебель.

Разрешение было дано.

Крестьяне помогли вывезти необходимые им вещи и мебель в Орел. Остальные вещи были проданы крестьянам. При отъезде в Орел Зинаида Сергеевна подарила Неониле Николаевне свой портрет, писанный масляными красками.

У Неонилы Николаевны были фотографии Сергея Николаевича, Анны Васильевны, Дмитрия Сергеевича, Николая Сергеевича, Владимира Сергеевича и Сергея Сергеевича, подаренные ими ей в разное время. После смерти, последовавшей в 1922 г., Неонила Николаевна завещала все свои вещи своей любимой ученице Даше Журавлевой, которая с помощью Зинаиды Сергеевны и Неонилы Николаевны, а впоследствии Советской власти окончила высшее начальное Новосильское училище и училась где-то в высшем учебном заведении.

Даша, вернее Дарья Никитична Журавлева, дочь скотника на конюшне рабочих лошадей, была из села Березовец, находящегося в 7 километрах от Сетухи. Если бы удалось ее разыскать, материал бы пополнился для книги.

После отъезда Свербеевых в Орел крестьяне взяли имение под свою охрану и контроль. Упросили управляющего-литовца, оставившего свое имение и бежавшего от немецких войск, и конторщика Ивана Яковлевича Эглит присматривать за имением до дальнейшего решения, а так как не знали, какое дать в дальнейшем, послали ходоков к В.И. Ленину.

Ленин, выслушав ходоков, посоветовал: если не знаете, что делать с имением, разделите его среди крестьян, а дома и все жилье сохраните, они вам пригодятся.

В феврале и марте 1918 года скот и инвентарь были поделены между крестьянами, семенной фонд зерна сдан Красной Армии, а домостроения взяли под контроль и сохранность, разместив деревенских бедняков, нуждающихся в жилье.

Весною 1918 года на пасхальные праздники толпа парней под командованием сорвиголовы Петрухина Козьмы сняла со школы вывеску только потому, что на ней было имя Д.Н. Свербеева. На

уговоры учителя Филиппа Григорьевича и бывших в школе Петра Тимофеевича Клокова и Лапина, имя не помню, он был писарем, последовали ругань, оскорбления, и, приписав им контрреволюцию, с помощью таких же головоотяпов из Новосильского уезда, их посадили в Новосильскую тюрьму, присовокупив к ним священника Божанова.

Сетушинское общество обратилось к Чрезвычайному уполномоченному ВЦИК по Тульской, Орловской и смежным губерниям, старому большевику Панюшкину Василию Лукичу, уроженцу деревни Кочеты, с просьбой освободить незаконно обвиняемых. Василий Лукич, не найдя состава преступления, заключенных освободил.

Священник после освобождения из тюрьмы забрал свою старуху матушку и с небольшим количеством домашних вещей уехал в Тулу, а из Тулы – в другой приход, оставив в пользу крестьян свое немалое имущество.

Филипп Григорьевич Назаров не стал больше учительствовать в Сетухе и поступил в Новосильский банк счетоводом, где в то время работал наш сетушинский земляк Ланин Василий Дмитриевич в должности заведующего уездным финансовым отделом.

Зимой 1918 года Филиппа Григорьевича пригласили работать по совместительству в Сетушинское ссудо-сберегательное товарищество. Дабы не быть слишком перегруженным в работе, Филипп Григорьевич пригласил меня к себе в ученики с оплатой 25 рублей в месяц, так что после его ареста и ухода на другую работу я, недостаточно подготовленный, стал счетоводом, где и проработал до мая месяца 1920 года.

После снятия со школы вывески жители села, особенно молодежь, решили: возврата старому нет. Школу перевести в более просторное помещение, деревянный помещичий дом, ранее принадлежавший второму сыну Зинаиды Сергеевны Дмитрию Николаевичу, а после его смерти и отъезда за границу его жены купленный Сергеем Николаевичем. А в прежней школе решили открыть Народный дом.

Учебный 1918–19 год начался в новом помещении с увеличенным количеством учеников и штатом учителей. Крестьяне решили дать детям знание, а в старой школе Народный дом развернул

работу со взрослой молодежью. Организовали драматический кружок. Начали ставить самодеятельные спектакли.

С помощью пленных чехов, грамотных ребят, составили каталог книг, взятых из свербеевской усадьбы и собранных у населения из разграбленных помещичьих усадеб. Открыли неплохую библиотеку⁸. Заведующего уездный Наробраз прислал нам артиста Акинина Дольского, который пробыл на этой должности до середины 1920 года.

Библиотеку поручили небольшому грамотею Шукаеву, имя его не помню. Народный дом помимо постановки спектаклей приглашал лекторов из уезда, которые читали лекции на разные темы, поручал своим культурным силам делать доклады на разные темы.

Сетуша славилась в Новосиле как культурный сельский центр. В библиотеке были рукописи князя Трубецкого в разрозненном виде, в отдельных листах большого формата. Ничего в них не понимая, никто к ним не прикасался. Так они лежали в нижней полке большого книжного дубового свербеевского шкафа. Кроме этого, были 10–12 книг журнального формата с простыми бумажными обложками – «Сибирские записки князя Трубецкого».

Отпечатаны ли эти книги с тех рукописей, которые хранились в библиотеке, или нет, сказать не могу, так как тех и других по своей малообразованности я не читал.

В 1918 году я поехал в Орел купить что-нибудь из обуви. Моя мама попросила навестить Зинаиду Сергеевну и навязала узел подарков: муки, пшеница, маслица и с ведерко картошки. В Орле в то время был голод.

Зинаида Сергеевна и Дора Эрнестовна были очень рады подарку⁹, благодарили меня и маму, расспрашивали, как идет жизнь в селе, жаловались на недостаток продуктов. Провожая меня, Дора Эрнестовна сказала мне, что Зинаида Сергеевна так добра, что остается сама голодная, но не отказывает всем, кто к ней при-

⁸ В 1913 году при сетушинском начальном училище З.С. Свербеевой была открыта народная библиотека, носившая ее имя. Сообщение о ее открытии в «Журнале Новосильского уездного земского собрания. 48-й очередной сессии 1912 г.». – Орел, 19113, с. 97.

⁹ Жила З.С. Свербеева в то время в доме сына в Орле, располагавшемся на месте нынешнего нового корпуса часового завода.

ходит. Мне было жаль эту добрую старушку, покинутую сыном, невесткой и внуками в такой тяжелый момент.

В воскресный день заседало правление ссудо-сберегательного товарищества, в котором большинство было из крестьян села Сетуха. Я рассказал о бедственном положении Зинаиды Сергеевны, подчеркнул, что она – дочь декабриста, который долгое время томился в сибирской каторге, и просил оказать ей помощь. И помощь ей была оказана.

Я знаю точно. Аверьян Ильич Шукаев, Дмитрий Тимофеевич Клоков, Максим Родионович Авилов на зиму 1918–1919 года послали ей три воза дров, отправляли ей муку, крупу, картофель. Очень возможно, что и другие оказывали ей помощь – точно не знаю, но я лично из своих скудных средств 3–4 раза в год возил ей скромные подарки.

Летом 1919 года вместе с подарками я привез Зинаиде Сергеевне находившийся в библиотеке забытый ими альбом с фотографиями и книгу «Биографии 86 декабристов с их 86 фотографиями». Это была ценная книга для Зинаиды Сергеевны, и она сердечно благодарила меня за внимание. Из библиотеки я больше ничего ей не возил, она и не просила ничего.

По возвращении из армии в 1923 году я узнал, что Зинаида Сергеевна умерла, что Сергея Николаевича белые в 1919 году в Орле заставили работать в должности руководителя госпиталей. Куда делся он после разгрома интервентов, неизвестно. Куда делась Анна Васильевна и Дмитрий Сергеевич, неизвестно.

Свербеевский дом, где находилась школа, разобран и перевезен в какое-то другое село для учреждения.

Школа перевезена в старое здание.

При школьной библиотеке ни рукописей, ни книг «Записки князя Трубецкого» не оказалось.

При ликвидации Народного дома и перевоза в него школы был заведующий школой учитель Наседкин из села Грачевка в 6 километрах от Сетухи. Возможно, что он о судьбе рукописей и книг что-либо знал, но в 1923–1924 году он был где-то далеко от своего села Сетухи и я его до отъезда в Донбасс не видел.

Все написанное мной не является плодом моей фантазии. Все это, что видано и слышано в детстве и юности.

Из рассказов моего дедушки Якова Николаевича Меркушкина, который долгое время работал в имении в качестве сторожа, охранявшего барский двор. Из рассказов моей матери Ксении Прокофьевны Меркушкиной, наблюдательной женщины.

Из рассказов учительницы Неонилы Николаевны, камердинера Сергея Николаевича Хохлова Якова, лакея барчуков Франца, повара, прослужившего у Свербеевых более двадцати лет, Авилова Максима Родионовича.

Из разговоров старых жителей села, пользующихся большим уважением народа. Это Аверьян Ильич Шукаев, Дмитрий Тимофеевич Клоков, Козьма, отчества не помню, Зубарев.

И бесед с Дорой Эрнестовной, горничной Зинаиды Сергеевны.

Приложение № 1 Опись архива Свербеевых (село Сетуха, Новосильский уезд Тульской губернии)¹⁰

1. Журнал входящих и исходящих бумаг по делам князя И.С. Трубецкого. 161 лист.
2. Разные бумаги. 110 шт.
3. Высочайшие приказы и документы по службе в Восточной Сибири. 31 шт.
4. Дело по предписанию генерал-губернатора о покупке для казенных мест Иркутской губернии хлеба. 39 листов.
5. Дело по командировке чиновника Свербеева в Удской край. 6 листов.
6. Дело по отправке 15 человек команды мастеровых Нерчинских заводов. 18 листов.
7. Разные дела и документы. 108 листов.
8. Две докладные записки об Удском крае. 116 листов.
9. Управление князя С.П. Трубецкого. Разные дела и документы по имениям княгини Е.И. Трубецкой. 71 шт.
10. Разные документы. 22 шт.
11. К подписанию. Разные бумаги. 11 шт.
12. К докладу. Разные бумаги. 10 шт.
13. Черновики писем и др. бумаги. 137 листов.
14. Остальные бумаги по имению Трубецких. 30 листов.

¹⁰ Опись сделана при передаче архива из Тулы в Иркутск в 1922 году. Копия описи поступила в ГАОО много позднее. По сведениям печати того времени, часть архива была похищена (ГАОО, ф. 958, л. 1–2).

15. Переписка по имению за несколько годов. 98 шт.
16. Разные бумаги Трубецких. 214 листов.
17. Горные дела Трубецкого. 51 лист.
18. Материалы, относящиеся к запискам о Кяхтинской торговле (черновые бумаги). 444 листа.
19. То же (разные бумаги). 17 тетрадей.
20. Записки о Кяхтинской торговле. 118 страниц.
21. Материалы, относящиеся к запискам о Кяхтинской торговле. Записки о Кантонских чаях. 15 тетрадей.
22. Материалы к запискам о Кяхтинской торговле. 9 тетрадей.
23. То же. Мнения и отзывы купечества. 26 шт.
24. Свод переписки между Российской империей и Китайским госуд. 95 листов.
25. Записка о Сибири. 230 листов.
26. О внутренних китайских делах и о русско-китайских сношениях. 25 шт.
27. Материалы, относящиеся к записке о Кяхтинской торговле. 410 листов.
28. Аттестаты и бумаги по Университету. 78 листов.
29. Записка о Кантонских чаях. 139 листов.
30. Разные бумаги. 124 листа.
31. Материалы к предполагаемой смерти по Амурской экспедиции. 7 тетрадей.
32. Бумаги, относящиеся к сношениям с китайцами. 88 листов.
33. Воспоминания о 1826/27 гг. князя Е.П. Оболенского. 17 листов.
34. Разные записки. 160 листов.
35. Метеорологические наблюдения и др. бумаги. 165 листов.
36. Разные документы Свербеева. 26 шт.
37. Разные выписки из книг, тетради. 90 шт.
38. Рукопись на французском языке. 7 листов.
39. Письма. 10600 шт. – 11 пачек.
40. Тетради Свербеева и Ребиндер. 17 шт.
41. Письма разных лиц к Е.И. и С.П. Трубецким. 283 шт.
42. Письма разных лиц к княгине Е.И. Трубецкой 1826 г. 33 шт. (переплетены).
43. Письма И.Д. Якушкина к князю С.П. Трубецкому. 9 шт.
44. Копии писем князя С.П. Трубецкого к И.Д. Якушкину. 27 шт.
45. Копии писем И.Д. Якушкина к С.П. Трубецкому.
46. Письма Е. Бестужева. 4 шт.

47. Разные письма (губернатора Цейдлера к Е. Трубецкой, графа Лаваль и др.). 4 шт.
48. Письма разных лиц к Е.И. Трубецкой. 1827 г. 175 листов (переплетены).
49. То же. 1828 г. 164 листа.
50. То же. 1829 г. 189 листа.
51. ***** 1830 г. 181 лист.
52. ***** 1831 г. 159 листов.
53. ***** 1832 г. 166 листов.
54. ***** 1833 г. 160 листов.
55. Письма разных лиц к Е.И. Трубецкой. 1834 г. 175 листов.
56. ***** 1835 г. 132 листа.
57. ***** ?. 558 листов. переплетены
58. Разные письма к И.С. Трубецкому, Свербееву и Ребиндер. 200 шт.
59. Тетрадь – копия записок сестры (?) Е.И. Трубецкой. 71 стр.
60. Копия записок князя С.П. Трубецкого с прибавлениями. 56 листов.
61. Разные записки и др. бумаги. 155 листов.
62. 3 надгробных слова, 1 проповедь и 7 различных документов. 11 шт.
63. Записки (Дневник детский) 1841–42 гг.
64. Горе от ума. Рукопись. Стр. 11–177.
65. Письма князя С.П. Трубецкого к жене (4 шт.) и неизвестных лиц к Е. Потемкиной (4 шт.). 8 шт.
66. Записки князя С.П. Трубецкого, завещание его и др. бумаги. 218 листов.¹¹

Приложение № 2
Опись имущества З.С. Свербеевой,
поступившего в Орловское
губархбюро после ее смерти
(№№ 191–265)¹²

1925 года, августа 12–25 дня на основании распоряжения орловского губисполкома от ... за №... комиссия в составе представителя губисполкома Щеголева А., представителя К.Б.У. Ор-

¹¹ ГАОО, фонд 958 (фонд Свербеева, состоит из этого документа), лист 1–2. На обложке: 1922 г. Опись прислана из Тулы, видимо, в 1952 году.

¹² В опись не включены №№ 1–190 ввиду невозможности установления точной их принадлежности З.С. Свербеевой.

ловского губфо тов. Пигулевского А. и зам. зав. губархбюро тов. Горского В., в присутствии бывшего зав. Губархбюро тов. Ярова-Южина и вновь назначенного врид. зав. губархбюро тов. Кошеверова И.Д. произвела передачу дел, денежных сумм и имущества орловского губархбюро по состоянию на 13-ое сего августа от бывш. зав. губархбюро тов. Ярова-Южина вновь назначенному врид. зав. губархбюро тов. Кошеверову. Причем установлено следующее:

- IV. Инвентарь и имущество губархбюро
190. Плетеная корзиночка 1.
 192. Портрет-складень 1.
 193. Бумажник желтой кожи 1.
 194. 12-ое евангелие 1.
 195. Паспортная книжка на имя З. Свербеевой 1.
 196. Поминание 1.
 197. 6 обрашков 6.
 198. Маленькое зеркало 1.
 199. Маленький дикционер 1883 г. 1.
 200. Канонник 1.
 201. Серебр. пепельница 1.
 202. Футляр с булавками.
 203. Портсигар наполовину серебрян. 1.
 204. Перламутровое яичко 1.
 205. Металлическая коробка 1.
 206. Иконочка 1.
 207. 38 визитных карточек З.С. Свербеевой 38.
 208. Бювары 1.
 209. Записки князя Трубецкого (книги) 2.
 210. Книга воспоминаний студенчества 1832–1835 г. 1.
 211. Приходо-расходная книга 1.
 212. Книга «История римского права» Покровского 1.
 213. То же Хвостова 1.
 214. Деревянная шкатулка 1.
 215. Книга стихотворений Хомякова 1.
 216. Книга «Наш Одиссей» Мордовцева 1.
 217. Больших фотоснимков 3.
 218. Гравюры в рамках 2.
 219. То же без рамки 1.
 220. Мал. метал. подств. 1.
 221. Шелковая вяз. фуф. бывш. в употр. 1.

222. Салфетка 1.
223. Книга «Записки» Якушиной 1.
224. Портреты среднего формата 2.
225. Фотография и картины декабристов в Сибири изд 1918 г. 1.
226. Денежные знаки царск. правит. в сумме тысяча восемьсот семьдесят четыре рубля.
227. Маленьких рамок 7 (5 портр.).
228. Маленький блокнот 1.
229. Металлическ. факс. 1.
230. Перочистка 1.
231. Хозплан имения Д.Н. Свербеева 1.
232. Выпись из крепостной за 1916 г. 1.
233. То же за 1914 г. 1.
234. Писем 9.
235. Фотокарточек 19.
236. Рецептов 25.
237. Карта жел. дор. Евр. России 1.
238. Кусок карты 1.
239. Метрическое свидетельство Н. Свербеева 1.
240. Опись вещей 1.
241. 2 свидетельства Тульского страховобщества на имя Ф.Д. Свербеева 2.
242. Духовное завещание Свербеева 1.
243. Конвертов большого формата 7.
244. Расписка Малиновского на 315 руб. 1.
245. Список лиц у кого находятся вещи Свербеевой 1.
246. Старый носовой платок 1.
247. Маленькое стекло из-под рамки 1.
248. Расписка ГСНХ реквизиц. вещей у Свербеевой 1.
249. Открытки 2.
250. Письма на франц. Языке 2.
251. Металлич. подставка для рамки 1.
252. Папка с разными бумагами 1.
253. План имения Свербеева 1.
254. Коробка с разными мелкими вещами 1.
255. Записные книжки 4 (одна с кар.).
256. Кожаная рамка с портретом 1.
257. Дерев. рамка с портретом 1.
258. Рамки с разбитыми стеклами 3 (1 с портр.).
259. Рамка резн. дерева со стеклом 1.

260. Большая рамка со стеклом 1.
261. Рамок среднего формата со стеклом 5.
262. Большая рамка со стеклом и портр. 1.
263. Портретов работы Верещагина 2.
264. Маленьких рамок 3 (3 с портретом).
265. Плюшевая рамка со стеклом 1.¹³

[А.Ю. Саран, Ю.В. Жукова]

БИБЛИОФИЛЬСКАЯ МОЗАИКА*

Порча книг была чревата...

В описи заключенных в Орловском тюремном замке за 1840 г. значится один арестант, лишенный свободы «за вырывание листа из книги».

(Орловские губернские ведомости. – 1841. – 4 апреля)

Жандармы интересуются частными библиотеками...

26 мая 1910 г. помощник начальника Орловского губернского жандармского управления Шульц сообщал своему начальнику Власьеву: «В Орле, по ул. Черкасской в доме Черникова живет бывший студент Н.П. Никитский, мещанин, без определенных занятий. Ни к одной партии не принадлежит, но имеет связи... Имеется ценная библиотека всевозможных научных и революционных изданий».

(ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 561. Л. 11)

Цензура спросом не пользуется...

В 1919 г. отдел распределения рабочей силы известил жителей Орла, что имеются свободные рабочие места. Требовалось 29 чернорабочих, 8 сапожников, 4 домашние прислуги, 3 курьера,

¹³ *Примечание: Ввиду того, что инвентарной книги в Орловском губархбюро не ведется, наличие имеющегося инвентаря губархбюро на 13-ое сего августа было сличено с приемо-сдаточным актом от тов. Преображенского тов. Ярову-Южину, датированным 10-го января 1925 года. Ф. 1240 (Орловское губернское архивное бюро), д. 24, л.л. 36–37.*

* *Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 2000. Вып. 7*

3 кузнеца... С некоторым удивлением прочитал в этом списке о потребности в трех цензорах.

(Орловские известия. – 1919. – 10 сентября)

Заключенный и книга...

Орловский концлагерь № 1 в 1920 г. регулярно выделял заключенных для работ в мастерские центрального склада книг и бланков Риго-Орловской железной дороги.

(ГАОО. Ф. 368. Оп. 6. Д. 92)

Планы, планы...

1 февраля 1925 г. отдел истории компартии губернского комитета ВКП(б) известил орловцев об открытии подписки на «Историю Орловского централа». Книга в 300 страниц должна была иллюстрироваться фотографиями зданий и помещений централа, а также самых знаменитых узников.

Вскоре, 24 февраля, губистпарт увеличил обещания до 500 страниц текста и добавил к списку иллюстраций портреты администрации Орловского централа. Определились и хронологические рамки работы – 1909–1913 гг.

Позднее упоминаний об этом издании уже не встречалось.

(Орловская правда. – 1925. – 1 февраля, 24 февраля)

Деньги библиотеке...

30 ноября 1921 г. президиум Орловского губисполкома решил выделить библиотеке им. И.С. Тургенева 1.000.000 рублей «безкредитно». Губернскому финансовому отделу было отдано распоряжение выдать миллион библиотеке.

(ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 10)

Уникальные орловские библиотеки

«В селе Молдованом (Молодовом – Ю.Ж.) Карачевского уезд., некогда принадлежавшем статс-секретарю императрицы Екатерины II (Теплову – Ю.Ж.) хранится чрезвычайно богатая библиотека, в которой есть несколько свертков неизданной и никому неизвестной подлинной переписки Вольтера с Тепловым и Разумовским.

В селе Александровке Болховского уезда в имени Барышниковых есть также большая библиотека, заключающая в себе, между

прочим, богатейшее собрание масонских книг, из которых многих нет ни в одном из существующих в России книгохранилищ».

(Российская библиография. – СПб., 1881. – № 80 (40). – С. 29)

* * *

В 1903 году Императорская Академия наук запросила Орловскую ученую комиссию об известных ей книгохранилищах и библиотеках для помещения сведений о них в адресной книге библиотек Российской Империи:

«При обсуждении этого вопроса некоторыми членами было обращено внимание Комиссии на частные библиотеки и книгохранилища, известные как по ценности их, так и по количеству книг; к числу таких расположенных в Орловской губернии библиотек относятся: князей Чернышевых-Кругликовых в селе Тагине, Орловского уезда; г. Теплова в с. Молодовом, Карачевского уезда; г.г. Киреевских в с. Кирееве, Орловского уезда; И.К. Юрасовского в с. Гремучем Ключе, Мценского уезда и общественная читальня в г. Кромах, куда почти целиком поступила библиотека известного богача И.П. Бырдина».

(Труды Орловской Ученой Архивной Комиссии. 1903. – Орел, 1904. – С. 18–19)

Лазаретная библиотека

Дочь писателя А.Т. Щегловитова – Римма – в письме к отцу рассказывает о своей жизни в лазарете Николаевской женской гимназии:

«У нас есть еще так называемая лазаретная библиотека, которая состоит из двух книг: в одной сказки, а другая книга под заглавием «Давид Коперфильд» без начала и конца, и вот мы аккуратно каждый день берем эту книгу, прочитаем всем несколько страниц и опять кладем ее под кровать, где она всегда находится».

(ГЛМТ. – ОФ. 223000)

О.П. Власова

В ДОМЕ ДЕКАБРИСТА*

Навсегда в моей памяти остался большой, из тридцати комнат, дом, что находился в селе Фаддеево бывшего Болховского уезда Орловской губернии и в тридцати верстах от города Орла и в тридцати – от города Болхова.

В 1802 году в этом селе и доме родился будущий декабрист Сергей Иванович Кривцов, здесь же в 1864 году он был похоронен в фамильном склепе под зданием фаддеевской церкви.

Поколения Кривцовых свой род в Фаддееве ведут с 1703 года. Это поместье, называемое тогда Тимофеевское, было дано в отчину с крестьянами Петром Первым сыну посадского города Болхова Осипа Кривцова военному человеку Фаддею за служение Отечеству против крымского хана.

В 1915 году моя сестра Мария Павловна Копылова приехала в село Фаддеево на должность учительницы только что открывшейся начальной земской школы. Живописно расположенное на пригорке, все в зелени, село имело девяносто дворов. Совсем маленькой, мне было лет пять, сестра возила меня в Фаддеево. Зимой мы ехали на санях, летом на тряской телеге. Коротая

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1985. Вып. 3

длинные дни, мы часто с ней бывали, как раньше говорили, «на барском дворе», где в то время (бывшем имении С.И. Кривцова) управляла В.А. Вендрик.

Она открывала для нас этот длинный дом. В нем никто не жил. Мы ходили по его комнатам, разглядывали обстановку: шкафы, диваны, кресла, картины. Эта обстановка частично была продана вместе с имением племянницей С.И. Кривцова О.П. Орловой много лет спустя после его смерти. Роскошной, обитой плюшем, шелком мебели в доме не было. Она была проста, но очень старинная.

Мне особенно запомнилась одна комната; на трех ее высоких стенах были полки, а на них стояли книги. Книг было много, они были закрыты шторами. В этой комнате находилась библиотека Кривцовых. В декабре 1917 года из Орла для разбора барской усадьбы в село Фаддеево приехали представители молодой Советской власти. Сестру Марию Павловну пригласили в члены этой комиссии. Имущество дома было продано присутствующим, а библиотека, о которой иногда идет разговор на заседаниях «Орловского библиофила» (куда она делась»), была разобрана крестьянами и, вероятнее всего, погибла. Сестра тоже купила для себя некоторые вещи: два дивана, стол, несколько кресел и картин. Часть этих вещей поступила в Орел, в дом отца, а остальные еще в 20-е годы она продала в художественный музей Орла и лишь с некоторыми дожила свои дни.

Автором этой статьи в 1958 году в областной краеведческий музей были переданы три полукресла из имения Кривцовых.

В настоящее время в моей квартире сохраняется одна старинная картина и небольшая деревянная, работы крепостных, вешалка для одежды.

Много лет прошло с той поры, но никогда и никому из орловских библиофилов не попадались книги из библиотеки Кривцовых. И лишь зимой этого года у меня состоялась встреча с одной из книг, напомнившая об этом прекрасном книжном собрании. На заседании клуба «Орловский библиофил» была развернута интересная и многочисленная выставка редкой книги из фондов областной библиотеки имени Н.К. Крупской и личных собраний. К нашему изумлению, среди них находилась книга, когда-то принадлежавшая Кривцовым. Экземпляр в старинном твердом переплете, обтянутый желтой кожей, на его титульном листе напе-

чатано: «Краткие записки адмирала А. Шишкова веденные им в бывшую с французами 1812 и последующих годах войну» (СПб., 1831). Здесь же была помещена печать библиотеки Кривцовых, на которой изображен фамильный герб и надпись «Библиотека Ф. Кривцова».

В предреволюционные годы, судя по надписи, книга принадлежала Лопухиной и была куплена ею у известного петербургского книгопродавца В. Ключкова.

Поиски сведений о Кривцовых показали: Кривцовых в Болховском уезде было несколько и, надо полагать, все они были связаны родством. В поколении, к которому принадлежал Сергей Иванович, имен на букву Ф не было; надо полагать, что эта книга из библиотеки племянника Сергея Ивановича и, возможно, ее держал в руках и читал наш земляк – декабрист С.И. Кривцов.

А.Н. Устинских

ДОЛГИЙ ПОИСК*

Осенью 1985 года мы отметили 110-летие со дня рождения выдающегося исследователя Арктики, орловского революционера В.А. Русанова.

Состоялась Всесоюзная конференция, посвященная трудам и подвигам полярника.

В библиотеке имени А.С. Пушкина, в клубе книголюбов имени Н.С. Лескова выступил с докладом о Русанове краевед Александр Николаевич Устинских.

В данной статье он рассказывает о своем долгом поиске бесценных сведений о замечательном земляке.

* * *

Имя Владимира Александровича Русанова мне довелось услышать находясь на плавательской практике. Курсанты Омского речного училища, где я тогда учился, проходили ее в основном в пределах Нижне-Иртышского речного пароходства. Только очень немногие, на крупных пассажирских пароходах, ходили в низовья

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1986. Вып. 4

Оби. И уж совсем единицы, на теплоходах типа река-море, бывали даже на островах Карского моря.

Поздней осенью 1947 года с Диксона возвращался теплоход «Суворов». Его команда и принесла весть о том, что на Северной земле найдены следы пребывания там неизвестного морехода. И что по утверждению старых полярников в тех местах никто из путешественников и промысловиков не бывал. А те считанные единицы людей, кто побывал на Северной земле, возвратились живыми и здоровыми.

Высказывались такие предположения, что это могли быть только люди из экспедиции Русанова; именно эта экспедиция затерялась в Арктике, но где – никто не знал.

Кто такой Русанов я, конечно, и понятия не имел. Но разговоры вокруг находок были очень оживленными, поэтому мне, как и любому курсанту-воднику, тоже все это было интересно.

Капитан теплохода «Суворов», видимо, очень хорошо знавший историю экспедиции Русанова и имевший к тому времени находки, рассказывал увлекательно.

Возвратившись в училище, я прочитал об экспедиции Русанова все, что было опубликовано в «Известиях государственного географического общества» за 1935 год. Прочитал и, обнаружив много неясностей, утратил интерес к этой теме.

Но вот попал я в музей Арктики и Антарктики. В ту пору я уже учился в Ленинградском институте инженеров водного транспорта. Музей настолько меня заинтересовал, что я ходил туда несколько воскресений подряд. Изучил все экспонаты о Русанове. Затем прочел книгу «Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма», выпущенную издательством Главсевморпути еще в 1945 году. Личность славного орловца захватила меня целеустремленностью, настойчивостью в достижении намеченной цели, последовательностью. По письмам к родным я представлял его нежным, ласковым, по-детски застенчивым.

Публикаций о В.А. Русанове тогда почти не было.

В 1959 году Орловский Совнархоз пригласил меня работать в Орле.

Первое, что я сделал, это попытался разыскать сына В.А. Русанова Александра Владимировича и Марию Петровну Зубковскую, известных мне по книге «В.А. Русанов...».

Александр Владимирович в Орле не проживал, Марии Петровны уже не было в живых. Материалы краеведческого музея ничего не могли прибавить к тому, что мне было уже известно. С того времени и начались настоящие поиски. Так мне удалось встретиться с Николаем Ивановичем Зубковским – сыном Марии Петровны Зубковской. Это действительно был настоящий кладезь знаний о Русанове. (Жили тогда Зубковские на улице Карла Либкнехта в своем домике.) Николай Иванович был не только близким родственником Русанова, но и лично знал его, хорошо помнил. Знал и хорошо помнил Любовь Дмитриевну – мать Владимира Александровича. Помнил и Андрея Петровича, отчима. А с сыном Владимира Александровича Сашей они росли вместе. Так как после смерти Андрея Петровича, а умер он в 1919 году, через два года после кончины Любви Дмитриевны, Сашу на воспитание взяла в свою семью Мария Петровна Зубковская.

Каким был Русанов в обыденной жизни?

Николай Иванович в ответ на этот вопрос как-то весь сжался, сморщил лицо и нараспев протянул:

– Простой-простой! Сашка года на два помоложе меня. Владимир Александрович бывало как сцепится с нами возиться, у нас визгу на всю подселенную. Андрей Петрович прямо до самозабвения любил Сашку и все боялся, чтобы отец не сделал ему больно, квочет над нами как квочка. А тетка Любка бывало смотрит на нас, как мы клубком катаемся, и все говорит: «Ну ты, Володенька, до сих пор как дитя малое. Когда взростеть-то станешь». А ведь в последний приезд Владимира Александровича все профессором называли. И относились с большим почтением.

– Какой была Любовь Дмитриевна?!

– Ну, про это сразу не расскажешь. День и ночь в работе, а на люди выйдет – графиня графией! Высокая, стройная, до старости ни разу голову не опустила, не согнулась. Неспеша, красиво ходила. Наверное, ей пол-Орла еще издали кланялись. А многие и побаивались ее. Скажет любому пяток слов и как замок на крикливый рот навесит.

– Андрей Петрович?

– Ну он был настоящий интеллигент с высочайшей врожденной культурой. Владимира Александровича и Сашку любил – наверное, родных не всегда так любят. Когда сильно заболел,

убивался очень: «Как Шурочка один жить будет?!» Немного успокоился, когда Мария Петровна поклялась ему клятвенно, что возьмет Сашку к себе, – успокоился немного. Так она и сделала, когда Андрея Петровича не стало. Саша у нас рос.

Николай Иванович передал мне документ из отделения милиции о том, что в семье М.П. Зубковской воспитывается ее родственник Саша Русанов.

От Николая Ивановича Зубковского я узнал, что в 1904 году В.А. Русанов посылал в Военное министерство записку с предложением провести Балтийскую эскадру в Тихий океан Северным морским путем. Было несколько записей выступления Русанова на магнитофонный валик. Одновременно с планом Шпицбергенской экспедиции Русанов подавал для рассмотрения и план перехода Северным морским путем. Первую биографию В.А. Русанова написал Андрей Петрович Соколов и опубликовал ее в архангельской газете.

Всего этого тогда ни в книге, ни в музейных документах не было.

Из бытовых моментов, рассказанных Николаем Ивановичем, наиболее примечательными считаю следующие.

После свадьбы Любовь Дмитриевна не пошла в дом мужа, что на Второй Курской улице. (Потом этот дом почему-то «потеряли» и заново начали «искать».) А ушли молодые в дом, приобретенный на Мацневском переулке. Этого родня мужа не могла ей простить до самой смерти. Когда же умер Александр Дмитриевич и она осталась с четырехлетним сыном на руках, с огромными долгами, и тогда они не простили ей и не помогли. Она не пошла с поклоном. Гордая была. Огород, сад обрабатывала, шила день и ночь, но пока не вышла замуж за Андрея Петровича Соколова (он преподавал латинский язык в духовной семинарии) – копейки ни от кого не приняла.

Когда Владимира Александровича арестовали, а затем выслали – родня, не скрывая, злорадствовала и все упреки за то, что сын «сбился с пути» обрушивались на гордую голову Любви Дмитриевны.

Со всеми подробностями рассказывал Н.И. Зубковский, как готовилась к зданию книга «Владимир Русанов», о том, что Александр Валдимирович за представленные к опубликованию и опу-

бликованные материалы не мог получить гонорар – не было свидетельства о рождении, а из Франции дубликата не запросишь. И о том, что в 1936 году они с Марией Петровной были на приеме у кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Масленниковой. Обсуждался вопрос о сооружении в Орле памятника В.А. Русанову и об организации Дома-музея. Но помешала война. Рассказы Николая Ивановича Зубковского о Русанове – это целая книга, и немалая.

После знакомства с семьей Зубковских – Николаем Ивановичем и его женой Людмилой Васильевной – появились первые мои публикации о Владимире Александровиче Русанове.

Через Зубковских я познакомился с семьей Александра Владимировича Русанова – его женой Александрой Георгиевной и дочерью Лидой – школьницей. (Самого Александра Владимировича в живых уже не было). С этой семьей мы близко подружились. Дружба продолжается и по сей день. Лида в одно лето некоторое время гостила у нас в семье.

Александра Георгиевна передала мне четыре папки документов семейного архива Русановых. В свою очередь я передал их краеведческому музею. Это уже было началом целенаправленного поиска и сбора экспонатов сегодняшнего Дома-музея В.А. Русанова. Поэтому, когда в 1973 году тогдашний зам. председателя Орловского горисполкома Н.М. Цикорева, ведающая культурой, спросила, хватит ли экспонатов для открытия музея, можно было ответить, что их хватит уже на три таких дома.

Свои отпуска я проводил в ленинградских, архангельском, вологодском архивах.

Летом 1968 года после прочтения в альманахе «Проблемы Арктики и Антарктики» статьи доктора исторических наук М.И. Белова «О предстоящих поисках экспедиции В.А. Русанова» в свой очередной отпуск я встретился с ним в Ленинграде на его рабочем месте. (Тогда готовил свою поисковую экспедицию Павел Андреевич Новокшонов.)

Из этой встречи особенно примечательны и, конечно, памятны два момента. Маститый ученый, признанный авторитет по истории Арктики высказывал мысль о том, что разовые и случайные поиски следов экспедиции В.А. Русанова ничего положительного дать не могут. Напомнил печальный факт о том, как были най-

дены и загублены русановские документы. Нужны планомерные и целенаправленные поиски, причем очень ответственными и добросовестными людьми. С этим я соглашался. Это было первое. И второе. Белов вкратце рассказывал о том, что в 1919 году в Карском море с ледокольного парохода «Соловей Будимирович» (впоследствии «Малыгин») видели опрокинувшееся судно, по всем приметам сходное с русановским «Геркулесом». Но его почему-то не осмотрели...

Выяснилось. В двадцатых числах сентября 1919 года в Карском море на 72 градуса и 24 минуты северной широты и 65 градусов восточной долготы с борта ледокольного парохода «Соловей Будимирович» действительно видели плавающий в море корабль, по всем приметам сходный с русановским «Геркулесом». Но его осмотром и буксировкой в ближайший порт никто не занялся. Дело в том, что «Соловей Будимирович» шел не один, а в составе каравана, которым командовал капитан второго ранга Мессер.

Что же это был за караван и этот таинственный Мессер? Опять поиски, переписка, кипы пыльных архивных бумаг. Но ответ был найден.

Капитан второго ранга Мессер – махровый белогвардеец-колчаковец.

После захвата Архангельска и всего севера России англо-французскими интервентами в их руках оказался весь Беломорский флот. Под силой оружия крупные корабли были уведены в Англию и Францию. Там загружены оружием, боеприпасами и другим военным имуществом, предназначенным для армии Колчака.

Одновременно на речных пристанях Иртыша, Оби и Енисея в обмен, точнее, в оплату английского и французского оружия загружались речные суда сибирским хлебом и... маслом. По замыслу только для одного Парижа предназначалось отправить 30000 пудов топленого коровьего масла.

Товарообмен должен был состояться в бухте Находка, расположенной в Обской губе.

Замах был рублевый! Удар получился копеечный. Весь грузообмен был не более 6,5 тысяч тонн.

Опять вопрос – почему? И опять поиски.

Все объяснила телеграмма за подписью Б.А. Вилькицкого, датированная 12-м сентября 1919 года, ныне хранящаяся в ЦГАО-

Ре. Бесценный документ! «Адмирал Колчак разбит, в тылу у него партизанские восстания, нарастающий большевизм. Весь был восстал. Около Тары и Омска красными потоплено два правительственных парохода. В Омске крупные большевистские организации. Тобольск занят большевиками. Крушение колчаковской государственности».

А если учесть еще и то, что осенью 1919 года к Архангельску тоже уже подходила Красная Армия, то картинка становится более чем ясная. До «Геркулеса» ли тут было Мессеру и Вилькицкому?

Тут надо учесть следующее обстоятельство.

Б.А. Вилькицкий, назначенный в 1918 году Советским правительством начальником экспедиции по обследованию Северного морского пути, изменил Советской власти и передал все экспедиционное имущество в руки оккупантов. Более того, добился организации обменной экспедиции по доставке англо-французского оружия для армии Колчака в обмен на сибирские продукты.

Может, этому факту и не было бы уделено столько внимания, если бы уже в наше время вначале в журнале «Природа», а затем и в «Комсомольской правде» в прямой связи с именем В.А. Русанова не появились публикации о Красной экспедиции капитана Мессера в 1919 году.

Архивы Сыктывкара, прежнего Усть-Сысольска, давно привлекали меня. Ведь в Коми крае произошло становление Русанова как исследователя. Но и мои орловские публикации дошли туда, как пришли они в Ленинград и Архангельск, откуда я начал получать письма.

Так, из Ленинграда я получил письмо от Василия Михайловича Пасецкого, который сообщил о намерении написать новый вариант книги о Русанове и просил помочь имеющимися в моем распоряжении новыми находками.

После выхода книги «Отогревшие землю» автор прислал мне ее со следующей дарственной надписью: «Александр Николаевичу Устинских с сердечной благодарностью за большую помощь».

Летом 1972 года свой очередной отпуск я провел в городе Печоре. Из этой поездки привез в Орел сведения о том, что его жители считают В.А. Русанова основателем своего города. Привез

и фотографии памятника, который печорцы установили орловцу в 1967 году. Фотографии памятника с моими текстами были опубликованы в газетах «Орловская правда», «Орловский комсомолец», «Брянский рабочий», в журнале «Земля и вселенная». Не могу не привести одну фразу из опубликованной 8 декабря 1972 года статьи «Горячее сердце полярника» «Орловским комсомольцем»: «Николай Иванович рассказывал, что еще до войны вынашивалась идея установления в Орле памятника Русанову. Помешала война. Теперь, видимо, настало время осуществить доброе намерение, а также решить вопрос об открытии музея в доме Русановых». А потом с Иваном Ивановичем Ереминым состоялась наша поездка в Министерство Морского флота СССР уже с практической целью – получения средств на реставрацию русановского дома.

Уже в начале семидесятых годов интерес к имени В.А. Русанова наблюдался в самых широких кругах. Да и сведений о нем теперь было много. Однако оставался большой пробел по последней его экспедиции, по тому периоду, когда «Геркулес» отправилась на восток.

Много интересного написал старейший полярник Алексей Васильевич Марышев, работавший в свое время на Диксонской гидробазе: «...осенью 1936 года гидрографическому судну «Торос», находящемуся в ведении Гидрографического управления Главсевморпути, уходящему из Архангельска на автономную зимовку в архипелаг Норденшельда в Карском море, было поручено произвести поиски на острове Попова-Чукчина. Капитаном «Тороса» был В.А. Родзиевский, начальником экспедиции Н.Н. Алексеев.

«Торос» подошел к острову Попова-Чукчина в конце навигации и не располагал временем на детальные поиски, к тому же, мне кажется, ни Радзиевским, ни Алексеевым, торопившимися к месту намеченной зимовки, не придавалось значения важности поисков в историческом смысле. Остров был прочесан цепью людей. Все находки, в том числе донесения Русанова, которые были найдены в смерзшемся состоянии, были упакованы в ящик и на л/п «Георгий Седов» отправлены в Ленинград.

Какие реликвии, кроме донесения Русанова, были тогда найдены, мне неизвестно. Все документы превратились в труху, и в Арктический музей в Ленинграде дошел лишь от донесения Ру-

санова его автограф. На этом единственном разе официальные поиски экспедиции Русанова окончились».

С горечью писал А.В. Марышев о людях, не сумевших сберечь русановские документы...

Гибель «Геркулеса» пока еще покрыта тайной. К сожалению, и некоторые находки последних лет, на наш взгляд, не имеют отношения к нашему выдающемуся земляку.

Вспомним стоянку неизвестного морехода в районе залива Ахматова на Северной Земле, обнаруженную в 1947 году. В последнее время в связи с «находками» на полуострове Таймыр и особенно на острове Песцовом появились публикации, полностью отрицающие этот факт. В них утверждается, что обнаруженные кости принадлежали не человеческому скелету, а нерпичьему или белого медведя. Об остатках кострища, консервных банках и других предметах в этих публикациях уже и не упоминалось.

В 1977 году мне довелось побывать в Арктике и частично пройти по следам В.А. Русанова. Целью поездки был Диксон.

Молодой, но уже опытный полярник В. Гамбургер свел меня с работниками Диксоновской гидробазы. Говорили о многом. Зашел разговор о находках 1947 года на Северной Земле. Сказал я о стоянке на Северной Земле, о том, что обнаруженные кости теперь принято считать принадлежащими нерпе или медведю.

– А консервные банки появились откуда? – спросили меня.

– Да, медведь может съесть нерпу и оставить кости, – сказал, усмехаясь, бывалый мореход. – Допустим, и нерпа может съесть медведя и тоже оставить кости. Даже можно допустить, что нерпа съела человека, кости оставила. Но чтобы нерпа открывала ножом консервные банки, такого в здравом рассудке представить пока невозможно.

Я пришел к выводу, что находка 1947 года еще требует изучения.

Верю, что мы еще станем свидетелями обнаружения новых реликвий на Северной Земле.

Поиск должен быть продолжен.

О ВЛХИ ИМ. БРЮСОВА*

Когда вхожу в ворота дома № 52 по улице Воровского и на встречу распахивается полукружие его флигелей, как объятие, теплая волна приливает к сердцу: «Слава Богу – дом цел!» И память наполняется гулом молодых голосов, сияньем глаз, беспечным смехом и вдруг... тишина. Под цветущими яблонями – Есенин, золотоволосый и грустный,

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая, дремотная Азия
Опочила на куполах...

...Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы; валялся на траве,
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний, несказанный свет...

Есенин уезжает. Лекция, нарушенная так неожиданно, так привольно, продолжается. Ректору Института – Валерию Брюсову – не приходит в голову сделать кому бы то ни было какое бы то ни было примечание за «нарушение дисциплины». И все полны радостью живого общения с живым поэтом.

Есенина я видела еще дважды: один раз в Политехническом музее, переполненном до отказа. Было такое впечатление, что зал перестал дышать, не решался перевести дыхания, такая стояла тишина, такое восторженное ожидание «явления поэта». И он вышел – все еще румяный, золотоволосый, негромко, но внятно произносящий любимые слова любимых стихов:

Милые березовые чащи,
Вы – холмы, и вы – равнин пески...
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть своей тоски.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5

И у всех на устах живущие, из сердца рвущиеся:

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

И совершенно магическое:

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук.
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

И – трагическое:

Я последний поэт деревни,
Скромн в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.

В те годы читатель стихов был какой-то неистово-жадный, но... разборчивый. Все настоящее запоминалось сразу, накрепко, навсегда, и вызывало какой-то буйный восторг. Вероятно, поэтому и вечер в Политехническом закончился «буйством», готовым задушить поэта в объятиях любви и признания.

В последний раз видела Есенина в гробу. Он лежал в Доме Печати с лицом каменно-белым, с тусклыми волосами...

Были синие глаза,
А теперь поблекли.
И вчерашнее солнце
На черных носилках несут...
(О. Мандельштам)

Но вернемся к Брюсовскому Институту.

Прошло шестидесятилетие с тех скорбных похорон, а все вижу перед собой дорогое мертвое лицо, а в себе слышу голос другого поэта.

Здесь читал свою «Гренаду» Светлов, сюда приезжал Маяковский; здесь Цявловский допытывался у студентов, как звали отца Татьяны Лариной и бывал ли Пушкин за границей, и как инструментован «Медный Всадник». Здесь Георгий Шенгели демонстрировал перед упоенными слушателями чудеса модулированного ямба. Здесь, поблескивая молниями пенсне, Эйхенгольц пировал вместе со слушателями на пирах французской литературы с чисто раблезианским размахом. Здесь читал немецкую литературу Григорий Рачинский – наш патриарх. Он казался нам ужасно старым – ему было тогда за пятьдесят. Наконец, сам Валерий Брюсов, как всегда застегнутый, подтянутый, в крахмальных белых-пребелых воротничках, по-врубелевски складывающий руки, читал то лекцию по средним векам, то латынь, то физику, то философию. Не помню, была ли у него какая-нибудь определенная дисциплина по курсу. Он был скорее дирижером, исполнявшим ту или иную партию для того, чтобы оркестрант знал – как надобно ее вести. Все это вместе создавало впечатление большой духовности, многозначительности. Недаром из этих стен вышли первоклассные переводчики (школа Ивана Кашкина-Калашникова, Волжина, Жаркова, Богословская и другие), крупные ученые-литературоведы – Сергей Макашин, Борис Пуришев, Леонид Тимофеев; поэты – Иван Пулькин, Георгий Оболдуев, Михаил Светлов; прозаики – Анна Кальма, Кирилл Андреев, Мария Поступальская – трудно всех припомнить и назвать. А сколько работников печати – редакторов, корректоров, глубоких знатоков книги!

Но в 24-м году случилось горе – от нас ушел наш любимый учитель, успев отправить в жизнь только один выпуск. После его смерти, как известно, Высший Литературно-Художественный имени Брюсова Институт перестал существовать, дав закончить курс только еще одному выпуску – 1925-го года. И все.

Нет, далеко не все! Те, кто еще остался в живых, полны благодарной памятью об этом своеобразном лицее и о его ректоре – что, увы, случится довольно скоро, – то все равно не быть в мертвых делу БРЮСОВА – крупнейшего педагога-общественника, Ученого, Поэта и Мыслителя советской земли.

1985, декабрь

РУСАНОВЫ*

Работая в Орловском областном архиве, на основании документов, литературных данных, я установила, что предки Владимира Александровича Русанова – революционера, ученого-геолога, исследователя Севера, родом происходят из Углича. Затем семья переехала в Орел. Его дед по отцу – Дмитрий Иванович родился в начале XIX века в Орле в купеческой семье. Семья Русановых в то время жила во второй части города (ныне Железнодорожный район), но где находился тогда их дом, пока неизвестно. В нем родились его дети, две дочери и два сына, и младший из них был Александр – будущий отец В.А. Русанова.

В 1848 году во время страшного пожара в Орле сгорел их дом. Через 3–4 года дед купил для себя на Средней Курской улице большой каменный, очень старинного стиля дом, в котором и жила семья. Этот дом сохранился и теперь значится по Второй Курской улице под номером 21.

Отец В.А. Русанова – Александр Дмитриевич был высокого роста, богатырского телосложения, красив собой, любил погулять, побывать в театре, в доме все его обожали, но особенно он был привязан к старшему брату – Сергею. Их привязанность была взаимной, братья любили друг друга. Женился Александр Дмитриевич примерно лет 42–45.

Из документов госархива (ф. 593, дело 604) узнаем: купцу А.Д. Русанову деревянный дом с местом и строениями достался от купца Ф.А. Залесского по купчей, совершенной 1871 года 8 апреля, утвержденной того же года. Покупка дома, конечно, была связана с женитьбой на Любове Дмитриевне Неуструевой, уроженке города Дмитровска Орловской губернии, будущей матери В.А. Русанова. Из материалов госархива (ф. 22, опись 26, дело 61) стало известно, что Городская управа дает купцу А.Д. Русанову во второй части города, в 138 квартале, по Второй Курской улице разрешение на постройку лавок в доме с приложением проекта лавок, указания места, где находится дом. Разрешение визировано «сентября 2 дня» 1874 года, а 3 (15) ноября 1873 года у него рожда-

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5

ется сын, названный Владимир. Книга-алфавит домовладельцев на 1877 год, составленная Городской управой, подтверждает, что А.Д. Русанов проживает в том же своем доме по Второй Курской улице. Осуществить постройку лавок Александру Дмитриевичу так и не удалось, он тяжело заболел и в 1879 году скончался. Смерть отца в душе чуткого мальчика оставила тяжелый след.

В этом доме на Второй Курской улице прошло детство Володи Русанова, отсюда он пошел учиться в гимназию, здесь, среди Курских улиц, на которых жило много рабочих и были их конспиративные квартиры, формировалась его личность как революционера.

Фонды государственного архива Орловской области рассказывают (фонд 22, опись 48, дело 96), что Городская управа в 1881 году дает разрешение на имя коммерции советника Дмитрия Сергеевича Русанова на постройку деревянного дома в семь окон и сарая между Второй и Третьей Курскими улицами в Мацновском переулке (теперь улица Русанова), а в 1888 году на этом же доме разрешается надстройка мезонина, но дом уже принадлежал купеческой вдове Любови Дмитриевне Русановой. Документально известно, что Л.Д. Русанова с сыном Владимиром в своем доме на Второй Курской жила и в 1888 году. На постройку мезонина ушло не менее полутора-двух лет, так что Русановы могли переехать жить в дом с мезонином, в котором сегодня открыт Дом-музей В.А. Русанова, не раньше 1889 или в 1890 годах, когда Володе было около 15 лет. Возникает вопрос – кто же строил дом, в котором жили Русановы, где теперь размещается музей? Это долго оставалось не выяснено. Но теперь документально подтверждено, что им был двоюродный дядя Владимира Александровича Русанова – Дмитрий Сергеевич Русанов. Он имел хорошее образование, обучался в Московском пансионе, много ездил по заграницам, принимал участие в постройке Орловской железной дороги и впоследствии стал, как пишет историк Г.М. Пясецкий в книге «Исторические очерки города Орла», директором Орловского Коммерческого банка, открытого в 1872 году. Дом на улице Русанова – законный их дом, отсюда Владимир Александрович пошел учиться в Орловскую духовную семинарию, которую окончил в 1897 году. В этом доме прошла его тревожная юность, где происходили частые обыски полиции. Здесь же помещалась

подпольная типография, печаталась нелегальная литература: листовки, прокламации. Из этого дома Владимир Александрович был сослан за революционную деятельность сроком на два года в Вологодскую губернию. В этом доме доживали его мать – Любовь Дмитриевна и ее второй муж Андрей Петрович Соколов. Они растили и воспитывали своего внука – Александра, сына Владимира Александровича, родившегося в Париже в 1905 году, матерью которого была Мария Петровна Булатова.

Прошло всего три года как открыт Дом-музей В.А. Русанова, но популярность его очень велика. С любовью о нем отзываются члены Всероссийского географического общества. Со всех концов страны в Орел едут люди поклониться Родине бесстрашного полярного исследователя. Орловцы гордятся своим замечательным земляком.

Л.Н. Афонин

«ХОЧЕТСЯ МНОГОЕ СДЕЛАТЬ...»
ПИСЬМА К И.А. КРАСНОНОСОВУ*¹

Орел. 16 января (1968 г.)

Многоуважаемый Игорь Александрович!

Благодаря любезности Александра Яковлевича² я прочитал Вашу Записку в ЦК КПСС.

Прежде всего не могу не поблагодарить Вас искренне за то, что Вы с несомненным знанием дела, с большой смелостью и партийной принципиальностью приняли и глубоко проанализировали одну из сложных проблем нашего общества, от правильного и своевременного решения которой зависит во многом близкое и недалекое страны, судьба нынешнего и грядущих поколений.

* Опубликовано: Орловский библиофил : альманах. Орёл, 1987. Вып. 5

¹ Подготовка к публикации, заключительная заметка и примечания И.А. Красноносова.

Игорь Александрович Красноносов, инженер, социолог, исследующий проблему алкоголизма в стране, близкий знакомый Л.Н. Афонина.

² А.Я. Красноносов (1890–1983) – мой отец. Ему прислал я а Орел «Записку» – «Предложения по свертыванию пьянства в стране», ранее направленную (25 марта 1966 г.) в Президиум XXIII съезда КПСС.

Пьянство стало огромным, поистине национальным бедствием в нашем государстве. Но, пожалуй, еще большая беда в том, что с этим злом по-настоящему, в общегосударственном масштабе не ведется борьба – борьба научно обоснованная, направляемая единым центром.

Получая определенные-временные-экономические выгоды от торговли водкой, государство наше с какой-то поистине недопустимой беспечностью отмахивается от необходимости строго, тщательно вдуматься в последствия, к которым может в конце концов привести повальное пьянство, объективно у нас поощряемое.

Теперь в нашей стране ни одного «веселия» не обходится без пьянок: «бутылка» стала своеобразным эквивалентом при оплате услуг, выражении «благодарности» и т.п. И никому это не представляется постыдным! Пьют совсем еще зеленая молодежь, пьют женщины... Мне кажется, что за последние месяцы пить стали больше (в Орле, по крайней мере) в связи с переходом на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными.

Вспоминаются в связи с этим слова А.М. Горького, сказанные по другому поводу, но в данном случае кое-что объясняющие: «Научив людей работать, их не учили жить, и потому день отдыха является для них самым трудным днем». А два дня – того труднее. Куда их деть? А не «сброситься» ли на бутылку?

Я понимаю, что поднятые Вами проблемы не решаются легко и просто, что на пути их решения могут возникнуть субъективные и объективные трудности. Но не думаю, чтобы сказанное Вами столь смело, обоснованно и горячо, прошло мимо внимания тех организаций и учреждений, коим народ наш, партия наша поручили глядеть далеко вперед.

Вы правы: главное, что нужно сделать сейчас, – не откладывая на долгие сроки – вернуться к ленинской политике борьбы с пьянством, вести эту борьбу последовательно, принципиально, всеми средствами государственного законодательства, науки, морали, партийной этики и т.д. Различны, разумеется, могут быть эти средства и способы. Но, главное, – бороться, не делать вида, что у нас все благополучно, не притворяться непонимающими.

Вот мысли и чувства, которые у меня вызвала Ваша благородная инициатива. Если Вам понадобятся какие-то ссылки на мнения по поводу Вашей Записки, можете располагать моей поддержкой³.

Всего доброго! С искренним уважением (п/п) Л.Н. Афонин.

P.S. Передайте мой поклон Александру Яковлевичу.

Сообщаю Вам всякие мои «титуты» – на случай, если они Вам могут «пособить»: член Союза писателей СССР, кандидат филологических наук, Заслуженный работник культуры РСФСР, член КПСС с 1943 г.

* * *

Дорогой Игорь Александрович!

Искренне признателен Вам за Ваш чудесный подарок – толстовскую «Исповедь»⁴ и замечательную фотографию Ильи Григорьевича⁵.

Встречу с Вами вспоминаю с большим удовольствием. Надеюсь снова и снова видеть Вас в нашем доме.

Жизнь наша орловская проходит в обычных трудах, грехах и тревогах. Вчера я возвратился из Москвы, где на очередном «Никитинском Субботнике»⁶ рассказывал о Леониде Андрееве.

Подвигается ли грандиозной общественной значимости дело, начатое Вами? В актив фактов, которыми Вы располагаете, мне хотелось бы внести еще один. В Орле за восемь месяцев этого

³ *Нстоящее письмо-отзыв Л.Н. Афонина вместе с другими отзывами как ученых-специалистов, так и общественных деятелей вошло в мою работу «Тропинка в трезвость». По просьбе Отдела пропаганды ЦК в марте 1969 отправлена она была в ЦК КПСС для рассмотрения совместно с другими поступившими предложениями и принятия решений (противоалкогольные документы 1972 г.).*

⁴ *Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений (Юбилейное издание). Т. 23, в котором напечатана «Исповедь», с. 1–59.*

⁵ *Илья Григорьевич Эренбург (после обстоятельной беседы у него на даче в Истринском районе Московской области летом 1966 года) любезно позволил себя сфотографировать. Один из снимков был послан Л.Н. Афонину, высоко ценившему И.Г. Эренбурга.*

⁶ *Московское литературное объединение «Никитинские субботники» создано Е.Ф. Никитиной в 1914 г. Одноименное издательство – в 1921 г. В 1962 г. на базе переданных в дар государству литературных материалов был создан филиал литературного музея.*

года (январь-август) продано спиртных напитков на каждую душу населения (начиная с 16-ти лет) на 132 рубля⁷. За восемь месяцев!

Будьте здоровы и благополучны, дорогой Игорь Александрович.

Еще и еще раз спасибо за память.

Всего доброго! Искренне Ваш (Л. Афонин).

* * *

Орел. 6 ноября (1971 г.)

Дорогой Игорь Александрович!

Только что получил Ваше письмо. Большое спасибо. Спешу ответить. Примите мои поздравления с Октябрьскими праздниками и самые добрые пожелания. Пусть устроятся скоро и крепко Ваши дела. Радости Вам и здоровья. Встречи с Вами вспоминаю с удовольствием. У Вас счастливая способность – «намагничивать» мыслями своих собеседников. Брошюрку мою Вы явно перехвалили⁸. Она делалась наспех. Однако, фраза, которая Вам не понравилась, имеет под собой почву, весьма основательную.

В том варианте, как это произошло, Андреевым не было принято, не было принято всё. Но для меня в Вашем замечании большая наука – написал казенно, формально, категорически. А надо как-то иначе. Спасибо Вам.

Живем мы по-прежнему – в обычных трудах и грехах. Хватает и того и другого... Признателен за приглашение. Как буду в Ленинграде, непременно воспользуюсь Вашим гостеприимством. А пока собираюсь в ноябре побывать в столице, чтобы поработать в архивах. Писать хочется, но все некогда, некогда в суете вседневной.

Все наше семейство шлет Вам праздничные поздравления и желает всяких благ.

Будьте здоровы! Искренне Ваш (Л. Афонин).

⁷ *Соответствующий средний показатель по стране составлял тогда 115 рублей (расчет по кн.: Народное хозяйство СССР в 1973 году. – М.: Статистика, 1974, с. 7, 33, 658).*

⁸ *Речь идет о книге: Афонин Л.Н. Орловская тема в творчестве Леонида Андреева. – Орел: Знание, 1971, подаренной мне при встрече 29 октября 1971 г.*

Орел. 10 января (1972 г.)

Дорогой Игорь Александрович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и от всей души желаю Вам доброго здоровья, успехов и радостей. Простите, что до сих пор не мог ответить на Ваше хорошее письмо. Было много дел всяких. Устал. Тяжело думать, что нет Твардовского.

Хочется просить скорбными словами короля Лира, обращенными к погибшей Корделии: «Зачем живут собака, лошадь, крыса, – в тебе ж дыханья нет?». Жесток кто-то в русской литературе.

В Вашем письме мне чрезвычайно по душе мысль о том, что в больших городах единение людей подменено скученностью. Мысль в духе Леонида Андреева... Вы спрашиваете о моей книжке⁹. Она почти не движется из-за моей занятости и замотанности всякими делами и хлопотами, которых не убывает, а прибавляется.

Закончил и послал в Воронеж статейку об андреевских местах в Орле, перестраиваю для сборника странички об «Исповеди» А. Аполлова¹⁰, ее отражении в андреевской «Жизни Василия Фивейского». Александр Аполлов – священник, последователь Льва Толстого, снявший с себя духовный сан и объяснивший это в потрясающе откровенном документе, который он назвал «Исповедью».

Андреев знал «Исповедь», когда писал «Василия Фивейского». Кстати, А. Аполлов – пропагандист трезвости, автор брошюры для народа на эту тему, изданной толстовским «Посредником»...

Радует меня, дорогой Игорь Александрович, что вы продолжаете сражаться против огромного, общенационального зла. Всегда рад буду поддержать, помочь Вам. Домашние наши здравствуют.

⁹ В 1972–1975 гг. Леонид Николаевич работал над завершением второго (дополненного) издания книги: Афонин Л.Н. Леонид Андреев. – Орел: Кн. Изд., 1959.

¹⁰ См. кн.: Андреевский сборник. Исследования и материалы. – Орел, 1975, с. 88–111. Аполлов А.И. (1864–1893) – ставропольский священник, высоко ценимый Л.Н. Толстым. (См. кн.: Аполлов Б.А. Письма Л.Н. Толстого к А.И. Аполлову. – Русское прошлое (Петроград), 1923, с. 740–743, а также в кн.: Указатель к полному собранию сочинений Л.Н. Толстого. – М.: Худож. Лит-ра, 1964, с. 131 «Аполлов Александр Иванович»).

Часто и хорошо вспоминают Вас. Все шлют Вам поклон и добрые пожелания.

Мой поклон Вашему семейству – супруге, Александру Яковлевичу и ребятам. Будьте здоровы!

Искренне Ваш (Л. Афонин).

P.S. В № 11 «Нового мира» есть хорошая статья Д. Гранина «Священный дар». Не читали? Очень рекомендую.

* * *

Орел. 4 февраля (1972 г.)

Дорогой Игорь Александрович!

Письмо Ваше получил давно. Спасибо за него сердечное. А вот Вам отвечаю только сегодня. В начале января свалил меня грипп. Было тяжело. Потом разыгралась гипертония. И вот только 1-го февраля я снова встал «за станок», но и сейчас чувствую себя не особенно хорошо. А предстоит тяжелое полугодие с большой учебной «нагрузкой», с Комиссией Министерства (30 чел.!) и прочими прелестями нашей яркой жизни¹¹.

Книжка почти не движется... «Исповедь» А. Аполлова никогда печаталась официально. Где рукопись, сохранилась ли она, – неизвестно. В центральном Архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в фондах В.Г. Черткова есть гектографированное издание «Исповеди». Это – объемистая тетрадка. У меня есть из этой тетрадки пространные выписки. Но мне сейчас трудно найти время, чтобы их для Вас переписать. Как только я улучу такую возможность, я это сделаю, но боюсь, что это будет не так уж скоро.

Позавчера видел «Андрея Рублева»¹². Ох, как неторжественна выглядит Русь! И какой запас света надо хранить в душе, чтобы написать «Троицу»!.. Услугами книжной лавки писателей я пользовался. Мне в прошлом году присылали оттуда сборники товарищества «Знание». И сейчас мой заказ в лавке есть...

А в Орле морозно и, к сожалению, бесснежно. Семейство наше пребывает в благополучии. Кроме меня хворала гриппом дочь –

¹¹ *Последние годы жизни Л.Н. Афонин заведовал кафедрой советской и зарубежной литературы Орловского педагогического института.*

¹² *Фильм кинорежиссера А.А. Тарковского, засл. деятеля искусств РСФСР (1969 г.).*

Надя. Остальные пока держатся. Анатолий Александрович¹³ и все наши домашние просят Вам кланяться. Мой привет Александру Яковлевичу и всему Вашему семейству.

Желаю Вам всего доброго. Искренне Ваш (Л. Афонин).

P.S. А. Аполлова можно назвать прототипом Вас. Фивейского весьма условно – только по настроению, по исканиям своим мучительным, по неверию, которое весьма похоже на веру, напоминает автор «Исповеди» андреевского священника.

* * *

10 января 73. Орел

Дорогой Игорь Александрович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом и желаю доброго здоровья, бодрости духа, успехов во всех Ваших делах и начинаниях. Простите, что не послал Вам поздравление своевременно, раньше – замотался в предновогодней суете. Но Вас всегда помню и очень пожалел, что не привелось мне видиться с Вами, когда Вы были в Орле.

Вспоминаю всегда, когда думаю о Вашем и других благородных людей начинании, которое, будучи пущено по официальному руслу пустозвонства и пустомельства, пока не принесло желаемых результатов¹⁴. После небольшого шума «все возвращается на круги своя».

Вчера читал, что во всем виноваты поэты, которые в стихах воспевают, как булькает водка. На мучительно-сильный вопрос пока не дано мучительно-сильного ответа.

Спасибо Вам, что в Ваших книжных поисках помните обо мне. Книга В. Бруснянина о Леониде Андрееве у меня есть. Может быть, Вам у букинистов попадутся сборники товарищества «Знание»? Из 40 сборников я собрал 36! Но нет у меня пока четырех книг – номера их следующие: 19, 38, 39, 40. Очень буду признате-

¹³ Ситников А.А. (18911986) – орловский адвокат, давний и близкий знакомый отца, тесть Л.Н. Афонина.

¹⁴ Очевидно, имеются в виду факты неудовлетворительного выполнения противоалкогольных решений 1972 года и недостаточность этих решений, что отмечено позже в решениях партии (1985 г.) и устраняется в наши дни (см. кн.: Трезвость – закон нашей жизни. – М.: Политиздат, 1985).

лен, если Вы раздобудете хотя бы одну книжку из перечисленных и пришлете мне наложенным платежом.

Жизнь наша орловская проходит в обычных трудах и грехах. Хочется многое сделать, но все как-то не успеваешь, не успеваешь... Не начинает ли жизнь отгонять, оттеснять на задворки? От этого сознания порою становится жутковато.

В семье нашей все здоровы, все трудятся, все Вам кланяются. Мой поклон Александру Яковлевичу и всем Вашим близким.

Искренне Ваш (Л. Афонин).

* * *

Орел. 20 февраля (1973 г.)

Дорогой Игорь Александрович!

Спасибо за Ваше письмо. Простите, что не ответил Вам сразу же – вечно пребываю в хлопотах, коим и конца не вижу. Мне так понятна Ваша неудовлетворенность. Не раз переживал я это чувство, да и теперь порою переживаю. Так хочется бросить все свои занятия и начать жизнь новую, заниматься делами новыми, более интересными, нужными, справедливыми и т.п.

Музейную работу я люблю. Иногда с грустью вспоминаю Тургеневский музей и Спасское, а порою и с душевным содроганием, когда приходит на память суетня, беготня, «мероприятия», хозяйственные заботы.

При мне в Тургеневском музее массового отдела не было. Но его задача: организация массовой работы – экскурсии (через Ясную Поляну в год проходит 250 тысяч экскурсантов), лекции, выставки. Научного, творческого, «для души» в этой деятельности чрезвычайно мало, а суеты чрезвычайно много.

Конечно, Вас привлекает Ясная Поляна¹⁵, но, право, туда хорошо приехать, побродить, подумать, постоять у великой могилы. Но каждый день участвовать в этой толчее, как в работе... Вы спрашиваете, вернулся бы я в Спасское? Нет. Почти десять лет проработав в музее, я ни разу не отдыхал в Спасском, ни разу не бродил по аллеям, потому что всегда мне там (и в аллеях) нахо-

¹⁵ Тогда мне была предложена работа в Ясной Поляне, и спросил я совета у Леонида Николаевича.

дилось «дело». А теперь я приезжаю в Спасское вольным человеком, а не каторжником...

Не подумайте только, дорогой Игорь Александрович, что я Вас отговариваю, становлюсь поперек Вашему возможному решению. Избави Бог! Зная музейную работу реально, я Вам и говорю реальные вещи. Николаю Павловичу Пузину¹⁶ – моему большому другу – я непременно напишу о Вас и буду рад, если Вы с ним познакомитесь...

Моя жизнь весьма наполнена занятиями в Институте, подготовкой Андреевского сборника. Дома у нас все хорошо. Передайте мой поклон Александру Яковлевичу...

После Вашего письма много думаю о Вас. От души желаю, чтобы исполнились все Ваши намерения. Всего доброго!

Искренне Ваш (Л. Афонин).

Не забывайте меня – пишите.

Он нужен сегодня и особенно завтра

Нет, не часто встречаются в нашей жизни люди-камертоны, по которым, порой даже безотчетно, невольно настраиваешь свою жизнь. Таким был Леонид Николаевич Афонин (1918–1975) – писатель, литературовед, педагог, ценитель и пропагандист книг, театральный критик, знаток и организатор музейного дела, певец родного Орловского края.

Публикуемые здесь письма, встречи и добрые душевные беседы (1968–1974 гг.) были немногочисленны. Но каждая встреча – праздник на всю оставшуюся жизнь.

Он был непомерно скромн. Безотказен в любой работе. Его обязательность – легендарна. Самоотдача людям – беспредельна. Орловский край и создатели его культуры – знаменитые земляки, как вышедшие славой на мировую арену, так и малозаметные, но талантливые, всегда были Леониду Николаевичу людьми близкими, интересными, как бы родными.

Жил он честно и глубоко духовно: все радости и беды страны, да и всего мира, были его радостями и бедами. Настоящий коммунист. Настоящий и вполне состоявшийся Человек.

Еще задолго до сегодняшних наших задумок и свершений, он

¹⁶ Пузин Н.П. – заслуженный работник культуры РСФСР, старший научный сотрудник музея-усадьбы «Ясная Поляна». Совет Н.П. Пузина совпал по существу с советом Л.Н. Афонина.

мечтал о трезвом и социально справедливом обществе. Повергал в прах мещанина-обывателя, безотдачного обществу, ненасытно-го потребителя, человека бездуховного и, главное, равнодушно-го¹⁷.

«А какими бедами порою оборачивается это мещанское равнодушие!» – восклицал Афонин и напоминал слова мужественного писателя-коммуниста Бруно Ясенского: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. НЕ бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство».

Множество светлых и мужественных мыслей Афонина щедро разбросаны в его произведениях – в более 440 книгах, брошюрах, статьях, рецензиях, радиобеседах¹⁸. Они – эти мысли – нужны всем нам особенно теперь – в эпоху фундаментальной перестройки жизни и ускорения нашего развития. Мысли эти провидчески направлены в наше время.

20 августа 1988 года Леониду Николаевичу Афонину исполнилось бы 70 лет. Неужто наш исконно писательский Орловский край не возведет ему достойного и в то же время полезного нам и детям нашим памятника? Таким памятником было бы издание его опубликованных и неопубликованных избранных работ и воспоминаний о нем «Встречи с Л. Афониним». И весь-то этот памятник займет, пожалуй, не более четырех десятков печатных листов. А сколько всем пользы! И сегодня, и более того – завтра!

г. Орел. 26.11.86.

¹⁷ Афонин Л. *Оглянись на себя: Суд над мещанством.* – Орловская правда, 1974, 31 марта.

¹⁸ Леонид Афонин. *Указатель литературы.* – Орел: Приок. кн. Изд-во, 1976.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ*

Алексеев Владимир Петрович – директор Брянского краеведческого музея

Афонин Леонид Николаевич – литературовед, писатель, краевед (г. Орел).

Беляева Надежда Евгеньевна – библиограф Орловской областной публичной библиотеки им. И.А. Бунина.

Благинина Елена Александровна – поэтесса (г. Москва).

Богданов Борис Викторович – заведующий музеем-заповедником Спасское-Лутовиново.

Богданович Мария Михайловна – аспирант Московского государственного университета печати (г. Москва).

Власов Владимир Алексеевич – литературовед, писатель, краевед (г. Орел).

Власова Ольга Павловна – краевед, автор книги: «Орловский городской сад» (г. Орел).

Воронков Анатолий Николаевич – строитель, собиратель книг (г. Орел).

Долгорукова Наталья Андреевна – заведующая отделом Государственного архива Орловской области.

Дронников Виктор Петрович – поэт (г. Орел).

Жукова Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Орловской областной публичной библиотеки им. И.А. Бунина (г. Орел).

Захаров Алексей Серафимович – библиофил, председатель клуба «Орловский библиофил» (г. Орел).

Иванова Лидия Валентиновна – сотрудник Государственного Литературного Музея Тургенева (г. Орел).

Ильинская-Звонарева В.И. – сотрудница Тургеневской библиотеки в 20-е годы XX века (г. Орел).

Катанов Василий Михайлович – писатель, поэт, краевед, библиофил (г. Орел).

Красноносков Игорь Александрович – инженер, социолог, собиратель книг (г. Орел).

* Сведения об авторах указаны на момент первой публикации статьи

Крылова Тамара Дмитриевна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры библиотековедения и библиографии Орловского государственного института искусств и культуры (г. Орел).

Лаврушин Владимир Евгеньевич – инженер, библиофил (г. Орел).

Ласунский Олег Григорьевич – кандидат филологических наук, литературовед, библиограф, библиофил, историк провинциальной культуры (г. Воронеж).

Максимова Любовь Егоровна – старший научный сотрудник музея И.С. Тургенева (г. Орел).

Меркушкин Кондрат Гаврилович – управляющий с 1903 по 1917 гг. именем З.С. Свербеевой «Сетуха».

Новикова Марина Викторовна – ведущий библиограф Орловской областной публичной библиотеки им. И.А. Бунина (г. Орел).

Петрицкий Вилли Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ленинградской лесотехнической академии имени С.М.Кирова, библиофил, председатель секции книги и графики Дома ученых (г. Ленинград).

Петряев Евгений Дмитриевич – кандидат медицинских наук, литературовед, краевед, библиофил, председатель клуба «Вятские книголюбцы» (г. Киров).

Саран Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета.

Сидоров Виталий Георгиевич – краевед, коллекционер, директор Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской (г. Орел).

Устинских Александр Николаевич – краевед, исследователь биографии В.А. Русанова (г. Орел).

Чернов Николай Михайлович – литературовед, писатель, краевед, библиофил (г. Москва).

Юрасовский Алексей Владимирович – профессор (г. Москва), правнук А.К. Юрасовского, члена Орловской ученой архивной комиссии, краеведа и литератора.

СОДЕРЖАНИЕ

«Орловский библиофил» Перешагнув 35-летний рубеж 3	3
КЛУБ «ОРЛОВСКИЙ БИБЛИОФИЛ» 6	6
Захаров А.С. Родная старина 6	6
Богданович М.М. Машинописный альманах «Орловский библиофил» К истории библиофильства на Орловщине 9	9
МИР БИБЛИОФИЛЬСТВА 31	31
Петрицкий В.А. Раздумья о библиофильстве 31	31
Захаров А.С. Библиофильство на Орловщине 37	37
Чернов Н.М. Воспоминания о библиофильстве вообще и об орловских библиофилах в частности 51	51
Захаров А.С. Библиофильские находки 57	57
БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ 71	71
Захаров А.С. Орловские библиофилы и книжники	
Вельяминов-Зернов В.В. 71	71
Барышников Н.П. 77	77
Студенников Ф.Я. 79	79
Чеботарев В.Ф. 81	81
Пухальский И.М. 85	85
Ветров Ф.И. 88	88
Богданов Б.В. Библиотека И.С. Тургенева 90	90
Захаров А.С. Друзья Л.Н. Афонина... .. 96	96
Катанов В.М. Заветная полка. 101	101
Виктор Дронников. Другу-книголюбу В.М. Катанову 107	107
Ласунский О.Г. Станкевич, Грановский, Бунин... .. 108	108
1. История одного альбома. 111	111
2. Книголюб У.Г. Иваск... .. 115	115
3. Миниатюрная кольцовиана 118	118
Воронков А.Н. Книга в моей жизни.. 121	121
Петряев Е.Д. Похвала книге... .. 126	126
Юрасовский А.В. Мой прадед... .. 130	130
Сидоров В.Г. Надписи на книгах... .. 131	131
Катанов В.М. Книжное собрание Каменских 134	134
Ласунский О.Г. Каталог-гербарий Н.С. Тарачкова 139	139
Власов В.А. Новосильский библиофил Василий Осипов и его библиотека.. 143	143
Саран А.Ю. Ученый-востоковед и книга.. 147	147
Крылова Т.Д. Епископ Дамаскин – просветитель и библиограф. Орловский период биографии.. 155	155

Саран А.Ю. Библиофил-узник Сергей Болотский... ..	160
Сидоров В.Г. Судьба одной книги.	168
Судьба редкой книги Пушкин А.С. История пугачевского бунта. В 2-х частях. – СПб., 1834	169
МИР БИБЛИОТЕК И ИЗДАТЕЛЬСТВ	173
Максимова Л.Е. Под крышей Тургеневского музея.	173
Ильинская-Звонарева В.И. Тургеневская библиотека-читальня в Орле в 1917–1926 годах.. ..	180
Долгорукова Н.А. Страницы «Красной книги»	183
Орловские газеты периода 1917–1918 гг.	185
Беляева Н.Е. История развития орловского книгоиздательского дела в 1917–41 гг... ..	188
Новикова М.В. Орловские материалы на страницах журнала «Нива»... ..	194
Справочные издания Орловской области. 1919–1940 годы ..	200
МИНУВШЕЕ ОРЛОВСКОГО КРАЯ.	206
Захаров А.С. Священник Иоанн Лукьянов и его путешественные записки	206
Лаврушин В.Е. Орловский край в записках В. Зуева	209
[В.П. Алексеев.] Строки минувшего Орел и Орловский край в 1813–1814 гг.	213
[Катанов В.М., Сидоров В.Г.] Минувшее Орловского края. Орел и Мценск в 1839 году (Из путевых писем И.И. Срезневского)	218
Великий князь К.К. Романов в Орле	222
Записи в дневнике 12–14 декабря 1914 года	225
Орловские письма (от нашего корреспондента)	227
[Иванова Л.В.] Страшный сон	229
Меркушкин К.Г. Воспоминания о Зинаиде Сергеевне Свербеевой (урожд. Трубецкой) и жизнь ее в селе Сетуха	242
[Саран А.Ю., Жукова Ю.В.] Библиофильская мозаика	274
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО	278
Власова О.П. В доме декабриста... ..	278
Устинских А.Н. Долгий поиск	280
Благинина Е.А. О ВЛХИ им. Брюсова.. ..	289
Власова О.П. Русановы	292
Афонин Л.Н. «Хочется многое сделать...» Письма к И.А. Краснонососу	294
Коротко об авторах.. ..	304

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ «ОРЛОВСКОГО БИБЛИОФИЛА»

Верстка и дизайн – А.Е. Плетнёв
Корректор – Е.В. Яворская
Научный редактор – В.Е. Лаврушин
Ответственный за выпуск – В.В. Ефремова
Составители: Л.И. Бородина, А.В. Воробьев, Ю.В. Жукова, М.В. Игнатова

Издательский Дом «ОРЛИК»
(Орловская литература и книгоиздательство)

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»:
г. Орел, ул. 3-я Курская, 20.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 48-12-05.
E-mail: orlik.av@yandex.ru | www.orlik-id.ru

Заказ № 41. Подписано в печать 25.10.2016 г. Тираж 1200 экз.

